

НОВЫЙ ЖЕЖ

2. 2002

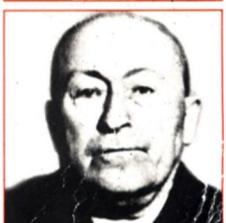
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

ЗДЕСЬ В 1942-1948 ГГ. РАБОТАЛ
ЕВРЕЙСКИЙ
АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ

12-УМ-1952 Г. ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА
ПАЛИ ЖЕРТВОЙ
СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА

Барельеф на доме, где работал ЕАК

50 лет спустя...

12 августа 2002

Россию часто называют страной невыученных уроков. Похоже, что и сегодня мы сидим на уроке истории и ждем перемены. Но история наказывает нерадивых учеников за беспамятство. Об этом говорили те, кто посвятил свою жизнь и деятельность сохранению исторической памяти и культуры еврейского народа.

Пресс-конференция в ИТАР-ТАСС

12 августа 2002 года – день 50-летия расстрела Еврейского антифашистского комитета, начался с пресс-конференции в ИТАР-ТАСС, где за одним столом собрались Генеральный директор Московского Международного Фестиваля искусств имени Соломона Михоэлса, н.а. России Михаил Глуз, Художественный руководитель и главный

Мемориал памяти жертв сталинского террора на Донском кладбище Москвы

режиссер Московского Международного Фестиваля, заслуженный деятель искусств России Ирина Горюнова, Председатель комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, Президент фонда «Демократия» Александр Яковлев, главный редактор журнала «Новый век» Иосиф Бегун, Президент фонда «Холокост» Алла Гербер, Генеральный директор еврейского агентства в России Кароль Унгар, Сопредседатель Российского научно-просветительного центра «Холокост» Илья Альтман, кинорежиссер Александр Зельдович.

Продолжение на предпоследней странице обложки

НОВЫЙ ХЕХ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2. 2002

1952—2002

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Посвящается памяти
Еврейского антифашистского комитета

К IV Московскому
Международному Фестивалю искусств
им. С. Михоэлса

МОСКВА — ИЕРУСАЛИМ

НОВЫЙ ВЕК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЕВРЕЙСКИЙ
ЖУРНАЛ

Главный редактор
Иосиф Бегун

**Отв. секретарь,
редактор**
Алла Юдина

Редакционная коллегия

Шломо Громан (Израиль)
Валентин Оскоцкий (Россия)
Семен Резник (США)
Вардван Варжапетян (Россия)
Михаил Хейфец (Израиль)
Ирина Горюнова (Россия)
Лев Утевский (Израиль)

Рисунки Алла Гордон
Дизайн и верстка Елена Апраксина
Корректурa Татьяна Воксман

ISBN 5-89738-007-4

Редакция
Тел.: (095) 210-40-19
E-mail: noviyvek@ru.ru
Веб-сайт: www.daat.ru

Номер издан
совместно с Международным
Культурным Центром
имени С. Михоэlsa

Дирекция Московского
Международного
Фестиваля искусств
им. С. Михоэlsa
и
редакция журнала
«НОВЫЙ ВЕК»

выражают глубокую благодарность

Андрею Леонидовичу Хазину
и
Игорю Захаровичу Нафталиеву
за помощь в издании номера

Подписку на международный
еврейский журнал «НОВЫЙ ВЕК»
можно оформить
в ЗАО «МК Периодика»
(Выход журнала — 4 раза в год)

Тел. 281-55-00

E-mail:

ivanova@periodicals.ru

Веб-сайт:

www.periodicals.ru

OCR Давид Титиевский, июль 2019 г., Хайфа

На первой странице обложки:

Портреты репрессированных членов ЕАК.

Мемориальная доска на здании в Москве, где в 1942-48 гг. работал комитет.

На последней странице обложки:

С. Михоэls. Рисунки Рубена Катяна, Сан-Франциско, август 1943.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

«12 АВГУСТА 1952 ГОДА» — символ еврейской трагедии эпохи сталинизма

Дело Еврейского антифашистского комитета	6
Сталин, Советская власть и евреи	
<i>Г. КОСТЫРЧЕНКО.</i> Русско-еврейский вопрос в советскую эпоху	13
«Черные годы» глазами соратников вождя и приближенных (1948-1953)	40
Несостоявшийся Холокост по-советски	
<i>В. ОСКОЦКИЙ.</i> Хроника исторической драмы советского еврейства	71
Депортация евреев — 1953. Миф или реальный план? (В дискуссии участвуют: Г. Костырченко, И. Альтман, Ж. Медведев, Я. Этингер, Ф. Лясс)	101
Обвиняется национальная культура	
<i>И. БЕГУН.</i> Еврейская культура в СССР. История геноцида	143
<i>Н. ЛИФШИЦ.</i> Мне запрещали петь на идиш	161
<i>М. КОТЛЯРОВА.</i> Последний год ГОСЕТа	166
Избавление	
<i>Л. РАПОПОРТ.</i> Пуримшпиль — 1953	173
<i>И. ЗИЛЬБЕР.</i> 5 марта 1953 г. в советском концлагере	185
Эпоха в анекдотах	191

ВСПОМНИМ ИХ ПОИМЕННО!..

О жертвах сталинских репрессий вспоминают писатели, близкие, друзья 197

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

<i>Б. КУШНИР.</i> Стихи разных лет	271
<i>В. ПОРУДОМИНСКИЙ.</i> Похороны бабушки	275
<i>Ц. ПРЕЙГЕРЗОН.</i> Иврит	284
<i>А. АЛЕКСИН.</i> Виссарион	291

ФЕСТИВАЛЬ С. МИХОЭЛСА Пять лет истории

<i>И. ГОРЮНОВА.</i> Свет блуждающей звезды	309
Деятели культуры — о Мастере	316

NEW CENTURY

RUSSIAN-JEWISH INTERNATIONAL MAGAZINE

Memorial Issue dedicated to the memory of The Jewish Antifascist Committee

CONTENTS

"THE 12TH OF AUGUST 1952" — the symbol of Jewish tragedy in USSR

The Jewish Antifascist Committee case6

Stalin, Soviet regime and Jews

G. KOSTYRCHENKO. Russian-Jewish question during the Soviet time.13
"The Black Years" in the history of Soviet Jews (1948-1953) from the point of
view of the fellow party members.40

Never happened Holocaust on its Soviet way

V. OSKOTSKY. The chronicle of historical drama of Soviet Jewry.71
Deportation of the Soviet Jews. A myth or a real plan?101

The national culture is on charge

Y. BEGUN. Jewish culture in USSR. History of genocide.143
N. LIFSHITZ (Lifshitzaitel). I was forbidden to sing in Yiddish.161
M. KOTLYAROVA. The last year of Mikhoels Theater.166

Deliverance

L. RAPOPORT. Purimshpil - 1953173
Rabbi Y. ZILBER. The 5th of March (March 5), 1953
in the Soviet concentration camp.185

The Epoque in anecdotes191

LET'S REMEMBER THEM BY NAME!..

Writers, relatives and friends recall the victims of the Stalin's repression.197

POETRY AND PROSE

B. KUSHNIR. Poems of various years271
V. PORUDOMINSKY. "The funeral of grandmother", short novel275
Z. PRAIGERZON. "Hebrew", story.284
A. ALEKSIN. "Vissarion", story291

THE MIKHOELS FESTIVAL Five years of history

I. GORYUNOVA. The light of the wandering star.309
The craftsmen of culture - about the Master.316

«12 АВГУСТА 1952 ГОДА» — СИМВОЛ ЕВРЕЙСКОЙ ТРАГЕДИИ ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА

В апогее культа личности

«Ему везде мерещился
враждебный сионизм...»
(соратники вождя
рассказывают)

«В жизни Михоэlsa
была трагедия народа,
и он не отвернулся от нее...»

Миф или реальный план?
Дискуссия о депортации
в марте 1953 г.

Был ли геноцид
еврейской культуры
в Советском Союзе?

Нехама Лившиц (Лившицайте):
«Мне запрещали петь на идиш»

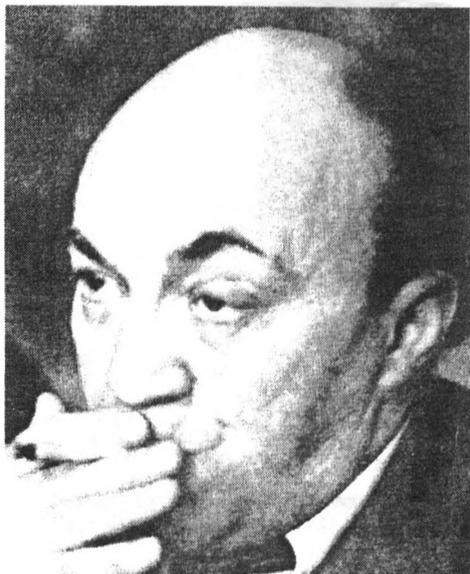
Еврейский антифашистский комитет

ДЕЛО ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА

В августе 2002 года исполнилось 50 лет со времени судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), который начался 8 мая 1952г. На скамье подсудимых оказалось 15 человек, среди которых было много выдающихся представителей общественности и деятелей еврейской культуры.

13 человек — Лозовский, Фефер, Маркиш, Квитко, Бергельсон, сотрудник Совформбюро И. Ватенберг и его жена Ч. Ватенберг, Э. Теумин, профсоюзный деятель Юзефович, Шимелиович, Гофштейн, Зускин — были приговорены 17 июля 1952 г. военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу. Лишь Лина Штерн по согласованию со Сталиным не была казнена. Дело одного из подсудимых, бывшего наркома госконтроля РСФСР Л. Брегмана в связи с болезнью подсудимого (он умер в начале 1953г. в тюрьме) было выделено в отдельное производство. Приговор был приведен в исполнение 12 августа 1952 года. Ни о самом судебном процессе, ни о судьбах подсудимых не было никакой информации в печати, их имена на многие годы перестали упоминаться в средствах массовой информации.

Еврейский антифашистский комитет был создан в годы Великой Отечественной войны в целях мобилизации крайне необходимой помощи из США и других западных стран в борьбе с фашизмом. Советское правительство рассчитывало также, что влияние, которым располагает американская еврейская община, будет способствовать более быстрому решению вопроса о высадке войск союзников в Европе для открытия второго фронта в войне с Германией. По первоначальным планам тогдашнего наркома НКВД Берии руководство антифашистским еврейским комитетом должно было быть поручено известным на Западе лидерам польского Бунда Г. Эрлиху и В.Альтеру, которые с 1939 года находились в советской тюрьме. Оба они были освобождены и приступили к разработке программы и планов деятельности будущего комитета. Но продол-

С. Михозл. 1946

жалось это недолго. Сталину не понравилось, что руководство комитета будет осуществляться людьми социалистической идеологии. Оба бывших еврейских лидера были вновь арестованы и вскоре погибли в заключении.

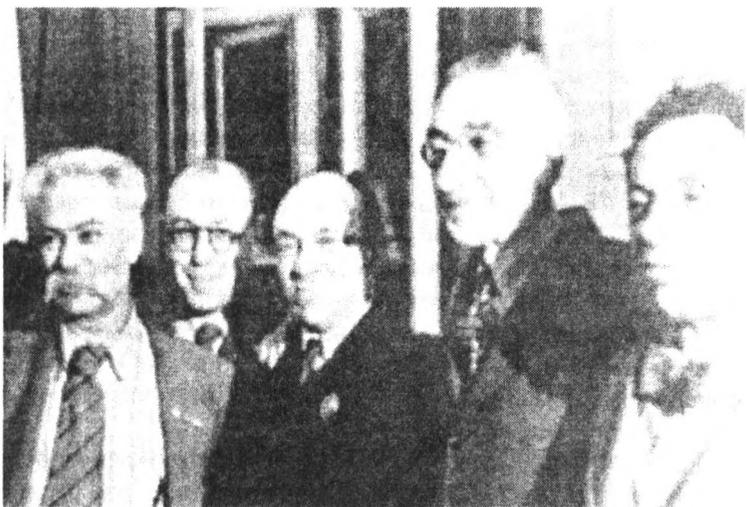
В феврале 1942 г. на пост председателя ЕАК был назначен выдающийся артист и общественный деятель Соломон Михоэлс. В президиум ЕАК вошли лучшие представители еврейской литературы на языке идиш: поэты и писатели Перец Маркиш, Ицик Фефер, Самуил Галкин, Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Лев Квитко; первая в СССР женщина-академик Лина Штерн, заведующий Боткинской больницей Борис Шимелиович, актер Вениамин Зускин. Непосредственно курировал деятельность ЕАК, как и других антифашистских комите-

тов, заместитель наркома иностранных дел и начальника Совинформбюро Соломон Лозовский. С самого начала ЕАК начал эффективно выполнять возложенные на него задачи. Триумфальной оказалась поездка Михоэлса и Фефера в США, Канаду и Мексику в 1943 г., во время которой были собраны десятки миллионов долларов для нужд Красной армии. Были установлены важные каналы информации для советской пропаганды в США, заложены хорошие основы для дружественных отношений между двумя народами. ЕАК стал также весьма популярен среди евреев в Советском Союзе, став фактически единственным общественным органом советского еврейства.

Но уже к концу войны и особенно после ее окончания над ЕАК начали сгущаться тучи. В немалой мере это стало следствием роста антисемитских настроений, особенно в районах, бывших во

Г. Эрлих и В. Альтер на параде в Варшаве, 1936

С. Михоэлс (в центре) с группой членов ЕАК

время войны под немецкой оккупацией. Антисемитизм был распространен и в высших кругах руководства, где все больше проявлял себя великодержавный шовинизм. Именно к этому времени относится усиление маниакальной подозрительности Сталина к людям своего окружения, на которых, как ему казалось, оказывали влияние еврейские «буржуазные националисты». На судьбе ЕАК не могли не сказаться общие негативные тенденции в послевоенной политике Советского Союза — поворот к антиамериканизму и холодной войне.

Руководство МГБ начало «разрабатывать» ЕАК. В вину еврейским общественным лидерам ставилось все: и внимание к судьбам обездоленных после трагедии Холокоста евреев, и его содействие в сборе материалов для публикации «Черной книги», и установленные во время войны связи с зарубежными евреями. Чудовищной провокацией МГБ было обвинение ЕАК в намерении отторгнуть «по заданиям американских сионистов» полуостров Крым от Советского Союза. Первой жертвой антисемитизма тирана пал Соломон Михоэлс, тайно, по-бандитски, убитый агентами МГБ по личному указанию Сталина в январе 1948 года, и это стало началом «дела ЕАК», завершившегося расстрелами 12 августа 1952 года.

Еврейский антифашистский комитет в СССР с глубоким прискорбием извещает о безвременной смерти виднейшего общественного деятеля, председателя Еврейского антифашистского комитета в СССР, лауреата Сталинской премии, народного артиста СССР, профессора Соломона Михайловича Михоэлса и выражает соболезнование семье покойного

Не будет преувеличением сказать, что дело ЕАК явилось кульминацией антиеврейских гонений советской власти. Пытаясь осмыслить эту трагедию полувековой давности, невольно приходишь к мысли о том, что и в этом «деле» прослеживается определенная логика, присущая многовековой истории еврейского народа. В библейской истории о «египетском плене», которую в еврейских семьях ежегодно вспоминают за пасхальным столом, содержится важный урок: пока евреи были полезны египтянам, им давали спокойно жить, но по истечении времени, когда египтяне перестали нуждаться в евреях, их начали притеснять. Закончилось это, как известно, знаменитым Исходом из Египта. И ЕАК было позволено существовать только до тех пор, пока он приносил советским правителям немалую пользу. Когда же нужда в его деятельности прошла, он был безжалостно ликвидирован...

Разгром ЕАК, убийство выдающихся деятелей еврейской культуры стоит в одном ряду с другими преступлениями против человечности, осуществившихся в Советском Союзе в эпоху тоталитаризма.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК*

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

В составе:

Председательствующего — генерал-лейтенанта юстиции *Челцова*

Членов — генерал-майора юстиции *Дмитриева* и генерал-майора юстиции *Зарянова*

при секретаре — старшем лейтенанте *Афанасьеве М.*

в закрытом судебном заседании, в г. Москве 11-18 июля 1952 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. *Лозовского Соломона Абрамовича*, 1878 года рождения, еврея, исключенного в 1949 году из ВКП(б), бывш. начальника Совинформбюро;

2. *Фефера Исаака Соломоновича*, 1900 года рождения, еврея члена ВКП(б) с 1919 года, еврейского поэта, бывш. секретаря Еврейского антифашистского комитета;

3. *Юзефовича Иосифа Сигизмундовича*, 1890 года рождения, еврея члена ВКП(б) с 1917 года, бывш. научного сотрудника Института истории Академии наук СССР;

4. *Шимелиовича Бориса Абрамовича*, 1892 года рождения, еврея, гражданина СССР, члена ВКП(б) с 1920 года, бывш. главного врача Центральной клинической больницы им. Боткина;

5. *Квитко Лейба Моисеевича*, 1890 года рождения, еврея, гражданина СССР, члена ВКП(б) с 1941 года, поэта, члена Союза советских писателей СССР;

6. *Маркиша Переца Давидовича*, 1895 года рождения, еврея, гражданина СССР, члена ВКП(б) с 1939 года, поэта;

7. *Бергельсона Давида Рафаиловича*, 1882 года рождения, еврея, беспартийного, поэта;

8. *Гофштейна Давида Наумовича*, 1889 года рождения, еврея, члена ВКП(б) с 1940 года, поэта;

9. *Зускина Вениамина Львовича*, 1899 года рождения, еврея, беспартийного, артиста, художественного руководителя Государственного еврейского театра;

10. *Штерн Лины Соломоновны*, 1878 года рождения, еврейки, гражданки СССР, члена ВКП(б) с 1938 года, бывш. директора Института физиологии Академии медицинских наук СССР; зав. кафедрой физиологии 2 Московского медицинского института, действ. члена Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР;

11. *Тальми Ясона Яковлевича*, 1893 года рождения, еврея, беспартийного (бывш. член компартии Америки), с незаконченным высшим образованием, до ареста журналист-переводчик Совинформбюро;

12. *Ватенберга Ильи Семеновича*, 1887 года рождения, еврея, до ареста старший контрольный редактор Государственного издательства литературы на иностранных языках;

13. *Теумин Эмилии Исааковны*, 1905 года рождения, еврейки, гражданки СССР, члена ВКП(б) с 1927 года, перед арестом заместитель редакто-

* Из книги В. Наумова «Неправедный суд» (в сокращении)

ра дипломатического словаря, бывш. редактор Международного отдела Совинформбюро;

14. *Ватенберг-Островской Чайки Семеновны*, 1901 года рождения, еврейки, перед арестом — переводчицы Госиздата иностранной литературы, бывш. переводчицы Еврейского антифашистского комитета

— всех в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1а, 58-10 ч. П и 58-П УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Лозовский воспользовался организацией ЕАК для объединения еврейских националистов на борьбу против национальной политики партии и Советского государства.

С этой целью, будучи непосредственным руководителем ЕАК, Лозовский привлек к работе в качестве председателя ЕАК Михоэлса и ответственного секретаря ЕАК Эпштейна (умерли) как ярых еврейских националистов, которые с ведома и согласия Лозовского для обеспечения проведения антисоветской националистической деятельности привлекли в свою очередь на руководящую работу в ЕАК в качестве членов Президиума видных еврейских националистов: еврейского поэта Фефера — бывшего бундовца, в прошлом неоднократно выступавшего в своих произведениях как националист; еврейских поэтов Квитко и Маркиша и еврейского писателя Бергельсона, которые враждебно встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и бежали в 1920-1921 гг. за границу, где в своих произведениях клеветали на советскую действительность и на национальную политику ВКП(б) и Советского правительства, а после возвращения в СССР вновь выступали с националистическими взглядами в своих произведениях; Штерн — вышедшую из классово-чуждой среды, прибывшую из-за границы в 1925 году в СССР; Шимелиовича — бывшего бундовца; Юзефовича — в прошлом в 1917-1919 гг. являвшегося одним из лидеров РСДРП (интернационалистов) и Зускина.

Кроме того, с ведома и согласия Лозовского в качестве членов ЕАК были также привлечены: еврейский поэт Гофштейн — сионист, проживавший в 1925-1927 гг. за границей и выступавший в Палестине в реакционной еврейской печати с националистическими произведениями; Тальми — в 1917-20 гг. активно участвовавший в работе еврейских националистических организации на Украине, а в 1921 году бежавший в США, принявший американское подданство и продолжавший проводить там националистическую деятельность; Ватенберг — в прошлом с 1905 года по 1924 год являвшийся одним из лидеров еврейской националистической партии «Поалей-Цион» вначале в Австрии, а затем в США.

Такой состав обеспечивал Лозовскому и его единомышленникам проведение под флагом ЕАК враждебной националистической деятельности не только среди евреев СССР, но и создал условия для установления преступной связи с еврейскими националистическими кругами США и других стран, поскольку большинство из руководящего состава ЕАК были известны за границей как еврейские националисты.

В мае 1943 года Лозовский под предлогом усиления пропаганды достижений СССР и пропаганды борьбы с фашизмом добился разрешения на поездку Михоэлса и Фефера в США, поручив им установить личный контакт с еврейскими националистическими кругами Америки в борьбе против Советского государства.

Перед отъездом в Америку Михоэлс и Фефер по указанию Лозовского собрали ряд материалов о промышленности СССР, которые передали американцам.

Находясь в США, Михоэлс и Фефер установили связь с представителями еврейских националистов — миллионером Розенбергом, Будишем, с лидером сионистов Вейцманом и другими, которым сообщили ряд клеветнических сведений о положении евреев в СССР.

В беседах с этими националистами Михоэлс и Фефер договорились о мероприятиях по усилению националистической деятельности в СССР, причем Розенберг потребовал от Михоэлса и Фефера взамен оказания материальной помощи добиться у Советского правительства заселения евреями Крыма и создания там Еврейской республики, в чем, как заявил Розенберг, американские евреи заинтересованы не только как евреи, но и как американцы.

Выполняя задание Розенберга, Михоэлс, Фефер, Эпштейн и Шимелиович с ведома и согласия своих сообщников, составили письмо в адрес Советского правительства, в котором поставили вопрос о заселении Крыма евреями и создании там Еврейской республики.

В письме Лозовский и его сообщники клеветали на национальную политику ВКП(б) и Советского правительства, утверждая, что будто бы в СССР процветает антисемитизм, что еврейское население в СССР «не устроено», а «еврейский вопрос» не разрешен и что в строительстве Еврейской республики окажут материальную помощь еврейские народные массы «всех стран мира».

Руководители ЕАК в своих публичных устных выступлениях, в статьях газеты «Эйникайт» и других литературных произведениях пропагандировали национальную ограниченность и обособленность евреев, лживый тезис об исключительности еврейского народа как народа, проявившего якобы исключительный героизм в борьбе с фашизмом и имеющий якобы исключительные заслуги в труде и науке.

Идеализируя далекое прошлое, они воспевали в националистическом духе библейские образы, пропагандировали идею внеклассового «братского» единения евреев всего мира только по признаку «одной крови», тем самым смыкались с буржуазными националистами США, Палестины и других государств.

Своей пропагандой руководители ЕАК возбуждали среди еврейского населения националистические и сионистские настроения и распространяли клеветнические слухи о якобы процветающем в СССР антисемитизме.

Ярким примером смыкания руководителей ЕАК в националистической деятельности с еврейскими националистами США является издание в 1946 году так называемой «Черной книги», осуществленное ЕАК с согласия Лозовского совместно с еврейскими националистами США и Палестины.

В этой книге евреи обособляются в отдельную, противопоставляемую другим народам категорию, преувеличивается вклад евреев в мировую цивилизацию, концентрируется внимание исключительно на жертвах, понесенных евреями во второй мировой войне, и протаскивается мысль, что фашизм представлял угрозу якобы только для евреев, а не для всех народов и мировой цивилизации.

В результате антисоветской работы, проводившейся Лозовским, Фефером и их сообщниками, в ЕАК стали обращаться националистические элементы из числа евреев с просьбами об отправке их в Палестину, организации добровольческих воинских частей для участия на стороне государства Израиль, стало поступать большое количество клеветнических жалоб о якобы существующих на местах притеснениях евреев. На основании этих жалоб руководители ЕАК, Фефер и другие направляли в различные правительственные организации письма с требованием принять меры к защите евреев.

Расширив самовольно функции ЕАК, руководители его занимались устройством евреев-переселенцев, направляемых в Биробиджан, устройством евреев, возвращавшихся из эвакуации, трудоустройством евреев в бывших оккупированных районах Украины и Крыма.

Все эти преступные антисоветские действия руководителей ЕАК свидетельствуют о том, что ЕАК превратился в шпионский и националистический центр.

На основании вышеизложенного Военная Коллегия Верховного Суда СССР признает виновными Лозовского, Фефера, Бергельсона, Юзефовича, Шимелиовича, Маркиша, Зускина, Квитко, Штерн, Гофштейна, Теумин, Ватенберг И., Тальми и Ватенберг-Островскую в совершении преступлений, предусмотренных в ст.ст. 58-1а, 58-10 ч. II и 58-П УК РСФСР. Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда СССР —

ПРИГОВОРИЛА:

*Лозовского Соломона Абрамовича,
Фефера Исаака Соломоновича,
Бергельсона Давида Рафаиловича,
Юзефовича Иосифа Сигизмундовича,
Шимелиовича Бориса Абрамовича,
Маркиша Переца Давидовича,
Зускина Вениамина Львовича,
Квитко Лейба Моисеевича,
Гофштейна Давида Наумовича,
Теумин Эмилию Исааковну,
Ватенберга Илью Семеновича,
Тальми Леона Яковлевича и
Ватенберг-Островскую Чайку Семеновну*

по совокупности совершенных ими преступлений на основании ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией у них всего имущества.

Штерн Лину Соломоновну по совокупности совершенных преступлений на основании ст. 58-1 п. «а» УК РСФСР и ст. 51 УК РСФСР лишить свободы в ИТЛ сроком на три года и шесть месяцев, с поражением прав на три года, без конфискации имущества и после отбытия этого срока лишения свободы на основании ст. 35 УК РСФСР осужденную Штерн выслать в отдаленную местность сроком на пять лет...

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

*Судебный секретарь Военной Коллегии
Старший лейтенант — подпись — Афанасьев*

Проверка материалов процесса и суда по «делу ЕАК» в ноябре 1955 года установила, что оно было сфальсифицировано «бывшими работниками МГБ СССР, врагами народа...». Та же судебная инстанция — Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговоры в отношении всех осужденных за «отсутствием состава преступления». Однако информация о процессе оставалась закрытой еще много лет, впервые материалы судебного процесса над членами ЕАК были опубликованы только в 1994 году.

СТАЛИН, СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕВРЕИ

Геннадий КОСТЫРЧЕНКО
Доктор ист. наук

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Замечено, что, подобно тому, как приход зимы или, скажем, лета порой не вписывается в установленные природой календарные сроки, так и историческое течение времени иногда не совпадает с физическим. Так, исходя из социальной хронологии, начало нынешнего, XXI века следовало бы исчислять не как обычно — с 1 января, а с 11 сентября 2001 года, с момента трагического и вместе с тем эпохального события, произошедшего в тот осенний день в Нью-Йорке. Ориентируясь, таким образом, в прошлом по судьбоносным историческим вехам, нельзя не заметить, что «презентация», скажем, XIX столетия состоялась значительно раньше нормативного 1801 г. В историческую память человечества оно вошло за двенадцать лет до этого вместе с «Марсельезой» Великой французской революции. XX же век, наоборот, припозднился с приходом. Если иметь в виду человеческое измерение времени, то о его начале возвестил грохот «индустриальных» битв Первой мировой войны. Обращаясь памятью к российским событиям, происходившим на фоне данного глобального рукотворного катаклизма, нельзя не почувствовать особого символического смысла в том, что в 1915 г. было выражено Д.С. Мережковским в парадоксальной на первый взгляд формуле: «Вопрос еврейский есть русский вопрос». Справедливость этого умозаключения особенно стала очевидной, когда спустя два года в России началась эпоха масштабного социального эксперимента.

На первых порах, в ходе Февральской революции казалось, что вместе с одряхлевшей феодальной монархией навсегда уходят в прошлое и все связанные с ней несправедливые социально-политические установления, в том числе и в сфере национальных отношений. 22 марта Временное правительство выпустило декрет, отменявший «ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальностью...» Были аннулированы и 140 действовавших до этого

«особых о евреях правил», в том числе такое одиозное, как процентная норма при приеме в учебные заведения и такое архаичное, как черта еврейской оседлости. Большевики, спустя несколько месяцев воцарившиеся в бывшей империи, пошли еще дальше. В принятой 2(15) ноября 1917 г. «Декларации прав народов России» они поспешили объявить о себе как о борцах с великодержавным шовинизмом, выступающих за «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп...» Поскольку в те дни антисемитские лозунги и агитация широко распространились как форма контрреволюционной борьбы с новой властью, та сразу же назвала гонителей еврейства своими врагами. Впоследствии, когда на просторах России запылала гражданская война и бедствия евреев, особенно в местечках на юге страны, достигли катастрофического уровня, советская власть объявила, что готова защитить своих естественных союзников в борьбе с контрреволюцией. Более того, она постаралась в полной мере использовать в своих целях так долго сдерживавшийся царизмом потенциал самоутверждения и самовыражения еврейства, заключавший в себе одновременно огромную и созидательную, и разрушительную энергию. Наиболее горячий отклик идеи большевизма нашли в сердцах беднейшей части еврейства из местечек и городов в пределах бывшей черты оседлости, пережившей в годы Первой мировой и гражданской войн настоящую трагедию. Получилось так, что вызванные войной голод и разруха заставляли обычных горожан бежать в деревню, тогда как обитатели разоренных местечек, гонимые страхом насильственной смерти, наоборот, устремились в близлежащие, а также в прежде недоступные для них города Центральной России, восполняя тем самым образовавшийся там дефицит населения.

Хотя в связи с разрухой и хаосом получить какую-либо работу в больших городах было чрезвычайно трудно, приезжие евреи нашли выход из положения: «социально чуждые» большевикам занялись в основном мелкой торговлей и частным бизнесом, а «классово близкие» «трудящиеся евреи» и «перековавшаяся» интеллигенция легко устраивались в аппаратные структуры новой власти, бойкотируемой тогда старым чиновничеством. Резкое усиление еврейского фактора в общественно-политической жизни страны не могло не вызвать ответной реакции со стороны довольно широких слоев населения.

На Западе же особую тревогу вызвало то обстоятельство, что руками «еврейских мальчишек» (выражение А.М. Горького), представлявших собой, по мнению экономиста — эмигранта Б.Д. Бруцкуса «незрелые и нередко преступные элементы населения», советская власть бесцеремонно расправлялась с русской культурой, национальными святынями и традициями. Там обоснованно опасались, что подобные действия этих функционеров нового типа, решительно порвавших с еврейством ради химеры пролетарского интернационализма, могут навлечь новые беды на многострадальный народ, из которого они вышли. К. Каутский, квалифицировавший власть большевиков как «диктатуру парвеню», отмечал в июле 1923 года: «...Успех единичных евреев, занимающих важные правительственные посты в России, еврейскому народу не принес и не принесет как нации ничего хорошего. Как необычайное явление это бросается в глаза и заставляет несознательные массы смешивать большевиков с евреями. Дошло до того, что широкие массы начинают усматривать в большевистском господстве еврейское господство»¹.

Проводником большевистского влияния на еврейскую бедноту стал Комиссариат по еврейским национальным делам (Еврейский комиссариат, Евком),

образованный 19 января (1 февраля) 1918 г. в составе Наркомнаца специальным декретом, подписанным Лениным. Руководителем (комиссаром) этого национально-бюрократического образования назначили старого большевика С.М. Диманштейна. Весной 1918 г. было принято решение о создании территориальных единиц центрального Еврейского комиссариата в составе губернских советов. В качестве таких органов сначала стали формироваться местные евкомы, а с лета — так называемые еврейские секции — общественно-политические структуры, агитировавшие за советскую власть на родном языке и объединявшие представителей как коммунистов и левых сионистов, полейционистов, так и «сочувствующего» беспартийного актива.

С помощью еврейских секций и контролируемых ими национальных организаций велась, во-первых, пропагандистская борьба с находившимися в подполье правыми сионистами и, во-вторых, власти использовали их в так называемом социалистическом решении еврейского вопроса. Главную цель и одновременно основное средство выполнения этой задачи большевики, действовавшие в жестких рамках коммунистической идеологии, видели в приобщении еврейства к производительному, в первую очередь физическому труду, способному исцелить от поразившего его в прошлом социального недуга буржуазности (массовое вовлечение в финансово-торговую сферу, мелкий бизнес и т.п.). Идеалом такого труда для руководства коммунистической партии и евсекций было участие в крупном промышленном производстве, то есть осуществление так называемой пролетаризации массы еврейского мелкого мещанства, состоящей из торговцев, ремесленников, кустарей, бывших служащих. Но из-за того, что крупная индустрия, и так недостаточно развитая в России, оказалась в результате Гражданской войны почти полностью парализованной, единственно реальным способом «трудового перевоспитания» евреев стала их аграризация, благо в России было достаточно пустующих земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. Да и начиная с первой половины XIX века был уже наработан кое-какой опыт сельскохозяйственной колонизации евреями земель Новороссии. К тому же на Западе в лице «Джойнта» объявился богатый спонсор, обещавший в октябре 1922 года, что вместе с другими еврейскими благотворительными организациями выделит на это 1 млн. 240 тыс. долларов. Тогда и возник проект выделения под еврейскую колонизацию малонаселенных территорий на юге Украины и в Северном Крыму. Авторство этой идеи приписывается директору русского отдела «Джойнта», известному агроному и общественному деятелю, уроженцу Москвы Ж. Розену. Но официально инициировали рассмотрение этого проекта в советских верхах журналист А.Г. Брагин и заместитель наркома по делам национальностей Г.И. Бройдо, в результате обращения которых в политбюро в декабре 1923 года была образована специальная комиссия под председательством заместителя председателя СНК СССР А.Д. Цюрупы. Уже 8 февраля 1924 г. эта комиссия предложила создать государственный Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ).

20 февраля Еврейское телеграфное агентство в Нью-Йорке сообщило, что такие видные советские политики, как Троцкий, Каменев и Бухарин, расценили крымский проект положительно. Той же позиции придерживались нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, председатель ЦИК СССР М.И. Калинин и председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский. Очевидно, и Сталин поддерживал на первых порах крымский вариант еврейской колонизации. Но самым горячим сторонником и пропагандистом этой идеи стал Ю. Ларин. Види-

мо, ему и принадлежала идея еврейской автономии в Северном Причерноморье, которая должна была логически увенчать социалистическое решение еврейского вопроса на одной шестой части земной суши.

Однако в советском руководстве существовала сильная оппозиция этому намерению. Решительно выступил как против создания КомЗЕТа, так и еврейской крымской автономии, нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов. Его поддерживали некоторые украинские руководители, прежде всего нарком юстиции УССР Н.А. Скрыпник и секретарь ЦК КП(б)У Э.И. Квининг. Еще более негативным было отношение к еврейскому переселению руководства татарской автономии в Крыму.

Однако Ларин и его единомышленники, заручившись поддержкой в верхах, действовали решительно и оперативно. Не дожидаясь выхода законодательного акта о создании КомЗЕТа, они уже 2 июня провели заседание этого органа и постановили: «В качестве районов поселения еврейских трудящихся наметить в первую очередь свободные площади, находящиеся в районе существующих еврейских колоний на юге Украины, а также Северный Крым»². Для поддержки этой инициативы уже 21 июля специально для ведения дел, связанных с еврейским землеустройством в России, исполком «Джойнта» сформировал Американскую еврейскую агрономическую корпорацию «Агро-Джойнт». Назначенный ее руководителем д-р Розен начал переговоры о заключении соответствующего договора с председателем КомЗЕТа П.Г. Смидовичем и Ю. Лариным, ставшим в 1925 г. первым председателем вновь созданного массового пропагандистского Общества по землеустройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ).

Очень скоро крымский проект из преимущественно экономического стал перерастать в политический. Особенно наглядно эта тенденция проявилась после того, как 11 февраля 1926 г. была создана комиссия под председательством Калинина, по представлению которой политбюро приняло 18 марта постановление, ключевое положение которого гласило: «1. Держать курс на возможность организации автономной еврейской единицы при благоприятных результатах переселения». Присутствуя на проходившем в ноябре съезде ОЗЕТа, Калинин приветствовал идею автономии в рамках «большой задачи» сохранения еврейской национальности, для решения которой, по его словам, необходимо было «превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское, земледельческое, компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч»³. Заявление советского «всесоюзного старосты» в западной прессе окрестили по аналогии с декларацией Бальфура* «декларацией Калинина».

Однако события, происходившие в Советском Союзе в конце 1920-х гг. — резкое свертывание НЭПа, переход к директивной и централизованной экономической модели развития, насильственная коллективизация сельского хозяйства, перерождение диктатуры партии в диктатуру вождя, происходившее на фоне разгрома партийной оппозиции, закручивания идеологических гаек и ужесточения террора политической полиции — отнюдь не сулили благоприятную перспективу крымскому эксперименту. Не способствовало успешному развитию проекта и то, что в связи с великой депрессией, поразившей в 1929 г. мировую экономику, объемы его финансирования со стороны «Агро-Джойнта» были урезаны. И это при том, что ранее даже при существенных инвестициях и трудовых затратах доходность и производительность еврейских земледельческих

* 2 ноября 1917 г. министр иностранных дел Великобритании лорд А.Д. Бальфур опубликовал послание банкиру Л.У. Ротшильду, в котором декларировалось благоприятное отношение правительства Его Величества к созданию в Палестине «национального очага еврейского народа».

хозяйств в условиях Северного Крыма (с его засушливым климатом, малоплодородными солончаковыми почвами) были чрезвычайно низкими.

Существовал и еще один, возможно, наиболее важный, фактор, препятствовавший созданию еврейской автономии в Северном Причерноморье. На юге Украины, где, как и в Крыму, проводилось землеустройство евреев, насчитывалось до 5 млн. безземельных крестьян из числа коренного населения. На их глазах еврейские колонисты получали бесплатно земельные угодья, заграничную сельскохозяйственную технику, семена и породистый скот, тогда как им власти предлагали искать лучшую долю на обширных пространствах за Уралом. Отсюда — обостренная антисемитская реакция, которая усугубляла и без того критическую общую ситуацию с массовой юдофобией, сложившуюся в стране во второй половине 1920-х гг. Тому же способствовали и низкий в целом уровень жизни населения, и массовая бытовая неустроенность. Но еще более серьезными последствиями обернулся начавшийся слом частнопредпринимательского сектора в экономике. Бруцкус тогда отмечал, что «борьба советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения». В тот период, в отличие от дореволюционного времени, когда в рабочей среде антисемитизма почти не наблюдалось, эта разновидность национальной ненависти проникла на очень многие заводы и фабрики. Именно тогда в рабочей среде закрепилось суждение о том, что евреи «хлеб отнимают»⁴.

Пришедшиеся на 1927 г. решающие схватки Сталина и его единомышленников с партийной оппозицией тоже не обошлись без антиеврейских проявлений. Повторяя потом многократно, что «антисемитизм поднимал голову одновременно с антитроцкизмом», Троцкий отмечал случаи в Москве, когда на заводах рабочие чуть ли не открыто заявляли, имея в виду оппозиционеров: «Бунтуют жида»⁵. За всем этим, по его мнению, стоял Сталин, настраивавший таким образом трудящихся против оппозиции. Ловким интриганом, тайно прибегающим ради достижения своих политических целей к антисемитской провокации, предстает Сталин и в документе, вышедшем из-под пера коммуниста-политэмигранта А.В. Гроссмана. 13 октября 1927 г. он направил в столичный Замошворецкий райком партии заявление, в котором обвинил лидера «контрреволюционной децистской организации» Т.В. Сапронова в том, что на одном из собраний оппозиционеров тот поделился следующим воспоминанием: «Однажды говорил я со Сталиным, и вдруг он мне говорит со свойственным ему грузинским акцентом: «Большой антисемитизм!» Я (Сапронов, — *Авт.*) спрашиваю Сталина: «А что же делать?» На это Сталин отвечает коротко: «Слишком много евреев в политбюро. Надо их выбросить. Вот такой русский человек, как ты, должен быть представлен в политбюро», — сделал мне комплимент Сталин»⁶. Правда, эти и другие свидетельства подобного рода исходили, разумеется, из враждебного Сталину политического лагеря, лидеры которого, и, прежде всего, Троцкий, стремясь дискредитировать Сталина, зачастую выдвигали против него облыжные обвинения, в том числе приписывали ему явно измышленные антисемитские высказывания и действия. Вместе с тем, поскольку некоторые факты из такого рода компромата носят достаточно конкретный и даже детальный характер и исходили от ряда, в том числе и враждовавших между собой, оппозиционеров, нет оснований совсем не принимать их в расчет. Яркой и достаточно правдоподобной выглядит сценка, описанная известным перебежчиком Б.Г. Бажановым, который в 1920-е гг. был техническим секретарем по-

литбюро ЦК ВКП(б). Он стал свидетелем того, как Сталин, прочитав переданное ему Л.З. Мехлисом письмо от Л.Я. Файвиловича (секретарь ЦК ВЛКСМ в 1923 — 1925 гг.), пришел в бешенство от критического тона данного послания и обозвал его автора «паршивым жиденком». Кроме того, существуют и бесспорные косвенные доказательства циничного обыгрывания Сталиным еврейской темы, приобретшей с середины 1920-х скандально-политизированный характер. Чего стоят только ернические обращения вождя в письмах 1926 — 1929 гг. к своему ближайшему соратнику В.М. Молотову: «Молотович!», «Молотштейну привет!»⁷. На основании всего этого можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что обходившийся в политике, по собственному выражению, без белых перчаток и прибегавший буквально ко всем средствам ради удовлетворения властных амбиций, Сталин, как типичный диктатор-популист, конечно же, потаенно эксплуатировал в своих интересах и антисемитские настроения, широко распространившиеся тогда как в партийных рядах, так и в обществе в целом. Цинизм (или, если хотите, дуализм) ситуации состоял в том, что, с одной стороны, Сталин приближал к себе и осыпал различными милостями лично преданных ему евреев (Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис и др.), а с другой, в борьбе с их соплеменниками, являвшимися его политическими противниками (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и др.), не брезговал и юдофобской демагогией. В этом и состоял отчетливо проявившийся тогда советский партийно-пропагандистский антисемитизм, который стал развиваться и набирать силу под прикрытием официальной идеологии марксизма-ленинизма и явился предтечей государственного антисемитизма. Эта промежуточная форма проявила себя в основном как дозированная и строго избирательная устная пропаганда, проводившаяся сталинским руководством главным образом против партийных оппозиционеров еврейского происхождения. Но, используя антисемитизм как некое тайное оружие в верхушечной борьбе за власть, Сталин, как это ни парадоксально звучит, одновременно боролся, или, точнее, вынужден был бороться со стихией массовой бытовой юдофобии. Тут он руководствовался не столько античной абстрактной мудростью о Юпитере и быке, сколько тем злободневным соображением, что, ругая евреев, рядовой обыватель зачастую на самом деле проклинает таким «опосредованным» образом отождествляемую с ними ненавистную ему советскую власть. Причем, в относительно либеральные 1920-е проявлялось это и в открытых призывах, несшихся из темных и невежественных слоев народа, еще далеко не вышедших из-под остаточного влияния дореволюционной черносотенной пропаганды: «Бить коммунистов и жидов, доведших страну до гибели», «Даешь войну, вырежем евреев, а потом очередь за коммунистами». Неслучайно в июне 1927 г. в уголовный кодекс была включена специальная статья 597, каравшая за пропаганду, возбуждающую национальную и религиозную вражду или рознь.

Достигнув своего апогея в 1929 — начале 1930 гг., кампания борьбы с антисемитизмом затем стала ослабевать, пока не сошла на нет в 1932 г., что было обусловлено не только интенсивно начавшейся «патриотизацией» идеологии, но и тем, что значительно укрепившемуся режиму власти удалось к тому времени пресечь в плетсе открытые проявления антиеврейских (то бишь антисоветских) настроений. Сыграли свою роль и экономические рычаги: в рамках перехода от нэповской экономики к командно-плановой была ликвидирована в директивном порядке безработица, а значит, устранена чреватая многочисленными конфликтами на национальной почве ожесточенная конкуренция в сфере труда.

Нейтрализации антисемитизма в рабочей среде способствовало еще и то обстоятельство, что в ходе развернувшейся широкомасштабной индустриализации страны в народное хозяйство вовлекалось (главным образом путем вербовки рабочей силы в сельской местности) множество представителей таких нацменьшинств, которые в большинстве своем не владели русским языком и еще больше, чем евреи, выделялись по своему внешнему облику, культуре и традициям на фоне основного славянского населения. Поэтому они, отвлекая внимание от евреев, становятся главными объектами травли обывателей-шовинистов. Не остались в стороне органы госбезопасности, которые в «переломные» 1929-1930 гг. предприняли ряд уголявших антисемитский зуд племса репрессивных акций, направленных главным образом против нэпманов и спекулянтов из еврейской среды.* По указанию ЦК, ОГПУ только в апреле 1929 г. арестовало свыше ста «заведомых спекулянтов по Москве, являющихся фактически организаторами паники на рынке потребительских товаров, и «хвостов»» и выслало их «в далекие края Сибири»⁴. Позднее Москву и другие крупные города страны захватила так называемая «золотуха» — кампания по насильственному изъятию золота, валюты и драгоценностей у бывших «эксплуататоров», среди которых было немало прежних нэпманов еврейского происхождения.

Между тем, крымская еврейская автономия так и не была создана, весной 1927 г. в качестве альтернативы ей было избрано переселение евреев на Дальний Восток. Этот вариант решения еврейского вопроса в СССР представлялся тогда сталинскому руководству оптимальным, особенно в пропагандистском плане. Во-первых, евреям как бы предоставлялась реальная возможность национально-государственного строительства, что называется, с чистого листа, на необжитой, но собственной территории и превращения в перспективе в соответствии со сталинским учением в полноценную социалистическую нацию. Во-вторых, радикально решалась проблема трудоустройства десятков тысяч разорившихся и оказавшихся безработными вследствие свертывания НЭПа еврейских торговцев, кустарей и ремесленников, которые теперь могли помочь государству в решении важных экономических и военно-стратегических задач на отдаленной и неосвоенной территории. В-третьих, в отличие от Крыма, дальневосточный регион находился на значительном удалении от центров мировой политики, и Сталин мог без особой оглядки на внешний мир ставить там свои национальные эксперименты. Наличие там по соседству, на другой стороне советско-китайской границы, поселений казаков-эмигрантов власти в СССР не смущало. Наоборот, это воспринималось ими как весьма удачное обстоятельство: ведь благодаря присутствию евреев, мягко говоря, не симпатизировавших бывшим белогвардейцам, надежность охраны границы могла только усилиться. В-четвертых, поскольку, начиная с 1927 г. вооруженные силы Японии все активней вмешивались во внутренние дела бурлившего от внутренних распри Китая и в 1931 г. начали оккупацию его северо-восточной провинции Манчжурии, советское правительство должно было укрепить общую обороноспособность Приамурья, в том числе и за счет переселения туда евреев. В-пятых, дальневосточный проект, в отличие от крымского, не только не стимулировал рост антисемитизма, но, наоборот, благодаря перемещению евреев из густонаселенной европейской части СССР, с ее исторически сложившимися очагами юдофобии, в почти безлюдный край достигалось сокращение масштабов этой со-

* Характерно, что предусмотренная уголовным кодексом статья, каравшая спекуляцию, называлась в народе «еврейской статьей».

циальной болезни. И, наконец, захвативший страну пафос индустриализации сделал как бы «немодным» решение еврейского вопроса аграрным способом, который, как уже было сказано выше, в условиях Крыма показал свою экономическую несостоятельность, так как был сопряжен с крупными финансовыми издержками. К тому же после разгрома «правых» аграризация как бы ассоциировалась с осужденной партией «бухаринщиной».

Учитывая эти и другие моменты и соображения экономической, пропагандистской и политической целесообразности, руководство страны постановлением СНК СССР от 28 марта 1928 г. удовлетворило подготовленное КомЗЕтом ходатайство о закреплении за ним примерно 4,5 млн. гектаров приамурской полосы Дальневосточного края и санкционировало начало массового переселения туда евреев. Однако желающих добровольно отправиться в дикий таежный край с суровым климатом, девственными лесами и топкими болотами нашлось не так уж много. Поток переселенцев несколько возрос после образования 20 августа 1930 г. Еврейского национального Биробиджанского района. Тем самым создавалась предпосылка для практического воплощения сталинской территориальной модели формирования социалистической нации, что как бы подводило черту под многолетней дискуссией о путях к еврейскому национальному будущему. Правда, думается, что сам верховный разработчик этой модели не мог не понимать, что вековая еврейская мечта об обретении собственного национального очага вряд ли осуществима в условиях сурового и отдаленного от центров цивилизации региона. Тем не менее, планы концентрации евреев в Приамурье были впечатляющими: 60 тыс. человек — к концу первой пятилетки и 150 тыс. — по завершении второй, при доведении к 1938 г. общей численности населения до 300 тыс. Впрочем, проблема реальной достижимости этих цифр вряд ли особо волновала Сталина. Для него еврейский Биробиджан был, скорее, лишь демагогическим формальным жестом, который, с одной стороны, должен был убедить советское и мировое общественное мнение в его искреннем стремлении обеспечить полноценное национальное будущее для евреев в СССР, а с другой — послужить своеобразным прикрытием его ассимиляторской политики, которая определяла реальное, а не лозунговое будущее евреев и других нацменьшинств Советского Союза. Камуфляж этот был действительно необходим Сталину, который на публику заявлял, что «политика ассимиляции, безусловно, исключается из арсенала марксизма-ленинизма как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная»⁹.

Но, несмотря на все старания, дела с Биробиджаном у вождя явно не клеились. Из 20 тыс. евреев, направленных туда начиная с 1928 г., к 1934-му осталось на постоянное жительство меньше половины. Чтобы не ударить в грязь лицом перед своей и международной «прогрессивной» общественностью и вдохнуть жизнь в чахнувший на корню проект, пришлось пойти на беспрецедентный шаг: 4 мая 1934 г. политбюро преобразовало Биробиджанский национальный район в Автономную еврейскую национальную область (ЕАО), хотя в количественном отношении ставшая вдруг «титულიной» национальность была представлена на этой территории весьма незначительно. Вслед за этим Калинин публично заявил, что «образование Еврейской автономной области подвело фундамент под еврейскую национальность в СССР»¹⁰. Власти подчеркивали, что еврейская автономия на советском Дальнем Востоке учреждена как коммунистический ответ на проект сионистов на Востоке Ближнем. Зазвучали победные реляции о том, что в СССР впервые в мире успешно решен вековой еврейский вопрос.

Развернутая в связи с этим пропаганда, несмотря на всю ее нарочитость и ходульность, была всерьез воспринята леволиберальными еврейскими кругами на Западе, которые после прихода Гитлера к власти в Германии надеялись на советскую поддержку ставшего гонимым немецкого еврейства, тем более что положение его усугублялось с каждым месяцем. В какой-то мере эти упования начали оправдываться после того, как «Джойнту» удалось добиться разрешения у НКВД на переезд в Советский Союз из Германии нескольких групп евреев, состоявших в основном из специалистов — инженеров, врачей, ученых. Чтобы изучить возможности массовой еврейской иммиграции в СССР, представители «Агро-Джойнта» и ОРТа* побывали в Биробиджане, а по возвращении оттуда высказались о его пригодности для этих целей. В Нью-Йорке, Париже и Лондоне заговорили о необходимости создания специальных фондов поддержки переселения еврейских беженцев на советский Дальний Восток, тем более что советское руководство обнародовало планы обустройства там в 1935 г. 4000 семей советских и 1000 семей иностранных евреев. 21 декабря 1934 г. советский полпред в Англии И.М. Майский сообщил в Москву о получении

Слева направо: Г. Ягода, Л. Каганович, К. Ворошилов, С. Орджоникидзе, И. Сталин, В. Куйбышев, А. Жданов

от лорда Марлея меморандума, содержащего просьбу к советскому руководству рассмотреть вопрос о размещении еврейских беженцев в ЕАО. В случае положительного решения предлагалось на средства западных благотворительных организаций создать в Париже, Варшаве и других европейских городах советские консульско-проверочные пункты выдачи въездных виз прошедшим отбор беженцам. В тот же день руководитель советской внешнеторговой компании в США «Амторг» П.А. Богданов сообщил М.И. Калинин о состоявшейся накануне беседе с председателем правления «Джойнта» Д. Розенбергом, который предложил в случае согласия СССР начать размещение европейских евреев в Биробиджане и использовать для этой цели деньги, которые советское правительство должно было «Агро-Джойнту» за полученный ранее займ, а также пообещал организовать дополнительный сбор средств, обратившись к таким богатейшим семействам Америки, как Варбурги, Розенвальды и Леманы¹¹. Реакция советских властей была неоднозначной. Сталин вроде бы был не прочь на фоне жестокостей, чинимых Гитлером в отношении евреев, проявить к ним гуманизм и тем самым поднять престиж своего режима в глазах международной общественности. Вместе с тем сложившаяся к середине 1930-х гг. внутренняя ситуация в Советском Союзе, характеризовавшаяся всплеском массового террора, ксенофобии и всеобщей подозрительности, отнюдь не способствовала открытию границ социалистической державы. Противоречие это наложило свою

* *Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России, основано в 1880 г. в Петербурге. После Первой мировой войны преобразовалось во всемирный ОРТ со штаб-квартирой в Берлине.*

печать на постановление политбюро от 28 апреля 1935 г., в котором хотя и разрешался в течение 1935-1936 гг. приезд в ЕАО 1000 семейств из-за рубежа, но это оговаривалось следующими жесткими условиями: «а) все переселяемые из-за границы принимают советское гражданство до въезда в СССР и обязуются не менее трех лет работать в пределах Еврейской автономной области; б) отбор переселяемых производится ОЗЕТом в основном на территории, входившей до империалистической войны в состав Российской империи; в) переселяющиеся в СССР должны иметь при себе 200 долларов». Еще более существенные ограничения содержались в секретных «Правилах о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в Еврейскую автономную область», утвержденных политбюро 9 сентября. Ими предусматривалось предоставление советского гражданства только «трудящимся» иностранцам (рабочим, служащим, кустарям или земледельцам, не использующим наемный труд), способным к тяжелой физической работе, и только после соответствующей проверки органами НКВД¹².

В дальнейшем позиция советской стороны еще более ужесточилась. В ответ на предложенный «Агро-Джойнтом» план перемещения на советский Дальний Восток в 1936-1937 гг. нескольких тысяч еврейских беженцев его представителю было разъяснено, что в Биробиджане смогут принять не более 150-200 семей, причем только из Польши, Литвы и Румынии, да и то после тщательной проверки. В штыки было встречено и намерение «Агро-Джойнта» взять на себя непосредственную доставку иммигрантов в ЕАО: ему разрешили лишь их транспортировку до советской границы и передачу там представителям КомЗЕТа. К 1938 г., когда деятельность «Агро-Джойнта» была запрещена на территории СССР, слабый ручеек еврейской иммиграции в Биробиджан пересох окончательно. Последующие попытки как-то возобновить этот поток оказались безрезультатными, в том числе и более поздняя, предпринятая германскими нацистами. Речь идет об инициативе, исходившей от структур Центральной имперской службы по делам еврейской эмиграции, которой руководил Р. Гейдрих. Для ее отклонения начальник Переселенческого управления Е.М. Чекменев в записке Молотову от 9 февраля 1940 г. прибег к следующему формальному предлогу: «Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР — конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты»¹³. Такой ответ был дан не только потому, что советское руководство опасалось нацистских шпионов под личиной еврейских иммигрантов. Сыграло свою роль и то, что, начиная с 1938 г. переселение евреев (советских и иностранных) в ЕАО стало вообще невозможным. Произошло это вследствие агрессивных действий японцев в советском дальневосточном приграничье, а также из-за того, что в том же 1938 г. как «гнезда врагов народа» были ликвидированы ОЗЕТ и КомЗЕТ, занимавшиеся таким переселением.

Полное закрытие советских границ было связано и с набиравшим силу «большим террором». Были репрессированы многие из тех, кто в номенклатурных верхах отвечал за перековку еврейства в социалистическую нацию. Расстреляли старого большевика Диманштейна, которого заклеили как «главаря бундовского подполья» и обвинили в пропаганде «густопсового национализма», казни-

ли редактора центральной газеты на идиш «Дер эмес» (была закрыта) М. Литвакова, а также ряд еврейских литераторов и журналистов. Были арестованы и погибли потом в ГУЛАГе практически все, кто возглавлял евсекции, действовавшие до начала 1930-х гг. Парадокс ситуации состоял в том, что жертвами кровавой чистки стали люди, которых власть когда-то (на заре советской власти) использовала в борьбе с сионизмом и еврейским традиционализмом, потом — для «мобилизации еврейских трудящихся на социалистическое строительство», а после того как они отрапортовали об успешном решении еврейского вопроса и надобность в них отпала, цинично обрекла их на смерть. Вместе с тем, тогдашнее уничтожение представителей еврейской культуры и общественности, а также многочисленных партийно-государственных функционеров еврейского происхождения вряд ли будет правомерным квалифицировать как проявление целенаправленной антисемитской политики, ибо террор против них проводился в рамках общей чистки номенклатурной элиты и генерального наступления сталинского руководства на права советских нацменьшинств.

Впрочем, массовые репрессивные действия властей наряду с избранным Сталиным тайным курсом на целенаправленную ассимиляцию и заложили основу сформировавшегося вскоре государственного антисемитизма.

ВЫЗРЕВАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО АНТИСЕМИТИЗМА В СССР

Одерживая в 20-е годы одну за другой победы в борьбе с оппозицией, добиваясь абсолютного лидерства в стране, Сталин постепенно прибирал к рукам основные бразды правления обществом и, прежде всего, стремился установить свою единоличную власть над партийно-государственным аппаратом, армией и политической полицией. Освятить проводимые им кардинальные системные преобразования и консолидировать раздираемое социально-политическими противоречиями общество могла только новая национально-государственная доктрина, направлявшая общественное сознание в русло слепой веры вождю как главному гаранту будущего всеобщего процветания. И такая доктрина, вобравшая в себя теорию построения социализма в одной стране и идею государственного патриотизма, подменившего ленинский интернационализм, была с конца 1920-х гг. взята властью на вооружение. Еще одной главной составляющей новой национально-государственной доктрины явилась сталинская теория «старшего брата», базировавшаяся на принципе этнической иерархичности советских народов. Она сводилась к тому, что русские, доминировавшие по занимаемой ими территории и по численности над другими народами СССР и лидировавшие в культурно-историческом и экономическом плане, призваны исполнить миссию «руководящей силы Советского Союза». Уровнем ниже в сталинской иерархической схеме находились украинцы, еще ниже — белорусы, затем по нисходящей шли другие народы, имевшие собственную государственность в виде союзных республик, потом следовали так называемые титульные народы автономных республик и так далее, вплоть до самой нижней ступени этой национальной пирамиды, которую занимали евреи и другие экстерриториальные национальные меньшинства. Характерно, что вошедшее в советский новояз сокращение «нацмен» именно с этого времени стало приобретать уничижительно-пренебрежительный, а в просторечии и ругательный смысл.

По сути, восторжествовал великодержавный шовинизм. Он был позаимствован Сталиным из царского прошлого под воздействием того, что в глобальном соперничестве трех мировых идеологий — либерализма, коммунизма и национализма — последний взял верх. Именно великорусский шовинизм, наряду с постоянно прогрессирующей личной юдофобией Сталина, стал тем питательным бульоном, в котором бактерии упомянутого выше партийно-пропагандистского антисемитизма трансформировались в возбудителей официальной юдофобии. Поражению государственного организма этим системным заболеванием в немалой степени способствовало и межгосударственное сближение Советского Союза с нацистской Германией, увенчанное подписанием 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. Известно свидетельство германского министра иностранных дел И. Риббентропа о том, что на банкете, устроенном в честь этого события, советский вождь вроде бы заметил в том роде, что «ждет лишь момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые пока еще ему нужны»¹⁴. Для таких цинично-прагматичных рассуждений, которые, возможно, были продиктованы намерением опровергнуть расхожий штамп геббельсовской пропаганды об СССР как об «иудейско-коммунистическом царстве», у Сталина были свои резоны. Как прагматик он не мог не считаться с тем, что на начало 1939 г. из каждой тысячи евреев 268 имели среднее, а 57 — высшее образование, тогда как для русских такие показатели выражались соответственно цифрами 81 и 6¹⁵.

Исходившие от Сталина новые национально-кадровые веяния быстро проникали в высшие номенклатурные сферы, что подтверждается объективными данными из архивных материалов секретариата и оргбюро ЦК. Документы этих органов, ведавших назначением и перемещением руководящих кадров, свидетельствуют о том, что примерно с лета 1938 г. в святая святых партии — аппарате ЦК прекращаются кадровые назначения чиновников еврейского происхождения, а с конца того же года, то есть опять же с началом советско-германского сближения, оттуда исподволь стали устранять евреев (на первых порах по одному и почти незаметно), уцелевших после «большого террора». Причем увольняли их, в большинстве случаев, под благовидными предлогами, без скандалов и, как правило, с последующим трудоустройством на престижные должности в наркоматы и другие государственные учреждения, откуда их начнут убирать спустя несколько лет.

Номенклатурной движущей силой новой кадровой политики стала чиновная генерация, состоявшая главным образом из людей, вышедших из социальных низов и приобщившихся к большевизму уже после смерти Ленина (так называемый ленинский призыв в партию), в период сильнейшего всплеска в обществе бытового антисемитизма. Аппаратной колыбелью официального антисемитизма являлся отдел руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б), возглавлявшийся с 1936 г. Г.М. Маленковым. Положение этого образованного, энергичного чиновника-технократа, готового слепо выполнять любые указания Сталина, еще более укрепилось, когда в 1939 г. его избрали секретарем ЦК, ввели в оргбюро и секретариат ЦК, а значит, и в ближайшее окружение Сталина, назначили начальником вновь образованного на базе ОРПО управления кадров (УК) ЦК — мощной структуры, по сути дела, аппаратного монстра, занимавшегося в масштабах страны реализацией номенклатурной политики партии, то есть ведавшего всеми назначениями и перемещениями в руководящих слоях советского чиновничества — от наркомов до директоров совхозов. Именно это

управление и выступило в роли генератора антисемитизма. Первой «ласточкой», возвестившей о начале тайного отправления им новой функции, стала справка «О засоренности аппарата Наркомздрава СССР» от 27 ноября 1938 г., в которой впервые в практике работы ЦК к разряду людей, «не заслуживающих политического доверия», были причислены почти исключительно одни евреи¹⁶.

Говоря о номенклатурной пертурбации конца 1930-х гг. на национальной почве, как не вспомнить своего рода пророчество известного монархиста-антисемита В.В. Шульгина, который в 1927 г. писал: «Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запьет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз «из жидов». Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже «избавают»¹⁷.

Стержнем новой номенклатурной «дружины», стал бюрократический тандем Маленков — Берия, которых Сталин отрядил 3 мая 1939 г. помочь Молотову, направленному в НКВД для наведения «порядка» и напуганному словами: «Убери из наркомата евреев». Особой ретивостью в развернувшейся там антиеврейской чистке отличился первый заместитель Маленкова Н.Н. Шаталин, возглавлявший тогда в УК отдел дипломатических кадров, а потом доросший до секретаря ЦК¹⁸. В значительной мере недуг бюрократического антисемитизма поразил и вновь созданное управление пропаганды и агитации ЦК (УПиА), которому были приданы Сталиным все атрибуты мощного, исполненного имперским духом идеологического ведомства. Руководить этой бюрократической машиной Сталин с подачи Маленкова поручил Г.Ф. Александрову, яркому в своем роде представителю новой плеяды карьерных партидеологов, сознание которых не было обременено ортодоксальным коммунистическим интернационализмом, как, впрочем, и какой-либо другой идейностью. Именно из недр УПиА 11 апреля 1941 г. вышел весьма примечательный документ, намекавший на «засоренность» академического Института мирового хозяйства и мировой политики кадрами еврейского происхождения. И хотя о «еврейском засилье» в документе по понятным причинам прямо не говорилось, тем не менее, его скрытый антисемитский подтекст вполне очевиден¹⁹.

Итак, к началу 1940-х годов сталинский антисемитизм, ранее лишь периодически использовавшийся в тайной агитации против политических соперников в борьбе за власть (партийно-пропагандистский антисемитизм), будучи окончательно пересаженным на номенклатурную почву, обрел статус систематической государственной политики. Вследствие кровавого вымывания из номенклатурной иерархии многих представителей национальных меньшинств (в том числе и немалого количества евреев) там после «большого террора» возобладала молодая чиновники, главным образом, славянского происхождения. На них, воспитанных в духе абсолютной преданности Сталину, тот и стал опираться в проведении нового внутривластного курса, нацеленного на постепенное устранение «еврейского влияния» на социально-политическую и культурную жизнь общества и осуществлявшегося, с одной стороны, посредством не только естественной, но и насаждавшейся сверху ассимиляции евреев, а с другой — путем наращивания против них административно-репрессивных мер. Антиеврейские гонения имели свою специфику. Если одни нацменьшинства (поляки, финны, немцы и др.) подверглись в 1930-е гг. преследованиям из-за

своей этнической связи с враждебными СССР соседними государствами, а другие (чеченцы, ингуши, крымские татары и др.) потом были депортированы потому, что воспринимались сталинским режимом как «изменнические народы», то возникшее еще до войны недоверие к евреям, которые вроде бы вплоть до образования Израиля в 1948 г. не давали повода власти быть недовольной ими, нельзя объяснить ничем иным, кроме как возникновением государственного антисемитизма. Для прикрытия этой латентной политики использовалась открыто декларируемая «коренизация кадров» (приоритет представителей «титულიной» национальности при назначениях на номенклатурные должности), введенная еще в 1923 г., но получившая мощный шовинистический заряд после принятия Сталиным новой национально-государственной доктрины, благо в сравнении с другими нацменьшинствами евреи в наибольшей степени были инфильтрованы в советскую номенклатурную элиту.

ЕВРЕИ И ВЛАСТЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Нападение гитлеровской Германии на СССР не стало для советского руководства стрессом, способным подавить поразившую его политическую юдофобию. Дальнейшее развитие этой «болезни» было лишь на время приторможено. Одним из основных доказательств этого может служить отношение советских властей к Холокосту, историю которого на оккупированной территории СССР нельзя рассматривать в отрыве от тех колоссальных жертв, которые понесли в годы войны русский и другие народы страны, потерявшей в общей сложности свыше 27 млн. человек. Ныне научно доказано, что эти потери, как военнотружущих, так и гражданского населения, были бы меньшими, не будь столь антигуманной социальной природы сталинского режима, что проявилось, в частности, в официальном негативном отношении к пленным врагом бойцам и командирам Красной армии и к мирному населению, оставшемуся по тем или иным причинам на захваченных землях. Разумеется, антигуманизм сталинизма сказался и на советских гражданах еврейского происхождения. И потому нельзя признать соответствующими действительности утверждения, появившиеся после войны первоначально в заграничных еврейских леволиберальных кругах, а потом и в ряде научных работ иностранных ученых, о том, что советское руководство предпринимало в первые месяцы войны меры, направленные на спасение еврейского населения (селективная эвакуация в глубокий тыл и т.п.). Впрочем, даже если вопреки фактам предположить, что Сталин намеревался спасти своих еврейских подданных, то реальность была такова, что стремительность германского вторжения и как следствие этого — неразбериха и хаос, сопутствовавшие в первые месяцы войны отступлению частей Красной армии, не позволили бы ему этого осуществить. Так что неотвратимость трагедии советского еврейства была в значительной мере как бы предопределена изначально. Именно на оккупированной территории Советского Союза нацисты стали впервые творить массовые убийства евреев, что стало зловещей прелюдией к принятому спустя несколько месяцев «окончательному решению еврейского вопроса». Евреи СССР потому первыми попали под пресс массивного Холокоста, что кампанию на Востоке Гитлер рассматривал как своего рода «крестовый поход» против «жидобольшевизма» и, кроме того, он полагал, что методы вооруженной борьбы и обращения с гражданским населением должны все более ужесточаться, по мере продвижения немцев на «азиатский», «варварский» Восток. В результате наложения этой геополитической установки на расово-идеологическую составляющую нацистского анти-

еврейского террора последний как бы «срезонировал», приняв на захваченных советских землях массовую и крайне бесчеловечную форму.

Реакция советских властей на нацистскую демагогию об «антижидобольшевистской» миссии германских войск выражалась, с одной стороны, в виде довольно робкой и притом постепенно затухавшей контрпропаганды, разоблачавшей антисемитскую ложь нацистов (статьи И.Г. Эренбурга, Е. Ярославского и др.), а с другой — в виде постоянно расширявшейся практики замалчивания Холокоста. При этом всемерно подчеркивалось, что гитлеровцы поставили себе задачей «истребление советского населения... независимо от... национальности» (нота наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова от 28 апреля 1942 г.). Советская пропаганда, камуфлируя главную антиеврейскую составляющую нацистского геноцида, предпочитала сообщать об «акциях» нацистов как об истреблении «мирных жителей». Но если в начальный период войны замалчивание советскими властями Холокоста можно было как-то объяснить опасением невольно не подыграть геббельсовской пропаганде, утверждавшей, что фюрер пришел освободить русский народ и что Германия воюет только против коммунистов и евреев, то сокрытие еврейских жертв, скажем, в советском официальном сообщении от 7 мая 1945 г. об освобождении узников Освенцима уже никак нельзя мотивировать этим резонансом. Значит, была и другая причина, обуславливавшая подобную линию поведения советских верхов. И крылась она в том, что начиная со второй половины 1942 г. на советской номенклатурной ниве стали давать обильные всходы семена посеянного перед войной государственного антисемитизма, что, несомненно, коррелировало с резким ростом в советском обществе бытовой юдофобии, провоцируемой тяготами военного времени и влиянием нацистской пропаганды, а также тем, что зачастую на антисемитские эксцессы, все чаще происходившие в советском тылу, власти предпочитали смотреть сквозь пальцы. Более того, начались массовые увольнения евреев из сферы управления культурой и пропагандой. В еврейской среде возникли тогда упорные слухи о том, что главные антисемиты засели в ЦК и именно оттуда исходят циркуляры со странными дискриминационными новациями в области кадровой политики. И хотя в действительности никаких письменных антиеврейских директив не рассылалось (так как это автоматически подпадало под статью уголовного кодекса), устные указания такого рода, несомненно, были, что подтверждается многочисленными свидетельствами. К тому же известно, что в аппарате ЦК ВКП(б) составлялись внутренние секретные информационные доклады антисемитского свойства, в том числе и «о подборе и выдвижении кадров в искусстве». Именно так называлась докладная записка от 17 августа 1942 г. руководства Агитпропа ЦК в секретариат ЦК, в которой констатировалось, что «во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)», а «русские люди оказались в нацменьшинстве»³⁰.

Но кадровые чистки на основании пятого пункта анкеты, несмотря на их завуалированный характер, вызвали бурную ответную реакцию. Пострадавшие, в большинстве своем догадывавшиеся об истинной причине их изгнания из управленческих структур, писали наверх, в том числе и Сталину, прося объяснить, в чем они провинились перед партией и государством и требуя наказать уволивших их чиновников-антисемитов, действовавших, как они думали или, точнее, хотели думать, по собственной инициативе. В защиту жертв чистки выступили многие известные деятели культуры русского происхождения. Благодаря такому общественному противодействию, не случилось, к счастью, того, что могло тогда произойти, — легализации скрытого аппаратного антисемитизма и слияния его в еди-

ном мутном потоке со стихийной юдофобией масс. К тому же, пока шла война, Сталин не решался на публичные антиеврейские действия, хотя его завуалированный личный антисемитизм, чутко угадываемый ретивым в исполнении любой прихоти «хозяина» придворным окружением, скорее всего, и спровоцировал ту же кампанию борьбы «за чистоту русского искусства». Когда в воздухе запахло скандалом, до вождя дошло, что подобная авантюра может обернуться для советских верхов нежелательными последствиями: самодискредитацией в глазах международного общественного мнения, неизбежными осложнениями во взаимоотношениях с союзниками, усилением межнациональных трений внутри общества, подрывом его единства и сплоченности, и, наконец, стало очевидным, что дальнейшее нагнетание антиеврейских страстей может быть воспринято в мире как некая солидаризация с человеконенавистнической нацистской идеологией и политикой гитлеровцев. Для Сталина такая перспектива была неприемлемой. В отличие, скажем, от Гитлера, он был больше прагматиком, нежели антисемитом. Поэтому в интересах дела (точнее, сохранения собственной власти) он не только сумел заглушить в годы войны свою личную, все время нараставшую антипатию к еврейству, но даже пошел, например, в конце 1941 г. на создание Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) во главе с С.М. Михоэлсом и, используя эту структуру для пропагандистской обработки западного общественного мнения, извлек в итоге немалую политическую и материальную выгоду (несколько десятков миллионов долларов помощи от международного еврейства).

Но к неудовольствию Сталина, ЕАК под напором разбухшего кровавой войной и Холокостом еврейского самосознания стал из «ручной» пропагандистской организации спонтанно превращаться в орган еврейской культурно-национальной автономии. Кульминацией такого развития явилась попытка лидеров

Члены ЕАК на встрече с журналистом Б. Гольдбергом (США) слева направо: Л. Квитко, В. Зускин, справа: Л. Штерн

ЕАК возродить проект создания еврейской республики на территории Крыма. В начале 1944 г. они направили соответствующее письмо Сталину. Но эта инициатива была отвергнута, причем на это и другие проявления «буржуазного национализма» власти реагировали на первых порах сдержанно, используя для «вразумления» Михоэлса и других руководителей ЕАК преимущественно административно-бюрократические меры, словесные угрозы и уговоры.

РЕПРЕССИРОВАННАЯ КУЛЬТУРА

Однако после войны положение изменилось. В условиях усиления международной напряженности и блокового противостояния руководство СССР не желало мириться с тем, что лидеры советского еврейства пытались сохранить контакты с всемирным еврейством (в том числе и сионистскими кругами), уста-

новленные в годы Второй мировой войны. По мере ужесточения режима (в том числе и сползания его в трясину государственного антисемитизма) в ход были пушены тайные репрессивные акции. В начале 1948 г. по приказу Сталина был тайно убит Михоэлс, олицетворявший собой стремление советских евреев добиться прав на полноценное национально-культурное развитие. Впоследствии под влиянием внешнеполитического фактора (образование Государства Израиль) этот конфликт на национальной почве обострился до такой степени, что шокированная приливом невиданного ранее еврейского национального энтузиазма (массовые стихийные демонстрации в Москве в честь прибытия первого израильского посла Г. Меир) власть перешла к практике массированного террора в отношении еврейских общественных деятелей с одновременным искоренением еврейской культуры как таковой. Еврейская культура превратилась в глазах Сталина в атрибут буржуазного национализма, который, в свою очередь, считался преступным по определению. С этого времени ассимиляция евреев, естественный процесс которой с конца 30-х годов был направлен в русло административно-бюрократической политики, был придан ярко выраженный репрессивно-силовой форсированный характер. Почти пять лет длилось незримое противостояние руководства ЕАК, этой небольшой группки людей, смело заявившей в 1944 г. о правах стоявшего за ними национального меньшинства, и государственной машины подавления, не привыкшей считаться ни с чьими правами. За дерзкий вызов, брошенный созданной им системе и ему лично, Сталин жестоко отомстил, казнив в августе 1952 г. 12 членов ЕАК (поэтов П.Д. Маркиша, И.С. Фефера, артиста В.Л. Зускина, врача Б.А. Шимелиовича, писателей Д.Р. Бергельсона, Д.Н. Гофштейна, Л.М. Квитко и др.), а также организатора и покровителя этой общественной организации, бывшего министра иностранных дел Соломона Лозовского, чей брат Григорий был умерщвлен нацистами в Освенциме. Были арестованы и руководители Еврейской автономной области, что означало полный крах пропагандистского мифа о «красном Сионе», символизировавшего собой советское решение «еврейского вопроса».

Развернутая в средствах массовой информации в конце 1940-х гг. ура-патриотическая шумиха вокруг так называемых безродных космополитов служила своеобразным прикрытием репрессивной акции по ликвидации еврейской национальной культуры и ее наиболее ярких представителей. Скоординированные пропагандистская и полицейская атаки имели ни с чем не сравнимый устрашающий эффект и оказали сильное психологическое воздействие на ассимилированное еврейство, занимавшее важные позиции в искусстве и интеллектуальной сфере страны и в наибольшей степени пострадавшее от антикосмополитической кампании. Образ врага как пропагандистский инструмент, используемый любым тоталитарным режимом для того, чтобы всецело подчинить себе общество и манипулировать его мнением, стал наполняться в СССР антиеврейским содержанием (тогда жупелы «космополита» и «еврейского националиста» активно вытесняли из пропагандистского обихода разных там «троцкистов», «вредителей» и прочих «контрреволюционеров»). Однако происходивший в то время интенсивный социальный выброс завуалированного антисемитизма не мог быть чем-то самодовлеющим. Он не первопричина, а скорее индикатор, один из классических признаков ужесточения тоталитарного режима. Значительную роль сыграли и моменты субъективного плана: во-первых, вызванный внешним (холодная война) и внутренним (аппаратная борьба за власть) факторами очередной приступ сталинской паранойи — кремлевско-

му властелину повсюду стала мерещиться американско-сионистская опасность. И, во-вторых, определенное значение имело и то обстоятельство, что послевоенный курс Сталина на превращение СССР в великую мировую державу, противостоящую Западу, вызвал глухое неприятие советской интеллигенции либерального толка, имевшей прозападную ментальность. Речь идет, прежде всего, о выживших после всех большевистских репрессий представителях старого русского интеллектуального слоя, имевшего в дореволюционные времена широкие контакты с коллегами в Европе и Америке, а также об интеллигенции еврейского происхождения, значительная часть которой получила образование на Западе и была связана этническими корнями с восточной окраиной зарубежной Европы — Польшей, где Россия воспринималась зачастую как фактор угрозы с востока. Главным образом представителей этих социально-национальных категорий населения Сталин и объявил космополитами в 1949-м, так как не мог не ощущать их затаенных симпатий к Западу и скепсиса в отношении его великодержавного курса. Адекватно ответить на глобализационный вызов, брошенный американцами после войны, Сталин так и не смог. Вместо этого он направил свой гнев на евреев, которые представлялись ему неким бродильным веществом, закваской, используемой американцами для получения пригодного для их глобального натиска «человеческого материала». Возможно, из-за подобных страхов Сталин и посвятил последние годы жизни в основном тому, чтобы максимально изолировать подвластную ему страну от внешнего мира, и, прежде всего, от Запада. Тем самым он попытался отвлечь ее от того позитивного пути развития в духе европеизации, на который та вступила еще во времена Петра Великого.

КАДРОВЫЕ ЧИСТКИ

Имевшая юдофобский подтекст антикосмополитическая пропагандистская акция знаменовала собой переход власти к еще более жесткой административно-силовой парадигме руководства и способствовала укреплению партийно-полицейского тандема* в организации и проведении кадровых чисток. Вновь, как в 30-е годы, пропагандистские кампании партаппарата сопровождались «активными мероприятиями» госбезопасности с последующей фабрикацией политических дел и проведением судебных процессов (теперь, правда, только закрытых). С весны 1949 г. кадровая чистка в управленческих структурах начинает приобретать все более откровенный антисемитский характер. Ключевую роль в этом процессе сыграло подписанное Сталиным 21 июня 1950 г. секретное постановление политбюро «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности», которое привнесло в спонтанные до этого антиеврейские гонения в номенклатурной сфере систематичность, универсальность и детальную регламентированность. Первоначальный вариант этой директивы, обобщившей практику устранения евреев из министерств, ведомств, органов массовой информации, учреждений

* Начиная с 1949 года Абакумов регулярно направлял Сталину и в ЦК записки (многие из них имели высший гриф секретности «Особая папка»), составленные на основании материалов проверок органами госбезопасности кадрового состава в организациях и на предприятиях страны. Например, 3 июня он проинформировал Старую площадь о «не заслуживающих доверия» работниках редакции «Учительской газеты», а 1 июля — «о засоренности кадров» в Институте организации здравоохранения и истории медицины АМН СССР и т.д.

культуры и искусства, был подготовлен М.А. Суловым и подчиненным ему аппаратом Агитпропа. Однако Сталин отклонил эту заготовку за неприкрыто торчавшие в ней антисемитские «уши». Переработанный потом на основании его указаний проект директивы стал соответствовать лучшим традициям советской аппаратной казуистики, ибо, сохранив скрытую антисемитскую направленность, уже не содержал никаких упоминаний о евреях. Просто в него было включено положение, обязывавшее министров и других руководителей ведомств ежегодно представлять в ЦК отчеты о работе с кадрами, как в центральных аппаратах управления, так и в подчиненных им организациях²¹. Причем в эти отчеты должны были наряду с прочими в обязательном порядке заноситься и сведения о национальности вновь принятых и уволенных сотрудников. Но самое главное, потом было устно разъяснено, что особое внимание необходимо уделять движению кадров еврейского происхождения. И выходило, что внешне неброский и отдававший бюрократическим формализмом пункт постановления по сути означал легитимизацию задним числом тотальной антиеврейской чистки управленческого аппарата как атрибута государственной политики национальной безопасности. Наглядным доказательством этого утверждения могут служить данные, представленные в следующей таблице²²:

Берия, Маленков, Молотов, Сталин. 1946

Просто в него было включено положение, обязывавшее министров и других руководителей ведомств ежегодно представлять в ЦК отчеты о работе с кадрами, как в центральных аппаратах управления, так и в подчиненных им организациях²¹. Причем в эти отчеты должны были наряду с прочими в обязательном порядке заноситься и сведения о национальности вновь принятых и уволенных сотрудников. Но самое главное, потом было устно разъяснено, что особое внимание необходимо уделять движению кадров еврейского происхождения. И выходило, что внешне неброский и отдававший бюрократическим формализмом пункт постановления по сути означал легитимизацию задним числом тотальной антиеврейской чистки управленческого аппарата как атрибута государственной политики национальной безопасности. Наглядным доказательством этого утверждения могут служить данные, представленные в следующей таблице²²:

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЧИНОВНИКОВ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ В 1945 — 1952 гг.*

Как видим, вымывание евреев из номенклатуры проходило постепенно (религиозные администраторы, пытавшиеся уволить сразу всех евреев, даже наказывались), считалось, что подобная кадровая ротация не может обернуться серьезным ущербом для дела, плюс к этому соблюдался необходимый при латентном антисемитизме камуфляж. В сфере науки и техники, связанной с обеспечением обороноспособности страны (в первую очередь, атомный проект, курировавшийся Л.П. Берией), наиболее даровитых ученых и конструкторов еврейского происхождения власти не только не трогали, но и создавали им льготные усло-

* Таблица составлена по сведениям из секретного статистического сборника «Руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных и других органов к началу 1952 года (без данных по министерствам: Военному, Военно-Морскому, Госконтроля и по войскам МВД, МГБ, спецусдам)», подготовленного 9 мая 1952 г. по указанию Маленкова и под руководством заведующего отделом ЦК ВКП(б) Н.Н. Шаталова. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 862. Л. 5-192).

Названия должностей	Количество евреев-руководителей				Примеч.
	в абсолютных цифрах		В % относительно общего количества руководителей		
	01.01.45	01.01.52	01.01.45	01.01.52	
Руководящие кадры центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР (!)	516	190	12,9	3,9	(!) См. прим. 22
В том числе по СССР	450 (!)	166	11,7 (!)	4,0	(!) Данные на 01.01.1947
В том числе по РСФСР	68 (!)	24	9,1 (!)	3,4	(!) То же
Министры, руководители ведомств и центральных организаций СССР	4 (!)	3	4,1 (!)	3,3	(!) То же
То же, по РСФСР	—	—	—	—	
Заместители министров, руководителей ведомств СССР и РСФСР	46	14	8,7	1,8	
В том числе по СССР	34 (!)	11	7,0 (!)	1,8	(!) Данные на 01.01.1947
В том числе по РСФСР	5 (!)	3	4,2 (!)	1,8	(!) То же
Начальники главных и центральных управлений министерств и ведомств СССР и РСФСР	98	25	14,8	3,2	
Руководящие кадры предприятий и строек (!)	481	190	11,2	4,6	(!) См. прим. 22
Директора промышленных предприятий	261	92	12,3	4,6	
Руководящие кадры союзных объединений, трестов и контор (!)	223	91	10,9	5,6	(!) См. прим. 22
То же, НИИ, КБ и проектных организаций	47	29	10,8	2,9	
Руководящие кадры центральной печати (!)	33 (!!)	26	10,7 (!!)	5,4	(!) См. прим. 22 (!) Данные на 01.01.1946
То же, вузов и партшкол (!)	80	59	10,9	3,1	(!) См. прим. 22
Секретари обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик	10	1	1,3	0,1	

Первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик	1	—	0,6	—	
То же, замедующие отделами	16	13	2,2	0,8	
Секретари окружкомов, горкомов и райкомов партии	286	82	1,4	0,2	
Первые секретари окружкомов, горкомов и райкомов партии	51	9	1,2	0,2	
Зав. отделами окружкомов, горкомов и райкомов партии	208 (!)	108	2,2 (!)	0,6	(!) Данные на 01.01.1946
Руководящие кадры областных, краевых и республиканских советских, хозяйственных и других организаций (!)	255	76	3,9	1,5	(!) См. прим. 22
Председатели СМ союзных, автономных республик, председатели исполкомов областных и краевых советов	1	1	0,6	0,6	
То же, заместители председателей	12	4	2,0	1,1	
Председатели исполкомов окружных, городских и районных советов	19	8	0,4	0,1	
Министры союзных, автономных республик, руководители республиканских, краевых и областных учреждений и организаций	145	47	3,9	1,3	
Руководящие кадры межобластных учреждений и организаций (!)	61	26	4,3	1,3	(!) См. прим. 22
Руководители основных окружных, городских и районных советских и хозяйственных учреждений и организаций (!)	1407	1250	2,8	2,2	(!) См. прим. 22
Директора МТС	67	94	1,0	1,1	
Директора совхозов	54	69	1,7	1,7	
Председатели колхозов	Данных нет	266 (!)	—	0,3 (!)	(!) Данные на 01.07.1952

вия для работы. Основной удар в ходе чистки пришелся по среднему, наибольшему в количественном отношении слою еврейской элиты — управленцам, начиная с заместителей министров и далее по нисходящей, а также журналистам, профессуре, другим представителям творческой интеллигенции. Наблюдался «перелив» кадров еврейского происхождения с верхних на низшие, менее престижные уровни номенклатурной пирамиды, о чем свидетельствуют данные по руководящим кадрам совхозов и колхозов.

Создавалось впечатление, что, расправившись одним махом в начале 1949 г. с еврейской культурой и ее представителями, власть высвободила руки, чтобы теперь вплотную заняться ассимилированными евреями, которые подозревались ею в «сочувствии» буржуазным националистам. Именно эти, так сказать,

номинальные евреи, несмотря на их почти полную оторванность от национальных корней, приняли на себя один из главных ударов в послевоенной кадровой чистке. Во многом прав оказался Г.П. Федотов, писавший в 1940 году, что «ассимилированное еврейство все еще еврейство, и враг сумеет распознать его».

Массовые антиеврейские чистки в период с 1949 по начало 1953 гг. захватили управленческие звенья буквально во всех сферах деятельности в экономике, науке, искусстве, литературе, здравоохранении, образовании, силовых структурах и т.д. В большинстве случаев конечным результатом гонений становилось увольнение с работы под тем или иным предлогом (от написанного под нажимом заявления об уходе «по собственному желанию» до ссылок на проводимое якобы сокращение штатов и обвинений в невыполнении служебных обязанностей). При этом настоящая причина увольнения — еврейское происхождение сотрудника — официально никогда не называлась. Сверху кампания направлялась посредством устных директив, передаваемых или непосредственно, в ходе инструктажей чиновников кадровых служб и секретарей парткомов в министерствах, ведомствах и руководящих партийных органах, или по телефону.

Помимо понижений в должности или увольнений из тех или иных учреждений или предприятий чистки в некоторых случаях имели и куда более печальные последствия. Когда в дело вмешивались органы МГБ, специализировавшиеся на разоблачении «преступной деятельности» «еврейских буржуазных националистов», они сопровождалась арестами ни в чем не повинных людей и даже вынесением потом некоторым из них смертных приговоров. Наиболее кровавой была расправа, имевшая место в 1950 г. на Московском автомобильном заводе им. Сталина, где тайной полицией было «вскрыто» «сионистское подполье». По так называемому делу ЗИСа было арестовано более 50 человек, 13 из которых потом расстреляли (то есть столько же, сколько будет через полтора года казнено по делу ЕАК).

Последняя групповая казнь «еврейских националистов» состоялась 18 сентября 1952 г., когда по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР было расстреляно четверо бывших руководящих сотрудников Кузнецкого металлургического комбината в Сталинске (ныне Новокузнецк Кемеровской области).

Своего апогея антиеврейские чистки достигли в последние месяцы жизни Сталина, когда тот предпринял свою последнюю масштабную политическую провокацию, известную как дело кремлевских врачей. И хотя по обвинению в умышленном умерщвлении секретарей ЦК А.С. Щербакова, А.А. Жданова и «вредительском лечении» целого ряда других высокопоставленных советских партийных и государственных деятелей тогда наряду с известными специалистами-медиками еврейского происхождения (М.С. Вовси, В.Е. Незлин, С.Е. Незлин, Я.С. Темкин, Б.Б. Коган, А.М. Гринштейн, Э.М. Гельштейн и др.) были взяты под стражу и пытаемы некоторые не менее именитые русские их коллеги (В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, П.И. Егоров, Б.С. Преображенский, В.Ф. Зеленин и др.), в целом это «дело» носило антисемитский характер. Именно таковым оно было воспринято общественным сознанием сразу после опубликования 13 января 1953 г. сообщения ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» как в самом Советском Союзе, так и за рубежом. Это была единственная в послевоенный период политическая репрессивная акция, имевшая столь масштабный и эмоциональный пропагандистский резонанс.

Инфильтрация антисемитизма в общество происходила так бурно, что принцип постепенности увольнений, соблюдавшийся ранее при антиеврейских чист-

ках, был отброшен, руководству предприятий и учреждений (главным образом, связанных с обеспечением национальной безопасности) сверху было дано указание чуть ли не за сутки уволить всех евреев. Продлись чуть более то интенсивное взвинчивание националистической истерии, которое тогда отмечалось, не исключено, что возникла бы реальная угроза социальному строю и целостности государства, покоившегося на коммунистической идее. Такого размаха антиеврейская вакханалия достигла только потому, что стоявший за ней Сталин инстинктом диктатора почувствовал, что шовинистический популизм — это его последняя возможность «раскачать» ситуацию в стране и тем самым спровоцировать очередную кровавую ротацию кадров, периодически необходимую для поддержания режима единовластия, и потому под воздействием личной юдофобии (превратившейся к этому времени в настоящую болезнь) не смог не поддаться на какое-то время этому соблазну. Но благодаря тому, что, несмотря на серьезные проблемы с психическим здоровьем, здравый смысл не покинул его окончательно, а может быть, просто в силу амбивалентности своего характера, он так и не смог разыграть до конца антиеврейскую карту, то есть встать на нацистский путь «окончательного решения» «еврейского вопроса». Впрочем, даже физически диктатор был уже неспособен на крупномасштабную авантюру. Другим главнейшим сдерживающим фактором послужила угроза развязывания третьей (ядерной) мировой войны (в подготовке к ней СССР явно уступал США). Все это заставило Сталина буквально на краю могилы поумерить дальнейшее нагнетание шовинистических страстей в стране. Раскручиванию спирали террора препятствовало и подспудное противодействие высшей бюрократии, значительно окрепшей в послевоенные годы. Она бы вряд ли позволила, чтобы ее и дальше продолжали отправлять на заклание с помощью популистских лозунгов. Поэтому все разговоры о том, что Сталин способен был повторить «большой террор», не имеют под собой сколько-нибудь веских научных оснований. Это был как раз тот случай, когда происшедшая когда-то трагедия вновь напомнила о себе, перевоплотившись в фарс. Словом, у полностью изжившей себя сталинской диктатуры хватило пороку только на истеричную, но вместе с тем устрашающую увертюру. Ее время завершилось. Начиналась новая эпоха.

ЗАКАТ ИМПЕРИИ И НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Можно сказать, что Сталин умер вовремя, ибо режим почти что феодально-го единовластия в ведущей державе мира представлялся в ядерный век анахронизмом. Наследовавшая власть бюрократия, не желая более быть уподобленной податливой глине в железных руках диктатора-демиурга и ратуя в душе за режим номенклатурной олигархии, провозгласила лозунг коллективности руководства, которому, в общем-то, и следовала вплоть до крушения коммунизма и распада СССР. И хотя новое руководство демонстративно отреклось вскоре от сталинизма, тем не менее, и его правление несло на себе каинову печать государственного антисемитизма, хотя тот и был водворен в узкие рамки строго регламентированной негласной политики, исключавшей повторение таких масштабных пропагандистских и полицейско-репрессивных акций, которые имели место в недалеком прошлом (борьба с «космополитами», «дело ЕАК», «дело врачей»). К тому же новое советское руководство приняло кардинальные меры к укрощению питавшего антисемитизм великорусского шовинизма, отказавшись от национально-государственной доктрины «старшего брата» в пользу

условско-брежневской концепции советского народа, согласно которой тот представлял собой «новую историческую, социальную и интернациональную общность людей», возникшую на основе «юридического и фактического равенства всех наций и народностей СССР». Тем самым по государственному антисемитизму был нанесен ощутимый, хотя и не смертельный удар. Если в последние годы правления Сталина эта политика была чем-то сродни разгоравшемуся пламени, то при Хрущеве и Брежневе, когда ее в значительной мере «придушили», она, подобно незримому торфяному пожару, лишь чадила и тлела, периодически напоминая о себе отдельными всполохами антисионистской пропагандистской риторики. Ибо располагая в «застойный» период, в общем-то, ограниченными внутренними ресурсами самовоспроизводства, официальный антисемитизм как никогда ранее был взаимосвязан с внешнеполитическими отношениями СССР, особенно с США и Израилем, и потому чаще всего являлся в тогу антисиионизма.

В отличие от госантисемитизма, политика «коренизации кадров» — еще одно наследие Сталина — в национальных республиках продолжала усиливаться и после его смерти, что не могло не стимулировать на окраинах империи центробежные тенденции, обусловивших, в конечном счете, развал многонационального коммунистического государства. Так канула в Лету держава, которая хоть и занимала отведенную ей историей естественную геополитическую нишу, но, лишившись в отсутствие сильного и эффективного центра власти административно-военной и идеологической скреп (те, собственно, и обеспечивали по преимуществу ее целостность), утратила жизнеспособность.

Вместе с гибелью советской империи ушел в прошлое и разьедавший ее официальный антисемитизм. На обломках тоталитаризма ныне создается здание новой российской государственности. Возведение этой «новостройки», столкнувшись с массой сложнейших социально-экономических и политических проблем, идет трудно, медленно и не вышло пока из стадии «нулевого цикла», тогда как заметно ускорившийся с началом нового, XXI столетия процесс глобализации мира бросает молодому и неокрепшему государственному образованию новый вызов. Выдержит ли Россия это испытание? Хочется верить, что да. Ибо в последнее время в России все решительней берут верх обнадеживающие

Похороны Сталина. 1953

тенденции консолидации власти и правительством В.В. Путина все больше осознается важность национально-государственных интересов. Думается, что крупнейшая евразийская держава уже в обозримом будущем сможет избавиться от уничтожительного определения «черная дыра», данного ей З. Бжезинским²³. И здесь многое будет зависеть от того, обернутся ли реформы

ощутимым повышением материального благосостояния и безопасности граждан. В противном случае трудно представить себе, что в нишающей стране не обострятся резко противоречия, возникающие на национальной почве. К тому же при таком развитии событий неминуем приход к власти неосталинистов, которые ратуют за возрождение в том или ином виде государственного антисемитизма. Но есть надежда, что сия опасность минует Россию, что она сумеет, по выражению канцлера А.М. Горчакова, «сосредоточиться» (но на сей раз — не отгораживаясь от внешнего мира) и вновь занять подобающее ей место в ряду передовых, цивилизованных государств мира.

Примечания

1. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 16. Л. 1-6.
2. Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 43. Л. 5
3. Там же. Ф. 445. Оп. 1. Д. 82. Л. 61. Первый Всесоюзный съезд ОЗЕТ в Москве. 15-20 нояб. 1926 г. Стенограф. отчет. М., 1927. С. 67-68.
4. РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 131. Л. 6.
5. Троцкий Л.Д. Преступления Сталина. С. 220.
6. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 9685. Л. 1-20.
7. Бажанов Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.:МП «Софинта», 1990. С. 82. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925-1936 гг. Сб. документов. М.: Молодая Россия, 1995. С. 82, 169.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 733. Л. 7.
9. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 347.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 944. Л. 41. Оп. 114. Д. 686. Л. 80.
11. Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 43. Л. 90-92.
12. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 971. Л. 22, 107-108. Оп. 162. Д. 18. Л. 19.
13. Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 489. Л. 1.
14. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск.: Русич, 1993. С. 456.
15. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 86.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 890. Л. 68-70.
17. Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в красную Россию. Берлин, 1927. С. 135-137.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 15.
19. Там же. Оп. 117. Д. 279. Л. 79-92, 99-100, 103-106, 124-146.
20. Там же. Оп. 125. Д. 123. Л. 21-24.
21. Там же. Оп. 118. Д. 897. Л. 92-95.
22. «ПЕРЕЧЕНЬ ДОЛЖНОСТЕЙ, ВХОДЯЩИХ В ДОЛЖНОСТНЫЕ ГРУППЫ, ПО КОТОРЫМ ДАЮТСЯ СВЕДЕНИЯ О КАДРАХ»

1. Руководящие кадры центрального аппарата министерств и ведомств

1. Руководящие работники Верховных Советов и Советов Министров СССР и РСФСР.
2. Министры и руководители ведомств и организаций СССР и РСФСР и их заместители.
3. Руководители других общесоюзных организаций и их заместители.
4. Начальники главных и центральных управлений, основных управлений и отделов, а также структурных подразделений в их составе в министерствах, ведомствах и организациях СССР и РСФСР и их заместители.
5. Секретари парткомов и партбюро министерств, ведомств и организаций СССР и РСФСР.
6. Руководящие работники ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.
7. Члены Верховных судов СССР и РСФСР и военных коллегий.
8. Цензоры Главлита.
9. Члены Совета научно-технической экспертизы Госплана СССР.
10. Члены редколлегий Большого совета Атласа мира.
11. Прокуроры отдела по спецделам, следователи по важнейшим делам Прокуратуры СССР, военные прокуроры.

12. Помощники министров, руководителей ведомств, их заместителей и помощники начальников главков.
13. Члены президиума Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.
14. Члены президиума Академии наук СССР, директора академических институтов и их заместители, ученые секретари технических советов, научно-технических экспертиз и аттестационных комиссий.
15. Руководящие работники антифашистских комитетов.
16. Члены секретариата Союза советских писателей.
17. Радиокомментаторы.

II. Руководящие кадры областных, краевых и республиканских советских, хозяйственных и других учреждений и организаций

1. Председатели президиумов Верховных Советов союзных и автономных республик.
2. Председатели Советов Министров союзных и автономных республик и председатели исполкомов областных и краевых советов депутатов трудящихся и их заместители.
3. Министры союзных и автономных республик и руководители республиканских, краевых и областных учреждений, организаций и их заместители.
4. Редакторы областных, краевых и республиканских газет; корреспонденты газет «Правда», «Известия» и корреспонденты ТАСС в областях, краях и республиках; ответственные редакторы редакций радиовещания республиканских радиокомитетов.
5. Председатели областных, краевых и республиканских Советов профсоюзов.
6. Управляющие областными, краевыми и республиканскими трестами и конторами.
7. Управляющие делами Советов Министров союзных, автономных республик и секретари исполкомов областных и краевых Советов депутатов трудящихся.
8. Академики-секретари академий наук союзных республик.

III. Руководящие кадры межобластных учреждений и организаций

1. Руководители территориальных управлений министерств и ведомств и их заместители.
2. Начальники железных дорог, отделений железных дорог и их служб (паровозной, пути), парходств и бассейновых управлений и их заместители, начальники политотделов в отделениях железных дорог.
3. Военные прокуроры и председатели трибуналов железных дорог и водных бассейнов, редакторы газет отделений железных дорог.
4. Председатели и секретари ЦК профсоюзов.

IV. Руководители окружных, городских и районных учреждений и организаций

1. Председатели исполкомов окружных, городских и районных Советов депутатов трудящихся и плановых комиссий.
 2. Окружные, городские и районные прокуроры.
 3. Заведующие окружными, городскими и районными финансовыми и торговыми отделами, отделами здравоохранения, народного образования, сельского хозяйства.
 4. Редакторы окружных, городских и районных газет.
 5. Районные уполномоченные Министерства заготовок, председатели райпотребсоюзов.
- (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 862. Л. 202-205.)
23. Бжезинский З. Великая шахматная доска, господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2000. С. 108.

Борис СЛУЦКИЙ

Про евреев

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.

Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.

Я все это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но все никуда не деться
От крика: «Евреи, евреи!»

Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.

Пуля меня миновала,
Чтоб говорилось нелживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

«ЧЕРНЫЕ ГОДЫ»

*Глазами соратников вождя и приближенных
(1948 — 1953)*

Н.С. ХРУЩЕВ:

СТАЛИН... БЫЛ ПОДВЕРЖЕН ЭТОМУ ГНУСНОМУ НЕДОСТАТКУ *

Крупным недостатком Сталина являлось неприязненное отношение к еврейской нации. Он как вождь и теоретик в своих трудах и выступлениях не давал даже намека на это. Боже упаси, если кто-то сослался бы на такие его высказывания, от которых несло антисемитизмом. Внешне все выглядело пристойно. Но, когда в своем кругу ему приходилось говорить о каком-то еврее, он всегда разговаривал с подчеркнуто утрированным произношением. Так в быту выражаются несознательные, отстающие люди, которые с презрением относятся к евреям и нарочно коверкают русский язык, выпячивая еврейское произношение или какие-то отрицательные черты. Сталин любил это делать, и выходило у него типично.

Помню, в начале 50-х годов возникли какие-то шероховатости, что-то вроде волынки, среди молодежи на 30-м авиационном заводе. Доложили об этом Сталину по партийной линии. И госбезопасность тоже докладывала. Зачинщиков приписали к евреям.

Когда мы сидели у Сталина и обменивались мнениями, он обратился ко мне как к секретарю Московского горкома партии: «Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки и, когда кончится рабочий день, побьют этих евреев». Я присутствовал там не один: были еще Молотов, Берия, Маленков. Кагановича не было. При Кагановиче он антисемитских высказываний никогда себе не позволял. Слушаю я его и думаю: «Что он говорит? Как это можно?» ...Когда Сталин сказал, что надо дубинками вооружить рабочих и побить евреев, а потом мы вышли, Берия иронически говорит мне: «Ну что, получил указания?» «Да, — отвечаю, — получил. Мой отец был неграмотный, но он не участвовал в погромах, это считалось позором. А теперь мне, секретарю ЦК партии, дана такая директива». Я-то знал, что хотя Сталин и дал прямое указание, но если бы что-либо такое было сделано и стало бы достоянием общественности, то была бы назначена комиссия и виновных жестоко наказали. Сталин не остановился бы ни перед чем и задушил бы любого, чьи действия могли скомпрометировать его имя, особенно в таком уязвимом и позорном деле, как антисемитизм. После войны Сталин часто заводил подобные разговоры, мы к ним привыкли. Слушали, но не запоминали и ничего не делали в этом направлении.

* Н. С. Хрущев. *Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х книгах), кн. 2, М. 1999.*

Однажды к Сталину приехал Мельников¹, избранный после меня секретарем ЦК Компартии Украины. Коротченко² тоже с ним был. Сталин пригласил их к себе, на «ближнюю» дачу. Он их усиленно там спаивал и достиг цели. Эти люди в первый раз были у Сталина. Мы-то знали его. Он всегда спаивал свежих людей. Они охотно пили, потому что считали за честь, что их угощает сам Сталин. Но здесь главное заключалось не в проявлении гостеприимства: Сталину интересно было напоить их до такого состояния, чтобы у них развязались языки и они болтали все то, что в трезвом виде, подумав, никогда бы не сказали. У них, действительно, развязались языки, и они начали болтать...

В то время Сталин уже не обходился без антисемитизма и начал высказываться в этом духе. Он попал на подготовленную почву внутренней готовности у Мельникова. Они с Коротченко пораскрывали рты и слушали вождя. Кончился обед, мы разъехались. Те двое убыли на Украину.

Когда я перешел работать в Москву, состоялось решение Политбюро ЦК, что я должен наблюдать за деятельностью ЦК КП(б)У. Мне присылали все украинские газеты. Я просматривал центральные органы печати, а мои помощники докладывали мне обо всем, что заслуживало внимания в других изданиях. Вскоре после упомянутого обеда мой помощник Шуйский приносит мне украинскую газету и показывает передовую. В ней критиковались какие-то недостатки и назывались конкретные люди, человек 16. И все фамилии были еврейскими. Я возмутился: как можно допускать такое? Тут я сразу догадался, откуда ветер дует. Мельников и Коротченко поняли как указание ту критику, которую Сталин высказал при них в адрес еврей-

БЕСПАЧПОРТНЫЙ БРОДЯГА

«КРОКОДИЛ»

«Беспачпортный бродяга». Карикатура из журнала «Крокодил», март 1949

ской нации, и начали конкретные действия. Стали искать конкретных носителей недостатков и использовали газету. Ведь если вести борьбу, то уж вести ее надо широким фронтом, мобилизовать партию и массы.

Я тут же позвонил Мельникову: «Прочел вашу передовую. Как вам не стыдно? Как вы посмели выпустить газету с таким содержанием? Ведь это же призыв к антисемитизму. Зачем вы это делаете? Имейте в виду, если Сталин прочтет эту передовую, то не знаю, как она обернется против вас — секретарь ЦК на Украине, Центральный Комитет КП(б)У проповедуют антисемитизм. Как вы не понимаете, что тут материал для наших врагов. Враги используют это позорное явление: Украина поднимает знамя борьбы с евреями, знамя антисемитизма». Он начал оправдываться. Потом разрыдался. Я говорю: «Если и дальше так будет про-

¹Мельников Л.Г. (1906-1981) - в 1049-1953 - 1-й секретарь ЦК КП(б)У.

²Коротченко Д.С. (1894-1969) - в 1947-1954 — Председатель СМ Украины.

должаться, то я сам доложу Сталину. Вы неправильно поняли Сталина, когда были у него на обеде». Я, конечно, тоже тут рисковал, потому что не имелось гарантии, что телефонные разговоры не подслушиваются. Не был я уверен и в том, что Мельников сам не напишет Сталину про то, что Хрущев дает указания, противоречащие тем, которые он получил от Сталина, когда находился у него на «ближней». Сталин, видимо, мне бы этого не спустил.

Вскоре моя супруга Нина Петровна получила из Киева письмо и рассказала мне такую историю. В Киеве есть клиника для детей, больных костным туберкулезом. Возглавляла эту клинику профессор Фрумина. Она часто бывала у нас на квартире, когда мой сын Сергей болел костным туберкулезом, и очень много приложила усилий к тому, чтобы вылечить его. Сейчас у Сергея никаких признаков болезни нет, он выздоровел полностью. Приписывали это главным образом Фруминой. Был тогда еще один видный специалист по костному туберкулезу в Ленинграде, и мы попросили его совета насчет лечения. Он тогда сказал Нине Петровне: «Что же вы ко мне обращаетесь? У вас есть Фрумина в Киеве. Лучше ее это дело никто не знает». Теперь в своем письме Фрумина сообщала, что ее уволили с формулировкой о несоответствии занимаемой должности.

Я возмутился и позвонил опять Мельникову: «Как вы это могли допустить? Уволить заслуженного человека, да еще с такой формулировкой. Сказать, что она не соответствует по квалификации. Вот такой-то академик медицины говорит мне, что лучше ее никто не знает костного туберкулеза. Кто же мог дать другую оценку и написать, что она не соответствует занимаемому положению?» Он опять начал оправдываться, ссылаться на кого-то. Всегда в таких случаях найдутся люди, которые подтвердят, что все сделано правильно. Я ему: «Вы позорите звание коммуниста». Не помню, чем дело

кончилось. Кажется, восстановили врача в должности. Но это был позорный факт.

Потом мы несколько сдержали антисемитизм. Но именно сдержали, так как, к сожалению, его элементы сохранились. Вот сейчас я живу за городом, как затворник. Общения с людьми у меня почти нет. Общаюсь только с теми, кто либо меня охраняют, либо от меня охраняют. Мне трудно даже определить. Скорее всего, от меня охраняют. Они неплохие ребята. Разговариваю я с ними, и у них часто проskalьзывают в беседах позорные слова. Видимо, не дается людям должно го разъяснения, а тем более не дается отпора столь позорному явлению. Почему так происходит? Во-первых, антисемитизм у нас в старое время проявлялся на очень высоком уровне. Сколько было погромов! Люди старого поколения помнят Пуришкевича, который как черносотенец держал первенство по этой линии в Государственной думе. А уж при Советской власти Сталин тоже поддерживал антисемитскую бациллу и не давал указаний, чтобы в корне ликвидировать ее. Он внутренне сам был подвержен этому гнусному недостатку, который носит название антисемитизм.

А что сказать о жестокой расправе с заслуженными людьми, которые подняли вопрос о создании еврейской автономии в Крыму? Да, это было неправильное предложение. Но так жестоко расправиться с ними, как расправился Сталин? Он мог просто отказать, разъяснить людям, и этого оказалось бы достаточно. Нет, он физически уничтожил всех, кто активно поддерживал их документ. Только Жемчужина выжила каким-то чудом и отделалась долголетней высылкой. Безусловно, такая акция стала возможна только в результате внутренней деятельности бациллы антисемитизма, которая жила в мозгу Сталина. Про-

изошла расправа с Михоэлсом, величайшим артистом еврейского театра, человеком большой культуры.

Таким же образом хотели организовать убийство Литвинова¹. Когда подняли ряд документов после смерти Сталина и допросили работников МГБ, то выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу. Есть там такая извилина при подъезде к его даче, и именно в этом месте хотели совершить покушение. Я хорошо знаю это место, потому что позднее какое-то время жил на той самой даче. К убийству Литвинова имелось у Сталина двойное побуждение. Сталин считал его вражеским, американским агентом, как всегда называл все свои жертвы агентами, изменниками Родины, предателями и врагами народа. Играла роль и принадлежность Литвинова к еврейской нации. Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму.

Вот еще один эпизод. В военные годы было создано Совинформбюро для сбора всевозможных материалов о нашей стране, о действиях Красной Армии, о борьбе против гитлеровской Германии и для распространения этих материалов в нашей и западной прессе, главным образом в США. Так как там очень влиятельны круги еврейской нации, то и у нас в Совинформбюро входило немало евреев, занимавших высокое положение в стране. Заместителем начальника, а потом и начальником там был прежний генеральный секретарь Профинтерна, заместитель наркома иностранных дел Лозовский.

Возник также Еврейский антифашистский комитет. Среди прочих в него вступил по рекомендации свыше Герой Советского Союза генерал Крейзер². В этом комитете состоял и Михоэлс. Он был родственником академика-философа Митина³. В этот же комитет, конечно, входила и жена Молотова Жемчужина.

Лозовский не раз обращался ко мне, когда я приезжал в Москву, а иной раз звонил по телефону с просьбой, чтобы пропагандистам дали материалы о зверствах гитлеровцев на Украине. Я поручал, кому следует, и эти материалы посылались в США, где они широко использовались для пропаганды успехов Красной Армии и описания зверств, которые творили захватчики на Украине. Деятельность Лозовского была ярко положительной. Он был очень активный человек и настойчиво домогался: «Давайте материалы, давайте материалы!». Мы же в 1944-1945 гг. были очень заняты восстановлением хозяйства, и нам порою было не до того. А он напирал: «Вы поймите, насколько важно для нас показать лицо нашего общего врага, описать его зверства, показать трудности восстановления наших городов и сел».

Думаю, что данная организация, изучавшая зверства гитлеровцев, была создана по предложению Молотова. Но, может быть, сам Сталин предложил организовать ее. Она активно занималась вопросами пропаганды, и ее деятельность, как и деятельность Еврейского антифашистского комитета, была явно в интересах нашего государства, нашей политики, Коммунистической партии, справедливо считалась полезной и необходимой. Когда освободили Украину, в ЕАКе составили

¹ Литвинов М.М. (1876-1951) — наркоминдел СССР в 1930-1939, один из самых авторитетных советских дипломатов.

² Крейзер Я.Г. (1905-1969) — генерал, в Великую Отечественную войну командовал рядом армий. Герой Советского Союза (1941).

³ Митин М.Б. (1901-1987) — член Компартии с 1919 г., академик АН СССР с 1939 г., один из биографов Сталина, депутат Верховного Совета СССР в 1960-1962 гг.

документ (не знаю, кто явился инициатором), в котором предлагалось Крым (после выселения оттуда татар) превратить в еврейскую автономию в составе РСФСР. Обратились с этим предложением к Сталину. Вот тут и разгорелся сыр-бор. Сталин расценил дело так: налицо акция американских сионистов; члены этого комитета — агенты сионизма, которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма. Был дан простор воображению.

Помню, как мне по этому вопросу звонил Молотов и советовался, видимо, был втянут в это дело через Жемчужину. Наиболее активную роль в комитете играли Лозовский и Михоэлс. Сталин же буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Схватили Лозовского, позднее — Жемчужину. Был дискредитирован Молотов. Соответствующие материалы рассылались членам ЦК, и там все было использовано, чтобы дискредитировать Жемчужину и уколоть мужское самолюбие Молотова. Помню грязный документ, в котором говорилось, что она была неверна мужу, и даже указывалось, кто были ее любовниками. Много было написано гнусности.

Начались гонения на этот комитет, что послужило еще одним толчком к подогреванию антисемитизма. Сюда же приплеталась выдумка, будто евреи хотели создать свое особое государство, выделиться из Советского Союза. В результате встал вопрос вообще о еврейской национальности и ее месте в нашем государстве. Пошли расправы. Не знаю, сколько тогда людей было арестовано по этому делу. Применялись и другие методы. Сталин опять начал практиковать тайные убийства. Долго тянулся следственный процесс по делу этого комитета, и в конце концов все кончилось трагически. Лозов-

Вячеслав Молотов, Полина Жемчужина и их дочь Светлана на даче

ский был расстрелян, а ряд лиц сослали. Я думал тогда, что Жемчужину расстреляли, потому что об этом никому ничего не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все доложили Сталину, а Сталин лично сам казнил и миловал. О том, что она жива, я узнал уже после смерти Сталина, когда Молотов сказал, что Жемчужина находится в ссылке. Все согласилась, что ее надо освободить. Берия, освободив ее, торжественно вручил ее Молотову. Он рассказывал мне, как Молотов приехал к нему в министерство и там встретился с Жемчужиной. Она была еле жива, он обнял ее. Берия рассказывал с какой-то иронией, но Молотову и Жемчужиной выражал сочувствие, демонстрируя, что вроде это была его инициатива освободить ее.

Теперь — о вопросе по существу. Нужно ли было создавать в Крыму еврейскую автономную республику? Я считаю, что раз уже имелась Еврейская автономная область, то вряд ли нужно что-то еще создавать в Крыму.

А мы все питались тогда рассуждениями Сталина и поддавались его влиянию. Мысль Сталина про шпионаж появилась потому, что Крым — морская граница, доступная иностранным судам. Он считал, что никак нельзя допустить

это с точки зрения обороны. Мы ведь всегда стояли на той точке зрения, что надо укреплять оборону, а не ослаблять ее. Правда, данный вопрос по существу никогда не обсуждался, а только высказывались точки зрения об осторожности и бдительности. Тут-то и была проявлена Сталиным «бдительность», и он пресек поползновения мирового сионизма, его попытки создать опору в нашей стране для борьбы американского империализма против нас. Если встать на эту позицию, то не надо было разрешать создавать эту республику. Так оно и было решено. Но официального обсуждения и решения никакого не было, а вот аресты начались. Хватали людей, которые сыграли большую роль во время войны по сбору антифашистских материалов. Все пошло насмарку, а честные люди были уничтожены. Вновь позорное явление! После этого и возник упомянутый процесс на Автомобильном заводе имени Сталина. Там тоже искали происки американского империализма через сионистов, работающих на заводе. Конечно, чистейшая чепуха. Тут результат произвола и абсолютной бесконтрольности Сталина...

Расскажу о так называемом деле врачей. Однажды Сталин пригласил нас к себе в Кремль и зачитал письмо. Некая Тимашук¹ сообщала, что она работает в медицинской лаборатории и была на Валдае, когда там умер Жданов. Она писала, что Жданов умер потому, что врачи лечили его неправильно: ему назначались такие процедуры, которые неминуемо должны были привести к смерти, и все это делалось преднамеренно. Конечно, если так было на самом деле, то каждый должен возмутиться подобным злодейством. Тем более, речь идет о врачах. Это же совершенно противоестественно: врач должен лечить, оберегать здоровье человека, а не убивать жизнь.

Если бы Сталин в ту пору оставался нормальным, то он по-другому отреагировал бы на это письмо. Мало ли какие письма поступают от людей с нарушенной психикой или от тех, которые подходят к оценке того либо другого события или действия того либо другого лица с ложных позиций. Сталин же был чрезвычайно восприимчив к такой «литературе». Думаю, что Тимашук тоже была продуктом сталинской политики, которая внедрила в сознание всех наших граждан ту дикую мысль, что мы не просто окружены врагами, но что едва ли не в каждом человеке, который рядом, нужно видеть неразоблаченного врага...

Кто лечил Жданова конкретно, я сейчас не помню. Не в этом дело! И вот начались аресты. Был арестован среди других академик медицины Владимир Никитич Виноградов, которого, когда он был уже освобожден, я узнал получше, ибо он не раз потом консультировал меня...

Вместе с Виноградовым и Василенко арестовали большую группу врачей, которые работали в Кремлевской больнице и имели какое-то касательство к лечению Жданова. Арестовали их, и тут же Сталин послал для публикации письмо Тимашук со своей припиской, в которой он мобилизовывал гнев широких масс против врачей, которые «учинили такое злодеяние» и умертвили Жданова. У Жданова давно было подорвано здоровье. Не знаю точно, какими недугами он страдал. Но одним из недугов был тот, что он утратил силу воли и не мог себя регулировать, когда надо остановиться в питейных делах... Одним словом, врачи были арестованы. Отовсюду в газету посыпались письма, в которых врачи клеймились как предатели. Я понимаю авторов писем. Письма соответствовали настроению людей, которые

¹ Тимашук Л.Ф. (1893-1983) — врач Кремлевской больницы, сотрудничавшая с органами безопасности. Вопреки словам Хрущева, письмо Тимашук было написано в 1948 году и извлечено Сталиным из архива через четыре года

верили, что если сам Сталин рассылает такой документ, то, следовательно, преступление доказано. А оно возмущало каждого. Маршал Конев, сам уже больной человек, прислал Сталину длиннущее письмо, в котором сообщал, что врачи его тоже травили, тоже неправильно лечили, применяя те же лекарства и методы лечения, о которых говорилось в письме Тимашук и посредством которых Жданов был сознательно умерщвлен.

Просто позор. Видимо, многие члены Президиума ЦК КПСС чувствовали несостоятельность этих обвинений. Но они не обсуждали их, потому что раз про это сказал Сталин, раз он сам «ведет» этот вопрос, то говорить больше не о чем. Когда же мы сходились не за столом Президиума и обменивались между собой мнениями, то больше всего возмущались письмом, полученным от Конева, потому что если люди, обвиняемые в смерти Жданова, оказались за решеткой, то письмо, которое прислал Конев, клеймило не только тех, которые уже были «выявлены», но толкало Сталина на расширение круга подозреваемых и вообще на недоверие к врачам. Шутка сказать! После разгрома врага во Второй мировой войне, после того как давно родилась своя, в советское время рожденная, получившая после 1917 г. образование и воспитание интеллигенция, вдруг ее представители, врачи, оказываются вредителями и по отношению к ним выдвигается недоверие. Неслыханная жестокость!

Вспоминаю ранние годы своей юности. В Донбассе свирепствовала в 1910 г. холера. Много умерло шахтеров на той шахте, где работали мой отец и я. Заболевшие шахтеры сразу попадали в холерный барак, откуда никто не возвращался. Тогда поползли слухи, что врачи травят больных. Нашлись и «свидетели», которые видели, как кто-то шел мимо колодца и высыпал туда ка-

кой-то порошок. Всякие нелепые вещи можно было тогда услышать. А еще раньше, в 1902 г., в Макеевке возник даже «холерный бунт». Темное население избивало врачей. И вот теперь, в 1952 г., опять поднимают голову темные силы, ведется травля врачей, и даже маршал Конев прилагает к этому руку.

Конечно, это произошло в результате болезненного характера человека и некоего «сродства душ». А у Конева и Сталина, действительно, имело место частичное сродство душ. Потому-то Конев сейчас переживает, что XX съезд партии осудил злодеяния Сталина, а XXII съезд партии еще «добавил». Считаю, что мы, члены Президиума ЦК партии, мало сделали в конце 1952 года. В этом я и себя упрекаю. Надо было проявить больше решительности в то время, не позволить развернуться той дикой кампании. Увы, после драки кулаками не машут, и я беру и на себя вину за то, чего тогда не доделал. А нужно было бы доделать в интересах нашего народа, в интересах партии, в интересах нашего будущего.

Начались допросы «виновных». Тогда министром госбезопасности был Игнатъев. Я лично слышал, как Сталин не раз звонил ему. Я знал его. Это был человек крайне больной, мягкого характера... В то время у него случился инфаркт, и он сам находился на краю гибели. Сталин звонит ему (а мы знали, в каком физическом состоянии Игнатъев находился) и разговаривает по телефону в нашем присутствии, выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в порошок. Он требовал от Игнатъева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы.

Василенко, кажется, был в то время в Китае. Его отозвали. И, как только он переехал советскую границу, ему надели кандалы. У меня отложилось в памяти, что все эти несчастные врачи «сознались» в преступлениях. Но я не могу

осуждать людей, которые фактически клеветали сами на себя. Слишком много предо мною прошло разных лиц, честных и преданных нашей партии и революции, которые «сознавались»...

В октябре 1952 г. открылся XIX партсъезд. Я сделал на нем доклад об уставе партии и заболел, не мог выйти из дому, когда обсуждался мой доклад. Наверное, день или два не выходил на улицу. Ко мне приехал профессор медицины, прослушал меня. Это был человек, как говорится, в возрасте, старый доктор, опытный. Он пользовался не только медицинской аппаратурой, но прослушивал работу моего сердца, прикладывая ухо непосредственно к груди, а делал это бережно, ласково и

утешал меня. Буквально трогали внимание и заботливость этого человека. И его, наверное, сцапают, размышляя, когда открылось «дело врачей». Я тогда поднялся быстро на ноги и успел поучаствовать в конце работы XIX съезда партии. Не в том дело. Я боялся, что таких людей, как этот врач, всех загребут. Раз дают показания, то Сталин никого не пощадит. Виноградов тоже лечил Сталина (а врачи лечили его редко). Но Сталин не пощадил Виноградова, арестовал, приказал бить. Да там всех били. И все они попали в общую кашу. Так возникло позорное «дело врачей». Какое же это счастье, что оно потом лопнуло, как мыльный пузырь!..

КАГАНОВИЧ:

НЕ БЫЛО НИ РАЗУ РАЗГОВОРА НА ТЕМУ О ВЫСЕЛЕНИИ ЕВРЕЕВ*

Вы Эренбурга знали?

— Знал. Я знал его, беседовал с ним не раз.

— В «Вечерней Москве» позавчера напечатали о деле врачей. Там Шейнис пишет, что, когда возникло «дело врачей», Эренбург написал Сталину. Читаю из «Вечерки»:

«Письмо было краткое. Суть его состояла в следующем. События, связанные с евреями, приведут к тяжчайшим политическим и международным последствиям. Мы потеряем друзей во всем мире. От нас отвернется интеллигенция цивилизованных стран. Письмо было передано Сталину, скорей всего, через его помощника. Сталин не позвонил Эренбургу, как он это сделал за несколько месяцев до войны, и не пригласил его к себе. Через несколько дней Эренбургу позвонил Маленков.

Он сказал: «Вы писали товарищу Сталину. Он поручил мне переговорить с вами». Эренбург приехал к Маленкову. Беседа проходила в здании ЦК партии на Старой площади. В кабинете кроме Маленкова на-

ходился Каганович. Он нервно ходил по кабинету, потом, ткнув пальцем в сторону Эренбурга, изрек: — И этот человек утверждает, что в Советском Союзе имеет место антисемитизм.

— А что он ответил? — интересуется Каганович.

— Там не написано.

— Что-то припоминаю. Был разговор. Я не помню, что он говорил. Что-то такое, о нации лысых. Если будут бить всех лысых, то образуется нация лысых. Так и евреи. Евреи в нацию образуются. А так нации ихней нет. Такой смысл.

— Продолжаю читать:

«Беседа с Маленковым была беспредметной. Он уходил от существа вопроса. «О его личной причастности к готовящейся акции тогда трудно было судить», — заметил Эренбург.

— И почему я вдруг ткнул пальцем? — возмущается Каганович. — «И этот человек утверждает, что у нас есть антисемитизм!»

— Чтоб лишний раз вас ущипнуть. Вы же мешаете им нормально строить капитализм!

— Некоторое напряжение в это время было у Сталина, — поясняет Каганович. — Некоторое было.

— Но он вам доверял все-таки?

* Ф. Чуев. Так говорил Каганович. М., 1992.

— Он доверял мне. Но я думаю, что он внутренне даже страдал немного оттого, что он должен меня проверять. Он мне верил, он мне верил, да. Когда Михайлов принес мне бумагу для публикации против этих врачей — я вам рассказываю кое-что личное — по еврейскому вопросу, и там были подписи Рейзена и многих других еврейских деятелей. Михайлов был секретарем ЦК, потом министром культуры. Я ему сказал: «Я не подпишу».

— А что, там осуждали их?

— Да, да. Он говорит: «Как? Мне товарищ Сталин поручил». — Скажите товарищу Сталину, что я не подпишу. Я ему сам объясню.

Когда я пришел, Сталин меня спрашивает: «Почему вы не подписали?» Я говорю: «Я член Политбюро ЦК КПСС, а не еврейский общественный деятель, и буду подписывать бумагу как член Политбюро. Давайте такую бумагу я напишу, а как еврейский общественный деятель не буду подписывать. Я не еврейский общественный деятель!»

Сталин внимательно на меня посмотрел: «Ладно, хорошо». Я говорю: «Если нужно, я напишу, статью, от себя». — «Посмотрим, может, надо будет и статью написать».

— Да, между прочим, недавно статья Герасимова была в «Огоньке», о том, что все были антисемитами — Сталин, Молотов, Маленков, Ворошилов, все были антисемитами. Но главный антисемит — Каганович.

— У половины из них жены были еврейки, а Каганович — сам еврей, извините. Это старый прием: если человек неудобен в политическом смысле. Его называют антисемитом, черносоптенцем, кем угодно, чтоб его политически убрать, чтоб не мешал.

И. Эренбург и А. Эйнштейн

— С чего началось «дело врачей»? Это была провокация, или какой-то факт был?

— Я не могу сказать. Я был так занят делами, и в то же время я не так близко был в курсе этих дел. И меня не ставили в известность. Потому что чувствовали, что тут не совсем складно. Сталин был очень внимателен к национальным моим чувствам и всегда разговаривал со мной мягко на этот счет. Он даже один раз меня спросил: «А почему вы, когда мы смеемся над евреями, становитесь грустным, мрачным по лицу?» Он вглядывался в лица, в глаза. «Вот Микоян у нас — мы про армян смеемся, и Микоян хохочет вместе с нами над армянами». Я говорю: «Видите, товарищ Сталин, вы национальные чувства и характер хорошо знаете. Видимо, в характере евреев сказалось то, что их очень много били, и они — как мимоза. К ней только притронься — она сразу закрывается». Сталин: «Вот это здорово ты сказал!» Понял он меня. «Как мимоза», — повторил. Ему понравилось. «Так, видимо, — говорю, — в каждом еврейском характере. Вы же признаете, что евреи — не нация, но в характере их есть национальное».

Видимо, в характере это заложено». Ему понравилось это объяснение. Он понял меня. Хорошо понял меня...

— Пишут в «Вечерке», что хотели три миллиона евреев выселить в Сибирь, на Север, правда ли это?

— В деле врачей не только евреи, там было много и русских, и армян. Писали даже, — говорит Лазарь Моисеевич, — в одной книге было написано, будто бы при Кагановиче было предложение выселить евреев и что Каганович порвал партбилет, бросил на стол Сталину и сказал: «Я выхожу из партии». Это вранье! Никогда ничего подобного не было. Никогда при мне разговора на эту тему не было.

— Не было разговора о выселении евреев?

— Абсолютно! — вскипает Каганович. — Абсолютно не было разговора, абсолютно. Ни разу. Ни разу не было разговора на этот счет. Абсолютно не было ни разу разговора на эту тему.

— Было ли заседание Политбюро по этому поводу перед смертью Сталина?

— Не было.

— Пишут о профессоре Головченко, замзавотделом ЦК, он ехал делать доклад по «делу врачей», и его машину с полдороги завернули. Объясняют это

тем, что Сталин, видимо, прочитал письмо Эренбурга и решил отменить такие доклады, а всё дело потихоньку свернуть.

— Может, сейчас Эренбурга хотят сделать героем, вроде того, что он спас страну, — предполагает Каганович.

— Пишут, что, возможно, это письмо сыграло роль: Сталин «дело врачей» прекратил. Прекратил ли Сталин это дело?

— Вообще, оно пошло на убыль. Пошло на убыль само собой.

— Еще при Сталине?

— Да.

— Кто его все-таки задумал? Неужели Сталин?

— Черт его знает... Трудно сказать. Я не влезал в это дело, — снова подтверждает сказанное ранее Каганович.

Может, Берия, чтоб выслужиться лишний раз? Этот Шейнис пишет, что он встречался с Молотовым, пытался у него спросить, но Молотов ничего не сказал. Мне Молотов говорил, что он тогда был уже фактически не у дел, у него жена сидела, и Молотов не знал подробностей.

Как не у дел — он был у дел все время, когда и жена сидела. Молотов немного уходит, — говорит Каганович.

А.И. МИКОЯН:

ГОТОВИЛОСЬ «ДОБРОВОЛЬНО- ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ» ВЫСЕЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ*

Казалось, счастливо складывается судьба его дочери Светланы: отношение Сталина к ней было в общем хорошее. Молчаливая, спокой-

ная, скромная, она всем нам очень нравилась. И со стороны Сталина к ней отношение было отеческое. Испортилось оно, когда Светлана вышла замуж за студента Морозова¹, еврея по национальности. Морозов дружил с нашими детьми, мы были хорошего мнения о нем. Светлана родила от него сына.

К этому времени у Сталина антиеврейские чувства приняли острую форму. Он арестовал отца Морозова, какого-то простого, никому не известного человека, сказав нам, что это — амери-

* Микоян А.И. Так было. М., «Вагриус», 1999 — С. 456, 536-537.

¹ Морозов Г.М. — в дальнейшем научный сотрудник и профессор ИМЭМО, один из основателей Российской ассоциации содействия ООН.

Светлана Сталина с мужем Григорием Морозовым. 1945

канский шпион, выполнявший задание проникнуть через женитьбу сына в доверие к Сталину с целью передавать все сведения американцам. Затем он поставил условие дочери: если она не разойдется с Морозовым, того арестуют. Светлана подчинилась, и они разошлись. Морозов очень долго не мог устроиться на работу. С этой просьбой он обращался к моей жене и сыновьям.

Через некоторое время удалось его устроить на работу в научный институт. Он до сих пор работает научным сотрудником, как был, так и остался хорошим человеком... Спокойным со Сталиным не мог чувствовать себя никто. Как-то после ареста врачей, когда действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер, Каганович сказал мне, что ужасно плохо себя чувствует: Сталин предложил ему вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газетах групповое заявление с разоблачением сионизма, отмежевываясь от него. «Мне больно потому, — говорил Каганович, — что я по совести всегда боролся с сионизмом, а теперь я должен от него «отмежеваться»! Это было за месяц или полтора до смерти Сталина — готовилось «добровольно-принудительное» выселение евреев из Москвы.

Смерть Сталина помешала исполнению этого дела.

А.Н. ЯКОВЛЕВ¹:

ЕМУ ВЕЗДЕ МЕРЕЩИЛСЯ ВРАЖДЕБНЫЙ СИОНИЗМ*

Любая власть лицемерна, но большевистская в этом смысле относится к категории уникальных. На поверхности слова о равенстве наций, о дикости шовинизма, наци-

онализма и антисемитизма. На деле же культивировалась политика, не имевшая ничего общего с декларациями. В одном из интервью Сталин называет антисемитизм «каннибализмом», однако, как свидетельствует его дочь Светлана Аллилуева, ему везде мерещился враждебный сионизм, он прямо повторял, что вся история партии большевиков — это история борьбы с евреями. При Сталине накладываются

¹ Яковлев А.Н. (род. в 1923) — советский и российский партийный, государственный и общественный деятель. В 1960 — 1973 гг. работал в отделе пропаганды ЦК КПСС. 1973 — 1983 гг. — посол СССР в Канаде. 1985 — 1986 гг. — заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС. 1986 — 1990 гг. — секретарь, член Политбюро ЦК КПСС, председатель комиссии ЦК КПСС по изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями. 1993-1995 гг. — руководитель Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию. Президент Международного фонда «Демократия». Председатель комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.

* Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина: В двух книгах. Книга первая. М.: Вагриус, 2001.

прямые ограничения на развитие еврейской национальной культуры, языка, религии. Евреи вытесняются из партийного аппарата, государственных и хозяйственных органов управления. Производятся аресты еврейских писателей, закрываются еврейские учебные и культурные заведения, запрещается издание книг на иврите.

Накануне войны Сталин в беседе с Риббентропом откровенно высказался о своих действительных взглядах на еврейский вопрос. Он обещал Гитлеру покончить с «еврейским засильем», особенно среди людей интеллектуального труда. Две родственные души и родственные системы начали работать в одном ключе.

Даже во время войны, например, в августе 1942 года, Управление агитации и пропаганды ЦК докладывает о том, что в искусстве преобладают «нерусские люди (преимущественно евреи)», а также о том, что управление сомневается в возможности работы в Большом театре таких мастеров искусства, как Самосуд, Файер, Штейнберг, Габович, Мессерер и других. В октябре 1943 года Раневская не была утверждена на одну из ролей в фильме «Иван Грозный», поскольку «семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах». И это говорится о величайшей русской актрисе, гордости отечественной и мировой культуры. О необходимости очищения культуры от евреев неоднократно пишет во время войны начальник этого управления Александров.

После Отечественной войны антисемитизм становится практически государственной политикой. Заместитель министра госбезопасности М.Рюмин заявил, что с конца 1947 года в работе его ведомства «начала отчетливо проявляться тенденция рассматривать лиц еврейской национальности потенциальными врагами Советского государства».

Нередко ослепление антисемитизмом приводило к явным курьезам. К евреям причислили монаха Менделя, а также Моргана, Татлина, Мейерхольда. Для невежд не имело значения, что некоторые из арестованных не были евреями, лишь бы фамилии звучали соответственно. В номенклатурную элиту практически не попадали лица, женатые на еврейках, если, конечно, они не были агентами КГБ.

Особое место в антисемитской политике занимают два дела: Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и «врачей-убийц».

Еврейский антифашистский комитет был создан в годы войны наряду с другими общественными организациями — Антифашистским комитетом молодежи, Всеславянским антифашистским комитетом — с целью мобилизации сил на борьбу с гитлеровской агрессией. Международные контакты ЕАК способствовали сбору за рубежом продовольствия, одежды, медикаментов, валютных средств в качестве безвозмездной помощи нашей стране.

Но кончилась война, надо искать новых врагов, без них теряется смысл существования власти. Ведь начертано же на знамени большевизма: «Вся жизнь — борьба!» Уже 12 октября 1946 года МГБ пишет в ЦК и правительство доклад «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Пока что о «некоторых», потом — обо всех. В свою очередь, Отдел внешней политики ЦК обвиняет работников ЕАК в том, что они, забывая о классовом подходе, международные контакты строят «на националистической основе». Сие надо понимать так, что советские евреи-антифашисты встречаются, скажем, с американскими евреями-антифашистами, и поскольку с обеих сторон выступают евреи, основа у них националистическая.

Затем последовала записка Михаила Суслова от 26 ноября 1946 года, открывшая новую страницу репрессий. Суслов обвинил ЕАК в антисоветской и шпионской деятельности. Дело пошло. Из арестованных Гольдштейна и Гринберга выбиты пытками показания, которые послужили поводом для возбуждения уголовного преследования Еврейского антифашистского комитета.

Кроме того, ответственными секретарями или их заместителями в ЕАК, как и в других общественных организациях, в разные годы были штатные работники или осведомители госбезопасности, которые докладывали о каждом шаге и высказываниях членов комитета.

Кровавая акция против Еврейского антифашистского комитета началась с убийства Михоэлса. Во время истязаний одного из узников Лубянки были получены «признательные» показания о якобы шпионской деятельности Михоэлса, о его интересе к личной жизни Сталина. 10 января 1948 года этот протокол допроса был направлен самому «вождю». Последовало прямое указание о ликвидации Михоэлса, находившегося тогда в Минске. Спустя несколько дней Михоэлс был зверски убит. Общественности сообщили, что он попал в автомобильную катастрофу.

У гроба С. Михоэлса

Во второй половине 1948 года начались массовые аресты лиц, в той или иной мере связанных с ЕАК. Следственную группу по этому делу возглавил некий Комаров, который даже в кругу своих собутыльников именовался «палачом». Будучи уверенным в своей правоте, он 18 февраля 1953 года обращается к Сталину с письмом, слова которого точно отражают настроения в карательных службах того времени, впрочем, не только в карательных:

«...В коллективе следчасти хорошо знают, как я ненавижу врагов. Я был беспощаден с ними, как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать вражеские дела и связи. Арестованные буквально дрожали передо мною, они боялись меня, как огня... Особенно я ненавижу и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов... Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами, я наполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу Вас: дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству... Прошу Вас, товарищ Сталин, не откажите мне в своем доверии».

20 ноября 1948 года Политбюро по предложению Сталина и Молотова постановило «немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать».

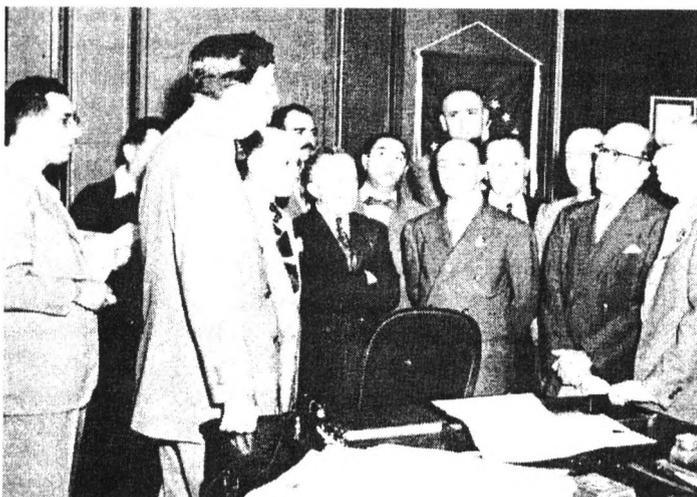
Это постановление открыло путь массовым репрессиям против граждан еврейской национальности. Среди арестованных оказались известные ученые, политические и общественные деятели, поэты, писатели. Нужные показания добывались истязаниями.

Как свидетельствует Шимелиович, бывший главный врач Боткинской больницы, министр Абакумов учил следователей: «Бить смертным боем». «Слово «бить» я услышал от него в первую же встречу, и при этом присутствовал Рюмин... Следователь Шишков говорил мне: «...Если вы будете не в состоянии ходить на допросы, мы будем приносить вас на носилках и будем бить и бить». Рюмин позднее признавал, что избитого Шимелиовича «на первые допросы буквально приносили» к нему в кабинет.

3 апреля 1952 года министр госбезопасности Игнатьев направил Сталину текст обвинительного заключения. Вот его письмо:

«Представляю вам при этом копию обвинительного заключения по делу еврейских националистов, американских шпионов Лозовского, Фефера и других. Докладываю, что следственное дело направлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР с предложением осудить Лозовского, Фефера и их сообщников, за исключением Штерн, к расстрелу. Штерн сослать в отдаленный район сроком на 10 лет».

Политбюро одобрило обвинительное заключение и меры наказания. После этого начался судебный процесс. В ходе его ни одно обвинение не было доказано. Подсудимые отвергли их, обличив следствие в фальсификации и рассказав о пытках и избиениях. Дело

С. Михозлс и И. Фефер на приеме у мэра Чикаго. 1943

рассыпалось. Но это не имело ни малейшего значения, поскольку Политбюро уже утвердило приговоры. Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал Чепцов¹, видя, что процесс проваливается, добился приема у Маленкова и рассказал ему о положении дела. Однако Маленков в присутствии Шкирятова сказал Чепцову: «Политбюро приняло решение, выполняйте его». 12 августа Лозовского, Маркиша, Квитко, Шимелиовича, Бергельсона и других расстреляли.

Крупнейшей антисемитской провокацией было «дело врачей». Травля врачей-евреев началась вскоре после войны. Устранялись бесконечные проверки по анонимным письмам. Проверки заканчивались арестами. В 1950 году были приняты два постановления ЦК с требованием ужесточить чистки евреев в медицинских учреждениях. После письма в КГБ Л.Тимашук (рядовой врач Кремлевской больницы) начались преследования медицинских светил, привлекавшихся к лечению высших правителей. Упорно искали доказательств, чтобы обвинить врачей в «преступных методах лечения» с целью «умерщвления видных деятелей партии и государства». Среди арестованных были люди разных национальностей —

¹ Чепцов А.А. — в 1948-1955 — председатель Военной коллегии Верховного Суда.

русские, украинцы, евреи. Всех объявили участниками сионистского заговора.

Следователи не смогли найти документальных материалов о существовании заговора врачей и их шпионской деятельности. Тогда осенью 1952 года следствие взял в свои руки Сталин. Он лично установил сроки подготовки открытого процесса. По его распоряжению людей — далеко не молодых и слабых здоровьем — подвергли чудовищным пыткам и истязаниям. Сталин сам определял, какие пытки и к какому арестованному нужно применить, чтобы добиться «признательных показаний». Сам проверял, насколько точно выполнены его распоряжения на этот счет.

13 января 1953 года в «Правде» было опубликовано сообщение об аресте группы «врачей-вредителей». Хотя следствие еще продолжалось, в сообщении шла речь с как бы уже доказанных преступлений.

Сообщение открывалось следующими словами:

«Некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза... Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А.А. Жданов и А.С. Шербаков... Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами. Большинство участников террористической группы — Вовси, Б.Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт»... Другие участники террористической группы (Виноградов, М.Коган, Егоров) являются... старыми агентами английской разведки.»

По стране пошла новая волна арестов врачей-евреев. Была развернута разнуданная антисемитская пропаганда. Организаторы этой провокации рассчитывали на то, чтобы разжечь, как и в 30-е годы, новый психоз в отношении «убийц», «шпионов», «врагов», «диверсантов» и на этой основе перейти к новым массовым репрессиям.

Вслед за кампанией по искоренению космополитизма началось уничтожение еврейской культуры. Были закрыты еврейские театры в Москве, Черновцах, Минске, Одессе, Биробиджане, Баку, Кишиневе, еврейские научные центры и библиотеки в Киеве, Львове, Минске. Закрыта кафедра гебраистики факультета востоковедения Ленинградского государственного университета. Частично уничтожены богатейшие коллекции еврейских музеев в Тбилиси, Вильнюсе, Биробиджане. Закрывались синагоги. Их закрытие происходило вместе с уничтожением свитков Торы, религиозной литературы, молитвенников.

Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Малышев, присутствовавший на его первом после XIX съезда КПСС заседании, записал в свой дневник некоторые высказывания Сталина в ходе заседания. Вот они: «Любой еврей — националист, это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржум и т.д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов».

В феврале 1953 года началась подготовка к депортации евреев из Москвы и крупных промышленных центров в восточные районы страны. Дело планировалось организовать так, чтобы группа евреев инициативно подготовила письмо правительству с просьбой о депортации евреев, дабы спасти их от гнева советских людей, вызванного «делом врачей». Такое письмо, заранее

подготовленное, находилось в газете «Правда». Сборщиками подписей были директор ТАСС Я. Хавинсон¹ и академик И. Минц². Они ездили по квартирам, приглашали людей в редакцию «Правды». К сожалению, им удалось собрать значительное число подписей.

С началом Перестройки в 1985 году с государственным антисемитизмом было покончено. Однако реальная политическая и гражданская свобода открыла простор не только лучшим качествам людей, но и выявила все то грязное, темное и подлое, что десятилетиями через террор, через официальное поощрение доноительства, через лживую пропаганду культивировал большевизм и его вожаки.

Является ли все это каким-то неожиданным явлением? Конечно, нет. После смерти Сталина были прекращены преследования евреев по признаку национальности, однако в партийно-государственной элите продолжал действовать негласный сговор-договор: не допускать евреев во властные структуры на всех уровнях. Кадровые аппараты партии, министерств и ведомств тщательно следили за этим «порядком» под общим контролем КГБ.

Правда, в порядке фарисейского прикрытия антисемитской политики в каждом министерстве работали по два-три еврея, как правило, сотрудники спецслужб. Как бы для ответа на возможный «каверзный» вопрос: ну что вы нас обвиняете в антисемитизме — у нас один еврей работает в МИДе, другой — в Минобороны, третий — в ЦК, четвертый — еще в каком-то министерстве. Сложнее обстояло дело в научной сфере. Здесь побеждал голый прагматизм власти, особенно в прикладных военных науках. Поэтому приходилось «терпеть» и евреев.

В борьбе с нерусским инакомыслием, равно как и русским, особенно усердствовал Андропов. Во всех записках КГБ, которые доходили до меня, постоянно подчеркивалась национальность. Преднамеренно создавалось впечатление, что инакомыслящие — это прежде всего евреи. Вот они, враги! Приведу один пример из множества подобных. 15 ноября 1976 года Андропов пишет в ЦК «О враждебной деятельности так называемой «группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР». Андропов перечисляет членов этой «группы»:

«Гинзбург А.И., 1936 года рождения, еврей; Григоренко П.Г., 1907 года рождения, украинец; профессиональный уголовник Марченко А.Л., 1938 года рождения, еврей; Щаранский А.Д., 1948 года рождения, еврей; Слепак В.С., 1927 года рождения, еврей; жена Сахарова Боннер Е.Г., 1922 года рождения, еврейка; Бернштан М.С., 1949 года рождения, еврей; Ланда М.Н., 1918 года рождения, еврейка...»

В тех же записках, где не было еврейских фамилий, национальность не указывалась.

Время от времени по советским посольствам рассылались циркуляры, которые требовали наращивания борьбы с «империалистической пропагандой». Эти «указивки», как мы их называли, были пустыми по содержанию, но весьма надоедливыми. Например, в мае 1977 года я получил указания «в связи с шумихой на Западе по вопросам о правах человека». Москва требовала убедить общественность в стране пребывания, что поднятая шумиха — всего лишь «фальшивая вывеска», скрывающая грубейшие нарушения прав человека на Западе. Разъяснять всерьез такие вещи было невозможно. Мы обычно передавали подобные указания в компартию Канады, а в Моск-

¹ Хавинсон (Маринин) Я. (1901-1989) — руководитель ТАСС (1939-1943), затем главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения».

² Минц И. И. (1896-1991) — историк, академик АН СССР (1946), лауреат Сталинской (1943, 1946) и Ленинской (1974) премий, Герой Социалистического Труда (1976).

ву докладывали, что «развернута широкая пропагандистская...» и т.д.

Любое нарушение «негласного договора» о евреях преследовалось. Эту гнусность мне довелось испытать на себе. Стоило мне в 1972 году написать статью об угрозе шовинизма, национализма и антисемитизма в СССР, то есть вынести сор из избы, как меня спешно отправили в Канаду, где продержали 10 лет. Более того, с тех пор ношу на себе ярлыки «русофоба» и лидера «жидомасонов», наречен несколькими новыми для меня фамилиями (Эпштейн, Янкевич, Якобсон, Яков Лев).

Во тьме сталинского мракобесия в защиту всех гонимых по национальному признаку постоянно выступал со своими блистательными проповедями архиепископ Лука (Валентин Войно-Ясенецкий)¹, профессор-хирург, лауреат Сталинской премии 1-й степени за труд «Очерки гнойной хирургии». Великий хирург и истинный пастырь в 1921 году стал священником. Он так объяснил свой поступок: «При виде карнавалов, издаваемых над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: «Не могу мол-

чать!» Я чувствовал, что мой долг — защитить проповедью оскорбленного Спасителя нашего». Пастырь Лука 12 лет провел в тюрьмах и ссылках. По всему ГУЛАГу ходили легенды о профессиональном чудотворении и мудрости священника-доктора. Как и святым апостолам-первохристианам, советскому Луке выпали чудовищные муки. Арестованный во второй раз в 1937 году, он вынес все пытки чекистских палачей, не признав вины и не совершив навета.

В 1951 году, будучи архиепископом Крымским, Лука выступил с гневной проповедью в защиту национальных меньшинств. Он говорил, что перед Богом все равны, что для Бога, как учил апостол Павел, «нет ни эллина, ни иудея... ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного...». Изначально все люди равны. Говорилось это в защиту выселенных из Крыма греков и татар, в защиту евреев — жертв «борьбы с космополитизмом», в защиту интеллигенции, дворянства и прочих «социально неполноценных» людей. Совсем недавно Войно-Ясенецкий реабилитирован.

И. ЭРЕНБУРГ:

СТАЛИН НЕ УСПЕЛ СДЕЛАТЬ ТОГО, ЧТО ХОТЕЛ*

В сентябре 1948 года я написал для «Правды» статью о «еврейском вопросе», о Палестине, об антисемитизме. Вот несколько цитат: «Мракобесы издавна выдумывали небывлицы, желая представить евреев какими-то особенными существами, не-

похожими на окружающих их людей. Мракобесы говорили, что евреи живут отдельной, обособленной жизнью, не разделяя радостей и горестей тех народов, среди которых они проживают. Мракобесы уверяли, будто евреи — это люди; лишённые чувства родины, вечные перекати-поле. Мракобесы клялись, что евреи различных стран объединены между собой какими-то таинственными связями.

...Да, евреи жили отдельно, обособленно, когда их к этому принуждали. Гетто было изобретением не еврейских мистиков, а католических изуверов. В

¹ Войно-Ясенецкий Л. (В.) (1877-1961) — один из величайших российских хирургов 20 века. Священник, с 1946 — епископ Крымский.

* И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. М., 1990, т. 3.

те времена, когда глаза людей застилал религиозный туман, были среди евреев фанатики, как они были среди католиков, протестантов, православных и мусульман. И как только раскрылись ворота гетто, как только дрогнул туман средневековой ночи, евреи разных стран вошли в общую жизнь народов.

Да, многие евреи покидали свою родину, эмигрировали в Америку. Но не потому эмигрировали они, что не любили своей земли, а потому, что насилия и оскорбления лишали их этой любимой земли. Одни ли евреи искали порой спасения в других странах? Не так ли поступали итальянцы, ирландцы, славяне стран, находившихся под гнетом турок и немцев, армяне, русские сектанты?...

Мало общего между евреем-тунисцем и евреем, живущим в Чикаго, который говорит, да и думает по-американски. Если между ними действительно существует связь, то отнюдь не мистическая. Эта связь рождена антисемитизмом...

Невиданные зверства немецких фашистов, провозглашенное ими и во многих странах осуществленное поголовное истребление евреев, расовая пропаганда, оскорбления сначала, печи Майданека потом — все это родило среди евреев различных стран ощущение глубокой связи. Это солидарность оскорбленных и возмущенных.

...Конечно, есть среди евреев и националисты, и мистики. Они создали программу сионизма, но не они заселили Палестину евреями. Заселили Палестину евреями те идеологи чело-веконенавистничества, те адепты расизма, те антисемиты, которые сгоняли евреев с насиженных мест и заставляли их искать не счастья, а права на человеческое достоинство — за тридцать земель...»

В статье я приводил высказывания Горького, Ленина об антисемитизме, цитировал и Сталина: «Антисемитизм,

как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма». Газетная статья не исповедь, в ней многого не скажешь. Теперь, когда я дописываю книгу о моей жизни, мне хочется сказать, как я понимаю то, что часто называют «еврейским вопросом».

...Мне сказали, что статью посылали Сталину и он ее одобрил. А несколько месяцев спустя закрыли Еврейский антифашистский комитет, газету «Эйникайт», издательство, разбросали набор «Черной книги». Первым эшеломом жертв стали писатели, писавшие на идиш, — Перец Маркиш, Квитко, Бергельсон, Фефер и другие.

В январе 1949 года газеты сообщили «о раскрытии антипатриотической группы театральных критиков» (об аресте писателей, о закрытии газет, а потом и театра газеты не упоминали). Почему кампания началась со второстепенного вопроса — с театральной критики? Не знаю. Может быть, Сталину вовремя пожаловался обиженный драматург, а может быть, случайно, — не все ли равно, в какое место пруда бросить камень — лишь бы от него пошли круги.

Характер новой кампании был ясен; в первой же статье имелась такая фраза: «Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека?» Газета клеймила «ура-космополитов». Два дня спустя появилась новая статья, в ней «гурвичи и юзовские» писались со строчных букв и обличались критики А. Эфрос, А. Ромм, О. Бескин, Д. Аркин, другие. Прошла еще неделя, и в космополитизме начали обвинять критика Данина за то, что он похвалил М. Алигер; заодно напали на поэта Антокольского. Перешли к кино, в этой области тоже «выявили беспачпортных бродяг» — Л. Трауберга, Блеймана, Коварского, Волькенштейна. Замелькали имена «отщепенцев»:

Выступление И. Эренбурга на вечере памяти С. Михоэлса. Май 1948

Дрейден, Березарк, Шнайдерман, Л. Шварц, Вайсфельд, Ф. Левин, Бровман, Субоцкий, Оголевец, Житомирский, Мазель, Шлифштейн, Шнеерсон, Мотылева, Бялик, Кирпотин, Гордон... Прошли еще две недели, и начали разоблачать «безродных космополитов», укрывавшихся за псевдонимами: Стебун (Каценеленсон), Санов (Смульсон) и так далее. Многие из «выявленных космополитов» были мало кому известны — били вслепую, для примера: вот, мол, «безродные»...

Задним умом все крепки. Весной 1949 года я ничего не понимал. Теперь, когда мы кое-что знаем, мне кажется, что Сталин умел многое маскировать. А. А. Фадеев говорил мне, что кампания против «группы антипатриотических критиков» была начата по указанию Сталина. А месяц или полтора спустя Сталин собрал редакторов и сказал: «Товарищи, раскрытие литературных псевдонимов недопустимо — это пахнет антисемитизмом...» Молва приписывала произвол исполнителям, а Сталин будто бы его останавливал. В

конце марта он, видимо, решил, что дело сделано. Арестованных еврейских писателей не освободили. Уволенных с работы на прежние места не взяли. Пятый параграф в анкетах, где проставлялась национальность, продолжал незаметно действовать, а грубых статей или карикатур больше не требовалось.

В мае 1949 года я получил на адрес «Литературной газеты» телеграмму из Нью-Йорка: «Здесьняя печать развертывает сильную антисоветскую кампанию, утверждая, что критика «космополитизма» носит в действительности антисемитский характер. Упоминание в числе известных советских критиков фамилий некоторых евреев в скобках расценивается как факт, аналогичный антисемитской практике в капиталистическом мире. В качестве доказательств ссылаются также на закрытие еврейских газет и на карикатуры. Мы считаем, что было бы полезно, если бы вы сами в большой статье ответили бы на эту клевету. Редакция «Дейли уоркер». Телеграмму сопровождало письмо: «Мне поручено передать вам пожелание — написать для «Дейли уоркер» статью на эту тему. Надеюсь, что вы это сделаете». Я статью, конечно, не написал и на письмо не ответил.

...Тринадцатого января газеты привезли в полдень. Я нехотя развернул «Правду». «К новому подъему нефтяной промышленности». «Упадок внешней торговли Франции». Вдруг на последней странице я увидел: «Арест группы врачей-вредителей». ТАСС сообщал, что арестована группа врачей, которые повинны в смерти Жданова и Щербакова. Они сознались, что собирались убить маршалов Василевского, Говорова, Конева и других. В газете было сказано, что большинство арестованных — агенты «международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт», которые получали указания через врача Шимелиовича и «еврейского буржуаз-

ного националиста Михоэlsa». В списке арестованных были известные медики — трое русских, шесть евреев.

Я поехал в Москву, пытался узнать, что приключилось. Одни говорили, что врачей начали арестовывать два месяца назад; другие, напротив, рассказывали, что был консилиум, пригласили врачей, лечивших Сталина, и потом арестовали. Все повторяли, что в больницах ад, многие больные смотрят на врачей как на коварных злодеев, отказываются принимать лекарства. Агроном проводил отпуск в Ялте, он приехал до срока, его жена перепугалась: «Сегодня же уедем из санатория — нас здесь отравят...» Женщина-врач говорила: «Вчера пришлось весь день глотать пилюли, порошки, десять лекарств от десяти болезней — больные боялись, что я «заговорщица»...» На Тишинском рынке подвыпивший горлодер кричал: «Евреи хотели отравить Сталина!»... Однако о врачах-убийцах сообщили следственные органы. Вспомнили процесс в 1938-м; тогда выяснилось, что врачи убили Горького. Теперь они стали еще хитрее — ставят неправильный диагноз и лечением доводят больного до смерти. Я часто замечал у людей вместе с преклонением перед медициной страх перед медиками — перед тем врачом, который их лечит: может ошибиться, недосмотреть... Если его завербовали враги, может убить и безнаказанно. А евреи?.. Конечно, антисемитизм — предрассудок. «Глупо все валить на евреев. У нас работает Коган, хороший человек. Но ничего не скажешь — это не наши люди, у многих родственники в Америке. Да и живут они иначе, один тянется к другому, встретит — и о чем-то шепчутся...» Сообщение взывало к темному миру, я сказал бы, к подсознательному, если б это слово с легкой руки критиков не стало у нас признаком идеалистической философии.

Кто-то прибежал и тихо сказал мне: «Говорят, что Сталин болен. Ужас!..» Слух оказался вздорным: два дня спустя Сталин принял Сун Цинлин и Го Можо. Григорьян пригласил меня к себе, заговорил о вручении премии — церемония была назначена на 27 января: «Хорошо, если вы упомянете о врачах-преступниках...» Я вышел из себя, сказал, что не просил премии, готов хоть сейчас от нее отказаться, но о врачах говорить не буду. Мой собеседник начал меня успокаивать: «Это не директива, просто я хотел вам подсказать...»

Двадцать первого января, в день годовщины смерти В. И. Ленина, под его портретом в газетах был кошунственно опубликован указ о награждении орденом Ленина женщины-врача «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц».

Появилась статья о том, какие восторженные письма получает женщина-врач, разоблачившая «убийц в белых халатах». Во многих письмах говорилось: «русская женщина», «русская душа».

Однако самые неистовые толкования я прочитал во французской газете «Се суар», которую долго редактировал Жан-Ришар Блок. Эти статьи принадлежали перу видного журналиста Пьера Эрве, бывшего тогда коммунистом. Я понимаю, что французский коммунист мог поверить органам советского следствия и защищать их от политических врагов. Однако Эрве превзошел все и всех: его статьи напоминали фальшивку, изготовленную в годы второй империи, «Протоколы сионских мудрецов»; он доказывал, что козни «Джойнта» и арестованных врачей не локальное явление, а результат давнего заговора. Даже в те дни эти статьи меня удивили. А говорю я о них потому, что два года спустя, когда законность в нашей стране была восстановлена, Эрве порвал с коммунистической партией, выпустил книжку и даже прислал ее мне с трогательной над-

писью. В книжке среди прочего Эрве возмущался «делом врачей», не упоминая о своем личном вкладе.

Скажу откровенно, я предпочитаю горлодера с Тишинского рынка такому моралисту.

В «Правде» появилась резкая статья о романе Гроссмана. Тотчас и другие газеты обрушились на роман. Один сотрудник «Правды» рассказал мне, что статья напечатана по указанию Сталина. Не знаю, так ли это, но в те дни она выходила из рамок литературной критики.

События должны были развернуться дальше. Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать того, что хотел. Конечно, эта история — глава моей биографии, но я считаю, что не настало время об этом говорить...

Конст. СИМОНОВ:

КАЗАЛОСЬ, НАВИСАЕТ ЧТО-ТО СТРАШНОЕ *

Раздраженная тирада Сталина против двойных фамилий: «Зачем это подчеркивать? Зачем это делать? Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо?» — на меня лично произвела сильное впечатление. По разным поводам я сталкивался в разговорах с людьми разных поколений с мнением, что Сталин не любит или, во всяком случае, недолюбливает евреев; сталкивался и с попытками объяснить это многими причинами, начиная с его отношения к Бунду и кончая приведением списка его основных политических противников, с которыми он в разное время покончил разными способами, списка, во главе которого стояли Троцкий, Зиновьев, Каменев и многие другие сторонники Троцкого и левые оппозиционеры. Это звучало, с одной стороны, вроде бы убедительно, а с другой — нет, потому что во главе правой оппозиции, с которой Сталин так же беспощадно расправился, были

как на подбор люди с русскими фамилиями и с русским происхождением. С третьей же стороны, Каганович в нашем представлении большой период времени числился ближайшим соратником Сталина и чуть ли не так и назывался, до самого конца оставался членом Политбюро; Мехлис был долгие годы помощником Сталина, а в годы войны, несмотря на керченский провал, за который можно было не сносить головы, оставался членом Военных советов разных фронтов, а потом стал министром Государственного контроля; Литвинов полтора десятилетия фактически, а потом и официально руководил Наркоматом иностранных дел. В кинематографии, где с самого начала у нас так сложилось, что среди самых крупных ее дарований большинство составляли люди еврейского происхождения, в самые жестокие годы — тридцать седьмой и тридцать восьмой — было затронуто репрессиями людей куда меньше, чем в любой другой сфере искусства.

Правда, что-то смешалось и начинало происходить в последние годы, после войны. Внезапная гибель Михоэлса, которая сразу же тогда вызвала чувство недоверия к ее официальной версии; исчезновение московского ев-

* К. Симонов. *Глазами человека моего поколения.* М., 1990.

рейского театра; послевоенные аресты среди писавших на еврейском языке писателей; появление вслед за псевдонимами скобок, в которых сообщались фамилии; подбор людей, попавших в статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» по тому же признаку; различного рода поощрения действующим в этом направлении доброхотам, иногда делавшим или пытавшимся делать на антисемитизме собственную карьеру, — все это, однако, не складывалось в нечто планомерное и идущее от Сталина. Мне, например, в его антисемитизм верить не хотелось: это не совпадало с моими представлениями о нем, со всем тем, что я читал у него, и вообще казалось чем-то нелепым, несовместимым с личностью человека, оказавшегося во главе мирового коммунистического движения.

...Мы к Новому году вернулись в Москву, а тринадцатого января в газетах было напечатано сообщение ТАСС о «врачах-убийцах», сообщение ужасное, напоминавшее худшие времена тридцать седьмого — тридцать восьмого годов и такого же рода обвинения Плетнева и других в убийстве или в содействии убийству Орджоникидзе, Горького и Куйбышева. Теперь в роли жертв были Жданов и Шербаков, врачи-убийцы оказывались агентами все того же «Джойнта», у всех у них были еврейские фамилии, правда, к ним потом присоединили несколько врачей с русскими фамилиями. Среди этих врачей с еврейскими фамилиями был человек, которого я прекрасно знал лично, — профессор Вовси. Он меня лечил во время войны и после нее, будучи главным терапевтом Красной Армии. В виновность его я просто не мог поверить. Да и вообще все это не вызывало веры, казалось чем-то чудовишным, странным. Когда неделю спустя появилось сообщение о награждении орденом Ленина врача Лидии Тимашук, которой правительство выражало

благодарность за помощь в разоблачении врачей-убийц, вся эта история выглядела еще страшней, еще подозрительней. Накатывалась волна антисемитизма, во многих случаях не чуждая прямому сведению всякого рода личных счетов — недавних и давних.

Вторую половину января, февраль и первую половину марта, включая недели полторы после смерти Сталина, вокруг «дела врачей-убийц» создавалась гнетущая атмосфера. Казалось, что нависает что-то страшное, повторение тридцать седьмого — тридцать восьмого годов. Даже смерть Сталина не сразу разрядила эту атмосферу, могу это сказать, опираясь на собственные ощущения.

В голове была полная сумятица. С одной стороны, я хорошо помнил, как совсем недавно в моем присутствии Сталин выступал против антисемитизма, я слышал это своими ушами. И вдруг эти врачи-убийцы, этот список с преимущественно еврейскими фамилиями, эти обличения в связи с «Джойнтом», вся та мусть, которая поднялась со дна вокруг этого.

Врачи-убийцы — страшнее, кажется, придумать было невозможно. Все, начиная от самой формулировки, было намеренно рассчитано на огромный резонанс, на то, что люди, хоть немного поддавшиеся на это, хоть в какой-то степени этому поверившие, станут людьми со сдвинутыми мозгами, людьми, боящимися повседневно за собственную жизнь, за собственное здоровье и, что еще страшнее, за здоровье своих детей. В общем, было ощущение, что последствия всего этого могут оказаться поистине невообразимыми. Я мысленно спрашивал себя: что же произошло? Что Сталин? Что, он сознательно обманывал нас тогда, когда говорил совершенно обратное тому, что делалось (тут не приходилось сомневаться) по его прямому указанию и разрешению теперь, или он был

искренен и тогда, и теперь? И верны те страшные, робко просачивавшиеся слухи о каких-то смещениях в его психике — хотелось верить, и страшно было поверить.

...Через шесть дней после этого указа, четвертого апреля, в газетах появляется сообщение Министерства внутренних дел СССР, возглавляемого Берией, о том, что Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку по делу так называемых «врачей-убийц»: «В результате проверки установлено, что привлеченные к этому делу врачи... — дальше идет длинный список — были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия». Итак, бывшее Министерство государственной безопасности оказалось повинным во всех этих грехах, а нынешнее Министерство внутренних дел разоблачило темные методы бывшего министерства. Еще через два дня в передовой «Правды» разъясняется, что произошло это прежде всего потому, что бывший министр государственной безопасности С. Д. Игнатьев проявил политическую слепоту и ротозейство и оказался на повороте у преступных авантюристов. Берия же, как глава нового Министерства внутренних дел, разоблачил все эти беззакония. В тот же день опубликовано сообщение, что Игнатьев освобожден от обязанностей секретаря ЦК. Так вся эта серия мероприятий проходит через газеты, лишь потом обнаруживая внутренний смысл как подготовительные шаги по дороге к захвату

Карикатура из журнала «Крокодил». 1953

власти, которые поспешно, один за другим, делал Берия.

Один из этих шагов в газеты не попал, но я принадлежу к числу людей, знающих о нем. Не могу точно вспомнить, в какие дни это было, но, наверное, при старании можно числа восстановить, потому что именно в это время Фалеев и Корнейчук, бывшие членами ЦК, — оба ездили в заграничные поездки по делам Совета мира. Вскоре после сообщения о фальсификации «дела врачей» членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с «врачами-убийцами», с показаниями арестованного начальника следственной части бывшего Министерства государственной безопасности Рюмина, о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее, и тому подобное. Были там показания и других лиц, всякий раз связанные непосредственно с ро-

лю Сталина в этом деле. Были записи разговоров со Сталиным на эту же тему. Не убежден, но, кажется, первоначально записанных на аппаратуру, а потом уже перенесенных на бумагу.

Я в три или четыре приема читал эти бумаги на протяжении недели примерно. Потом чтение это было прекращено, разом оборвано... Чтение было тяжкое, записи были похожи на правду и свидетельствовали о болезненно психическом состоянии Стали-

на, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом. Документы были сгруппированы таким образом, чтобы представить Сталина именно и только с этой стороны.

Около недели эти документы были в ходу. После этого с ними никого уже не знакомили. Когда вернулись Корнейчук и Фадеев и я им рассказал об этих документах, у них глаза полезли на лоб, но прочесть их сами они уже не могли...

Борис ЕФИМОВ:

В ГЛАЗАХ МИЛЛИОНОВ... ОН БЫЛ УЖЕ НЕ ЧЕЛОВЕКОМ, А НЕКИМ СУРОВЫМ И ГРОЗНЫМ ЯВЛЕНИЕМ ПРИРОДЫ *

Лев Шейнин преуспевал на литературно-театральном поприще. Его пьесы ставились в таких театрах, как Камерный и Ленинского комсомола, выходили на экран фильмы по его сценариям, переиздавались дополненные новыми увлекательными новеллами «Записки следователя». Это была личность своеобразная, парадоксальная, ни в какие привычные рамки не вмещающаяся. В чем же был его парадокс? В нем как бы совмещались два человека. Один — веселый, общительный, остроумный балагур, «душа общества», подкупающий редким даром рассказчика, мастер добродушных, смешных розыгрышей...

Но был и другой, как бы оставшийся в тени Шейнин — следова-

тель по особо важным делам Прокуратуры СССР. И многие уже догадывались, что в компетенции Шейнина не только уголовники — жулики, воры и спекулянты, описываемые в «Записках следователя» весело и благодушно, но он имеет прямое касательство к страшной карательной машине сталинского режима, тем более что не была секретом его непосредственная близость к Андрею Январьевичу Вышинскому, бесшумному обвинителю на инсценированных процессах 30-х годов. Думается, что Лев Романович, будучи по должности помощником такого человека, не мог не знать, как добывается признание от «врагов народа» (согласно постулату Вышинского, «признание — царица доказательств»), хотя мне не верится, что он был непосредственно причастен к пыткам и истязаниям.

И вдруг... Встретив как-то на улице Сергея Михалкова, я от него услышал:

— А знаешь, Боря, этого толстяка Шейнина посадили. Говорят, упал в обморок, когда за ним пришли. Там теперь, поди, похудеет.

Я остолбенел.

— Да ты что, Сережа? Шейнина посадили? Да он сам всех сажает.

* Борис Ефимов. Десять Десятилетий. М., «Вагриус», 2000. (Мемуары известного художника-карикатуриста).

— Ну и что? — философски заметил Михалков. — Сажал, сажал и досажался...

Забегая вперед, скажу, что Шейнин года через полтора так же внезапно, как и был арестован, вышел на свободу. Мы с ним встретились в Серебряном бору и, естественно, разговорились. Конечно, он не стал посвящать меня в причины своего ареста, ограничившись чисто бытовыми подробностями, и сказал, между прочим:

— Боря, спросите у Тамары, с каким олимпийским спокойствием я уходил из дома.

Я вспомнил слова Михалкова и, признаться, остался в недоумении: что было тогда — «обморок» или — «олимпийское спокойствие». Однако меня не переставали интересовать причины его ареста, и однажды, при встрече на улице, оглянувшись по сторонам и понизив голос, Шейнин произнес единственное слово:

— Михоэлс....

Смысл этого более чем краткого ответа стал мне ясен только несколько лет спустя, когда после смерти Сталина люди стали более откровенны и Шейнин поведал мне, что с ним произошло. Я узнал, что он был командирован в Минск в качестве «следователя по особо важным делам» в связи с загадочной гибелью выдающегося артиста Михоэлса. И для опытного Шейнина не представило труда установить, что никакой автомобильной аварии, о которой официально было объявлено, не произошло, а имело место хорошо подготовленное циничное убийство, следы которого вели непосредственно в органы государственной безопасности и, в частности, к весьма высоким особам. Можно не сомневаться, что самая тщательная слежка велась и за «следователем по особо важным делам», от которого, видимо, ожидали, что он подтвердит факт «автомобильной аварии» и чистую слу-

чайность гибели Михоэлса. Таким образом, следовательская зоркость, опыт и умение Шейнина оказали ему в данном случае плохую услугу.

«Наверху» сочли необходимым немедленно убрать слишком дотошного следователя.

Михоэлса провожали в последний путь с большим почетом. Мне довелось присутствовать на многолюдной панихиде в помещении ГОСЕТа (Государственного еврейского театра, вскоре по указанию свыше закрытого). Выступали друзья и почитатели великого артиста — Александр Фадеев, другие выдающиеся русские писатели, торжественно и печально звучала музыка, пел Иван Козловский. А через короткое время было официально объявлено, что Михоэлс — буржуазный еврейский националист и агент американской террористической организации «Джойнт».

Следующей, еще более широко задуманной антисемитской акцией должно было стать разоблачение «убийц в белых халатах» — арест группы крупнейших врачей еврейской национальности, профессоров, работавших в лечебном управлении Кремля. Их обвиняли в злоумышленном неправильном лечении, якобы ставшем причиной смерти Жданова и других высоких партийных сановников, а также в том, что они замыслили убийство самого «Отца и Учителя». По детально разработанному сценарию они после суда должны были быть преданы публичной казни на Лобном месте на Красной площади. И дело «убийц в белых халатах» должно было стать прелюдией к тотальной депортации их соплеменников в дальние лагеря Сибири. Осуществлению этого умело разработанного плана помешало только то, что Сталин неожиданно для самого себя отправился в мир иной.

...Казалось, что Сталин никогда не умрет. Во всяком случае, люди вери-

ли, что он, как многие кавказские долгожители, может прожить до ста лет. В глазах миллионов, думается мне, он был уже не человеком, а неким суровым и грозным явлением природы, как ледяной полярный холод или сжигающая все живое тропическая жара, как многолетняя гибельная засуха или эпидемия чумы. Но, страшно сказать, люди нашей страны привыкли жить в этой атмосфере, они так же освоились со своими условиями существования, как с ними осваиваются люди, живущие у подножия действующего вулкана под постоянной угрозой погибнуть при извержении огненной лавы. Люди жили своей повседневной жизнью, влюблялись и ревновали, вступали в браки и разводились, пели песни, сочиняли стихи и музыкальные произведения, писали романы и пьесы, строили города, фабрики, заводы, мосты, прокладывали железные дороги, воздвигали гигантские электростанции. И рядом с высоким созидательным трудом, рядом с развитием культуры и искусства существовали подлая жестокость, гнусное доносительство, низменный страх, всеобщая подозрительность. Ни для кого не было секретом, что многие «стройки века» возводятся миллионами людей, безвинно репрессированных и составляющих население огромного ГУЛАГа (десятков концентрационных лагерей) — своего рода государства в государстве.

Но Сталин не оказался кавказским долгожителем. А обстоятельства его смерти окутаны некоей тайной... О последних предсмертных ча-

*Маршалы и генералы
несут ордена и медали за гробом Сталина*

сах «Отца народов» существуют воспоминания Хрущева, Молотова и дочери Сталина Светланы, сотрудников охраны и некоторых врачей, во многом между собой не совпадающие. И мы не знаем, действительно ли, оставшись наедине со Сталиным, Берия помог ему отправиться в «мир иной». Мы не знаем, действительно ли роковую роль сыграло то, что тот же Берия нарочно задержал на несколько часов вызов врачей из Кремлевской поликлиники. Мы многого не знаем и вряд ли узнаем. Бесспорно одно: внезапная смерть Сталина ошеломила и потрясла страну, и, надо признать, погрузила ее в неподдельную скорбь. Вместе с тем, можно не сомневаться, что ближайшие его «верные и преданные» соратники скорбеть скорбели, но испытывали чувство огромного облегчения — хорошо известно, что и Молотов, и Микоян, и Ворошилов, и даже сам Берия далеко не были уверены в своем завтрашнем дне: беспощадная и неминуемая «чистка» ближайших к тирану соратников, как в свое время уничтожение Сталиным старых соратников Ленина, висела над ними дамокловым мечом. И тихо радова-

лось про себя немало людей, денно и ночью живших под не покидающим их страхом ареста за неведомое и неосуществленное преступление.

Уход Сталина из жизни и похороны «Великого Вождя и Учителя» были вполне достойны его правления и режима. Это была настоящая Ходынка, подобная той, которая сопровождала

коронацию последнего царя. Но на этот раз гибель сотен задушенных и задавленных людей произошла не на загородном Ходынском поле, а в центре Москвы на Трубной площади. Чудом спасся и мой внучек Витя, которого бабушка, к счастью, успела выхватить из толпы при выходе из детского сада.

П.СУДОПЛАТОВ:

РЕЧЬ ШЛА О ГРЯЗНОЙ БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ В КРЕМЛЕ *

После того как Сталин начал кампанию против космополитов в 1946-1947 годах, руководящий состав среднего уровня и рядовые партийные чиновники стали воспринимать антисемитизм как официальную линию партии. Термин «безродный космополит» сделался синонимом слова «еврей»: он означал, что советские граждане еврейской национальности разделяли мировоззрение евреев Запада и в силу этого не могли быть полностью преданными советскому государству.

Кампания против космополитов совпала с изменением баланса политических сил вокруг Сталина. Был понижен в должности Маленков, а Берия отстранен от курирования любых дел, связанных с госбезопасностью. Начали циркулировать слухи, что Молотов и он окружили себя евреями.

Усилия Сталина после войны были направлены на то, чтобы распространить влияние Советского Союза сна-

чала на страны Восточной Европы, находившиеся у наших границ, а затем везде, где нам составляла конкуренцию Великобритания. Сталин предвидел, что арабские страны повернутся в сторону Советского Союза, разочаровавшись в англичанах и американцах из-за их поддержки Израиля. Арабы поэтому должны были оценить антисионистские тенденции в советской внешней политике. Помощник Молотова Ветров, позднее наш посол в Дании, пересказывал мне слова Сталина: «Давайте согласимся с образованием Израиля. Это будет как шило в заднице для арабских государств и заставит их повернуться спиной к Британии. В конечном счете, британское влияние будет полностью подорвано в Египте, Сирии, Турции и Ираке».

...С наступлением «холодной войны» наши надежды на получение еврейских капиталов улетучились. Руководству страны стало ясно, что полагаться на поддержку еврейских деловых кругов за рубежом и их инвестиции уже не приходится. И первой жертвой смены курса стал Михоэлс, находившийся в самом центре дискуссий по созданию еврейской республики в Крыму.

Кроме того, к Сталину поступили оперативные материалы о том, что Михоэлс якобы стремится заручиться поддержкой его зятя Г. Морозова, что-

* П. Судоплатов. *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля.* — М.: ТОО Гея, 1996.

¹ Судоплатов П.А. (1907-1996), один из руководителей органов госбезопасности в период правления Сталина и после падения Берии. В 1958 году был осужден на 15 лет лишения свободы, в 1968 году освобожден.

бы обеспечить в советском руководстве выгодное ему решение еврейского вопроса по улучшению положения еврейского населения и развития еврейской культуры. МГБ также подозревало, что через связи Михоэлса с сионистскими организациями в Америке стали известны некоторые трагические события в жизни Аллилуевых, родственников Сталина. Сталин, вероятно, опасался, что большой личный авторитет Михоэлса может быть использован международным сионистским движением в своих целях. Михоэлс пользовался мировой известностью и, безусловно, был сильной, незаурядной личностью, поэтому в условиях тоталитарного режима того времени не могло быть и речи о применении к нему отработанной схемы ареста и расправы, прикрытой фиговым листком судебного разбирательства.

Михоэлс был ликвидирован в так называемом специальном порядке в январе 1948 года. К моему счастью, к этой операции я не имел никакого отношения. Подробности убийства мне стали известны лишь в апреле 1953 года...

Внутренняя борьба за власть в период с 1948 по 1952 год вызвала новую волну антисемитизма — возникло «дело врачей». Хотя оно и было частью антисемитской кампании, одними евреями не ограничились. Скорее можно сказать, что «дело врачей» явилось продолжением борьбы, в которой сводились старые счета в руководстве страны. Сталин с помощью Маленкова и Хрущева хотел провести чистку в рядах старой гвардии и отстранить Берия. Главными фигурами в пресловутом «деле врачей» должны были стать Молотов, Ворошилов и Микоян, эти «последние из могикиан» в сталинском Политбюро. Однако вся правда в отношении «дела врачей» так никогда и не была обнародована, даже в период горбачевской гласности. Причина в том, что речь шла о грязной борьбе за

власть, развернувшейся в Кремле перед смертью Сталина и захватившей по существу все руководство.

Принято считать, что «дело врачей» началось с истерического письма Сталину Лидии Тимашук, врача кремлевской поликлиники. Письмо Тимашук, однако, было послано Сталину не в 1952 году, накануне арестов врачей, а в августе 1948 года. В нем утверждалось, что академик Виноградов неправильно лечил Жданова и других руководителей, в результате чего Жданов умер. Тогда реакция Сталина выразилась в презрительном «чепуха», и письмо пошло в архив. Там оно и оставалось без всякого движения в течение трех лет, пока его не извлекли в конце 1951 года. Письмо понадобилось как орудие в борьбе за власть. О письме знали все члены Политбюро — знали они и о сталинской реакции. Однако самое важное заключается в том, что Тимашук никого не обвиняла в заговоре. В письме она лишь сигнализировала об имев-

Карикатура из журнала «Крокодил»

ших место недостатках и упущениях, наполовину выдуманных, в обеспечении лечением руководителей партии и государства. По этой причине текст письма так до сих пор и не опубликован, в нем излагаются, по существу, взаимные претензии лечебного персонала друг другу, как правило, склочного характера. Об этом мне уже во Владимирской тюрьме рассказывал полковник Людвигов, помощник Берия по делам Политбюро и Совета Министров.

Я всегда считал, что «дело врачей» затеял Абакумов как продолжение кампании против космополитов. Однако в 1990 году, попав в военную прокуратуру, куда меня вызвали как свидетеля в связи с новым расследованием дела Абакумова в послевоенные годы, я узнал нечто иное. Оказалось, что инициатором «дела врачей» он не был, напротив, Абакумов, арестованный в 1951 году, обвинялся в том, что скрывал данные о заговоре, целью которого было убийство Сталина. Делал он это якобы для того, чтобы захватить власть. При этом Абакумов, по словам его обвинителей, опирался на врачей-евреев и евреев — сотрудников в аппарате министра госбезопасности.

Маленков и Берия, несомненно, стремились устранить Абакумова, и оба были готовы для достижения своей цели использовать любые средства. Суханов, помощник Маленкова, весной 1951 года принял в приемной ЦК следователя Следственной части по особо важным делам МГБ подполковника Рюмина, известного своим антисемитизмом. Результат этой встречи стал роковым для судьбы советской еврейской интеллигенции. В то время Рюмин опасался увольнения из органов госбезопасности из-за выговора, полученного за то, что забыл папку с материалами следствия в служебном автобусе. Кроме того, он скрыл от

партии и управления кадров госбезопасности, что отец его был кулаком, что его родные брат и сестра обвинялись в воровстве, а тесть служил в армии Колчака...

Чтобы спасти карьеру и дать выход своим антисемитским настроениям, Рюмин охотно пошел навстречу требованию Суханова написать Сталину письмо с разоблачением Абакумова — что Абакумов приказал Следственной части не давать хода материалам по сионистскому заговору, направленному против руководителей советского государства.

К этому времени уже арестовали за антисоветскую сионистскую пропаганду целый ряд хорошо известных врачей-евреев. Самый, пожалуй, знаменитый из них, специалист с мировым именем Этингер¹ трагически погиб в тюрьме во время допроса. Это случилось еще до ареста Абакумова. Рюмин обвинил Абакумова в том, что именно он несет ответственность за смерть Этингера, так как специально поместил его в холодную камеру в Лефортовской тюрьме с целью убрать одного из участников «заговора врачей» и тем самым помешать ему выдать других заговорщиков-сионистов. Для придания этим обвинениям большей убедительности на свет было извлечено из архива письмо Тимашук.

Абакумов, более опытный в подобных интригах, чем Рюмин, опасался чрезмерно раздувать «сионистский заговор», прибегая к слишком явным фальсификациям. Он предвидел, что Сталин может потребовать реальных улик в этой весьма рискованной провокационной игре. Кроме того, Абакумов прекрасно знал, что в делах, где инициатива принадлежала высшему руководству, не полагалось проявлять своей собственной. Некоторые из арестованных медиков были лечащими врачами Сталина. Многих из них с

¹ Этингер Я.Г. (1887-1951) — известный врач-кардиолог. Лечил многих представителей советской верхушки. Арестован в 1949 году. Умер в тюрьме в период следствия.

членами Политбюро связывали подчас не только профессиональные, но и доверительные отношения.

Учитывая все обстоятельства, Абакумов не горел желанием расширять рамки дела Еврейского антифашистского комитета до уровня мирового заговора. Он знал, что такие обвинения наверняка вызовут напряженность в верхах, особенно для Кагановича, а также Ворошилова и Молотова, женатых на еврейках. Осторожность, проявленная Абакумовым, сыграла в его судьбе роковую роль.

Энергичный Рюмин между тем был назначен начальником Следственной части по особо важным делам, а потом заместителем министра госбезопасности по следственной работе. Это развязало ему руки для подтасовки материалов против Абакумова с тем, чтобы, устранив его, свободно раскручивать дело о «заговоре врачей» и участвующих в нем руководящих работников МГБ — евреев по национальности.

Рюминские следователи потребовали от Абакумова назвать членов своего кабинета министров, который он якобы предполагал создать после свержения Сталина. Его также обвинили в сокрытии предательских замыслов жены Молотова Полины Жемчужиной, в частности, ее контактов с израильским политическим деятелем Голдой Меир.

Арестованные Рюминым врачи-евреи, находившиеся под следствием, обвинялись в том, что выполняли задания Абакумова. Приписывавшиеся участникам «заговора врачей» преступления казались мне невероятными. Один из этих «террористов», профессор Александр Фельдман, лечил всю нашу семью, пользовался нашим полным доверием, и я всегда поздравлял его с праздниками и посылал ему цветы.

По сценарию Рюмина в роли связанного между врачами и «заговорщиками в МГБ» должна была выступать сестра Эйтингона¹ Соня, которая якобы поддерживала связь между учеными-медиками и братом, планировавшим убийство руководителей страны...

В те дни Москва была буквально наводнена слухами, один страшнее другого: еврейские врачи и фармацевты пытаются травить простых советских людей. Поговаривали и о возможных погромах.

Постепенно кампания, раздувавшаяся вокруг «сионистского заговора», стала явно выходить из-под контроля ее организаторов. Рюмин и Игнатъев поддержали обвинения министра государственной безопасности Грузии Рухадзе² в адрес Берии, что он скрывал свое еврейское происхождение и тайно готовил заговор против Сталина в Грузии. Было ясно, что Берия первый в сталинском списке на уничтожение. К августу 1952 года кончилось так называемое «крымское дело», тянувшееся с 1948 года, — все арестованные члены Еврейского антифашистского комитета, кроме Лины Штерн, и бывший заместитель министра иностранных дел Лозовский были расстреляны. По моему мнению, Хейфеца³ оставили в живых лишь для того, чтобы он мог свидетельствовать против Берии и Молотова, когда придет подходящее время предъявить им обвинения в установлении связи с кругами международного сионизма, под диктовку которых было инициировано предложение создать еврейскую республику в Крыму.

Таким образом, с января 1953 года, когда опубликовали сообщение ТАСС о «заговоре врачей», ответственность за творившиеся беззакония и преступления в следственном аппарате МГБ несут

¹ Эйтингон Н.И. (1900-1981) — один из руководителей советских спецслужб, организатор убийства Троцкого в 1940. Арестован в 1951, освобожден после смерти Сталина. Арестован вторично после падения Берии, в 1968 освобожден.

² Рухадзе Н.М. — министр госбезопасности Грузии в 1948-1952. В 1953 арестован, казнен в 1955.

³ Хейфец Г.М. (1899-?) — сотрудник ЕАК, представитель спецслужб. Осужден по делу ЕАК к 25 годам лишения свободы.

министр госбезопасности Игнатьев, его первый заместитель Гоглидзе, заместитель по кадрам Епишев, руководители Следственной части Коняхин, Гришаев, Месяцев и другие. Те, кто пришел на руководящую работу в органы госбезопасности в этот особенно страшный период по решению ЦК — Игнатьев, Епишев, Месяцев, — не только не были привлечены к ответственности, но, наоборот, получили в 50-70-е годы высокие назначения на ответственную партийную и советскую работу. Козлами отпущения сделали Гоглидзе как сообщника Берии и малограмотного патологического антисемита Рюмина.

В конце февраля 1953 года, за несколько дней до смерти Сталина, я заметил в поведении Игнатьева нарастающую неуверенность. Интуиция подсказала мне, что вся антисемитская кампания вот-вот захлебнется и ее организаторы станут нежелательными свидетелями и будут подвергнуты аресту. И действительно, после смерти Сталина Берия обвинил Игнатьева в обмане партии и добивался привлечения его к уголовной ответственности, но поддержки в Президиуме ЦК не получил...

Смерть Сталина положила конец «делу врачей», но антисемитизм продолжал оставаться весьма грозной силой...

«Дело врачей» серьезно подорвало престиж медиков в обществе и вызвало волну недоверия к людям этой профессии. Сейчас говорят о том, будто накануне смерти Сталина существовал план депортации евреев из Москвы. Сам я никогда о нем не слышал, но если подобный план действительно существовал, то ссылки на него можно было бы легко найти в архивах органов госбезопасности и Московского комитета партии, потому что по своим масштабам он наверняка требовал большой предварительной подготовки. Операция по высылке — дело довольно трудное, особенно если ее подготовить скрытно. В этом случае должна была существовать какая-то директива, одобренная правительством по крайней мере за месяц до начала проведения такой акции. Поэтому я считаю, что речь идет только о слухе, возможно, основанном на высказываниях Сталина или Маленкова, выяснявших отношение общества к евреям в связи с «делом врачей».

Владимир ИВЕЛЕВ

* * *

Благочестивое еврейство
Сидит за убранным столом,
Все пережившее еврейство
Угрюмо мыслит о былом.
Они судьбу свою вверяли
Народу, для кого в трудах
Свой гений и талант теряли,
Хоть знали, что всегда впотьмах

Хранит погромщик камень
тайно,
Да и любой из них падет,
Падет от гнева и случайно,
Когда захочет тот народ.
Деяние его — злодейство,
Движение души — погром...
Благочестивое еврейство
Сидит за убранным столом.

1967

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ХОЛОКОСТ ПО-СОВЕТСКИ

Валентин ОСКОЦКИЙ
*Писатель и публицист,
секретарь Союза писателей Москвы*

ХРОНИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА

(В трех актах с прологом и эпилогом)

Пролог, однако, чуть позже. Начнем с эпилога, по счастью, несостоявшегося... Что и как стало бы, если б «великий и мудрый» отдал концы не 5 марта 1953 года, а двумя неделями, одной неделей, всего несколькими днями позже?

«Их везли поодиночке в обыкновенных легковых машинах, почему-то неизвестным маршрутом, слишком много поворотов, не понять, по каким гонят улицам, на глазах повязки, и каждый из восьмерых думал: может, все предыдущее было страшным лицедейством, вовсе не казнят, а отвезут в Бутырки, в Лефортово, объявят другой приговор, растреляют потом о гуманности нашего государства и лично товарища Сталина...

...В комнате, высокой и светлой, сотрясаемым дрожью, согбенным, одолеваемым нервической неостановимой икотой, им швырнули черные балахоны, кощунственно похожие на священнические подрясники, балахоны свежо поблескивали нестираным сатином, были приятны на ощупь, они отличались легкостью, радовали непохожестью на тюремные одежды, они приятно пахли; балахоны возбуждали почему-то стыд своей нелепостью и внушали непонятный ужас...

...Их теперь — без повязок на глазах, но в наручниках — вели светлыми коридорами, окна в сборчатых шелковых шторах, всюду на стенах картины, вдоль стен пуфики, под ногами ковровые дорожки, они шли коридорами Дома Союзов, где были не однажды... Наверное, их решили выводить именно о т с ю д а, чтобы народ видел: здесь их с у д и л и... Они шли, как приказано, гуськом, в черных балахонах, и у каждого на груди болталась табличка с аккуратными буквами...

...Трибуны переполнены, вещал он (комментатор, — В.О.), здесь старые большевики, герои труда и стхановцы, фронтовики, лучшие представители коллективов Подмосковья, доблестные советские воины. Беспредельно народное ликование. Слышите, как в разных концах площади раздаются мелодии маршей... Солнцем залита Красная площадь. Наступает волнующая тишина. Теперь вы слышите: катится вал аплодисментов, слышите, как от края до края площади прокатывается громовое «Ура!». Это москвичи приветствуют руководителей Коммунистической партии, Советского правительства. На центральную трибуну Мавзо-

лея поднимаются члены Бюро Президиума Центрального Комитета. Среди них нет сейчас великого друга всего трудового человечества, товарища Сталина. В эти часы он, как и всегда, неустанно трудится во имя счастья советских людей. Но товарищ Сталин с нами, незримо он присутствует здесь, он в сердце каждого, и каждый в эти минуты обращает к нему слова любви и благодарности... Слышите, над площадью на многих языках свободных и счастливых народов несутся приветствия в адрес гениального вождя! Слушайте Красную площадь! Говорит Москва!..

...С главного командного пункта, расположенного во втором ярусе Спасской башни, по двум полевым рациям передали распоряжение, и тотчас, одновременно от Большого Москворецкого моста к храму Василия Блаженного и от Дома Союзов двинулись две колонны грузовиков: первая — с обычной уличной скоростью, а вторая — приторможенно, как на похоронах. Те, что шли к храму, остановились у его ограды, готовые к подстрелке, вторая колонна двигалась, огибая Исторический музей...

...Восемь офицеров безопасности в спортивных темных куртках без погон заняли места на Лобном.

Трансляция шла только по московской радиосети, чтобы не возбудить население страны и Запада, — всему свое время...

...Рядом с руководителями партии и правительства на центральной трибуне Мавзолея... находится Лидия Тимашук... пламенная патриотка Великой Родины, представительница великого народа, о котором товарищ Сталин мудро сказал, что ему присущи стойкий характер, ясный ум, великое терпение... Тысячи, десятки, сотни тысяч писем получила эта скромная женщина — писем, полных благодарности за ее прозорливость, большевистскую бдительность, мужество, душевную чистоту; писем, полных благодарности и преклонения... Скромное имя, теперь известное каждому, навсегда золотыми буквами будет вписано в историю нашей Родины наряду с именами других женщин, прославивших страну... Славное имя Лидии Тимашук отныне стало символом мужества, благородства, самоотверженности... Слава ей, женщине-патриотке, женщине-матери! Слава великому вождю товарищу Сталину!..

...На минуту позорные машины останавливаются у Мавзолея, опущены глаза убийц, гневно читал Диктор из кабины в здании Исторического музея. Их глаза опущены, однако злобой дышит каждая клеточка их проклятых тел, и всеобщим презрением и ненавистью полны широко открытые глаза советских простых людей, заполнивших Красную площадь. И гордостью сияют честные очи Лидии Тимашук... Машины трогаются. Несколько минут отделяют нас от справедливого возмездия...

...Молодцы, думал Он, мы правильно воспитали свой народ, ни одного равнодушного лица, подлинный гнев и презрение трудящихся; завтра Он посмотрит полнометражный цветной фильм, снимают пятьдесят операторов, на киностудии сдохнут, а сделают в указанный Им срок, а после Его одобрения моментально отпечатают тираж, и специальными рейсами самолеты доставят ленты во все республиканские и областные города, а после поезда, машины, резвые лошаденки развезут по районным центрам и деревням, и в течение всей недели страна будет смотреть, страна будет митинговать, предавать позору и возносить хвалу Ему и Ланрушке, будет плевать в поганые морды евреев...

...Мрачным, молчаливым коридором с невероятной стремительной медлительностью двигались грузовики — черные фигуры, белые таблички на груди каждого. И чекисты в куртках спортивного образца стояли на Лобном месте, ждали, вытянувшись по стойке «смирно». И такие же, как они, застыли в кузовах грузовиков, рядом с одетыми в балахоны.

Грузовики развернулись, водители тренированно поставили машины — задние борта откинута — впритык к облицовке Лобного места, восьмерым приказали спуститься и протянули руки, чтобы помочь. никто из восьмерых не коснулся этих ладоней.

Они стояли в кузовах у задних бортов, лицом к автомобильным кабинам, к Мавзолею... Как поразился бы Ильич, любил повторять по разным поводам товарищ Сталин...

... — Товарищи, — сказал в микрофон член Бюро Президиума ЦК КПСС Лазарь Моисеевич Каганович, — нам выпала честь присутствовать при событии всемирно-исторического значения. Органы государственной безопасности, вдохновляемые Иосифом Виссарионовичем Сталиным, обезвредили еще одну гнусную шайку подлых изменников, шпионов, убийц...

...карающая рука...

...проклятым бандитам...

...весь советский народ...

...с особым чувством благодарности отозвались честные евреи...

...избавили евреев СССР от порабощения мировой сионистской организацией «Джойнт»...

...«Славься, Отечество наше свободное, дружбы народов надежный оплот!»...

...Сухая дробь барабанов.

Чекисты на Лобном месте у столбов с вытянутыми по-гусиному перекладинами отработанным, одновременным движением взяли за петли, протянули таким же курткам в кузовах. И таким же отлаженным тренированным, синхронным движением те накинули петли на шеи восьмерых.

Барабаны били. Молчала площадь. Молчало радио.

Повинуясь невидимому и неслышному знаку, машины одновременно плавно, медленно тронулись. Колеса не сделали даже полного оборота, когда натянутые веревки запрокинули восьмерых назад.

И как только тела закачались, подпрыгивая ногами, грузовики рванули, сделали четкий разворот, перестроились в колонну, помчали — мимо храма Василия Блаженного, к Большому Москворецкому мосту.

С трибуны Мавзолея крикнули «Ура!».

Площадь молчала...

...Сталин поднялся, разминая затекшие стариковские ноги, взял телефонную трубку.

— Молодец, — сказал он кратко.

— Спасибо, спасибо, Коба. А что, и в самом деле хорошо сработали!

— Не радуйся, — остудил он Берию. — Работа еще впереди...»

...Этот воображаемый репортаж с Красной площади в мартовский день 1953 года выписан по образным законам художественного домысла. Не Комментатор и не Диктор ведут его, — ведет его писатель Валентин Ерашов в повести «Коридоры смерти», названной в подзаголовке «историко-фантастической хроникой». «Историко» — потому, что в основу повествовательного сюжета положены зарядившие его доподлинные реалии «дела врачей», ставшего последним прижизненным преступлением Сталина в развязанной им и его «сбродом тонкошеих вождя» юдофобской истерии, которая была нашим советским, большевистским Холокостом. Но — «фантастическая», потому что задуманная публичная казнь «убийц в белых халатах» и запланированная вслед за ней повальная депортация советских евреев в сибирские и дальневосточные лагеря, бараки которых уже были готовы к массовому приему новых зековских контингентов, не состоялись по природной причине смерти «вождя, учителя и друга». Ни смертной казни через повешение, ни лагерных эшелонов, таким образом, не было. Однако — в конце нашей хроники мы еще раз вернемся к этому сюжету — вполне могли быть, поскольку замышлялись сценарно как логичный, закономерный финал геноцида с его тремя кульминационными актами: кровавой расправой с Еврейским антифашистским комитетом, бешеной кампанией борьбы с безродными космополитами-антипатриотами, провокационным «делом врачей». Три акта драмы — три вспененных гребня мутной антисемитской волны, чьи зловонные истоки годами и десятилетиями списывались на черносотенцев в самодержавной России, но не на их большевистскую поросль, которая пошла в рост после октябрьского переворота. А между тем...

1. Пролог. 20-30-е годы

...А между тем, если самодержавная Россия возвела антисемитизм в ранг национальной политики империи, то советская еще более укрепила его официальный государственный статус. И не только при сталинской диктатуре, что, впрочем, нередко вменяется в доблесть диктатору, а еще до нее — при тех самых большевистских комиссарах-евреях, которые якобы заповили и ленинский совнарком, и чрезвычайку Дзержинского, и прочие высшие и средние эшелоны власти. (Статистика, скрупулезно исследованная историками, в том числе в фундаментальной книге Г. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», сплошь еврейского засилья на всех уровнях партийного и советского аппарата никак не подтверждает). «Еврейский погром на Большом Фон-

тане, учиненный одесскими красноармейцами» и описанный в «Окаянных днях» Бунина со слов очевидцев — академика Овсяннико-Куликовского и писателя Киппена, произошел 2 мая 1919 года. «Разгромлено много лавочек. Врывались ночью, стаскивали с кроватей и убивали кого попало. Люди бежали в степь, бросались в море, а за ними гонялись и стреляли, — шла настоящая охота. Киппен спасся случайно — ночевал, по счастью, не дома, а в санатории «Белый цветок». На рассвете туда нагрянул отряд красноармейцев. «Есть тут жида?» — спрашивают у сторожа. — «Нет, нету». «Побожись!» Сторож побожился, и красноармейцы поехали дальше. Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек...»

В третьем выпуске архивного сборника «Неизвестная Россия. XX век» опубликованы красноречивые документы, наглядно подтверждающие (а тем самым и корректирующие некоторые тезисы статьи, которой открывается настоящий номер журнала), что антисемитизм послеоктябрьских лет был не контрреволюционным поветрием, а самым что ни на есть ветром — ключевой романтический образ в поэзии и прозе того времени — революции, коль скоро антисемитскую линию в ленинской национальной политике упорно гнули и политбюро ЦК большевистской партии, и его безотказное орудие — ЧК-ВЧК— ОГПУ, прибираемое к забребушим сталинским рукам. Так, явно на возбуждение антисемитской истерии рассчитывались инспирированные «среди населения... слухи, что Ленин не умер, что его отравили жида, стремящиеся захватить власть», что «вместо Ленина будет Троцкий» и евреи при нем «окончательно задушат русский народ».

В контексте реального соперничества Сталина и Троцкого ясно, что подобные «слухи» спускались сверху, но они нуждались в том, чтобы получить прочную опору снизу. Для этого важно было стимулировать темные инстинкты люмпенизированных масс, вывести на оперативный простор буйную энергию толпы. Отсюда — пристальное внимание к антисемитским настроениям в различных слоях городского и сельского населения по разным регионам страны, включая литературную среду в столице, но особенно — в низовом советском аппарате и среди коммунистов, которым предстояло проводить национальную политику партии на местах. Рупоры местной партийной и советской пропаганды стоят того, чтобы быть извлеченными из дали десятилетий во всей специфичности голосов, интонаций, лексики.

Так, их усилиями в г. Дубоссары и окрестных селах «всплыла на поверхность старая легенда об употреблении евреями христианской крови на выпечку мацы... крестьяне говорили об этом как о факте, а некоторые даже уверяли», будто «поймали еврея над женщиной, которая была исколота». Первоисточник легенды — сельский активист, председатель комитета бедноты, он объявил об аресте 30 евреев, которых самовольно освободил их сообщник — начальник районной милиции... «Товарищи крестьяне, мы сделаем так, что евреи больше белый хлеб есть не будут, мы их заставим обрабатывать землю и не допускать больше обманывать крестьян. Евреи все обманщики...» — из выступления председателя правления сельхозкооперации Оршанского округа на митинге в международный день кооперации...

От Белоруссии не отстало Ставрополье, где русские коммунисты, призвав на свою сторону беспартийных, создали оперативную группу «для борьбы с «жидовским засильем». Эти коммунисты, прочтя сионистские протоколы (надо думать, «Протоколы сионских мудрецов», и по сей день козырную карту национал-большевистских патриотистов, — В. О.), убедились, что евреи, действуя только ради своих выгод, лишь притворяются коммунистами, а фактически на-

ционалисты до мозга и костей, и вот группа ведет с ними борьбу не открытую, а лишь следит за работой отдельных выдвигающихся евреев и при первом удобном случае выживает их с ответственных постов и даже из партии». (Вот, выходит, когда был заложен и как действовал, пробивая себе дорогу в будущее, тот самый принцип национально-пропорционального представительства, который ныне лежит в основе антисемитских программ современных фашистских, в том числе национал-большевистских, партий и движений!..)

И снова Украина. «Мы завоевали свободу не для себя, а для жидов, их всех нужно перебить, а то нашему брату из-за них житья нет. Тактика соввласти была правильной лишь во время жизни т. Ленина, а после его смерти жида все прибрали к своим рукам и крутят нашим братом, как хотят!» — из выступления партийного активиста в г. Хоролех... Как тут опять не вспомнить Ивана Бунина, воскликнувшего о большевиках: «Какими националистами, патриотами становятся эти интернационалисты, когда это им надобно!»

Писательское пророчество сполна подтвердили не только Сталин, но и тот, кого, по Александру Твардовскому, «учителем своим именовал отец смиренно». «Сохраняется миф, что Ленин лично порицал антисемитизм. Это неправда. В проекте тезисов ЦК РКП(б) «О политике на Украине» (осень 1919 года) он пишет: «Евреев и горожан на Украине взять в ежовые рукавицы, переводя на фронт, не пуская в органы власти (разве в ничтожном %, в особо исключительных случаях под класс(овый) контроль)». Не желая выглядеть уж слишком оголтелым антисемитом, он делает к этому пункту стыдливое примечание: «Выразиться прилично: еврейскую м(елкую) б(уржуазию)». Факт, приведенный академиком А. Н. Яковлевым в мемуарной книге «Омут памяти». Он дает автору повод заключить: «Неправда, что переворот 1917 года покончил с антисемитизмом». И в подтверждение этого вывода привести послание патриарха Тихона в том же 1919 году: «...Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужаснее. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений... Православная Русь, да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. Да не обагрится твоя рука в крови, вопиющей к небу... Помни: погромы — это торжество твоих врагов. Помни: погромы — это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви!..»

Под председательством Ленина 6 мая 1920 года прошло заседание политбюро, постановившее арестовать «съезд сионистов» и — излюбленный прием большевистской пропаганды — опубликовать в печати материалы, порочащие делегатов съезда. Что же до множества ленинских высказываний, осуждающих антисемитизм «в общем и целом», то ни одно из них не сопровождается ни конкретным анализом антисемитских проявлений, ни указаниями на конкретные меры борьбы с ними. «В архив» — начертано его рукой на всех документах, сигнализировавших о еврейских погромах на Украине, которые устраивала Первая Конная Буденного, или о «красноармейском антисемитизме» в Белоруссии.

Эта по необходимости конспективно изложенная история «еврейского вопроса» в первые послеоктябрьские годы органично вписывается в общероссийскую хронику антисемитизма, составленную журналисткой Евгенией Альбац в книге «Еврейский вопрос». Она начинается с напоминания о том, что не октябрьская, а февральская революция 1917 года «поставила — пусть и, к несчастью, временную — точку в более чем 450-летней истории дискриминации евреев в России, равно как и других национальных меньшинств». Декретом от 4 апреля «Временное правительство отменило черту оседлости — как раз накануне ее 125-летнего

юбилея — и все иные антиеврейские законы Российской империи». Большевики же, одним из первых своих декретов демагогически принявшие Декларацию прав народов России, дали им новую жизнь. «Существует миф о невероятном благоденствии евреев в постреволюционном Советском Союзе. Это неправда. Благоденствия не было, как не было его ни у кого, кроме разве большевистской элиты, которая, впрочем, время от времени друг в друга постреливала. Вот факты. 1923-1924 годы — в 150 городах России арестовываются три тысячи сионистов. 1928-й — в СССР запрещается публикация книг на иврите, начинаются аресты еврейских писателей. Конец 30-х годов — закрыты все школы, где обучение велось на идише. Иными словами, большевики боролись с еврейским национальным самосознанием столь же агрессивно, как и с любым другим. Ибо для того, чтобы удержать власть, им тогда требовался монолит одурманенного лозунгами народа, единство массы, не разьединенной национальными симпатиями и антипатиями. Деление тогда было простым — «классово чуждые» и «классово свои». Да и враг, на которого можно было натравливать толпу, еще существовал, еще не всех перебили — то дворяне, то кулаки, то троцкисты».

Но и под фиговым листком классовой борьбы, обострявшейся, согласно «учению» Сталина, по мере успешного продвижения к победе социализма, антисемитизм, и не называя себя собственным именем, оставался антисемитизмом, шаг за шагом огосударствливаясь, превращаясь «из тайного порока в пламенную страсть». Сказано Александром Борщаговским о пороке и страсти Сталина, но приложимо не только к нему лично, а ко всей системе сталинизма, к выпестованному ею режиму советского тоталитаризма. Об этом откровенно повествовал генерал-лейтенант Павел Судоплатов в книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы», подтверждая своими воспоминаниями не только исторические экскурсы журналистки Е. Альбац, но и свидетельства Троцкого (например, в статье «Термидор и антисемитизм»), убийство которого осуществлялось под его руководящим приглядом. О том, как решался в стране «еврейский вопрос», он знал изнутри, профессионально.

Еще «в начале 1920-х годов, — вспоминал он, — когда советская власть лишь становилась на ноги», были ликвидированы многие еврейские и другие, по авторской терминологии, националистические организации.

«Руководители этих еврейских организаций были либо высланы, либо высехали за границу... У советских евреев больше не осталось своих националистических организаций. И постепенно произошло то, что можно назвать интенсивным процессом ассимиляции. Если говорить о еврейской интеллигенции, то она полностью утратила свое политическое значение. В 1933 году в связи с коллективизацией была введена паспортная система для строгого контроля проживания в городах и упрощения учета движения населения. Евреи были выделены в отдельную национальную группу, хотя у них не было своего государственного образования.

...Мне припоминается, что в 1939 году мы получили устную директиву, обязывающую нас — это произошло уже после массовых репрессий — следить за тем, какой процент лиц той или иной национальности находится в руководстве наиболее ответственных, с точки зрения безопасности, ведомств. Но директива эта оказалась куда более глубокой по своему замыслу, чем я предполагал. Впервые вступила в действие система квот...

...Перед войной было обезглавлено руководство действовавших в подполье на территории Прибалтики, Западной Белоруссии и Бессарабии еврейских националистических организаций. Именно в это время были заведены агентурные дела против сионистских организаций «Бейтар», «Иргун-Цевей-Леуми». Получившие названия «Утописты», «Жаботинцы», «Кочевники», эти разработки позднее были использованы для проникновения в сионистские организации с целью их разложения».

Шквал массового террора, который генерал-лейтенант в ряду выделенных им причин и следствий обошел на этот раз деликатным умолчанием, к тысячам сионистов, арестованным в 20-е и в начале 30-х годов, не просто прибавил новые

тысячи, а многократно умножил их. Тогда же в порядке пробы была осуществлена и своего рода прикидка послевоенного «дела врачей», на которую закономерно обращает внимание Леонид Млечин в книге «КГБ. Председатели органов Госбезопасности. Рассекреченные судьбы». В марте 1938 года, отмечает он, к судебному процессу над правотроцкистским блоком наряду с политиками привлекли нескольких «крупнейших врачей. Медиков обвинили в том, что они по заданию правотроцкистского блока умышленно довели до смерти своих знаменитых пациентов: Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына Максима Пешкова. «Врачами-убийцами» руководил Ягода». Его показания были ликующе приобщены к «делу»: «Должен добавить, что ускорение смерти Горького, т.е. фактически его убийство путем заведомо неправильного лечения, было организовано мною по решению центра блока, переданному мне Енукидзе. Это решение было вызвано тем, что Горький был известен как активный сторонник политики ЦК и близкий друг Сталина...» Покаянное признание подсудимого — по Вышинскому, «царица доказательств» — позволило ему, прокурору СССР, выступавшему обвинителем, «со всей силой своего красноречия» произнести на процессе гневную речь о том, как бывший нарком внутренних дел «выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни... Подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию... помогать не больному, а инфекции, и таким образом свести больного в могилу». Но не только Ягода, а и сами врачи, которых он «затянул... в свои преступные сети», в изобилии снабдили Вышинского лакомыми аргументами.

«Л е в и н. Он сделал мне весьма ценный подарок: предоставил мне в собственность дачу в подмосковной местности... Давал знать на таможду, что меня можно пропустить из-за границы без осмотра... Я привозил вещи жене, женам своих сыновей... Он сказал мне: «Макс не только никчемный человек, но и оказывает на отца вредное влияние...» Он дальше сказал: «Вы знаете, руководитель какого учреждения с вами говорит? Я ответственен за жизнь и деятельность Алексея Максимовича, а поэтому, раз нужно устранить его сына, вы не должны останавливаться перед этой жертвой». Он сказал: «Раз вам оказывается доверие в этом деле, вы это должны ценить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят».

Левин «признавался», что убил Менжинского и Максима Пешкова, и после этого Ягода потребовал совершить новое преступление.

«Ягода сказал: «Ну вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках и должны идти на гораздо более серьезное и важное — убить Горького... И вы пожнете плоды при приходе новой власти...» Это было первое «дело врачей». Второе Сталин затеял на склоне жизни, но не успел довести до конца, потому что умер.

И в обоих случаях люди охотно верили в рассказы о «врачах-убийцах» и охотно доносили на знакомых врачей.

Вот пример. По делу «английского правотроцкистского блока» судили и профессора Института функциональной диагностики, консультанта Лечебно-санитарного управления Кремля Плетнева.

Платон Керженцев, председатель Комитета по делам искусств, 6 марта 1938 года послал записку Молотову и Вышинскому:

«В связи с привлечением Д. Плетнева к суду я считаю нужным напомнить обстоятельства смерти Ф. Держинского.

После сердечного припадка его положили в соседней с залой заседания комнате.

Через несколько часов доктора позволили ему самому пойти к себе на квартиру. Когда он пришел и наклонился над квартирой (так в тексте, — *В.О.*), он упал и умер.

Известно, что после сердечного припадка больному воспрещается абсолютно всякое движение (а особенно воспрещается ходить, наклоняться).

Среди вызванных к т. Держинскому докторов был и Плетнев.

Разрешив т. Держинскому пойти, он этим убил его».

Как ни жутко, но пока что это репетиция, хотя бы и генеральная, сценическая опробовавшая сюжет «врачей-убийц» не в его самостоятельном русле, а как побочное ответвление главного правотроцкистского сюжета.

14 лет спустя он будет вынесен на авансцену советской истории уже не в репетиционном плане, а как самостоятельное действие крупномасштабной антисемитской вакханалии. Предварительная же отработка его внушительно свидетельствует о том, что все три послевоенных акта еврейской трагедии были запрограммированы его прологом, органичным тоталитарной сущности режима, который утвердился в 20-30-е годы как прямое следствие большевистского переворота в октябре 1917-го.

2. Акт первый. Еврейский антифашистский комитет

Проецируя свою хронику в первые послевоенные годы, когда антисемитизму уже незачем было маскировать себя классовой борьбой, Е. Альбац ведет отчет с разгрома Еврейского антифашистского комитета, предвосхищенного политическим убийством его председателя.

«Л и к в и д а ц и я, как любили говорить у нас в Отечестве, Соломона Михоэлса знаменовала собой начало государственного погрома, длившегося почти пять лет. Этот погром официально назывался «борьбой с космополитизмом», ...то есть, как следует из Советского энциклопедического словаря, борьбой с «реакционной буржуазной идеологией, проповедующей отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, отрицающей го-

Встреча членов ЕАК с американским журналистом Гольдбергом (в центре)

сударственный и национальный суверенитет, служащей целям государств, добывающихся мирового господства». «Пролетарский интернационализм противоположен буржуазному космополитизму», — заключает словарь.

Во имя этого самого «пролетарского интернационализма» по всей стране отовсюду — с заводов, из институтов, проектных бюро, поликлиник, школ — евреев выгоняли с работы. Газеты печатали откровенно погромные фельетоны. Началась — да, собственно, она никогда и не прекращалась — новая волна арестов: брали повторников — то есть тех, кто в тридцатые был арестован, отсидел, выжил и вышел на просторы большого концлагеря, дабы потом сесть снова — в лагерь размером с зону. По Москве и Ленинграду поползли слухи: готовится выселение евреев в Сибирь. ...После репрессий в отношении целых народов в годы войны — вы-

селения немцев Поволжья и сволокивания немцев в лагеря (это называлось Трудармией) со всей России, где они тысячами умирали от голода, после выселения крымских татар, ингушей, чеченцев и т.д. отправка евреев этапами в Сибирь была бы вполне в духе режима.

Но сценарий развивался пока в другом направлении. Лидеров Еврейского антифашистского комитета обвинили в связи с американскими империалистами, заговоре с сионистами и в желании отделить полуостров Крым от СССР. За этим последовали целевые аресты среди еврейской интеллигенции. В 1950 году Мириам Железнову (Айзенштадт) и Самуила Персова приговаривают к смерти за шпионаж и измену: они передали за границу статьи о Московском автозаводе имени И. В. Сталина и очерки о евреях — Героях Советского Союза. В пятьдесят втором году 22 еврейских писателя по приговору того, что в Советском Союзе называлось судом, были расстреляны. Но вакханалия продолжалась. Более того — игровая сцена расширилась до масштабов Восточной Европы. В Чехословакии прошел показательный процесс над Генеральным секретарем КПЧ евреем Рудольфом Сланским и его сподвижниками. Обвинение... не скрывало своей откровенно антисемитской направленности, итог: 11 человек повешены, из них 7 — евреи. Следующим актом этого чудовищного спектакля стало дело «врачей-отравителей». Надо признать, это была гениальная (не то, мне кажется, слово! — В.О.) находка Сталина. Если слова «космополитизм», «сионизм» одна часть населения не очень понимала, а другая не всегда могла выговорить, а имена расстрелянных поэтов — Маркиша, Фефера, Бергельсона — подавляющему большинству ничего не говорили, то заявление о том, что врачи, главным образом евреи, отравляли или собирались отравить своих пациентов, — такое действовало оглушительно на все слои населения. Спусковым крючком антисемитизма становился самый сильный из животных инстинктов — инстинкт самосохранения...

...Антисемитизм — это всегда игры власти, это всегда политика.

Бытовой антисемитизм почти никогда — сам — не стреляет, почти никогда — сам — не убивает, никогда — не создает гетто. Это как полешко, которое может тлеть, если воздух ему давать, или затухнет, если заслонку закрыть, это огонек, который можно раздуть в костер, а можно — притушить водой...

...Нет — или почти нет — бытового антисемитизма, есть невежество и привычка. Нет народов-антисемитов, есть политика их управителей, пытающихся прикрыть тем собственное бессилие.

Зоологический антисемитизм Сталина второй половины сороковых годов — притом, что он был и раньше персонифицирован в образе Льва Бронштейна-Троцкого, коего Сталин боялся и ненавидел даже после того, как убил, — это был страх перед победившим народом. Животный страх, что народ, переживший кошмар той войны, почувствовавший себя победителем, открывший двери немецких концентрационных лагерей, вдруг поймет, что сам живет в таком же большом концентрационном лагере, и захочет и эти двери открыть. Требовался новый враг, объект для народного гнева — дворян и троцкистов. повинных во всем и вся, уже почти не осталось. Врага народу дали: врачи-отравители, сионисты, вознамерившиеся отобрать полуостров Крым, писатели, возомнившие себя гражданами мира — космополитами...

Начнем с Крыма, предательски задуманное отторжение которого путем создания там еврейской республики было вменено Еврейскому антифашистскому комитету в политическое преступление. И так прочно внедрено затем в массовое сознание обывателей, что, подыгрывая им спустя полвека, поэт Станислав Куняев, взявший на себя недостойную роль одного из идеологов нынешнего российского антисемитизма, на полном серьезе оповещает читателей руководимого им журнала «Наш современник» (2002, №5) — своя рука владыка! — будто и Михоэлса убили, и членов Еврейского антифашистского комитета расстреляли не потому, что они евреи, а потому, что злонамеренно посягнули отобрать у России Крым.

Генезис идеи еврейской республики в Крыму интерпретируется сегодня по-разному. Александр Боршаговский в документальной повести «Обвиняется кровь» настаивает на том, что загодя подготавливая судебный процесс, ее расчетливо подбросили лубянковские провокаторы, а не разгадавшие провокации члены президиума ЕАК приняли ее доверчиво и простодушно. Романтическая иллюзия, наивно вымечтанная в их собственном кругу, — склонен полагать Г. Костырченко. П. Судоплатов, чья аргументация — «припоминаю также» — выстраивалась на фактах, о которых он слышан как высокопоставленный разведчик, посвященный в закулисные, тайные ходы правительственного Олимпа, свидетельствует и, похоже, не из желания отмыть свое ведомство от подозре-

ний в преднамеренной провокации, а лишь истины ради, что изначально вовсе не в ЕАК и даже не на Лубянке, а в самом советском руководстве всерьез

«...подумывали о возможности создания еврейской республики в Крыму на базе существовавших там до войны трех национальных еврейских районов. По предложению Молотова руководство ЕАК подготовило

С. Михоэлс и М. Рейнгардт. 1943

Молотова, редактировал этот документ. Письмо было переадресовано Молотову и поставлена новая дата — 21 февраля. Тремя днями позже оно было зарегистрировано в секретариате правительства СССР под номером М-23314 и в тот же день направлено секретарю ЦК Маленкову, секретарю Московского городского комитета партии, начальнику Главного политического управления Вооруженных Сил Шербакову и председателю Госплана Вознесенскому с поручением рассмотреть этот вопрос...

...Наш оперативный работник Хейфец, весьма успешно проявивший себя в получении из США материалов по атомной бомбе, рассказывал мне, что письмо, о котором идет речь, в сущности, являлось предложением об образовании еврейской республики в Крыму, куда могли бы присхать евреи со всего мира. Это, естественно, потребовало бы переселения жителей Крыма. В марте и апреле 1944 года крымские татары были депортированы: из Крыма выселили и перевезли в Узбекистан сто пятьдесят тысяч человек. То, что письмо, с одной стороны, и приказ о депортации — с другой, практически, датированы тем же числом (15 и 14 февраля соответственно), является совпадением. Приказ Сталина о выселке крымских татар, которых обвиняли в массовом сотрудничестве с немцами, был подписан раньше, но на исполнение к Берии попал за день до того, как поступило письмо из Еврейского антифашистского комитета...

...Поговаривали, что Михоэлсу может быть предложен пост председателя Верховного Совета в еврейской республике. Кроме Молотова, Лозовского и нескольких ответственных сотрудников Министерства иностранных дел, Михоэлс был единственным (разрядка моя. — В.О.) человеком, знавшим о существовании сталинского плана создания еврейского государства в Крыму...

Если в бытовом обиходе, по присловью, третий лишний, то в карательной практике Кремля и Лубянки единственный становился лишним тем нетерпимее, чем глубже, пусть и не по своей воле, был посвящен в тайны верховного двора, чем теснее соприкасался с ними. А тут еще неподконтрольно просочившиеся слухи о возможной «евреизации» Крыма, какие распространились в Москве как в высших эшелонах власти, так даже среди еврейского населения. Мало того: тайное, войдя в международную политику, грозило стать явным и для мирового общественного мнения. Если «для обсуждения вопроса о создании еврейской республики в Крыму» Берия принимал Ицика Фефера, «крупного агента НКВД, которого «вел» комиссар госбезопасности Райхман» («Михоэлс, разумеется, не знал об этом», — оговаривается П. Судоплатов), на конспиративной явочной квартире, то во время подготовки Ялтинской конференции

письмо, адресованное Сталину, с предложением создать в Крыму еврейскую республику...

...В письме, в частности, говорилось, что создание Еврейской советской республики в соответствии с большевистскими принципами и в духе ленинско-сталинской национальной политики раз и навсегда решит проблему законной государственной власти еврейского народа и дальнейшего развития его многовековой культуры. Эту проблему не удавалось решить никому в течение столетий. Ее можно наконец разрешить только в нашей великой социалистической стране.

Это письмо, зафиксированное в регистрационных журналах, хранящихся в партийном архиве, до сих пор не рассекречено полностью. Его не показывали, когда во время визита президента Ельцина в 1992 году в Вашингтон демонстрировали архивные материалы ЕАК.

15 февраля 1944 года проект письма был представлен Молотову. По его указанию Лозовский, заместитель

посол США в СССР Гарриман в открытую расспрашивал об этом и молотовского помощника Новикова, и генерала-разведчика Судоплатова.

«Вспоминаю, что видел сообщение о том, что Сталин сразу же после войны обсуждал с делегацией американских сенаторов план создания еврейской республики в Крыму и возрождения Гомельской области, места компактного проживания евреев в Белоруссии. Он просил их не ограничивать кредиты и техническую помощь этими двумя регионами, а предоставить ее без привязки к конкретным проектам.

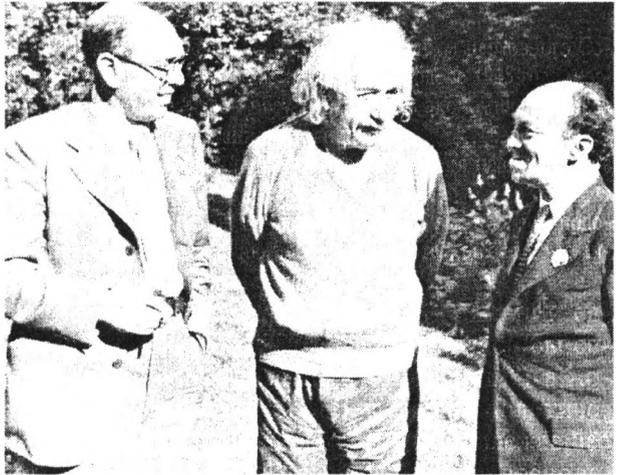
Затем, в июне 1945 года, после Ялты и победы над гитлеровской Германией, Президиум Верховного Совета СССР принял указ: Крым стал административной областью в составе РСФСР... В ноябре 1945 года, когда Гарриман попытался связаться со Сталиным через Молотова, чтобы обсудить вопросы экономического сотрудничества, его просьба о личной встрече была отклонена по указанию Сталина.

После войны Сталин предпочел вести другую линию: усилились попытки проникновения наших агентов в ряды сионистского движения...

...Расчет заключался в том, чтобы усилить советскую позицию на Ближнем Востоке и вместе с тем подорвать британское влияние в арабских странах, противившихся появлению нового государства, показав, что англичане не способны остановить евреев в их стремлении создать свое государство».

Так, отложенное было до окончания войны «решение вопроса о создании еврейской республики» (а как знать, появившись она тогда, может, и не вышел бы сегодня «крымский вопрос» на острие российско-украинских отношений?) в новых послевоенных условиях, подключивших Ближний Восток к внешнеполитическим интересам советской империи, похоронило и письмо ЕАК, пролежавшее «без движения в течение четырех лет... Затем, уже в 1948 году, Маленков воспользовался им для проведения кампании против членов ЕАК, а позднее и против старой гвардии в руководстве страной. Молотов, Микоян, Ворошилов, Вознесенский и, наконец, сам Берия, причастные к обсуждению создания еврейской республики на территории Крыма, сами, из-за того, что у них имелись родственники-евреи, оказались уязвимы в ходе этой кампании». А Сталину, лично заинтересованному в ней, она пришлась как раз на руку.

Но почему, возникает разумный вопрос, снимать с повестки дня «крымскую» проблему, поставленную не Еврейским антифашистским комитетом, а правительственной верхушкой советского руководства, надо было непременно путем физического устранения — «ликвидации» — Михоэlsa, который представлял для чекистов особую ценность еще и потому, что «находился в агентурной разработке НКВД с 1935 года. Причем одной из главных задач работы с ним было создание прикрытия для выхода на руководящие круги американской сионистской организации «Джойнт»? Ну, сыграл ЕАК

Слева направо: И. Фефер, А. Эйнштейн, С. Михоэлс

роль, прагматически отведенную ему на время войны, когда «в Кремле рассчитывали получить значительные средства на восстановление народного хозяйства под видом оказания помощи еврейскому населению СССР, пострадавшему от гитлеровского нашествия»... Ну, не сбылись сталинские вожделения возыметь таким образом от Запада 10 миллиардов долларов, но все равно ведь ре-

зультат одной только поездки Михоэлса в США равнялся в долларовом исчислении нескольким миллионам. А помимо этого осязаемо утилитарного результата были и другие, не менее важные и перспективные: обещание кредитов под послевоенное развитие металлургической и угольной промышленности, выход на «близкие к Эйнштейну круги ученых-специалистов, занятых разработкой в то время никому не известного «сверхоружия»... Ну, докучал председатель ЕАК местным властям, вынуждая их заниматься имущественным и жилищным обустройством еврейских семей и раздражал самого министра госбезопасности Абакумова, считавшего эти заботы и хлопоты «проявлением еврейского буржуазного национализма»... Так распустите надоевший комитет тихо-мирно, упраздните бескровно!

Поль Робсон и Соломон Михоэлс

Не тут-то было. «Поведение Михоэлса, выступавшего от имени возвращавшихся евреев, его осведомленность о совершенно секретных зондажных подходах советского руководства к сионистам не просто встревожили Сталина — они усилили его подозрительность. И действительно, — с профессиональным знанием дела рассуждает специалист по разведке, — только представьте себе: в советской системе, со строгой иерархией, неожиданно появляется человек, пользующийся международным авторитетом и безупречной репутацией, и начинает действовать по своей собственной инициативе». Было от чего встревожиться подозрительному генералиссимусу! А встревожившись, мстительно затаить злобу. Особенно по возвращении Михоэлса из Америки, где он, мало сказать — с блистательным успехом, — с триумфом выполнил высокую миссию посланца не просто советских евреев, но сражающейся страны в целом. «Еще бы, ведь он, представитель еврейской культуры, стал подлинным героем, известным во всем мире», поэтому и оснований бояться его было более чем достаточно. Авторитет и влияние председателя Еврейского антифашистского комитета как общественного деятеля мирового масштаба опирались и на обаяние его крупномасштабной личности, и на признание уникального актерского таланта, и на ключевую роль руководимого им театра как форпоста еврейской культуры. И если, по определению Александра Борщаговского, «дело ЕАК» — «злодейство, за которым не просто очередная цепь убийств, а единый замысел, планомерная подготовка к уничтожению всех еврейских писателей, всех сколько-нибудь заметных деятелей национальной культуры», то при реализации этого замысла Михоэлс был обречен на то, чтобы стать первым казненным. «Любой список жертв этого дела должен открываться его именем, ибо так было: устремаясь к тотальной расправе, масштабов которой мы и не представляли себе, непременно надо было прежде всего казнить» Соломона Михайловича Михоэлса. «Мертвый народный артист, молчащий, неспособный заступиться за себя и других, не могущий со всей силой интеллекта и всей страстью природы опровергнуть ложь, убитый Михоэлс был куда удобнее» пусть арестованного, но

живого. Оставшись в живых, он наверняка устоит, не сломается и, пройдя круги лубянковского ада, сорвет «дело ЕАК», задуманное и вынашиваемое еще «с первых шагов существования комитета, с 1941 года. При создании ЕАК ответственным секретарем его был Шахно Эпштейн — осведомитель госбезопасности. Впоследствии появились и другие сотрудники того же ведомства. Летом 1947-го, когда было уже подготовлено правительственное постановление о ликвидации ЕАК, — прошло два года, как окончилась война, — неожиданно Инстанцией направляется в аппарат комитета, на роль заместителя ответственного секретаря, Григорий Маркович Хейфец — кадровый сотрудник госбезопасности. Он, отныне заместитель Фефера, прибрал к рукам всю переписку комитета, а главное — многочисленные письма и целые списки тех, кого скоро обвинят в измене, в том числе списки пожелавших поехать добровольцами в Палестину, бороться против британских империалистов и арабов».

В книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург повествовал о шоке, каким гибель Михоэlsa отозвалась в кругах интеллигенции.

«Тогда нам сказали, что Соломон Михайлович поехал в Минск вместе с Голубовым-Потаповым по поручению комитета, присуждавшего Сталинские премии, — он должен был дать отзыв о постановке, выставленной на премию. Ночью его позвали в гости — он шел опять-таки вместе с Голубовым-Потаповым по одной из окраинных улиц, и там не то бандиты убили обоих, не то их раздавил грузовик. Эта версия казалась убедительной весной 1948 года; полгода спустя в ней многие начали сомневаться. Когда арестовали Зускина, все задумались: а как погиб Михоэls?..

...Я был на панихиде по Соломону Михайловичу в помещении его театра. Изуродованное лицо загримировали. Произносили речи. Помню выступление Фадеева. На улице стояла толпа, многие плакали.

Двадцать четвертого мая был вечер памяти Михоэlsa. Я выступил, не помню, что говорил. Было очень горько.

Но я еще ничего не предвидел».

Не помнил намеренно. Глава писалась в 1963 году, после встречи Н. С. Хрущева с интеллигенцией, где книга «Люди, годы, жизнь» подверглась грубому разному. В тех условиях попросту не хотел вспоминать, хоть и не мог не знать, что запись речи сохранилась в архиве ГОСЕТа, переданном в ЦГАЛИ, и вставить ее в главу труда бы не составило.

«На сегодняшнем вечере, посвященном памяти большого актера и большого человека Соломона Михайловича Михоэlsa, я хочу еще раз напомнить — бессмертная жажда: это сухие губы народа, который издавна мечтал о справедливости,

С. Михоэls и И. Фефер у памятника Шолом-Алейхему

который, запертый в душных гетто, добивался правды, за других пел и для других бунтовал. Вот в чем я вижу почти необъяснимую и в то же время таинственную связь между вопросами большого искусства и судьбой маленького народа... Сейчас, когда мы вспоминаем большого советского трагика Соломона Михоэлса, где-то далеко рвутся бомбы и снаряды: то евреи молодого государства защищают свои города и села от английских наемников. Справедливость еще раз столкнулась с жадностью. Кровь людей льется из-за нефти. Я никогда не разделял идей сионизма, но сейчас речь идет не об идеях, а о живых людях... Я убежден, что в старом квартале Иерусалима, в катакомбах, где сейчас идут бои, образ Соломона Михайловича Михоэлса, большого советского гражданина, большого художника, большого человека, вдохновляет людей на подвиги... В его жизни была трагедия народа, и он не отвернулся от нее: с народом жил и умер он, думая о народе».

Тайна гибели Михоэлса, о которой догадывался, но которую не знал проницательный писатель, не была тайной для студентки исторического факультета МГУ Светланы Аллилуевой:

«В одну из тогда уже редких встреч с отцом у него на даче я вошла в комнату, когда он говорил с кем-то по телефону. Я ждала.

Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резюме, он сказал: «Ну, автомобильная катастрофа». Я отлично помню эту интонацию — это был не вопрос, а утверждение. Он не спрашивал, а предлагал это, автомобильную катастрофу.

Окончив разговор, он поздоровался со мной и через некоторое время сказал: «В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс». Но когда на следующий день я пошла на занятия в университет, то студентка, отец которой работал в Еврейском театре, рассказывала, как злодейски был убит вчера Михоэлс, схавший на машине. Газеты же сообщили об «автомобильной катастрофе». Он был убит, и никакой катастрофы не было. «Автомобильная катастрофа» была официальной версией, предложенной моим отцом, когда ему доложили об исполнении... Мне слишком хорошо было известно, что отцу везде мерещился «сионизм» и заговоры. Нетрудно было догадаться, почему ему докладывали об исполнении».

Докладывал Абакумов. Обстоятельства же исполнения с некоторыми отклонениями и смещениями в деталях воспроизведены спустя пять лет после злодеяния в письме Берии Маленкову от 2 апреля 1953 года, выдержки из которого были впервые оглашены в 1992 году, т.е. еще без малого 40 лет спустя. А. Борщаговский привел его полностью по архивной копии. Конкретными исполнителями заказанного Сталиным убийства в письме названы «бывший заместитель Министра госбезопасности Белорусской ССР» Цанава, «бывший заместитель Министра государственной безопасности СССР» Огольцов и ответственный работник союзного министерства Шубняков.

В том же апреле 1953 года Цанава будет арестован, а в апреле 1955 совершит в тюрьме самоубийство. Арестованного тогда же Огольцова освободят в августе 1953-го, в 1954-м уволят из органов госбезопасности, в 1957-м исключат из партии, в 1959-м лишат воинского звания. Но не за убийство Михоэлса, а за «нарушение соцзаконности в ходе следственной работы в Ленинграде 1941-1943 гг.». Упомянутый в письме Шубняков, попав в 1952-1953 гг. под арест по «делу Абакумова», после освобождения станет сначала заместителем начальника первого главного управления МВД СССР, затем заместителем начальника второго главного управления КГБ СССР. Примечательно, что на пленуме ЦК КПСС в июле 1953 года в докладе Маленкова «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» об убийстве Михоэлса и последовавшей за ним расправе с Еврейским антифашистским комитетом не будет ни слова. А по предложению Хрущева «в правах членов ЦК КПСС» пленум восстановит С.Д. Игнатьева, министра госбезопасности с августа 1951-го по март 1953 года, т.е. в то как раз время, когда «дело ЕАК» из стадии костоломного следствия переходило в стадию судебного фарса и всюю раскручивалось новое «дело врачей». Всего три месяца назад его вывели из ЦК, как туманно выразился Хрущев, «по известному навету, и сейчас надо это дело пересмотреть и

исправить». Пересмотрели и исправили единогласно. До ухода в 1960 году на заслуженный отдых с персональной пенсией союзного значения Игнатьев по- бывал первым секретарем Башкирского и Татарского обкомов КПСС...

Не проходя «мимо лжи, которой пропитаны едва ли не все строки» бериевского письма, А. Боршаговский выявляет его фарисейство и иезуитство, циничное стремление, свалив все преступления на «бывших» — подручных исполнителей монаршей воли тирана, охотно повторить, «если позволят обстоятельства, маскарад 1938 года, свою ловко явленную стране маску «освободителя», почти либерала». Но за исключением отдельных деталей, требующих уточнения и уточняемых писателем, фактологическая канва событий изложена в письме верно. Прослеживая и выверяя ее, летописец-исследователь приходит к обоснованному выводу: «Дело ЕАК началось именно с минской казни! Не кончилось, как испокон веков ведется, а н а ч а л о с ь с казни».

Убийство развязало палаческие руки. Всего два месяца спустя Абакумов обратился «... в Политбюро и лично к Сталину с обширной запиской о враждебной антисоветской деятельности «еврейского националистического подполья в СССР». Подобный документ не мог возникнуть по наитию, вдруг, за ним — годы слежки, разработки агентурных данных, даты, имена, в и д и м о с ь реальности и фантастическая беспочвенность, бездоказательность, отсутствие улик. Держаться сколько-нибудь совокупно, целостно, порождать иллюзию достоверности подобный документ может только в отравленном сознании махрового юдофоба, для которого само звучание еврейских имен, «запах крови» оказываются достаточным аргументом, гарантией преступности.

Через три года появится обвинительное заключение по делу ЕАК, но, читая записку Абакумова в ЦК, датированную мартом 1948 года, обнаруживаешь полное совпадение этих двух документов. Только через 9-11 месяцев начнутся аресты членов президиума ЕАК, а служба госбезопасности уже «знает все». Знает, что во время поездки по США Михозлс и Фефер запродались спецслужбам Америки, обязались снабжать их шпионскими сведениями, добиваться создания в Крыму еврейской республики, будущего «плацдарма для военщины США». Знает, что внутри страны усилия буржуазных националистов направлены на разрушение дружбы народов, разобщение наций, на внедрение сионистской идеи целостности, бесклассовости еврейского народа, его обособленности от других народов, его превосходства над всеми. Служба госбезопасности, оказывается, уже знает, что Михозлс, только что спроваженный в могилу со скорбным поминальным словом самого правительства, на деле — «известный буржуазный националист», шпион и запродавец, что главные его помощники — Лозовский и Фефер. Знает и вину выдающихся еврейских писателей — Бергельсона, Гофштейна, Маркиша, Галкина, Квитко и других. Столь же подробно, сколь и лживо, характеризуется и деятельность ЕАК, вся без исключения: упоминается как несомненное преступление всякая встреча с приезжавшими в СССР иностранцами-евреями, каждое их приглашение на домашний обед или ужин, деловая переписка, сам ее факт безотносительно к содержанию, — все толкуется как отягченная уголовщина, «установление связей» и «завязывание контактов». В записке Абакумова даются и отдельные характеристики каждому из членов президиума ЕАК, причем и поэт Ицик Фефер — заметим это — обвиняется безоговорочно, без снисхождения».

Между абакумовской запиской и обвинительным заключением, разделенными во времени тремя годами, есть еще один документ: постановление политбюро «О Еврейском антифашистском комитете», датированное 20 ноября 1948 года и подписанное собственноручно Сталиным. В отличие от предшествовавшего первого и последующего второго документов, этот главный не требовал развернутой детализации, но его лексика и стилистика те же:

«Утвердить следующее решение бюро Совета Министров СССР:

«Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать, пока никого не арестовывать».

О это зловещее «пока»! Не иллюзорной надеждой обольщало оно, а по опыту предыдущих лет вгоняло в оторопь. И счет ему шел не на годы — на месяцы, недели, дни...

Совсем не то многотомная тюремная эпопея, начатая первыми арестами в 1948-м и завершившаяся расстрельными, кроме академика Лины Штерн, приговорами и их молниеносным исполнением в 1952 году. При всей изощренности садизма следствие буксовало и без Соломона Михоэлса, то и дело наталкиваясь на встречное сопротивление обреченных. «Участь двух докторов наук — Гольдштейна и Гринберга — поможет нам отойти от принятых и таких щадящих определений, как «побои», «физические методы воздействия», скрадывающие реальный, непереносимый ужас того, каким образом в ы б и в а л и с ь подписи подследственных. Я с растущим беспокойством всматривался в подписи непокорного Шимелиовича и видел, как надругательства на протяжении сорока месяцев следствия изменили его «автограф», опытный графолог прочитал бы по этим подписям всю его долю этой поры, как мы — не побоюсь такого сравнения — прослеживаем трагическое жизнеописание Ван Гога по его пронзительным автопортретам», — повествует А. Борщаговский, смело ставя доподлинного героя своего повествования «рядом и вровень с Михоэлсом, ...впереди всех не сломленных, мужественных и сильных». Эпиграфом к тюремной драме Лины Штерн видит он ее короткий диалог с Абакумовым, в котором «заявлены прямота и бесстрашие женщины перед опасностью уничтожения и неистовством министра». Назвав ложными все свои показания, выбитые на следствии, Вениамин Зускин твердо заявил на суде, что не признает себя «виновным ни в националистической, ни в шпионской деятельности». Духовное упорство, нравственная высота заключенных ярко выявились и в их отношении к Феферу, для которого

«... процесс превратился в долгую публичную казнь. Сначала он убедился, что ненавидим всеми, но странным образом преданные им стали терять к нему интерес, словно решив, что он достоин только презрения. Он почувствовал, что и судьи не расположены к нему, что, сделав так много для успеха следствия, он и сам может ждать сурового приговора. Неужели судьи не подозревают о его о с о б о й роли? Неужели ничто ему не зачтется? Может ли быть, чтобы высокие юридические чины Военной коллегии не знали маленьких тайн Лубянки?..

...Поздно! Непоправимо поздно. «Бомба» не взорвалась, подсудимые не умилились речью Фефера, не показанной по тону, а деловой, собранной — будто все недоброе о журналистах, к этому времени уже расстрелянных, Персове или Мириам Железновой-Айзенштадт, о Михоэлсе и множестве других сочинил не он, а кто-то другой.

Суду уже было не до откровений Фефера. Его давние показания, хоть и опровергаемые в ходе суда подсудимыми, легли в фундамент всего обвинения, и было бы безрассудно, на взгляд Лубянки, разрушать это основание...

Ложь трех с половиной лет ни стереть было, ни вывести, как случайное пятно...»

Так уроки человеческих судеб становились в документальной летописи А. Борщаговского уроками истории, переданными выразительными голосами, неповторимыми лицами. Без них статистика, как бы ни поражала она сама по себе, рискует остаться цифровым сгустком сухой информации о том, как процесс над членами Еврейского антифашистского комитета, «в обстановке строгой секретности» прошедший с 11 по 18 июля 1952 года, вынес тринадцать смертных приговоров, которые и были исполнены 12 августа. Одновременно «были расстреляны «инженеры-вредители» с автомобильного завода им. Сталина». (Этой трагедией, уместно напомнить, задан острый сюжет повести Иосифа Герасимова «Вне закона»). Всего же по данным, какие со ссылкой на российские источники приведены во французской «Черной книге коммунизма», «по делу Еврейского антифашистского комитета было вынесено 125 приговоров, из них 25 смертных, все они были приведены в исполнение, 100 человек были приговорены к заключению в лагерь на срок от 10 до 25 лет».

Воистину «тугой кровавый узел», каким, обобщает А. Борщаговский, Еврейский антифашистский комитет повязал всех еврейских общественных деятелей, ученых, мастеров культуры, писателей. «По этому делу прошли не только знаменитости, ис-

тинные лидеры еврейской культуры, по нему в городах и весях шли также загнанные одиночки и искусственно сколоченные следователями группы и группки людей, ничем не объединенные, кроме национальной общности». Не убоившись окрестить этот шабаш словом «геноцид», повествователь увидел в трагедии ЕАК ту особую жестокость, с какой коммунистическая диктатура, не имея возможности физически истребить народ, уничтожала его духовно, выкашивая интеллигенцию, культуру, язык, самобытность. Специфическое советское явление, политический ключ к которому — «в «учении» Сталина по национальному вопросу, в антинаучном определении Сталиным нации вообще», дозволившим не только костоломам и осведомителям с Лубянки, но и псевдоученой или околотитературной челяди изжить слово «национальный», заменить его на «националистический». «Любое культурное начинание, клубная встреча, литературный вечер, публичное чтение стихов, проходившие на еврейском языке, изначально считались националистическими». Вслед за «ликвидацией» людей расстрел Еврейского антифашистского комитета на годы вперед санкционировал и стимулировал ликвидацию «еврейской литературы в стране. Словно вырублен лес, весь, подчистую и повсеместно. Никто не назовет сколько-нибудь значительного поэта, прозаика, драматурга, кто не был бы схвачен службой госбезопасности. Если гнездами антисоветчины и националистической «контры» объявлены в с е еврейские журналы, альманахи, газеты, театры и т. д., то как уцелеть литератору, пишущему на родном языке? Вырублен лес, но, может быть, уцелел крепкий подросток?.. Нелепые упования».

О нелепости упований Кремль и Лубянка позаботились загодя. «Черный сатанинский птенец уже стучался клювом в скорлупу, собираясь выбраться наружу». Страна еще не услышала имени Лидии Тимашук, но «в недрах дела ЕАК все явственней заявляла о себе новая провокация» — планируемое на ближайшее будущее дело «убийц в белых халатах»...

3. Акт второй. Космополиты

Но прежде чем оно обнаружится всего через неполных полгода после расстрела активистов Еврейского антифашистского комитета, параллельно следствию по их делу будет развернута массовая кампания борьбы с безродными космополитами-антипатриотами, на которую нацелит передовая статья «Правды» от 28 января 1949 года «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

Предыстория ее появления, в которой были задействованы и партийные идеологи, функционеры разных уровней (Г. Маленков, Д. Шепилов, П. Поспелов, М. Сулов, Г. Александров, В. Вдовиченко, Ф. Головченко), и писатели (А. Фадеев, В. Кожевников, А. Софронов, Б. Ромашов), и журналисты-флюгеры вроде конъюнктурного мастера черных дел Д. Заславского, обстоятельно раскрыта как мемуарно, в книге «Записки баловня судьбы» А. Борщаговского, одного из «героев» правдинской статьи, так и исследовательски, в труде историка Г. Костырченко. Нет поэтому нужды заново излагать ее — обратимся к собственно истории, выделив на ее мрачном полотне самые броские мазки.

Узаконенное «Правдой» новообразованное словосочетание «безродные космополиты-антипатриоты», стремительно обрастая бранными, один другого хлеще эпитетами, служило отнюдь не эвфемистическим обозначением национальности, о чем взыскующе запрашивал пресловутый пятый пункт в анкетах. Очевидцы оголтелой борьбы с космополитами оставили на сей счет множество впечатляющих свидетельств. Разведчик П. Судоплатов:

«После того как Сталин начал кампанию против космополитов в 1946-1947 годах, руководящий состав среднего уровня и рядовые партийные чиновники стали воспринимать антисемитизм как официальную линию партии. Термин «безродный космополит» сделался синонимом слова «еврей»: он означал, что советские граждане еврейской национальности разделяли мировоззрение евреев Запада и в силу этого не могли быть полностью преданными советскому государству».

Вспоминая о том, как еще в августе 1942 года — словно и не было тогда, после катастрофы под Харьковом и в канун Сталинграда других забот! — управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) поставило вопрос о том, что в литературе и искусстве преобладают «нерусские люди (преимущественно евреи)», А. Н. Яковлев подчеркивает: «После Отечественной войны антисемитизм становится практически государственной политикой». И в подтверждение такого диагноза ссылается на признание заместителя министра госбезопасности (1951-1952 гг.) М. Рюмина, который объяснял собственную юдофобию тем, что «тенденция рассматривать лиц еврейской национальности потенциальными врагами советского государства» в деятельности его ведомства «начала отчетливо проявляться» с конца 1947 года. Да что он, в пору расправы с Еврейским антифашистским комитетом темный, но злобный старший следователь следственной части по особо важным делам, а затем подсевший Абакумова и ненадолго взлетевший после его падения раскрутич «дела врачей», если сам «отец народов» поучал видеть в каждом еврее американского шпиона! И не за пиршеским столом на ближней кунцевской даче поучал, а, согласно дневниковой записи В. Малышева, тогдашнего заместителя председателя Совета министров по машиностроению, на заседании президиума ЦК КПСС: «Любой еврей — националист, агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США... Они считают себя обязанными американцам...»

Начавшись печатным и трибунным поношением театральных критиков, чумная эпидемия борьбы с космополитами стремительно выходила из стен Союза писателей (драмы, разыгранные там, ярко живописал Владимир Тендряков в рассказе «Охота», посмертная публикация которого стала возможной только в «перестройку»), бурно захлестывала Московский университет (один из сюжетных мотивов романа Григория Свирского «Заложники»), Институт мировой литературы, Литературный институт, университет и Пушкинский дом в Ленинграде, университет и Институт литературы в Киеве, шквально переметнулась в изобразительное искусство и музыку, театр и кино, а из сферы гуманитарных наук в науки точные. «Охота на космополитов раскалывала общество, делила архитекторов, философов, историков, журналистов, работников государственных учреждений, промышленных предприятий и общественных организаций, преподавателей и студентов, коммунистов, комсомольцев, беспартийных на «загонщиков» и «загоняемых», т. е. вполне целенаправленно противопоставляла их друг другу. В итоге кампания стала всеохватывающей», — пишут сегодня историки о духовном состоянии общества, охваченного повальным антикосмополитическим безумием. В навалах его ломались, крушились судьбы, невежество, ополчаясь на знание, и бездарь, глумясь над талантом, поднимали на своих мутных волнах крикливых погромщиков типа поэтов Н. Грибачева, С. Васильева, С. Смирнова (того самого, который, по безымянной эпиграмме, «И сам горбат, стихи его горбаты, — Кто виноват? Евреи виноваты!»), а то и вовсе липовые авторитеты, дутые фигуры временщиков, делавших научные и творческие карьеры на спекулятивной злобе дня. Как, по образному определению А. Борщаговского, «пустотелый монолит» Анатолий Суров. Работодатель в драматургии и

публицистике, приписанных его авторству, свои обличительные речи он истерично выкрикивал сам: «Корни космополитизма следует искать в буржуазном национализме. Именно на этой почве произрастали такие двурушники и предатели, как Юзовский, Гурвич и им подобные. Этим презренным выродкам нет места в наших рядах».

Как ни уродливо явление, персонифицируемое Суровым, оно, однако, не столько индивидуально, сколько типологично. Потому что зеркально отражает ту затхлую атмосферу общественной жизни, которую портретирует А. Борщаговский:

«Расцвел донос, взмыл, достигая высот 1937 года, с той разницей, что донос теперь сделался ликующий, публичный, почти горделивый, — тайное стукачество, никогда не переводившееся в человечестве, отступило в тень, вперед вышел ораторствующий клеветник, обьятый священным трепетом и гневом, лгущий, выхватывающий из текстов полуфразы, зачарованный собственным верноподданническим красноречием и расторопностью. Но было и спасительное отличие от событий двенадцатилетней давности: в тюрьму попали сравнительно (с 1937 годом!) немногие; на этот раз шло разрушение нравственности, удушение совести; дискредитация понятий чести и порядочности выдавалась за идейную патриотическую закалку общества».

Действительно, рассчитанная на обработку, обкатку, нивелировку умов и душ, обвальным террором кампания не сопровождалась. Но все-таки в разгар ее были арестованы А. Альтман, А. Исбах, студент Литературного института Э. Мандель — в недалеком будущем поэт Наум Коржавин, в тюрьме умер филолог, профессор Г. Гуковский. За решетку попал и некогда приближенный к Вышинскому, бывший старший следователь прокуратуры СССР по особо важным делам, не даровитый, но пробивной писатель Лев Шейнин. В новой для него роли «еврейского буржуазного националиста» он словоохотливо дает — профессионально зная, как все равно выбьют, если не даст — добровольные показания, куда бы ни шло: на самого себя, но и на И. Эренбурга, и на Василия Гроссмана,

«пытаясь даже их, своих идейных и нравственных антиподов, включить в некую «националистическую» группу по признаку крови. Постепенно задачи и цели этой группы очерчиваются все определеннее и опаснее, и вот мы уже читаем в подписанном Шейниним протоколе, что главным делом «нашей группы была борьба с Советской властью за обеспечение ведущей роли евреев-драматургов в советской драматургии».

Такого обвинения вполне бы хватило Рюмину для оформления нового дела о буржуазно-националистической организации московских драматургов — и, судя по настойчивости, с которой разрабатывалась «группа Шейнина», такой очередной процесс состоялся бы, не переменись обстановка со смертью Сталина, с арестом Рюмина и реабилитацией «врачей-убийц». Такой процесс был бы, при любом исходе, фарсовым прибавлением к поистине трагической судебной эпопее дела Еврейского антифашистского комитета...»

Материальный ущерб, какой наносит стране и обществу преступная или попросту неразумная, а то и бездарная власть, можно вычислить. И зачастую не в отдаленном будущем, а по неостывшим следам разрушительных решений, подобных таким, как отречение от генетики и кибернетики, объявленных на антикосмополитической, кстати, волне буржуазными лженауками. Перекрывается ли это атомной бомбой, с которой, по Черчиллю, Сталин оставил Россию, принятую с сохой?..

Урон духовный исчислениям не поддается. Насильственное выключение из мировой культуры русской и других национальных культур народов, сложивших, по сталинскому гимну, «союз нерушимый республик свободных» (как показал конец XX века, совсем не «нерушимый!»), обрекло их на замкнутость и изоляционизм, спесивую обособленность и великодержавное чванство. Единицами каких измерений подсчитать этот урон?

Отторжение закордонного чужебесия необратимо вело к выборочному восприятию собственного культурного наследия, — не в богатстве многих и разных традиций прошлого, а в суженном до предела спектре тех отдельных, которые повелевалось считать патриотическими. Чем измерить эти потери?

Да и самое содержание по-имперски понятого патриотизма утилитарно сводилось к сиюминутным политическим лозунгам, обличавшим загнивающий буржуазный Запад во главе с американскими империалистами. Чем возместить такой воинствующий отказ от общечеловеческих духовных ценностей, признание которых и поныне встречает яростное сопротивление национал-большевизма?..

А размыв нравственных устоев, моральных ориентиров и критериев, этических норм человеческого общежития в стране и мире! Порухенные однажды, они не восстанавливаются в одночасье...

Расчеловечить общество, толкнуть его на путь одичания куда проще и легче, чем духовно облагородить, возвысить. Но облагораживающее возвышение как раз и не входило в замысел борцов с космополитами, не скрывавших антисемитской направленности своей истерии.

4. Акт третий. Врачи

Этот третий акт, в отличие от первого и второго, строится в ином ключе, который условно можно назвать сценарным. Потому сценарным, что обстоятельное, как до сих пор, изложение сюжетных действий уступает здесь место конспективному, тезисному воссозданию лишь отдельных звеньев сюжета, который подается в резко сокращенном виде, но с надеждой на возможное возвращение к полному тексту в связи с грядущим 50-летием «дела врачей»...

Календарный отсчет этого провокационного «дела» начался не 13 января 1953 года — не в день, каким датировано сообщение ТАСС «Хроника. Арест группы врачей-вредителей». Его событийная завязка, повторим, — в следственных материалах по Еврейскому антифашистскому комитету и того раньше — в убийстве Михоэзса. Донос Лидии Тимашук на кремлевских коллег-врачей был передан начальнику сталинской охраны Власику еще в августе 1948 года, а 30 августа под грифом «совершенно секретно» переправлен Сталину с сопроводительной запиской Абакумова. Резолюция Сталина «В архив» совсем не значила, будто донос Тимашук и сигнал Власика-Абакумова оставлены без внимания. Цепкая, но злая память удержит их до нужного момента, который пока что не приспел, но уже приближался. В ноябре 1950 года арестован профессор Я.Г.Этингер, который, и полгода не пройдет, скончается в тюрьме в разгар следствия, в июле 1951-го — его жена, тоже врач, Р.К. Викторова, а до этого, в октябре 1950 года, — их приемный сын, чудом вырванный в войну из минского гетто, будущий историк Яков Этингер...

Профессор Я.Г. Этингер. 1941

Настал черед вернуться к началу настоящей хроники — мозаичному монтажу выдержек из повести Валентина Ерашова «Коридоры смерти». Едва она вышла, на Независимое издательство «Пик» обрушился град вопросов: на какой фактической основе строит писатель сцены казни и депортации? Кто интересовался всерьез, кто раздражался и гневался, посчитав, будто и при оговоренной фантастичности повествования фантастика все равно требует опоры на реальность, подтверждаемую документально. Гнев поборников неукоснительного документализма падал на одного В.Ерашова, так как «Архипелаг ГУЛАГ» тогда еще не

был повсеместно прочитан. Но стань к тому времени достоянием массового читателя, скажем, лондонское издание 1978 года, — не избежать бы автору «художественного исследования» взыскующих распросов о первоисточниках, позволивших ему написать черным по белому: «Сталин собирался устроить большое еврейское избиение. Замысел Сталина был такой: в начале марта «врачей-убийц» должны были на Красной площади повесить. Всколыхнутые патриоты (под руководством инструкторов) должны были кинуться в еврейский погром. И тогда правительство, великодушно спасая евреев от народного гнева, в ту же ночь выселяет их на Дальний Восток и в Сибирь (где бараки уже готовились)...»

И года не прошло, как Зиновий Шейнис предложил тому же издательству рукопись книги «Провокация века», где подготовка к депортации излагалась публицистически и мемуарно, без всяких фантастических обрамлений. Опираясь лишь на память о пережитом и выстраданное знание того, что и как было, автор повествовал о «событиях чрезвычайной важности», которые, разворачиваясь за кулисами, «держались в глубочайшей тайне. Выселение примерно трех миллионов евреев должно было произойти сразу же после процесса над «врачами-убийцами». Товарные составы уже стояли на окружной железной дороге». И был уже напечатан миллионный тираж книги философа Л.Чеснокова «Почему необходимо выселить евреев из промышленных районов страны», которую он изготовил впрок по личному заказу Сталина как теоретическое, с марксистско-ленинских позиций обоснование задуманного геноцида...

До других подтверждений своей «фантастики» В.Ерашов не дожил. А мог бы в преизбытке почерпнуть их сегодня у Я. Этингера, чей вывод о том, что депортация готовилась одновременно со следствием, подтвержден рассказами многих и разных людей — академиком А.Д. Сахарова и Е.В. Тарле, бывшего председателя Совета министров СССР Н.А.Булганина и тоже отставного Н.С. Хрущева, а также обширными выписками из предсмертных записок Н.Н.Полякова, бывшего сотрудника аппарата ЦК ВКП(б), а до этого — органов госбезопасности. По «показаниям» последнего подготовкой к депортации занималась специальная комиссия, подчинявшаяся непосредственно Сталину. Н.Н.Поляков был ее секретарем, а председателем — М.А. Суслов, не случайно названный А.Н. Яковлевым в едином ряду с «главными идеологами и руководителями тотального человекоубийства»: расправа с Еврейским антифашистским комитетом — одно из многих его палачеств...

Толчок к официальному решению о депортации предстояло дать коллективным письмом еврейской общественности в «Правду»: подписи ученых, мастеров культуры, писателей, а также военных собирали академики И.Минц, М. Митин и бывший генеральный директор ТАСС Я.Хавинсон (по журналистскому псевдониму Маринин). Драматичный эпизод встречи с Хавинсоном-Марининым при участии К.Минца воспроизвел В. Каверин в книге воспоминаний «Эпилог» — первой посмертной книге, верстку которой, однако, он успел вычитать. Вызвав в редакцию «Правды», писателя ознакомили с письмом и потребовали подписи. «Я прочитал письмо: это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке». Воспоминание о том, как он отказался ставить под письмом свою подпись и во что ему обошелся отказ, В. Каверин завершил рассказом о встрече с И.Эренбургом, который пригласил писателя и его жену Л.Н.Тынянову, чтобы ознакомить их со своим обращением к Сталину. «Сохранился ли текст этого послания, которое смело можно назвать историческим, потому что есть основания предполагать, что оно подорвало идею дальневосточного гетто? Не знаю...»

Дошло ли его послание до адресата, не знал и сам И.Эренбург. Но о том, что оно было написано и передано, он сообщает в книге «Люди, годы, жизнь», правда, в отличие от В.Каверина, куда как скупое. И то сказать: книгу «Эпилог» В.Каверин писал в конце 70-х, причем, сознавая, что пишет в стол, без надежды на издание, но, возможно, именно поэтому желая выговориться до конца, сдерживать себя не считал нужным. И.Эренбург сдерживал. «Люди, годы, жизнь» он завершал в начале 60-х, под нестихающие залпы критики, но, вопреки им, с расчетом на публикацию, которой упорно добивался даже путем обращения за поддержкой к Н.С.Хрущеву. Не потому ли, спасая книгу, предпочел опустить «рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось, и Сталин не успел сделать того, что хотел. Конечно, эта история — глава моей биографии, но я считаю, что не настало время об этом говорить...»

Но в узком кругу иногда все-таки говорил. Очевидцем этого был З.Шейнис, узнавший от Эренбурга и о его обращении к Сталину, и, в связи с ним, о встрече писателя с Маленковым и Кагановичем. «Все это Илья Григорьевич рассказывал мне не случайно. Я понял, что он не собирается сохранять в тайне события недавнего прошлого. Я не спросил его, написал ли он об этом. Но в одном я уверен: Эренбург не хотел, чтобы факты, известные ему, события, свидетелем которых он был, канули в Лету вместе с ним...»

Всколыхнув общественное мнение Запада, «дело врачей» получило широкий международный резонанс. Несоизмеримо более широкий, чем закулисно, тайно вынесенные и исполненные смертные приговоры членам Еврейского антифашистского комитета. Демонстративно преданное гласности, оно было воспринято как антисемитский вызов Сталина мировой цивилизации. Называя «сфабрикованный «заговор убийц в белых халатах»... переломным моментом в эволюции сталинизма послевоенного периода», французские авторы «Черной книги коммунизма» видят «весьма специфический ракурс» «дела врачей» в том, что оно всплыло «через восемь лет после публичного осуждения практики нацистских лагерей». Но задолго до «Черной книги» антисемитскую общность большевизма и нацизма, сталинизма и гитлеризма чутко распознали участники шумных митингов и бурных демонстраций, какие проходили в западноевропейских столицах под гневными лозунгами: «Наш долг — спасти московских врачей», «Позор Сталину», «Сталин — новый Гитлер». И не только демонстранты требовали от своих правительств бойкота СССР, вплоть до разрыва с ним дипломатических отношений. «Если этот кровавый спектакль будет разыгран, то все аккредитованные в Москве послы западных стран покинут СССР и дипломатические отношения будут прерваны», — предупреждали дипломаты в заявлении МИДа СССР в феврале 1953 года.

«В Западной Европе против сталинского антисемитизма протестовали представители самых различных общественных кругов, в том числе и давние друзья Советского Союза... Крупнейшие деятели мировой медицинской науки приступили к организации Международного комитета для изучения обвинений, предъявленных советским врачам... Обсуждался вопрос об организации на Западе контрпроцесса с целью развенчания сталинской провокации. Протесты против антисемитской кампании в СССР нарастали с каждым днем, приобретая всемирный размах» (Я. Этингер). Возмущение разгулом со-

ветского антисемитизма Альберт Эйнштейн выразил в телеграмме Вышинскому как тогдашнему министру иностранных дел. Международного расследования «дела врачей» добивался Фредерик Жолио-Кюри, намереваясь в знак протеста выйти из французской компартии. За прикосновение к сокрытым тайнам пыточного следствия — «слишком много знал» — поплатился жизнью Ив Фарж. С осуждением Кремля выступили лидеры политических партий Великобритании и премьер-министр Уинстон Черчилль. «Американские спецслужбы никогда не вступали в контакт с арестованными профессорами и никаких указаний или поручений им не давали», — заявил по радио президент Д. Эйзенхауэр еще до того, как 49 видных деятелей США, среди них Элеонора Рузвельт и генерал Тейлор, призвали его выступить в защиту евреев в странах советского блока. Иначе, предупреждали они, на евреев обрушатся «новая эпидемия погромов, инспирированные коммунистами антисемитские нападения... Потенциальная опасность физической расправы с 3 000 000 евреев в этих странах является реальностью... Во время гитлеровского господства цивилизованный мир, застигнутый врасплох, неспособный поверить, что массовое истребление может стать реальной целью, мало сделал, чтобы остановить его. Сегодня, памятуя об этом ужасном опыте, мы не имеем никаких оправданий для промедления».

Удержали бы Сталина эти и другие исполненные сострадания и гуманизма голоса? Нет проку гадать на кофейной гуще. Просто воздадим должное отзывчивости, честности, совестливости всех тех, кто, солидаризируясь с жертвами преступления, протестовал, не зная, что юдофобствующий тиран доживает последние дни. «И, видя жизни этой вечер, // Помыслить даже кто бы мог, // Что и в Кремле никто не вечен // И что всему приходит срок» (Александр Твардовский: «За далью — даль»).

Срок пришел — час пробил. Но...

5. Эпилог

Срок пришел — час пробил. Но отличительная особенность как многих воспоминаний о прожитом и пережитом, так и исторических исследований Холокоста по-советски: авторы их единодушно сходятся в том, что послесталинское прекращение провокационного «дела врачей» не стало финалом юдофобии и антисемитизма, а только вывело их на новые витки спирали.

П. Судоплатов: «Смерть Сталина положила конец «делу врачей», но антисемитизм продолжал оставаться весьма грозной силой».

Г. Костырченко: «...дело Сталина (в данном случае государственный антисемитизм) не умерло вместе с ним, а продолжало жить. Правда, политика эта в значительной мере модифицировалась: в целом она была смягчена, ибо из составлявших ее компонентов была изъята публичная агрессивность, а в действия проводивших ее чиновников привнесена изощренная маскировка. Массовые антиеврейские чистки государственно-аппаратного и учреждений прекратились. Однако, так сказать, тихое «выдавливание» евреев продолжилось, и прежде всего из сферы, связанной с обеспечением национальной безопасности страны (армии, тайной политической полиции, ВПК, внешнеполитического и внешнеэкономического ведомств)».

Е. Альбац: «В вегетарианские — по выражению Анны Ахматовой — времена, то есть во времена Брежнев, антисемитизм приобрел более цивилизованные формы — в том смысле, что перестали — до известной, конечно, степени — сажать и убивать. Отдельные же приступы ярости власти, случавшиеся и в семидесятые, и в восьмидесятые, были результатом климакса правящей олигархии: ни жизнеспособной экономики, ни более или менее сносного существования для своих сограждан она уже не могла родить, но и решиться (за то — спасибо) на лагеря и массовые убийства — не могла тоже. Поэтому провалялась малым — оправдавшей себя еще с царских времен политикой «квот».

Во всех государственных учреждениях (а частных, как известно, не было) были установлены квоты на евреев. Они варьировались, но, как правило, держались в царских пределах — 3-5 процентов. Однако в целый ряд сфер государственного организма доступ евреям был практически перекрыт — особенно в сферы, так или иначе связанные с идеологией и работой на передовых линиях борьбы за социализм — за границей Отечества: ЦК, МИД, КГБ, зарубежные корпункты газет и телевидения...

...Продолжали бить и по самому больному — по детям. В начале семидесятых были введены и сохранялись вплоть до второй половины восьмидесятых жесткие ограничения на прием евреев в высшие учебные заведения, в лучшие и самые престижные — особенно».

Был ли сам «дорогой Леонид Ильич», женатый на еврейке, антисемитом, Е. Альбац решать не берется и иронично передает свое журналистское право ответа на заданный вопрос вдове генсека. Но сменивший его Ю. В. Андропов, верховодивший КГБ в те же «вегетарианские времена», «в борьбе с нерусским инакомыслием... усердствовал» не меньше, чем Сулов в роли «главного идеолога». «Во всех записках КГБ, которые доходили до меня, — вспоминает А.Н. Яковлев, — постоянно подчеркивалась национальность. Преднамеренно создавалось впечатление, что инакомыслящие — это прежде всего евреи. Вот они, враги!» А «враги» оприходовались в списках, какие «Андропов заранее готовил... для арестов и лагерей», подкрепляя такими проскрипциями свое предложение «О лицах, представляющих особую опасность для государства в условиях военного времени», вынесенное на рассмотрение Политбюро.

«Андропов твердо стоял на позициях сталинизма... Приведу только один случай из моей практики. Когда премьер-министр Канады Трюдо обратился к нему с просьбой о снисхождении к Шаранскому, Андропов ответил чрезвычайно жестко, ответил человеку, который был очень хорошо настроен к нашей стране. В письме было сказано, что «нам нет необходимости доказывать свою гуманность, господин премьер-министр. Она заложена в самой природе нашего общества». Вот Андропов — он весь тут.

— А мне говорили, что Андропов — гибкий политик, — заметил Трюдо в беседе со мной после получения этого ответа».

Один к одному — эпизод, воспроизведенный Л. Млечиным. За Натана Шаранского хлопотал и начальник штази Маркус Вольф, надеясь в случае освобождения физика-отказника, обвиненного в шпионаже, вызволить своего агента, внедренного в окружение Вилли Брандта, но разоблаченного спецслужбами ФРГ. «Товарищ Вольф, — сказал Андропов, — разве вы не понимаете, что произойдет, если мы дадим такой сигнал? Этот человек шпион, но еще важнее то, что он еврей и выступает в защиту евреев». Еврейский акцент, приглушенный в письме канадскому премьеру, от главы разведки ГДР не утаивался: немецкий друг не мог не знать, что «отдел по борьбе с враждебной сионистской деятельностью» был создан в пятом управлении КГБ по настоянию Андропова...

Логично было ожидать, что «волна антисемитизма, поднятая Сталиным после войны», пойдет на убыль с началом «перестройки». Как пишет А. Н. Яковлев, ничуть не бывало:

«...реальная политическая и гражданская свобода открыла простор не только лучшим качествам людей, но и выявила все то грязное и подлое, что десятилетиями через террор, через официальное поощрение доношительства, через лживую пропаганду поощрял и культивировал большевизм и его вожди.

Сегодня в стране существует более 150 фашистских и антисемитских газет. Действуют многочисленные организации подобного же рода, которым открыта дорога на выборах как в законодательные, так и в исполнительные органы. Многие выходы антисемитов, демонстрирующих обществу свои погромные взгляды, открыто использующих лексику и атрибутику фашизма, остаются безнаказанными».

Разумеется, фашизм антисемитизмом не исчерпывается и к нему одному не сводится. Но антисемитизм — неотлучный спутник, опознавательный знак, родовая мета фашизма, типология которого в крайней нацистской ипостаси будет без него существенно неполной. О полноте же, словно опасаясь возможных ла-

кун, ревностно пекутся в нынешней России сами патриотисты-нацисты: даже в тех немногих случаях, когда в их программных заявлениях антисемитизм напрямую не обозначен словом, он молча мыслится за кадром как фундаментальный камень в основании ксенофобии...

Из манифеста скин-группировки «Русская цель», руководимой заместителем главы Народной национальной партии С. Токмаковым, которого избирательно человеколюбивый суд освободил по амнистии от уголовной ответственности за расистское насилие: «Мы благородного аристократического происхождения — являемся представителями исключительно более высокой арийской расы. Мы рождены скорее повелевать, чем находиться в подчинении у других. Заниматься вредными ремеслами предоставлено рабам. Граждане должны учиться, слушаться наставников и уметь покорять врагов...»

Из статьи Николая Бондарика, председателя Санкт-Петербургской организации Русской партии и предводителя ее военизированного подразделения «Русская гвардия»: «Глобальная задача Русской партии — создание единого расового пространства от Атлантики до Тихого океана... Почему бы не сделать резервации для якутов, узбеков? А в Биробиджане будет национальный парк для евреев, туда на экскурсии будут ездить наши дети — смотреть». Другую свою статью Н. Бондарик прислал в газету «Завтра» из петербургского следственного изолятора «Кресты», куда был заключен по подозрению в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. В ней он подразделил народы России на дружественные и враждебные. В числе последних вместе с чеченцами, цыганами и «некоторыми другими племенами» названы евреи...

«Боремся с жидами без передышки» — из отчетного письма лидера регионального отделения баркашовского движения «Русское национальное единство» (РНЕ) в Орловской области. «Долой, жида, из России!» — надпись, как и пустая бутылка из-под водки в углу, оставленная новосибирскими баркашовцами на стене разгромленной ими местной синагоги. Исповедальное откровение одного из тюменских скинхедов: «Каждый из нас кинул по меньшей мере два камня в жидо-масонское строение (тоже в местную синагогу, — В. О.). Никогда в жизни не слышал более приятного звука, чем звук разбитого стекла жидов... Мы еще раз напомнили жидам, что им здесь не место, а в следующий раз вместо камней полетят коктейли Молотова». И ведь действительно полетели в разгар массовых бесчинств на Манежной площади, совсем неподалеку от Кремлевской резиденции российского президента...

Казалось бы, чем не поводы для возбуждения уголовных дел не только за пропаганду терроризма, направленного на разжигание национальной розни, но и за прямые террористические деяния? Однако у российской Фемиды, по горло занятой липовыми, на скорую нитку шитыми «делами» так называемых «шпионов» вроде Григория Пасько или Игоря Сутягина, до истинных как проповедников, так и исполнителей физического и морального террора руки не доходят. «В Москве все уголовные дела против фашистов закрыты» — под такой тревожной «шапкой» вышел не так давно очередной номер демократической «Новой газеты», издаваемой журналистом, писателем, общественным деятелем, депутатом Государственной Думы Юрием Щекочихиным. Сказано о Москве, но приложено к России в целом. Более чем десятилетней давности суд над Смирновым-Осташвили, предводителем фашистского погрома в Центральном Доме литераторов на собрании Независимой ассоциации писателей «Апрель», остается по сию пору единственным процессом, который завершился обвинительным заключением

по фактам разжигания национальной розни. (Кстати заметить: судья, который вел процесс, был потом отстранен от работы!) Что же до собственно Москвы, то по данным городской прокуратуры в одном только прошлом, 2001-м году в нее поступило более 70 проверочных материалов по признакам статьи «Разжигание межнациональной розни». По ним было возбуждено всего-то около 10 уголовных дел, но до суда дошли только два. В обоих случаях подсудимых оправдали. А за два года до этого среди прекращенных «за отсутствием состава преступления» дел значилось дело депутата Государственной Думы, генерала Макашова, чьи речи на массовых митингах в российской столице звучали как разнуданные проповеди воинствующего антисемитизма. Как, скажем, и трибунные выступления, печатные заявления «кубанского батьки» Кондратенко, недавнего губернатора Краснодарского края, или нынешнего губернатора Курской области...

Еще два свежих примера, наглядно иллюстрирующих безнаказанность обнаглевшего российского фашизма с его устной и печатной пропагандой антисемитского окраса.

Первый. Провокатор В. С. Барышенко, став членом Российской секции Международного общества прав человека (МОПЧ), попытался расколоть ее изнутри, а будучи исключенным за противоуставные действия, образовал свою Русскую национальную — точнее бы: националистическую — секцию. В качестве ее самозванного президента он на похищенных им бланках МОПЧ, удостоверяемых печатью МОПЧ, также похищенной, тиражирует свои подстрекательские воззвания к «борьбе» с «международной сионистской мафией», «Тайным Мировым Правительством глобалистов». Одно из его последних воззваний, брошенных и в Государственную Думу, содержит призыв «посадить в тюрьму» всех, кто препятствует изданиям и распространению «Майн Кампф». Как якобы представитель МОПЧ, он выступал общественным защитником скинхедов по делу их погрома на московском рынке «Ясенево». Не только суд не разгадал провокатора. Не разгадал и многоопытный журналист из авторитетной газеты «Московские новости», написавший недоуменную статью о том, что фашистских громил оправдывает правозащитник от Международного общества прав человека. К чести газеты, пером того же журналиста она дважды признала свое невольное заблуждение и, назвав провокатора провокатором, дала опровержение первой публикации.

Второй. Учредитель, главный редактор и директор газеты, журнала, издательства «Русская правда» А. М. Аратов. Вся его книжная продукция исключительно фашистского и антисемитского толка: «Моя борьба» Гитлера, «Доктрина фашизма» Муссолини, «Протоколы сионских мудрецов», «Катехизис «русского» еврея» и др. В ряду этих книг — «Расовая гигиена и демографическая политика в национал-социалистической Германии (Биологические основы и их осмысленное применение для сохранения и приумножения нордической крови)». Рекламная аннотация на эту книгу, предназначенную, как заявлено, «для широкого круга читателей», содержит призыв издательства применять теорию и практику германского фашизма для решения национального вопроса в современной России: «Перед Вами уникальный исторический документ, призванный пролить свет на некоторые секреты внутренней политики Третьего Рейха, часть из которых не помешало бы позаимствовать и нашим современным властителям, которым небезразлично будущее своего народа» (разрядка моя, — В. О.).

В сентябре 1999 года по факту издания А. Аратовым «Катехизиса «русского» еврея» была предпринята попытка возбудить уголовное дело. В сентябре 2001 го-

да оно прекращено «за истечением срока давности». И года не прошло после этого, как, ободренный таким заступничеством, освободившим его от ответственности за разжигание национальной розни, пропаганду расизма, шовинизма, антисемитизма, А. Аратов перешел к наступательным атакам на авторитетных и уважаемых российских граждан, чья последовательно и безупречно антифашистская позиция широко известна и общепризнана. Объекты аратовских наскоков — «Международная Еврейская Газета», ныне уже не выходящая, журнальное приложение к ней «Диганоз», писатель, киносценарист, профессор Литературного института, директор Независимого издательства «Пик», в профиле которого политология на антифашистские и правозащитные темы, Александр Рекемчук, «оскорбивший» якобы «честь и достоинство» А. Аратова тем, что печатно назвал его одним из идеологов русского фашизма. Но как по-другому называть его?..

Как гласит русская пословица, свой свояка видит издадека... Вот и заединщики по отечественному фашизму нюхом нашли и распознали друг друга: большинство своих юдофобских воззваний В. Барышенко поместил в гостеприимной «Русской правде» (2002, № 28) А. Аратова. «Дайте слово антисемитам! — трубно взывает он — Мы имеем право быть антисемитами. Это наше право любить или не любить евреев!» И другое «право», заявленное так же ультимативно: «Право знать Гитлера оплачено кровью 20 миллионов человек. Мы имеем право знать о Гитлере все и вся. Мы обязаны не просто знать Гитлера. Мы обязаны изучать Гитлера в школах и институтах. Изучать по первоисточникам». Ну, во-первых, не 20 миллионов человеческих жизней положено в войну, а по последней официальной цифре, наверное, тоже заниженной, 26 миллионов 452 тысячи. А во вторых, если уж не за Сталина полегли они, то тем паче не за Гитлера!.. Такое святотатственное истолкование глубинного смысла войны и победы наверняка возмутит и нынешнего сталинского апологета Владимира Карпова, хотя его двухтомная апологетика «Генералиссимус» в силу своей антисемитской направленности объективно потворствует подобным кощунствам.

Зряшный труд — разводя руками, гадать: вдруг или не вдруг последний руководитель распавшегося Союза писателей СССР оказался в стане антисемитов, в сознании которых и кровотокающая память Холокоста не кровотоцит потому, что Холокост для них — «так называемый». Не нам, а писателю решать, по пути ли с ними ему, еще до войны хлебнувшему политзековского лиха, но вымолившему себе «право кровью искупить несуществующую вину перед социалистическим Отечеством». Искушал в штрафбате, у самой роковой черты между жизнью и смертью. Взяв 79 «языков», показал себя смелым, отважным разведчиком и не просто снял судимость, а стал Героем Советского Союза. Однако регалии и звания, не подкрепленные работой души, высокой нравственной планки сами собой не обеспечивают. Видимо, и потому еще, что невозможно, оставаясь сталинистом, не быть антисемитом. Костерок антисемитизма, похоже, тлел да тлел в душе, пока не разгорелся в книге «Генералиссимус» опаляющим пламенем, способным напрочь выжечь истины истории, которая сплошь представлена в призматическом сионистских коварств и сталинского противодействия сионизму.

Многочисленные жертвы коллективизации? Извольте:

«Наряду с организацией массовых повстанческих вспышек, оппозиционеры вели широкую кампанию по возбуждению недовольства среди крестьян. Якобы руководствуясь решениями партии о проведении коллективизации и демонстрируя свое деловое рвение в этом направлении (а на самом деле, опять-таки, доводя до абсурда), троцкисты и сионисты (вспомните влитых в РКП(б) членов еврейской компартии — они теперь были секретарями горкомов, райкомов, прокурорами, судьями), желая обозлить и натравить народ против большевиков и особенно против Сталина, репрессировали не только кулаков (а им что, поделом? — В. О.), но серед-

няков и бедняков, которые неосторожным словом обмолвились о коллективизации или о тех же перегибших, извращая (так в тексте, — В.О.) добрые начинания партии.

Троцкисты и сионисты провели настоящий геноцид по отношению к местному населению по всей стране. Тысячи русских, украинцев, белорусов, татар и других народов (снова так в тексте, — В.О.) отправлялись в тюрьмы и лагеря...

...Таким образом, все успехи и недостатки, допущенные при осуществлении коллективизации, следует разделить между Сталиным и Троцким (уже изгнанным из страны! — В.О.). Причем на стороне Сталина, в его намерениях и делах мы видим положительные меры — доброжелательность, разъяснения. А у троцкистов, наоборот, — отрицательные, репрессивные действия, которые были направлены на срыв, на компрометацию коллективизации, что они полностью подтвердили на судебных процессах.

О гуманист-писатель! И «добровольные» показания «врагов народа», выбитые на карательной живодерне, идут в ход, лишь бы доказать правоту вождя. А заодно, походя, обелить палачей-чекистов. Ведь не какой-нибудь сталинский приспешник ленинского призыва, а бывший бундовец, еврей Майрановский заведовал в НКВД секретной токсикологической лабораторией, которая «занималась испытанием ядов на людях, приговоренных судом или особым совещанием к высшей мере наказания — расстрелу». Стало быть, с пешки-завлаба и спрос, а не с наркома Берии, продвигавшего пешку и лично курировавшего лабораторию.

Большой террор, обезглавивший армию? И он на нечистой совести евреев-троцкистов, ужаснувших непорочного вождя подковерными злодействами...

Как раз в дни, когда дописывался этот эпилог хроники исторической драмы советского еврейства, В. Карпову исполнялось 80 лет. Поздравляя его, «Советская Россия» (2002, 27 июля) дала почти что на газетную полосу беседу с юбиляром. Главным образом — о двухтомном «Генералиссимусе», антиссионистскую сверхзадачу которого писатель договаривал еще определеннее, чем сформулировал ее в книге:

«Когда я писал «Генералиссимуса», во многом разобрался. Что такое мы? Шепки, которые летят, когда лес рубят (А также винтики-колесики? — В.О.). Враги народа под видом революционной борьбы уничтожали русских офицеров, писателей, священников. А раскулачивание? Пострадали русские, татары, украинцы. Но только не «они». И вот когда убили лучшего друга Сталина Кирова — я документально доказываю, что не было на Сталине за это никакой вины! — тут он перешел в наступление. До этого он был стороной, обороняющейся от сионистского нашествия.

И как не переходить в наступление? Ему докладывают, кладут на стол информацию: очередное заседание у Розенгольца на квартире, где Тухачевский стучал кулаком о стол и кричал: «Вы что, ждете, когда нас к стенке поставят, как Зиновьева, я пятого начинаю переворот в Кремле...» Этот документ кладут Сталину на стол. И то он опаздывал с репрессиями тех, кто уже погубил людей, — около миллиона двухсот тысяч, а вот по докладной Берии, где излагаются результаты чистки 1937-38 годов, выходит, что расстреляно 49 тысяч (совсем немного! — В.О.), а в скобках приписка: из них 90 процентов — еврейской национальности.

Так вот, это показывает, кто проводил массовый террор и в чьих интересах. Тут сионизм прорисовывается в полную силу. Это было самое настоящее сионистское нашествие, которое Сталин отбил и спас от него Россию, так же, как он спас ее от фашистского нашествия. Недаром патриарх всея Руси Алексей Первый тогда молился о его здравии и скорбел о кончине. Недаром...

То, что с нами происходит, — это тоже целенаправленная работа враждебных нам сил. 90 процентов СМИ занимаются зомбированием, причем говорят, что нас еще во времена сталинских репрессий забили и мы стали рабами. Это ложь, подлая и черная идеологическая борьба. Сталин все это предвидел, и за это ему и мстят. Переживать это больно. Но и сдаваться нельзя...»

Вольно не сдающемуся сталинисту ставить знак равенства между доподлинным фашистским нашествием, в отражении которого он сам героически участвовал, и мнимым сионистским, которое мерещится ему везде и всюду, как мерещилось кумиру-генералиссимусу. Но никак не вольно некоторым видным представителям еврейской общины успокаивать себя и мировую общественность утверждениями, будто бытовой антисемитизм в России идет на убыль, а государственного нет и в помине. Словно в опровержение им под Москвой прогремел

взрыв: молодая женщина подорвалась на mine, заложенной под плакат «Смерть жидам!», который она хотела выдернуть из земли. Этим плакатом, прокомментировал ответственный милицейский начальник, никакого оскорбления евреям не наносилось. Еще дальше пошла газета «Завтра», оповестившая, что случай скорее всего спровоцировали «какие-то фанатичные евреи... Среди русских националистов» нет «людей, готовых к подобным делам». Чудо что за логика! Следуя ей, легко согласиться, что и поджоги синагог в разных российских градах, и вандализм на еврейских кладбищах чинят тоже евреи. Какой, спрашивается, это антисемитизм — бытовой? государственный? Как будто в дефинициях дело...

Эпилог, как опущенный театральный занавес, предполагает точку. Но современная российская действительность упорно не дает занавесу опуститься и в преизбытке заботится о том, чтобы вместо точки стояло многоточие. Как обещание продолжения, которое все еще следует. Притом следует как возможная беда, на чьих крутых виражах «спекулятивно и подло будет разыграна, в числе других, и старая потрепанная карта антисемитизма, оскорбляющая прежде всего русский народ» (А.Н. Яковлев)...

Библиография, использованная в хронике:

- Светлана Аллилуева. — Двадцать писем к другу. М., «Советский писатель», 1990.
 Евгения Альбац. — Еврейский вопрос. М., Независимое издательство «Пик», 1995.
 Александр Борщаговский. — Записки баловня судьбы. М., «Советский писатель», 1991.
 Александр Борщаговский. — Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., «Прогресс» — «Культура», 1994.
 Иван Бунин. — Окаянные дни. М., «Советский писатель», 1990
 Иосиф Герасимов. — Вне закона. Повесть. М., Независимое издательство «Пик», 1995.
 Валентин Ерашов. — Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника. М., Независимое издательство «Пик», 1991.
 В. Каверин. — Эпилог. Мемуары. М., «Московский рабочий», 1989.
 Владимир Карпов. — Генералиссимус. Книги первая и вторая. Калининград, «Янтарный сказ», 2002.
 Г. В. Костырченко. — Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., «Международные отношения», 2001.
 Стефан Куртуа, Николя Верт, Жан-Луи Панне, Анджей Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Марголен. — Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. Перевод с французского. М., «Три века истории», 1999.
 А. И. Микоян. — Так было. Размышления о минувшем. М., «Вагриус», 1999.
 Леонид Млечин. — КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М., «Олма-Пресс», 2002.
 Неизвестная Россия. XX век. М., «Историческое наследие», 1993.
 Нужен ли Гитлер России? По материалам Международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность. Москва, 20-22 января 1995 года. М., Независимое издательство «Пик», 1996.
 Россия XX век. Документы. Под общей редакцией академика А. Н. Яковлева. «Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы». М., Международный фонд «Демократия», 1999.
 Россия. XX век. Под общей редакцией академика Ю.Н. Афанасьева. «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал». Том 2. Апогей и крах сталинизма. М., Российский государственный гуманитарный университет, 1997.
 Григорий Свирский. — Заложники. Роман-документ. М., Независимое издательство «Пик», 1992.
 Александр Солженицын. — Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Том 1, часть 1. Лондон, 1978.
 Павел Судоплатов. — Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. М., «Олма-Пресс», 2002.
 Владимир Тендряков. — Охота. Рассказ. В кн.: Неизданное. Проза. Публицистика. Драматургия. М., «Художественная литература», 1995.

Зиновий Шейнис. — Провокация века. М., Независимое издательство «Пик», 1992.

Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. Том третий. Книги шестая, седьмая. Издание исправленное и дополненное. М., «Советский писатель», 1990.

Я.Я.Этингер. — Это невозможно забыть... Воспоминания. М., «Весь мир», 2001.

Александр Яковлев. — По мощам и елей. М., «Евразия», 1996.

Александр Яковлев. — Омут памяти. М., «Вагриус», 2000.

Виталий ЗАСЛАВСКИЙ

ЯНВАРЬ 1953

В Сибири высились бараки
для нас с тобой.
Росли в питомниках собаки
для нас с тобой.

Формировались эшелоны
для нас с тобой.
Охрана строилась в колонны
для нас с тобой.

А где-то так же птицы пели,
трава цвела,
и шел народ к неясной цели,
верша дела.

И тяжело легкие стужились
среди тряпья...
А мы бессмысленно стыдились
самих себя.

А мы отчаянно терзались
несуществующей виной
и безнадежно состязались
с судьбой иной.

Ведь мы не верили:
ну, слухи,
ну, ерунда...
Доверчивы и легкодухи
почти всегда.

О, эти вечные идеи
и вечный бой!
Жиды,
евреи,
иудеи
и мы с тобой.

1991

ДЕПОРТАЦИЯ ЕВРЕЕВ — 1953. МИФ ИЛИ РЕАЛЬНЫЙ ПЛАН?

Г. КОСТЫРЧЕНКО

Доктор ист. наук

МИФ

О ДЕПОРТАЦИИ*

Конечно, слухи о депортации возникли не на пустом месте. Они были спровоцированы и массовыми арестами культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенными пропагандистскими кампаниями, имевшими явный антисемитский дух, и, наконец, почти легальной юдофобией, которая, особенно в последние недели жизни Сталина, закамуфлированно стала нагнетаться сверху в общественное сознание, в том числе и через средства массовой информации. Основательность слухам придавало и то, что с конца 1952 года из Москвы в Казахстан стали высылаться семьи арестованных «еврейских националистов», в том числе и тайно казненных к тому времени «еаковцев». Масло в огонь депортационной истерии подливали и частные экстремистские заявления, звучавшие из стана кремлевской элиты, которые потом разносились народной молвой, обрастая всевозможными леденящими кровь слухами и толками. Известно, скажем, что жена Н.А. Михайлова сказала тогда Светла-

не Сталиной: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!»

Страхи в еврейской среде многократно усиливались еще и по причине отсутствия в тоталитарном обществе возможности получить объективную и независимую информацию, что спонтанно компенсировалось широкой циркуляцией среди населения различных, подчас самых нелепых толков, домыслов и легенд. В результате затравленное сознание еврейского населения переполнялось самыми мрачными предчувствиями и ожиданиями. Необходимо учитывать и послевоенную ментальность европейского еврейства, только что перенесшего величайшую в своей истории трагедию и как бы по инерции ожидавшего повторения национальной катастрофы, но уже в том виде, в каком Сталин обрек на нее некоторые другие нацменьшинства, депортировав их полностью из родных мест на основании обвинения в сотрудничестве с врагом в годы войны.

Но имели ли под собой реальную почву охватившие страну и мир слухи о чуть не осуществленной Сталиным депортации евреев? Конечно, потенциальная угроза депортации, безусловно, существовала, ибо чуть ли не с момента воцарения в России большевиков власти постоянно практиковали насильственное выселение людей (сначала по классовым, а потом и по

* Г.В. Костырченко. *Тайная политика Сталина. «Международные отношения», Москва, 2001.*

национальным мотивам) — отсюда и закономерные ожидания евреев в конце 40-х — начале 50-х годов, — но также верно и то, что реализоваться эта угроза в тех условиях не могла. И вот почему. В отличие, скажем, от насильственного выселения территориально локализованных на окраинах страны кавказских народов, депортацию евреев (а это сотни тысяч человек, проживавших в густонаселенных городских центрах страны, причем не обособленно, в виде колонии (гетто), а в большинстве своем ассимилировавшись и растворившись в массе инационального населения, главным образом русского) нельзя было провести ни молниеносно, ни, тем более, тайно. Ясно, что изъятие такого количества людей из нормальной общественной среды, где многие из них к тому же играли заметную роль в области науки, культуры, других общественно значимых сферах, нельзя было провести с наскока, без продолжительной подготовки. Требовались предварительные радикальные изменения социально-политического характера, и не только в советском законодательстве (прежде всего, легализация антисемитизма как государственной политики), но и в официальной коммунистической идеологии, сохранявшей, несмотря на шовинистический пресс сталинизма, еще существенную толику большевистского интернационализма, что исключало введение в стране открытой официальной политики национальной дискриминации и, тем более, расизма.

Если на основе сравнительно-исторического метода исследования проанализировать антиеврейскую политику в гитлеровской Германии, то следует констатировать, что массовому выселению евреев из этой страны в конце 30-х годов (не говоря уже о моменте принятия так называемого окончательного решения еврейского вопроса в начале 1942 года) предшествовали много-

летнее публичное идеологическое обоснование этой акции (издание «Майн кампф» Гитлера и других откровенно расистских и антисемитских работ), официальное узаконение антисемитизма как государственной политики в 1933 году, начавшееся после этого систематическое вытеснение евреев из государственных и общественных учреждений рейха, принятие расовых законов, лишивших евреев гражданских прав и определивших юридически точное понятие еврейства исходя из конкретно заданных генеалогических параметров (без чего немислимо было организованное проведение антиеврейской политики), и, наконец, погромы ноября 1938 года и принятый тогда же указ об устранении евреев из экономической жизни. Сталин, если бы он действительно замысливал еврейскую депортацию, должен был предварительно провести послушный ему советский народ по этому страшному пути. Но диктатор не мог не понимать, что такого эксперимента его многонациональная империя, в отличие от мононациональной Германии, не выдержит, ибо обречена в этом случае на развал. Нельзя не учитывать и такой достаточно весомый антидепортационный аргумент, заключающийся в том, что, несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 года всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка (в том числе пресловутые сотни тысяч страниц списков евреев на выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими утаенными советским режимом секретами. Сейчас, например, опубликова-

ны приказы Государственного комитета обороны о выселении в годы войны чеченцев, ингушей, других кавказских народов. Если брать послевоенное время, то ныне известно, что, скажем, в 1949 году на самом верху были одобрены директивы о выселении из Ленинграда и Ленинградской области 1500 человек с семьями из числа лиц, «скомпрометировавших себя связью с троцкистами, зиновьевцами, правыми, меньшевиками, эсерами, немцами, финнами, на вечное поселение в Алтайский край...», о выселении из региона Кавказа дашнаков, а также греческих и турецких подданных, принятых в советское гражданство и не имеющих такового, и т.д.

Думается, что масштабы антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 года, были предельно допустимыми в рамках существовавшей тогда политико-идеологической системы. Дальнейшее следование тем же курсом, не говоря уже о проведении еврейской депортации, поставило бы страну перед неизбежностью радикальных политических и идеологических преобразований (легализация антисемитизма, а значит, и введение расовой политики, отказ от коммунистической идеологии, освящавшей государственное единство советских народов, и т.д.), чреватых самыми непредсказуемыми последствиями. Ибо зверь стихийного антисемитизма мог вырваться на свободу, и тогда страна погрузилась бы в хаос национальных и социальных катаклизмов. Подобная перспектива, разумеется, Сталина не устраивала. Да и по складу своего характера он не решился бы открыто выступить против евреев, хотя в душе, особенно в последние годы жизни, мог быть, что называется, патологическим антисемитом. Поэтому вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца, был обречен переживать муки психологической амби-

валентности, которая, возможно, и ускорила его конец. Показателен в этой связи эпизод, описанный композитором Т.Н. Хренниковым. В конце 1952 года Сталин, в последний раз присутствовавший на заседании комитета по премиям своего имени, совершенно неожиданно заявил: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!»

Находясь вследствие быстро прогрессирующего недуга почти безвыездно на «ближней даче» и лишь изредка навдываясь в Москву в основном для того, чтобы появлениями в Большом театре или встречами с иностранными послами пресечь усиливавшиеся с каждым днем слухи о его нездоровье, Сталин, тем не менее, был в курсе текущей политики благодаря Маленкову, Берии, другим самым доверенным приближенным, которые, конечно же, докладывали ему о негативной реакции Запада на инспирированную им шумиху в связи с «делом врачей», а также о нарастании антисемитского психоза и паники среди еврейского населения внутри страны. Осознав под воздействием этой информации, что подобное развитие событий чревато самыми непредсказуемыми последствиями, Сталин, который всегда стремился сохранить для истории свое «прогрессивное» лицо, решил на отступной маневр. Будучи когда-то непревзойденным мастером политической ретиранды, он, хоть уже и не мог, как в марте 1930 года, написать нечто подобное «Головокружению от успехов», тем не менее, исходя либо из собственных умозаключений, либо из советов ближайшего окружения, нашел несколько иной выход из критической ситуации. Чтобы снять политическое напряжение, возникшее в связи с «делом врачей», Сталин, как вспоминал потом Л.М. Каганович, поручил секретарю ЦК и главе Агитпропа Михайлову подготовить от имени наиболее выдающихся и известных в стране деятелей еврейского происхождения проект соответствующего

письма в редакцию «Правды». В 20-х числах января такой текст был готов, и не только в машинописном исполнении, но даже в виде газетного оттиска. Поскольку за его составление отвечал такой недалекий и заскорузлый по ментальности чиновник, как Михайлов, то в нем был выдержан конформистский кондовый стиль, заимствованный из сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. В нем присутствовала та же, в духе 1937 года, лексика, посредством которой проклиналась «шпионская банда врачей-убийц», «этих извергов рода человеческого», «продавшихся американо-английским поджигателям войны» и «завербованных международной сионистской организацией «Джойнт» — филиалом американской разведки». К позорному столбу пригвождались также «империалистическая Америка», которая «является каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации», и «главари сионизма», которые «превратили Государство Израиль в плацдарм американских агрессоров» и которые «по заданию американской и английской разведок создают террористические диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии». Новация сработанного под началом Михайлова проекта письма состояла в том, что в нем впервые с начала пропагандистской кампании четко проводилась дифференциация между «еврейскими буржуазными националистами», именуемыми отщепенцами и выродками, и честными «еврейскими тружениками». Оказывается, первые, «продав свою душу и тело империалистам» и пользуясь тем, что «среди некоторых элементов еврейского населения нашей страны еще не изжиты буржуазно-националистические настроения», пытались «всеми мерами подогреть и раздуть среди советских граждан еврейского происхождения чувство национальной обособленности... национальную вражду

к русскому и другим народам Советского Союза...», стремились «превратить обманутых ими евреев в шпионов и врагов русского народа». Но им противостоит подавляющее большинство еврейского населения, состоящее из «патриотов Советской Родины», которые «вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества». К ним и обращались вышедшие из их гущи именитые подписанты письма, призвавшие «активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников», «повысить бдительность, разгромить и до конца выкорчевать буржуазный национализм». Завершалось послание требованием «самого беспощадного наказания» «группы врачей-убийц» и выражением уверенности в том, что это требование будет единодушно поддержано трудящимися евреями. Кроме того, в письме отмечалась выдающаяся роль Советского Союза в спасении человечества от гитлеризма и европейских евреев — от полного уничтожения, особо подчеркивалось, что несмотря на попытки Запада «создать почву для оживления в СССР антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого», «русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа».

Поддержать обращение в «Правду» должны были 59 известных ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, управленцев, а также рабочих и колхозников еврейского происхождения. Однако в ходе сбора их подписей, в котором активную помощь сотрудникам ЦК и редакции «Правды» оказывали академик Минц и начальствующий журналист Хавинсон-Маринин, произошел некоторый сбой: Каганович решительно выступил против того, чтобы его имя фигуриро-

вало в общем ряду, заявив Сталину, что он не еврейский общественный деятель, а член высшего руководства партии и государства и потому должен быть обозначен отдельно. Коллизию эту разрешили быстро, предоставив Кагановичу копию письма, которую тот и подписал как персональное обращение в «Правду»¹. Возникла и заминка с Эренбургом, который, прежде чем поставить свой автограф, решил заручиться благословением Сталина, направив ему записку, в которой, как сторонник полной ассимиляции евреев, намекнул на заведомую порочность затеи с посланием, исходящим от людей, объединенных по национальному признаку. Он также выступил против использования в письме определения «еврейский народ», которое, по его мнению, могло «ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет». Что ж, будучи искусным пропагандистом сталинской политики на Западе, Эренбург был очень ценен для режима и потому, особенно не тревожась за свою безопасность, мог позволить себе некоторые вольности, тем более что в данном случае он не вышел за рамки ортодоксального большевизма. Незадолго до этого он немало потрудился, прикрывая от критики Запада шовинистическую политику Сталина: 27 января писатель во время вручения ему международной Сталинской премии за укрепление мира между народами заявил, явно пытаясь успокоить западное общественное мнение:

«Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он, прежде всего, патриот своей Родины и он подлинный

интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства, бесстрашный защитник мира».

Сомнения писателя дошли до все-сильного адресата (его записка потом была обнаружена на «ближней даче» среди других бумаг), который, тем не менее, не позволил ему уклониться от исполнения номенклатурного долга. Так под обращением наряду с прочими² появился и автограф Эренбурга.

Высказанные писателем замечания были учтены при редактировании письма... 29 января Михайлов и Шепилов направили подправленный проект Маленкову, а тот, в свою очередь, представил его Сталину. Поскольку 2 февраля на сопроводительной записке к письму появилась отметка об отправке его в архив, напрашивается вывод, что текст Сталину не понравился. Можно предположить, что тон письма — чрезмерно резкий, если не сказать, кондовый — его не устроил, ибо не способствовал достижению искомой цели: затупить скандальную ажитацию вокруг «дела врачей» в стране и в мире. Обоснованность такой догадки представляется вполне очевидной, так как составление следующего варианта письма было поручено Шепилову, слывшему среди интеллигенции либералом. О выполнении задания он отчитался 20 февраля, когда вручил Михайлову «исправленный текст проекта письма в редакцию газеты «Правда»». Хотя в идейно-концептуальном смысле сотворенное под руководством Шепилова не претендовало на новизну, но зато по форме и лексике оно разительно отличалось от того, что было раньше. Это была уже не прежняя

¹Каганович впоследствии отрицал намерение Сталина депортировать евреев. Не упоминает о подобных планах в своих мемуарах и такой яростный обличитель сталинских преступлений, как Н.С. Хрущев. Из приближенных Сталина только Булганин, выйдя на пенсию, любил после изрядного возлияния поведать своим собеседникам, разумеется, «по большому секрету», о том, как Сталин поручил ему подготовку и осуществление депортации евреев.

²На подписном листе к обращению в редакцию «Правды» имеются также оригинальные автографы С.Я. Маршака, В.С. Гроссмана, М.О. Рейзена, М.И. Ромма, Л.Д. Ландау, И.О. Дунаевского и многих других видных деятелей еврейского происхождения.

вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев». Соответствующим образом преобразился и язык послания: исчезли «выродки», «отщепенцы», «шпионские банды», испарились куда-то «еврейские буржуазные националисты», не использовался даже такой ходовой пропагандистский штамп, как «англо-американский империализм» (вместо них фигурировали «американские и английские миллиардеры и миллионеры», «зарвавшиеся еврейские империалисты»), «еврейские труженики» не призывались больше к повышению бдительности, но появилось вновь вычеркнутое было словосочетание «еврейский народ» (это мог сделать вопреки собственной теории только сам Сталин) и, самое главное, уже не выдвигалось никаких требований расправиться с «врачами-отравителями». Правда, пуше прежнего костерился Израиль и сионисты, что объяснялось неожиданно и скандално произошедшим тем временем разрывом дипотношений с этим государством. Умиротворяющая направленность письма дополнительно оттенялась внушавшей оптимизм концовкой — пожеланием начать издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом.

Поскольку из послания был изъят призыв «самого беспощадного наказания преступников», можно заключить, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по «делу врачей» (тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище как сигнале к началу еврейской депортации). Если бы Сталин вскоре не умер, то скорей всего имело бы место действие, аналогичное тайной расправе над руководством Еврейского антифашистского комитета.

Как известно, обращение еврейской общественности так и не появилось в печати. Думается, сам Сталин успел незадолго до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею, исходя из того соображения, что публикация любой, даже выдержанной в самом оптимистическом тоне коллективной петиции евреев будет свидетельствовать о том, что в стране продолжает существовать пресловутый «еврейский вопрос». Возможно, что до диктатора в конце концов дошел смысл предостережения, прозвучавшего в письме Эренбурга:

«Опубликование «Письма», подписанного учеными, писателями, композиторами и т.д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины».

То, что диктатор передумал публиковать письмо, отнюдь не означало, что он намеревался возвратиться на старые позиции. Ибо как тогда объяснить, что накануне того, как его разбил паралич, с полос центральных газет исчезла воинственная риторика, неизменно присутствовавшая на них начиная с 13 января 1953 г.?

В ночь на 2 марта 1953 г. у Сталина произошел сильнейший инсульт, после которого он, впад в кому, прожил всего несколько дней. Смертельная болезнь вождя породила поначалу в его ближайшем окружении большое смятение. Памятуя предостережение вождя, что ротозейство — это та болезнь, которой в наибольшей степени подвержены наши товарищи, а также его поучение о необходимости повышать политическую бдительность в критические моменты истории, руководство МГБ выпустило 3 марта на всякий случай (если вдруг диктатор выздоровеет) директиву «Об аресте враждебных элементов», которая подхлестнула аресты «еврейских националистов» (были взяты под стражу «космополит» И.Л. Альтман, театральный

администратор И.В. Нежный, писатель А. Исбах и др.) Однако вскоре Сталин умер, и эта репрессивная волна быстро сошла на нет.

Поскольку даже смерть диктатора не смогла сразу же обуздать инерцию антиеврейских репрессий, то нет сомнений в том, что, задержись он на этом свете подольше, — тайное преследование так называемых «еврейских националистов» несомненно продолжалось бы. Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что эти успешные статьи уже рутинными аресты переросли бы вскоре в массированные антиеврейские гонения или, тем более, в новую крупномасштабную общую чистку руководящего номенклатурного слоя, якобы подготовлявшуюся Сталиным с конца 1952 года. Эта довольно расхожая до сих пор версия закрепилась в исторических анналах с легкой руки Хрущева и других соратников вождя, которым очень хотелось задним числом списать собственное соучастие в сталинских преступлениях утверждением о грозившей им смертельной опасности.

Если обратиться, к примеру, к обстоятельствам, приведшим к устранению Молотова из высшего эшелона власти (бюро президиума ЦК), то станет ясным, что этому способствовали отнюдь не подозрения в шпионаже, а совсем другое. Из сделанной первым секретарем Курского обкома партии Л.Н. Ефремовым подробной записи (кажушейся

весьма достоверной) выступления Сталина на упомянутом выше пленуме следует, что основными в отношении Молотова были вот такие давно копившиеся в душе диктатора подозрения:

«Молотов — преданный нашему делу человек... Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? ...Товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. ...Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеет мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известно товарищу Жемчужиной. ...Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо...»

Из приведенного высказывания видно, что Сталин, продолжая, в общем-то, доверять Молотову (в противном случае он давно бы с ним расправился), серьезно беспокоился, как бы того не использовали в антигосударственных целях «еврейские националисты», проникшие даже в семью старого соратника.

Совершенно очевидно, что главным действующим лицом в этой жизненной драме был не Молотов, а Жемчужина, которую Сталин распорядился в конце января 1953 года доставить из кустанайской ссылки в Москву. Закодированная в оперативной документации как секретный «объект-12», она снова подверглась допросам, но только в связи с показаниями арестованных врачей Виноградова, Вовси и Когана, и от нее не домогались оговора того, с кем она формально была разведена.

И. АЛЬТМАН

Сопредседатель российского научно-просветительского фонда «Холокост».

О ДЕПОРТАЦИИ 1953 г.

Интервью с редакцией журнала «Новый век».

Моя точка зрения заключается в том, что планы на разные варианты жизни у советского руководства конца 30-х — 40-х годов

(как, впрочем, и у немецкого) существовали всегда. Эти планы были разные. Иногда они существовали параллельно. Особенностью диктаторских режимов было то, что окончательное решение принимал фюрер (или Сталин), но это решение зачастую оказывалось неожиданным для его подчиненных, поэтому наличие какого-то варианта, попытка предугадать то, что хочет диктатор, — это было вполне нормально для разных группировок, разных слоев, которые му-

чительно (особенно в последний период жизни Сталина) могли пытаться предугадать, что же на самом деле могло быть. Поэтому для меня эти моменты не могут быть взяты изолированно. «Дело врачей» хронологически происходит на фоне различных процессов в нашей стране. Эти процессы, т.е. антиеврейская линия, видятся некоей «цепочкой» шагов, направленных против евреев: борьба с космополитизмом, дело против антифашистского комитета и, наконец, «дело врачей», — конечно, все они представляются как некий важный этап перед будущей депортацией, что может выглядеть достаточно логично. Но мы видим, что ни одна из этих кампаний всплеска борьбы с космополитизмом — и особенно абсолютно закрытый от общественности процесс Еврейского антифашистского комитета (а это был длительный процесс, продолжавшийся более 3,5 лет: с января 1949 года — аресты, расстрел — в августе 1952 года) — не послужила Сталину поводом для того, чтобы соединить эти дела, безусловно, выигрышные, с последующими событиями. И это могло быть использовано не только для борьбы с евреями — всегда был повод для решения каких-то других задач, стоящих перед режимом. Но этого сделано не было. Процесс над Еврейским антифашистским комитетом проходил закрыто, сообщения о нем не появились в печати 12 августа 1952 года, хотя эти люди были расстреляны.

ВОПРОС: ИЗ ЭТОЙ ЛОГИЧЕСКОЙ «ЦЕПОЧКИ» РАЗВЕ НЕ ВЫТЕКАЕТ ТО, ЧТО «ДЕЛО ВРАЧЕЙ» ЗАДУМЫВАЛОСЬ КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПЕРЕД АКЦИЕЙ?

Само «дело врачей» было достаточно эффективно — убийцы в белых халатах, — но ничего не было объявлено о Еврейском антифашистском комитете; не было сказано вслух, что был «шпионский центр» (как было написано в приговоре)

— а ведь это такой мощный пропагандистский ресурс для публичного обвинения евреев. Был назван Михоэлс, но не сказано, что он был руководителем Еврейского антифашистского комитета. Был назван Шимелиович, но не сказано, по какому делу он проходил. Было обвинение в шпионаже, буржуазном национализме. Мы пытаемся представить все эти события как единую логическую цепь. Но если мы смотрим на эти кампании с точки зрения пропагандистских целей, — они должны были готовить общественность внутри страны к тому, что за рубежом существует некий еврейский заговор, — то неиспользование всех аргументов для жестоких мер над еврейским народом представляется странным.

Второе: параллельно происходят процессы над лидерами коммунистических государств, в частности, в Чехословакии, в Польше, в Венгрии, носящие явно антиеврейский характер, и уклон был явно сионистский — это тоже был значительный пропагандистский ресурс, но он не был использован в СССР. Я хотел бы подчеркнуть, что это был период конца 40-х годов, это был взгляд Сталина на борьбу с любым национализмом: с «зелеными братьями», остатками бандеровцев на Украине. Гораздо более пропагандистски широко по стране прокатились «дела» Вознесенского, Кузнецова, т.е. лидеров «русского» уклона Коммунистической партии. Там была некая внутренняя логика, которая может быть понятна не только на еврейском фоне.

И третье: что развязало руки Сталину? Что позволило ему открыто, не боясь обвинений в антисемитизме, невзирая на общественное мнение объявить о «врачах-убийцах», что имело явно еврейский подтекст? Мало кто обращал внимание на политику американских коммунистов в США («дело Розенбергов»), на антисоветскую, антикоммунистическую истерию там. Этот ответ, условно говоря, такой: ах,

вы там наших евреев бьете, вот вам ответ! Так высылают шпионов или псевдо-шпионов, когда их ловит какое-то государство, и если чисто пропагандистки вдуматься, то, может быть, в этом было истинное значение громкого «дела врачей», которое имело не внутреннюю, а международную подоплеку?

И, наконец, некоторые действия, которые происходят параллельно, показывающие с очевидностью, что все это не задумывается как план репрессий против всего еврейского народа (как частный случай — присуждение сталинской премии Илье Эренбургу в 20-х числах января 1953 года...).

То, что касается предмета спора: как профессиональный архивист, я во многом разделяю позицию Г.В. Костырченко: невозможно, чтобы были уничтожены документы рутинного характера, касающиеся железнодорожных перевозок. Ведомства МПС были в составе войск НКВД и в составе армии подразделения. Должны были быть рутинные приказы о формировании составов, освобождении путей. Депортации евреев во время Второй мировой войны неизбежно обрастали такого рода документами, и в голову не пришло бы чистить эти архивы, потому что таких документов на местах должно было быть достаточно много. Но, насколько мне известно, таких свидетельств нет. Конечно же, та версия Полякова (автора воспоминаний, который, якобы, был секретарем специальной комиссии Сулова и говорил, что «...все уже строилось, стучали молотки...» и т.д.), озвученная и поддержанная теми, кто придерживается версии о депортации, что уже шло строительство каких-то бараков, означает, — и это очевидно, — что должны быть документы, которые касались бы каких-то строительных ведомств, трестов. Версия о том, что уничтожены архивы, что они были, что были какие-то подготовительные материалы, — понятна, но еще раз повторяю, что никто не знал волю хозяина.

Мысль о том, что это произойдет, как с другими народами, подогревалась всей общественной атмосферой, она была источником того страха, в котором жили сами евреи. В то же время я отнюдь не исключаю, что у какой-то группы партийных высокопоставленных чиновников был проект именно такого решения и они ждали команды «фас!» и видели возможность такого развития событий.

Лично мне, при моем понимании сталинской политики вообще и его безусловной политики антисемитизма в частности, представляется, что на это в данный период времени он бы не пошел и пойти, в общем-то, не мог как по внутренним, так и по международным причинам. Здесь та аргументация, которая выстроена у Г.В. Костырченко, мне представляется абсолютно убедительной.

ВОПРОС: ЧЕМ ЖЕ МОГЛА ТОГДА КОНЧИТЬСЯ ЭТА ЦЕПЬ РЕПРЕССИЙ? ВЕДЬ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ХОЛОКОСТА ТОЖЕ МНОГИЕ НЕ МОГЛИ ПРЕДВИДЕТЬ ТОГО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Для профессионального историка возникает несколько странная ситуация, когда отсутствует мало-мальски необходимая доказательная база о принятии какого-то решения. Речь идет о гипотетическом развитии событий, где любая версия уместна. Мы видим это на примере книги Суворова, где говорится о готовящемся нападении СССР на Германию. Т.е. мог быть план и такого ведения войны, и в этом нет ничего невозможного. Понятно, что к июню 1941 года у Сталина не было для этого ни ресурсов, ни возможностей, но когда, основываясь на версии Суворова, мы смотрим сквозь эту призму, мы понимаем, что мог существовать не только некий план обороны, но и план превентивного удара. Иногда пытаются провести совершенно некорректно аналогию с нацистскими планами постепенного унич-

тожения еврейского народа. В чем эта некорректность: само это массовое уничтожение не случайно началось на территории СССР. Очень часто в западной историографии мимо этого проходят: это было в условиях тотальной войны! Поэтому я считаю некорректным, непрофессиональным говорить о гипотетическом ходе истории, опираясь на тот опыт, который был ранее в условиях войны. В условиях мирового противостояния, например, с США, когда война становится холодной, всегда может появиться группа населения, которая будет являться объектом пропагандистского эксперимента — такими людьми могли оказаться евреи, могли оказаться люди, знающие английский язык, и т.д. и т.п.... Поэтому я еще раз повторяю: могут быть варианты в определенных кругах элиты... Предугадать желания Сталина, который находился в состоянии, близком к паранойе, невозможно... В свете реального развития событий мне кажется неправдоподобным план депортации... Для этого не нужно было у троих из девятерых людей в белых халатах называть их русские фамилии. Зачем было называть знаменитых Егорова и других, когда можно было сказать: «...и другие кремлевские врачи...» — и всем стало бы понятно. Был такой момент в самом объявлении, который не носил исключительно антиеврейского характера. Все мы прекрасно понимаем, что мысль о полезных, «своих» евреях была присуща советскому режиму в страшные годы государственного антисемитизма.

ВОПРОС: ДЛЯ ЧЕГО ЖЕ ТОГДА БЫЛО ЗАДУМАНО «ДЕЛО ВРАЧЕЙ»?

Я хочу сформулировать одну простую мысль: если на все события мы будем смотреть только сквозь призму войны против евреев, то мы, безусловно, придем к очень важным выводам, однако эти выводы будут неполными.

Не был еврейский вопрос для Гитлера главным вопросом в борьбе за мировое господство в той политике, которую он проводил. Он и для Сталина играл подчиненную роль, он имел внутривнутриполитический и внешнеполитический аспект, и в этом и был смысл постоянно меняющихся кампаний, которые происходили в Советском Союзе. Сталин задумывался, безусловно, о необходимости смены элит, он метался, но не находил тех преемников, которые могли быть рядом. Те люди, которые прошли с ним почти 30-летний путь и поддерживали его, вызывали у него какие-то сомнения. Поэтому было очень важно через новый виток политических репрессий снять какой-то очередной слой, что было характерно для всей его политики. Мы не можем изолированно смотреть на Сталина только в этот период его жизни, минуя все его предшествующие деяния. Мне кажется, не только отсутствие документов, но и это достаточно четкое понимание происходящего вокруг Сталина привело Г.В.Костырченко к тем выводам, к которым он пришел.

ВОПРОС: ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС БЫЛ СТЕРЖНЕМ МИРОВОЙ ИСТОРИИ, И СТОИТ ЛИ УМАЛЯТЬ ЕГО ЗНАЧЕНИЕ? ВЕДЬ ЗА ВСЕМИ ЭТИМИ КАМПАНИЯМИ СТОЯЛО ЧТО-ТО ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ДЛЯ ЕВРЕЕВ?

Важно понимать позиции. Не нужно умалять ту роль, которую еврейский вопрос играл для Гитлера и роль, которую он играл для Сталина в конце 40-х — начале 50-х годов. Не нужно гипертрофировать, преувеличивать и вырывать события из исторического контекста. Историческое мышление имеет свою специфику и накладывает свою причинно-следственную связь, которую осознает историк и не обязательно видят другие люди.

Сталин в разные периоды своей деятельности «выбирал» разные народы, которые он реально наказывал. До евреев, слава Б-гу, это не дошло.

Некорректно, я думаю, проводить аналогии с дискуссиями вокруг Холокоста, потому что там отрицается реально существующий факт, отрицаются все документы — они объявляются недостоверными. Отрицаются свидетельства, исходящие от немцев, официальные советские свидетельства — сотни тысяч свидетелей не принимаются во внимание отрицателями Холокоста, и это используется ими в своих собственных, явно антисемитских целях. На мой взгляд, это как раз абсолютно неверный путь понимания роли еврейского вопроса в советской политике, и самое главное, сталинский режим выявил множество реальных преступлений, которые касались и неевреев — всех советских людей. Ошибочно поэтому обвинять его еще и в не сделанном, уводя от того, что реально совершил диктатор. Для нашей страны сталинизм в его ужасных проявлениях недооценен до конца, и мне видится ошибочным упор на дискуссию о том, что якобы должно было произойти. Это может в определенном контексте дать новые аргументы тем многочисленным людям, которые хотели бы сегодня фигуру Сталина поставить на пьедестал и закрыть глаза на те страшные преступления, которые в те годы происходили.

Мне кажется очень важным вырваться из этого «внутреннего гетто» — взгляда на проблемы нашей страны исключительно сквозь призму еврейского вопроса, так психологически понятного, комфортно и легко объяснимого, так знакомого с детства, столько раз слышимого в кухонных разговорах.

Еще раз возвращаясь к этой теме: я не удивлюсь, если будут раскрыты все архивы и там будут найдены документально изложенные варианты решения этого вопроса. И тем не менее,

мое чувство историка, мое понимание исторического контекста 50-х годов говорит о том, что без каких-то катаклизмов, потрясений, состояния мировой войны, противостояния Советского Союза с США, такое решение в принципе не было бы возможно.

ВОПРОС: КАК БЫТЬ С ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ КРУПНЫХ ЛИДЕРОВ ТОГО ВРЕМЕНИ: БУЛГАНИНА, ЯКОВЛЕВА И Т. П.? ДАЖЕ — БЕРИИ? НАДО ЛИ ИХ УЧИТЫВАТЬ?

Есть такая наука — источниковедение. Очень важно происхождение источника, степень его полноты, достоверности. Подавляющее большинство источников, о которых идет речь, — это свидетельства из вторых рук: высказывания каких-то исторических деятелей или их воспоминания через интерпретацию людей, которые это слышали. И этот источник, к сожалению, не является документально доказательным для той версии, которая звучала.

Еще раз повторяю: есть один аспект, о котором, как профессиональный архивист, я не могу не сказать: мы знаем, что не все отечественные архивы открыты. Поэтому было бы разумно, чтобы эта справедливая дискуссия накануне 50-летия «дела врачей» была адресована тем, кто закрывает до сих пор эти документы. Мы должны получить четкий ответ: существуют ли эти документы? И только тогда мы с вами можем иметь дополнительные источники информации для разговора о том, что могло произойти тогда, весной 1953 года. Это абсолютно нормальное явление, когда государство закрывает документы, содержащие государственную тайну. Те аспекты «дела врачей», о которых мы говорим, не составляют государственной тайны — если такие документы есть, они должны быть открыты. И это совершенно нормально — требовать, чтобы для восстановления исторической истины эти до-

кументы были обнародованы. Это можно адресовать Владимиру Павловичу Наумову, который является заместителем председателя этой комиссии.

Хорошо бы, чтобы были предъявлены, обнародованы от имени разных организаций («Холокост» может быть одной из них) такие документы; следует подумать, в какие инстанции можно обратиться — может быть, в президентский архив, в администрацию президента России. Именно сейчас особенно важно, подобно тому, как это было сделано по делу Рауля Валленберга, раскрыть то, что сегодня должно быть раскрыто, расставить все точки над «і» в этой проблеме. Важно, чтобы была создана компетентная комиссия не только и не столько для еврейской истории, а для истории страны, в которой мы живем.

В нашей стране есть много таких архивов, и всем профессиональным историкам понятно примерное направление поиска, и по данному вопросу необходимо сотрудничество с многими исследователями, для того чтобы поставить наконец точку в этом позорном для нашей страны вопросе о том процессе — позорном процессе! — который происходил 50 лет назад.

Сегодня очевидно одно: есть разные взгляды на этот вопрос, разные точки зрения. Пока база источников не исчерпана и пока есть подозрение, что дополнительные, неизвестные ма-

териалы по этому вопросу существуют (а таких, по меньшей мере, несколько: была ли регистрация, какие-то приказы по линии ж.-д. ведомства, строительных ведомств и т.д.), есть предметная задача, которая не может быть решена одним или группой исследователей. Может быть осуществлен поиск и в архивах Дальнего Востока, Сибири, ведомственных архивах и, конечно, закрытых сегодня архивах органов безопасности и президентском архиве. Это может быть сделано тогда, когда государство поймет, что в его интересах сегодня дать доступ ко всем этим материалам для того, чтобы подчеркнуть, что кровавое прошлое нашей страны изжито.

РЕПЛИКА: ДЛЯ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА ВСЕ ЭТО НЕ МЕНЕЕ ВАЖНО, ЧЕМ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Если возникают в обществе дискуссии, подобные нашей, они всегда остаются беспредметными до тех пор (как в случае с нацистской Германией), пока вся источниковая база не будет исчерпана. Прошло более 50-ти лет, истекли все мыслимые сроки, и сегодня мы можем и должны узнать, сохранились ли об этом документы, и это шаг для познания истины в стране, где мы живем.

Жорес А. МЕДВЕДЕВ

Известный биолог и публицист. Англия

**СТАЛИН И ЛЕГЕНДА
О ДЕПОРТАЦИИ
СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ
В 1953 ГОДУ**

Почти во всех биографиях Сталина, которых к настоящему времени существует около сот-

ни, его последняя незавершенная репрессивная кампания, знаменитое «дело врачей», рассматривается обычно как прелюдия к намеченной им грандиозной карательной операции против всех советских евреев — их насильственной депортации в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. По недавнему заявлению Я.Я. Этингера, выселение должно было осуществляться в два этапа: чистокровные евреи — в первую очередь; полукровки — во вто-

рую. Все это очень напоминало гитлеровскую практику «решения еврейского вопроса». Я.Я. Этингер также сообщает, что на Дальнем Востоке в срочном порядке строились для евреев тысячи барачных комплексов «по типу концлагерей». Для условий 1953 года такой план означал бы депортацию на восток около четырех миллионов человек и представлял бы самую крупную карательную операцию в истории СССР. Существование такого плана тотальной депортации советских евреев, иногда с дополнительными деталями предположительного или утвердительного характера, упоминается не только в биографиях Сталина, но и в книгах по истории еврейского народа, по истории Израиля, в Еврейской Энциклопедии и в статьях и очерках по истории еврейских проблем в СССР.

При объяснении основных политических целей такой гигантской карательной кампании на первое место обычно выдвигаются два намерения Сталина: во-первых, на фоне новой волны массового террора осуществить полную реорганизацию руководства СССР для консолидации сталинизма; во-вторых, вызвать предельное обострение отношений с США, чтобы спровоцировать военный конфликт с Западом, который он рассчитывал выиграть, и завершить свою жизнь мировой победой коммунизма.

Намерение Сталина произвести радикальные изменения руководства КПСС не вызывало сомнений после тех реорганизаций, которые произошли на XIX съезде КПСС в октябре 1952 года. Создание расширенного Президиума ЦК КПСС, состоящего из 25 членов и 11 кандидатов, сменившего прежде Политбюро, было первым шагом к намеченным реорганизациям. В докладе «О культе личности» на XX съезде КПСС в феврале 1956 года Хрущев заявил, что создание нового, расширенного Президиума «было направлено на

то, чтобы устранить всех старых членов Политбюро и ввести в него людей, обладавших меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина... Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро... и таким образом скрыть все те постыдные действия, которые мы теперь рассматриваем».

Устранение от руководства старых членов Политбюро практически уже было начато Сталиным с октября 1952 года. На Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года были дискредитированы Молотов и Микоян, а вскоре и Ворошилов. Были арестованы многие руководители Грузии и создано т.н. «мингрельское дело», форсированное завершение которого угрожало прежде всего Берии и Маленкову. Однако антисемитская кампания, развернувшаяся в начале 1953 года, не имела какой-либо прямой связи с этой реорганизацией.

Утверждения о том, что Сталин в начале 1953 года готовился к войне с Америкой, были наиболее отчетливо высказаны Эдвардом Радзинским в книге «Сталин». Советский диктатор, по утверждению Радзинского, хотел создать «острую антисоветскую волну» на Западе и прежде всего в США... чтобы начать новую Большую войну с Западом. Последнюю войну, которая должна была окончательно сокрушить капитализм... Планировалась Отечественная, Священная война — под знаковыми, понятными лозунгами: сокрушить всемирное зло (капитализм) и его агентов («международное еврейство»). Доказательств подобных намерений Сталина, однако, не существует. Именно в начале 1953 года Сталин оказывал давление на китайское руководство с тем, чтобы добиться перемирия в Корейской войне, зашедшей в тупик.

Новая структура власти, созданная на XIX съезде КПСС, еще окончательно не сформировалась и не консолидировалась. Сталин, впервые после войны

отказавшись от обычного осенне-зимнего отпуска, который он обычно проводил в Абхазии возле горного озера Рида, страдал в Москве от трудностей дыхания, и его работоспособность была снижена. 21 декабря 1952 года, когда дочь Светлана приехала к отцу на дачу в Кунцево, чтобы поздравить его с 73-летием, она обратила внимание на его плохое самочувствие: «...Он плохо выглядел в этот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, так как неожиданно бросил курить и очень гордился этим — курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет». В результате повышенного кровяного давления, как обратила внимание Светлана, у Сталина изменился цвет кожи лица — он стал красным. Сталин прекратил курение в результате бронхита и эмфиземы, что вызывало кислородное голодание. Но это были его собственные предположения, никаким медицинским обследованиям он не подвергался. Его личные врачи, профессор В.Н. Виноградов и Б.С. Преображенский, были среди арестованных кремлевских медиков. Резкое прекращение курения у людей, ставших зависимыми от никотина, всегда ведет к заметным физиологическим и психологическим изменениям, продолжающимся несколько месяцев. Снижается работоспособность, уменьшается способность к концентрации внимания, возникает раздражительность, депрессия и бессонница. Физическая слабость привела и к изменению распорядка работы Сталина. В декабре 1952 года он только четыре раза вел прием в своем кремлевском кабинете. Ни в декабре, ни в январе Сталин не встречался с военными работниками Генштаба. Короткое, 50-минутное совещание с маршалами А.М. Василевским, П.Ф. Жигаревым и В.Д. Соколовским состоялось в кабинете Сталина лишь 2 февраля 1953 года. Поскольку в этот период в Москве находилась китайская военно-правитель-

ственная делегация, эти встречи имели, по-видимому, отношение к перспективам войны в Корее. Это был период начала переговоров о перемирии.

С конца 1952 года был также резко сокращен поток бумаг в канцелярию Сталина, требовавших его рассмотрения или подписи. Сталин часто даже не раскрывал пакетов с почтой, которые доставлялись к нему в Кунцево. Резко уменьшился интерес Сталина и к самому «делу врачей».

14 ноября 1952 года Сталин неожиданно сместил заместителя министра госбезопасности М.Д. Рюмина, главного инициатора «дела врачей», вычленившего его из дела Еврейского антифашистского комитета в 1951 году. Завершение «дела врачей» было возложено на генерал-полковника С.А. Гоглидзе, начальника отдела контрразведки МГБ и близкого друга Берии. Основной сценарий «дела врачей» также был изменен. В последний раз Сталин обсуждал с Гоглидзе «дело врачей» 2 января 1953 года. На этой встрече, продолжавшейся всего 40 минут, присутствовали Берия, Маленков, Булганин и Хрущев. Но на специальном расширенном заседании Бюро Президиума ЦК КПСС 9 января 1953 года, посвященном докладу руководителей МГБ по «делу врачей» и утверждению «Сообщения ТАСС», опубликованному 13 января 1953 года, Сталин, как известно, не присутствовал. Я.Я. Этингер, ссылаясь на свидетельство Булганина, утверждает, что Сталин не участвовал в этом ключевом заседании, т.к. не хотел связывать себя с его решениями. Но «Сообщение ТАСС» так или иначе не могло быть опубликовано без одобрения Сталина. Сталин в этот период просто по состоянию здоровья не мог принимать участия в длительных и многочасных заседаниях.

Детальное изучение ранее засекреченных архивных материалов по «делу врачей», осуществленное недавно Г.В. Костырченко, разрешило весьма проти-

воречивую проблему, касающуюся содержания того письма в редакцию «Правды», под которым во второй половине января 1953 года собирались под большим давлением подписи наиболее известных и заслуженных в стране деятелей еврейского происхождения. Содержание этого весьма радикального письма в «Правду», требовавшего самого беспощадного наказания врачей-убийц, воспроизводилось в разных вариантах по свидетельствам и тех людей, которые, не выдержав угроз, поставили под ним свои подписи, и тех немногих, которые отказались это сделать. Однако публикация полного текста проекта письма в «Правду» группы знаменитых евреев, осуществленная журналом «Источник» в 1997 году, привела к множеству недоумений, так как это письмо оказалось совсем не радикальным, а скорее примирительным и не требовало никаких «беспощадных наказаний». Публикация этого «письма» могла вести не к расширению, а к затуханию антисемитской кампании и слухов о грозящей евреям депортации в Сибирь. Как показано в книге Костырченко, в действительности существовало два проекта «письма» в «Правду». Первый, известный уже в январе 1953 года, составленный в духе «Сообщения ТАСС» от 13 января 1953 года и подписанный немалым числом знаменитостей, не был одобрен Сталиным и был отправлен в архив. Сталин поручил редактору «Правды» Д.Т.Шепилову составить новый проект письма, безусловно, объяснив его назначение. Проект письма был готов 20 февраля, и предполагалось, что под ним будут те же подписи. Но текст этого письма оставался неизвестным до 1997 года, так как оно не было опубликовано до смерти Сталина. До последнего момента оно подвергалось редактированию. Впервые существование плана тотальной депортации евреев было подвергнуто сомнению историком Самсоном Мадиевским в 1999 году именно на

основании характера проекта письма знаменитых евреев, опубликованного журналом «Источник». 5 августа 1999 года радиостанция «Свобода» передала по этой теме специальную программу «Факты и мнения. Готовил ли Сталин депортацию евреев?» Оппонентом Самсоном Мадиевскому в этой программе выступал Виктор Суворов, который явно не знал существования проблемы.

Более обстоятельная критика «мифа» о депортации советских евреев на восток была опубликована в недавней книге Г.В.Костырченко «Тайная политика Сталина». Полное отсутствие каких-либо архивных документов о подготовке столь обширной депортации, являющееся одним из главных аргументов Г.В. Костырченко, подтверждающих «мифичность» этого проекта, не может считаться доказательством. Поскольку план депортации привязывался к окончанию «дела врачей», то в ноябре 1953 года он мог существовать лишь в форме устных обсуждений, а не в форме конкретных директив, рассылаемых по исполнительным органам. Большая часть личного архива не только Сталина, но и Берии, была подвергнута ликвидации. Однако мнение Костырченко о том, что тотальная депортация евреев даже только из Москвы была невозможна по чисто практическим причинам, является вполне обоснованным. В Москве в 1953 году проживало около 400 тысяч евреев, большинство из которых было полностью ассимилировано в советском обществе. Для них родным был именно русский язык. Для большей части советских евреев в 1953 году был характерен советский, а не израильский патриотизм. Психология «советского», а не узко этнического сознания была в послевоенный период особенно сильна. Общественное сознание народа не было подготовлено к столь грандиозной «этнической чистке». Массовая депортация евреев, будь она осуществлена, вызвала

бы сильное разрушительное действие на большое число важных сфер жизни общества, прежде всего на систему здравоохранения, просвещения и образования, на науку, культуру, книгоиздательство, прессу и множество других.

В 1953 году не был готов к осуществлению столь массовой карательной операции и аппарат МГБ. После репатриций 1945-46 годов и широких депортаций из Прибалтики и Западной Украины в 1946-48 годах система МГБ подверглась сокращениям. МВД СССР в начале 1953 года вообще было лишено почти всех оперативных подразделений и являлось, по существу, строительно-производственным министерством, специализированным на строительстве секретных объектов с применением в качестве главной рабочей силы заключенных, бывших военнопленных и спецпереселенцев. Для осуществления массовой депортации евреев в МГБ и в МВД было необходимо создание новых специализированных отделов. Однако никаких реорганизаций в МГБ и в МВД не проводилось. Факт форсированного строительства бараков и лагерей для массовой депортации никогда не был доказан. Устных директив для подобного рода проектов было недостаточно, т.к. для них нужны финансы, строительные материалы, рабочие и множество форм снабжения и планирования.

В начале 1953 года была усилена «чистка» самих органов МГБ от работников еврейского происхождения, начатая в центральном аппарате МГБ еще в июле 1951 года после ареста В.С. Абакумова и начала «дела врачей». Происходила очевидная «русификация» аппарата ЦК КПСС и органов Прокуратуры СССР. По устным директивам немалое число евреев увольнялось и из редакций центральных газет. Однако процесс сокращения представительства евреев в органах государственного руководства и пропаганды был в большей степени

связан с резким обострением отношений СССР с Израилем.

Большинство среди интеллигенции в СССР относилось к «Сообщению ТАСС» от 13 января 1953 года с крайним недоумением. Страх перед новой волной террора, безусловно, был реальным и рождал множество слухов. В феврале 1953 года следствие по «делу врачей» не только не завершалось, как было обещано, а только разворачивалось и сопровождалось новыми арестами. Публичный, открытый процесс над «врачами-убийцами», намечавшийся, по слухам, на март, явно не был подготовлен. По опыту «открытых» процессов 30-х годов было известно, что подобные открытые суды требуют «репетиций» под руководством Прокуратуры. Даже закрытый суд по модели Военной Коллегии Верховного Суда, примененный для 14 членов руководства Еврейского антифашистского комитета, не подходил для «дела врачей». В этом случае нельзя было добиться быстрых решений. Суд над членами ЕАК продолжался с 8 мая до 18 июля 1952 года, почти два с половиной месяца. Юридически он был совершенно неубедителен, и расправа оказалась возможна лишь потому, что обвиняемые были мало известны. В «деле врачей» для суда были выделены более 30 человек, среди них было много известных профессоров, авторов учебников, ведущих кафедр. Их пациентами были еще более знаменитые люди — члены Политбюро, маршалы, министры.

Абдурахман Авторханов в книге «Загадка смерти Сталина», опубликованной в 1976 году, первым обратил внимание на то, что антисемитская кампания была прекращена в газете «Правда», вышедшей в понедельник утром 2 марта 1953 года. Была остановлена в «Правде» и антиамериканская кампания. Резкое изменение всей тематики газеты «Правда», рассылавшейся подписчикам утром 2 марта (большинство других центральных газет в понедельник не выходили),

могло быть лишь результатом директивной инструкции либо в субботу 28 февраля, либо не позже 10-11 часов утра 1 марта 1953 года, так как в Москве весь тираж «Правды» готовился к вечеру предыдущего дня. В этот же вечер матрицы «Правды» рассылались спецавиарейсами в столицы республик и в крупные областные центры. Газета печаталась с матриц в местных типографиях.

Между тем, именно утром 1 марта у Сталина произошел инсульт. Если верить воспоминаниям Хрущева или охранников Сталина, болезнь Сталина оставалась неизвестной до позднего вечера, так как никто не пытался войти к нему в комнаты без вызова. Для Авторханова, который считает, что сам Сталин не мог решиться на изменение политического курса и отмену антисемитской кампании, наличие политического поворота является основой для предположения об убийстве Сталина в результате заговора группой его соратников (Берия, Маленков, Хрущев и Булганин), которых он пригласил на поздний обед в субботу 28 февраля. Эта же «четверка», по мнению Авторханова, быстро изменила и политический курс. Существуют и несколько других версий убийства Сталина (методом убийства предположительно считается применение медленно действующего яда, могущего имитировать инсульт), но ни одна из них не имеет каких-либо доказательств. Иногда инициатива убийства Сталина приписывается одному только Берии (гипотеза Э.Радзинского). Все медицинские данные о болезни Сталина свидетельствуют в пользу естественной смерти. В очерке в 2001 году я предположил, что смена политического курса именно с 1 марта 1953 года могла быть результатом того, что С.Д. Игнатьев, совмещавший в это время пост главы МГБ с постом начальника охраны Сталина, мог узнать об инсульте Сталина значительно раньше Берии или Маленкова. По своему положению Игнатьев имел прямую

связь со Сталиным и не мог в контактах с главой государства зависеть от его личной obsługi. Сталин не был в Кунцево затворником. Вечером 27 февраля он с большой группой охраны приехал в Большой театр на балет «Лебединое озеро». Вечером 28 февраля он решил поехать в Кремль на просмотр кинофильма, пригласив туда и своих четырех соратников: Хрущева, Берию, Маленкова и Булганина. Все выезды с дачи заранее обеспечивались охраной МГБ по всему маршруту передвижения машины Сталина с машинами эскорта. Между Игнатьевым и Берией в этот период существовали антагонистические отношения, и то, что именно Берия среди членов высшего руководства последним узнал о фатальной болезни Сталина и убедился в этом лишь в три часа утра 2 марта 1953 года, возможно, не являлось случайностью.

Сталин, находившийся в начале 1953 года в состоянии физической депрессии и не посещавший Кремль с 17 февраля, стал, очевидно, выходить из этого состояния именно в конце февраля. Возможно, что это было связано и с какими-то принятыми им решениями. Он не мог не думать о возникшей в стране сложной обстановке и политическом напряжении. Поздние обеды на даче с соратниками были всегда своеобразными узкими совещаниями по деловым проблемам. Обед затянулся до 5 часов утра и, по свидетельству Хрущева, Сталин был в хорошей форме и в веселом настроении. На разных совещаниях Сталин никогда не высказывал свою собственную точку зрения первым. Он обычно выслушивал разные мнения, а затем подводил итог дискуссии в форме проекта решения. Иногда это решение было принято заранее, иногда формировалось в процессе заседания. Нельзя исключить того, что Сталин уже принял решения в отношении нараставшей антисемитской кампании и передал по телефону 27 или 28 фев-

раля в Агитпроп или в редакцию «Правды» какие-то новые инструкции. Если в этой кампании, да и в самом «деле врачей», признавались какие-либо ошибки и отклонения от принципов советской и партийной политики, то вина за это, безусловно, возлагалась на исполнителей. Смены политического курса и отступления не были чем-то новым для тактики Сталина. Он был достаточно «гибким» политиком, и немалое число его «поворотов» было неожиданным. В СССР в этот период был только один человек — сам Сталин, — который мог простым телефонным звонком изменить все направление и внешней, и внутренней политики. Поскольку такой поворот, безусловно, произошел 28 февраля 1953 года, проявившись через два дня уже для всех, то вопрос, прежде всего, стоит о том, кто был его инициатором — сам Сталин или один из его соратников? Но соратнику — например, Берии — для реализации такого поворота нужно было организовать и убийство самого Сталина сложнейшим путем точной имитации естественного инсульта. Такое объяснение событий 28 февраля — 1 марта 1953 года кажется мне весьма маловероятным. Участие в заговоре против Сталина Хрущева, Булганина и Маленкова должно быть совершенно исключено

как нереальное. Над ними не было в тот период непосредственной угрозы.

Отметим главную реальность в обсуждаемой проблеме. Смерть Сталина привела через месяц к реабилитации арестованных врачей, но не прекратила государственного антисемитизма в СССР. В некоторых отношениях он даже усилился в период Хрущева, а затем и Брежнева.

Литература:

1. Этингер Я.Я. «Это невозможно забыть. Воспоминания». Изд. «Весь Мир», Москва.
2. Хрушев Н.С. «О культе личности и его последствиях». Доклад на XX съезде КПСС. «Известия ЦК КПСС», № 3, 1989.
3. Радзинский Э. «Сталин». Изд. «Вагриус», Москва, 1997.
4. Аллилуева С. «Двадцать писем другу». Изд. «Известия», Москва, 1990.
5. «Посетители кремлевского кабинета Сталина И.В.» Исторический Архив, 1997, №1.
6. Костырченко Г.В. «Тайная политика Сталина». Изд. «Международные отношения», Москва, 2001.
7. Вестник Архива Президента Российской Федерации, №1, 1997. В журнале «Источник», № 1, 1997.
8. «Готовил ли Сталин депортацию евреев?» Программа радио «Свобода», Русская служба, 5 августа 1999 года. Ведущий Лев Ройтман.
9. Медведев Д.А. и Медведев Р.А. «Неизвестный Сталин». Изд. «Права человека», Москва, 2001.
10. Авторханов Абдурахман. «Загадка смерти Сталина». Изд. «Посев», Франкфурт. 4-е издание, 1981.

Я. ЭТИНГЕР

Доктор ист. наук, проф.

СТАЛИН ГОТОВИЛ ДЕПОРТАЦИЮ ЕВРЕЕВ

В 1970 г., когда я работал в Институте мировой экономики и международных отношений Акаде-

мии Наук СССР, я несколько раз встречался с бывшим членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР, Н.А. Булганиным. Одна из наших сотрудниц была вхожа в семью Н.А. Булганина и узнав, что я хотел бы с ним поговорить по некоторым вопросам, связанным со сталинским периодом, пообещала мне помочь организовать встречу. Меня, прежде всего, интересовали обстоятельства, связанные с

«делом врачей», по которому первым, еще в январе 1950 года, был арестован мой отец, известный профессор кардиолог Я.Г. Этингер.

Запись моих бесед с Н.А.Булганиным до сих пор хранится у меня. На мой вопрос об антисемитизме Сталина Н.А. Булганин ответил, что Сталин был «бытовым и политическим антисемитом, хотя в его окружении и были такие евреи, как Каганович и Мехлис. Не следует забывать, что главными противниками Сталина в руководстве партии были евреи Троцкий, Зиновьев, Каменев и некоторые другие. Среди троцкистов было много евреев». Н.А. Булганин вспомнил, что один старый большевик рассказывал ему в свое время о том, что еще в сибирской ссылке Сталин «разводил антисемитизм». Антисемитские настроения Сталина особенно усилились после войны; он «неоднократно говорил в узком кругу, что евреи — пятая колонна американского империализма». Сталин считал, что «евреи заправляют в Америке и отсюда антисоветская политика США в послевоенный период».

Н.А. Булганин добавил, что на совещании в начале декабря 1952 года Сталин прямо сказал, что «каждый еврей в Советском Союзе — это националист, агент американской разведки. Еврейские националисты, — а все они националисты, — думают, что еврейскую нацию облагодетельствовали США. Вот почему они считают своим долгом помогать американским империалистам». И далее Сталин добавил: «Особенно много евреев-националистов среди врачей, деятелей науки, работников культуры». Спустя много лет «Независимая газета» (29 сентября 1999 года) опубликовала выдержки из дневника сталинского наркома В.А. Малышева, который после совещания у Сталина 1 декабря 1952 года записал примерно те же слова. Очевидно, речь шла об одном и том же заседании, на

котором присутствовали и Н.А. Булганин, и В.А. Малышев.

Бывший глава советского правительства рассказал мне, что за несколько дней до опубликования 13 января 1953 года сообщения ТАСС об «аресте группы врачей-вредителей» состоялось заседание бюро Президиума ЦК КПСС (так назывался тогда высший партийный орган), на котором обсуждался предполагаемый текст этого сообщения. На заседании помимо членов бюро присутствовали также и все тогдашние секретари ЦК, включая Л.И. Брежнева и М.А. Суслова. Сталин, по словам Н.А. Булганина, в заседании не участвовал. Я спросил, почему. Он сказал, что «этот хитрый и коварный грузин» сознательно так поступил, чтобы «не связывать себя на всякий случай» каким-либо участием в принятом на заседании решении о публикации сообщения ТАСС.

По словам Н.А. Булганина, на заседании Президиума ЦК не присутствовали также В.М. Молотов и А.И. Микоян. Они не входили в состав бюро Президиума ЦК КПСС, так как после XIX съезда партии в октябре 1952 года «были в опале». На заседании особенно активен был Л.М. Каганович, который, по словам моего собеседника, обрушился с гневными нападками на «врачей-убийц», акцентируя внимание на профессорах еврейского происхождения. Н.А. Булганин рассказал мне, что, по его сведениям, процесс над врагами, который намечался на середину марта 1953 года, должен был завершиться вынесением смертных приговоров. Профессоров предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске, других крупнейших городах. При чем была составлена своего рода «разнарядка», где было заранее расписано, в каком конкретно городе будет казнен тот или иной профессор.

Н.А. Булганин подтвердил ходившие в течение многих лет слухи о намечавшейся после процесса массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. В середине февраля 1953 года ему позвонил Сталин и дал указание подогнать к Москве и другим крупным центрам страны несколько сотен военных железнодорожных составов для организации высылки евреев. При этом, по его словам, планировалось организовать крушения железнодорожных составов, «стихийные» нападения на поезда с евреями, с тем, чтобы с частью из них расправиться еще в пути.

Я задал Н.А. Булганину вопрос, были ли какие-либо письменные указания Сталина относительно депортации евреев. Он усмехнулся и сказал: «Сталин не дурак, чтобы давать письменные указания по такому вопросу. Да и вообще, Сталин очень часто прибегал к устным распоряжениям, особенно когда обращался к членам Политбюро. Он не считал нужным давать письменные указания им. Ведь Сталин общался с нами практически ежедневно».

О плане депортации евреев есть свидетельство Николая Николаевича Полякова, бывшего сотрудника аппарата ЦК ВКП(б), прежде работавшего в системе органов государственной безопасности (Яков Айзенштат: «О подготовке Сталиным геноцида евреев», Иерусалим, 1994 г.). Перед своей кончиной Н.Н. Поляков решил рассказать об известных ему фактах, связанных с подготовкой депортации. Из записи его свидетельств выясняется, что в принципе решение о полной депортации евреев было принято Сталиным в самом конце 40-х — начале 50-х годов. Н.Н. Поляков был участником мероприятий, связанных с подготовкой выселения еврейского населения. Для руководства этой акцией была создана специальная комиссия, подчинявшаяся непосредственно Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил се-

кретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, а ее секретарем стал Н.Н. Поляков. Для размещения депортированных в отдаленных районах страны форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые, секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки (отделами кадров — по месту работы, домоуправлениями — по месту жительства) всех лиц еврейской национальности. Причем существовало два вида списков — чистокровных евреев и полукровок. Выселение должно было осуществляться в два этапа: чистокровных — в первую очередь, полукровок — во вторую. Все это очень напоминало гитлеровскую практику «решения» еврейского вопроса. К составлению списков намечавшихся к депортации евреев повсеместно привлекались органы государственной безопасности.

Как свидетельствует Н.Н. Поляков, депортацию вначале было намечено осуществить во второй половине февраля 1953 года. Но вышла задержка — процесс над врачами был назначен на середину марта, а выселение должно было последовать после процесса; кроме того, не было завершено строительство барачных комплексов, да и для составления списков потребовалось больше времени.

Вот что рассказывал мне о «деле врачей» и планах депортации евреев А.Д. Сахаров на одной из конференций «Мемориала» (эту беседу я записал):

«Фактически же все, имевшие за плечами опыт кампаний 30-х годов, понимали, что это широко задуманная антисемитская провокация, развитие антисемитской и антизападной шовинистической «борьбы с космополитизмом», продолжение антиеврейских акций — убийства Михоэлса, расстрела Маркиша и др. Потом стало известно, что в начале марта были подготовлены этапы для депортации евреев и напечатаны оправдывающие эту акцию пропагандистские материалы, в том числе номер «Правды» с передовой «Русский народ спасает еврейский народ»... По всей стране прошли митинги с осуждением «врачей-убийц» и их пособников, начались массовые увольне-

ния врачей-евреев». А.Д. Сахаров далее сказал, что «с каждым днем атмосфера накалялась все больше, а в недалеком будущем можно было опасаться погромов (говорят, они были запланированы)».

О подготовке депортации евреев говорил мне в 1955 г. и известный историк, академик Евгений Викторович Тарле, сам сидевший в начале 30-х годов на Лубянке по вымышленному обвинению. Е.В. Тарле, человек весьма знающий и осторожный, прямо заявил мне, что «готовилась депортация евреев в отдаленные районы страны. По словам Е.В. Тарле, евреев намечалось депортировать весной 1953 года в Сибирь, где для них уже были сооружены бараки со стенками в одну доску. И сразу значительная часть евреев должна была погибнуть из-за сильных морозов. Операция, курируемая лично Сталиным, которого Е.В. Тарле, по его словам, глубоко презирал, была разработана во всех деталях, вплоть до составления списка тех, кому суждено было погибнуть в первую очередь, спасаясь от «возмущенных масс». Это были, в основном, ученые, врачи, инженеры, военные.

В 1996 году вышла книга председателя комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации академика А.Н. Яковлева, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, человека очень информированного и, безусловно, имеющего доступ к самым секретным архивным материалам. В книге, названной «По мощам и елей», говорится: «В феврале 1953 года началась подготовка к массовой депортации евреев из Москвы и крупных промышленных центров в восточные районы страны». А.Н. Яковлев далее пишет: «Делалось это со сталинским иезуитством. Дело представлялось так, будто группа евреев подготовила письмо советскому правительству с просьбой осуществить массовую депортацию евреев, дабы спасти их от справедливого

гнева советских людей». Указанное письмо находилось в газете «Правда». А.Н. Яковлев сообщает, что главными организаторами сбора подписей деятелей литературы, искусства, науки — евреев по национальности были бывший в годы войны генеральный директор ТАСС, а в то время политический обозреватель газеты «Правда» Я.С. Хавинсон — он выступал под псевдонимом М. Маринин — и академик И.И. Минц. По словам А.Н. Яковлева, «к несчастью, им удалось собрать значительное количество подписей».

Сама идея письма, по мнению А.Н. Яковлева, была задумана профессором-философом, тогдашним главным редактором журнала «Вопросы философии» Д.Н. Чесноковым, избранным на XIX съезде партии в октябре 1952 года в состав ее Президиума (Политбюро) («Литературная газета», 15 мая 1991 г.). Он входил в этот высший партийный орган до 6 марта 1953 года, когда после смерти Сталина была проведена реорганизация высшего партийно-государственного аппарата. Сталин поручил Чеснокову подготовить «теоретический труд» с обоснованием необходимости депортации евреев. Вскоре эта работа «Почему необходимо выселить евреев из промышленных районов страны» была написана и одобрена Сталиным.

В книге Чесноков «научно» обосновал с «марксистско-ленинских позиций» историческую неизбежность и справедливость применяемых партией и лично товарищем Сталиным мер по депортации евреев. Чесноков доказывал, что евреи по самой своей природе всегда были врагами народа и социализма; при этом он ссылаясь на опыт Сталина и его соратников, разгромивших различные оппозиционные группировки в 20-е — 30-е годы, — дескать, все оппозиционеры были евреями.

О планах депортации евреев А.Н. Яковлев пишет и в другой своей

книге «Омут памяти», опубликованной в издательстве «Вагриус» в 2000 году (стр. 429-430).

Подробно о «произведении» Чеснокова рассказывал мне летом 1957 года известный журналист Эрнст Генри (Семен Николаевич Ростовский). Он долгие годы работал в системе Коминтерна, во время войны был сотрудником советского посольства в Лондоне, поддерживал тесные связи с тогдашним послом Советского Союза в Англии И.М. Майским. В день смерти Сталина он был арестован, но спустя некоторое время освобожден. Эрнст Генри очень хорошо знал кремлевскую кухню и был информирован о позорном сочинении Чеснокова.

Вскоре после одобрения Сталиным «теоретического труда» Чеснокова этот труд был напечатан в типографии МВД СССР миллионным тиражом и сдан на склад МГБ СССР, с тем чтобы в день «икс» появиться на прилавках книжных магазинов одновременно с рецензиями в центральной печати.

В целях обоснования и оправдания акции по депортации евреев были заранее подготовлены многочисленные пропагандистские материалы.

Одновременно шла подготовка к опубликованию письма, составленного Я.С. Хавинсоном. Он и академики М.Б. Митин и И.И. Минц ездили по квартирам, приглашали людей в редакцию «Правды», чтобы заставить подписать этот позорный, предательский документ. Как известно, несколько человек из тех, к кому они обращались, отказались подписать письмо. Это писатели Илья Эренбург и Вениамин Каверин, артист Большого театра Марк Рейзен и композитор Исаак Дунаевский, генерал-полковник Я.Г. Крейзер, профессор-историк, известный германист А. С. Ерусалимский.

Но многие деятели науки, культуры и искусства еврейского происхождения

поставили свои подписи. Среди них был дважды герой Советского Союза генерал-полковник Д. А. Драгунский. После смерти Сталина он в течение многих лет был начальником Высших командных курсов «Выстрел». (Именно на этих курсах готовились палестинские террористы, убивавшие потом соплеменников генерала в Израиле — мирных жителей, стариков, женщин и детей).

Позорное письмо подписали также поэт Павел Антокольский, композитор Матвей Блантер — автор знаменитой «Катюши», — он сам мне рассказывал об этом в 1955 году. Полный список лиц, подписавших этот документ, неизвестен.

Письмо, подписанное почти всеми, кто, согласно сталинскому списку, должен был его подписать, оказалось в распоряжении властей и было наготове для опубликования в день «икс». Оно должно было быть пущено в ход сразу после публичных казней осужденных врачей и проведения подготовленных властями митингов и стихийных еврейских погромов.

Письмо, безусловно, «в свое время» было уничтожено, и казалось, что никогда не удастся узнать его полное содержание. Но произошел невероятный факт. Несколько лет назад мне позвонили домой, очевидно, из автомата; судя по голосу, звонила пожилая женщина. Она попросила меня к телефону. Убедившись, что трубку взял именно я, она несколько приглушенным и испуганным голосом сказала, что знает о том, что мой отец — известный профессор-кардиолог Я.Г. Этингер. Сообщила, что читала некоторые мои статьи о «деле врачей». Женщина предложила мне ознакомиться с «одним письмом», которое, по ее словам, представит для меня интерес. Спустя час она была у меня дома. Ей было лет 60. Плохо одетая, она производила жалкое впечатление. Женщина никак не представилась, не назвала ни своей

фамилии, ни своего имени-отчества. Она рассказала мне, что ее умершая лет 10 назад старая мать в течение 30 лет работала машинисткой в одной из центральных газет, печатала, будучи опытной машинисткой, многие важные статьи и документы. У матери сохранился небольшой архив, и, перебирая вскоре после ее смерти бумаги из него, она обнаружила пожелтевший от времени машинописный экземпляр письма, озаглавленного «Ко всем евреям Советского Союза». Бегло просмотрев текст, я убедился, что в моих руках находится уникальный исторический документ, призыв-обращение по поводу депортации евреев в отдаленные районы страны. Этот документ разыскивался мною годы. Я попросил посетительницу разрешить мне сделать копию этого письма. Но она наотрез отказалась. «Если хотите, перепишите его в моем присутствии». Она была запугана, хотя со времени «дела врачей» прошло немало времени. Но страх, посеянный сталинским режимом и унаследованный, очевидно, от матери, продолжал глубоко сидеть в ней.

После того, как я переписал письмо, она бережно сложила его в сумку, попрощалась и ушла, не оставив своего адреса и телефона. Я предложил ей кофе или чай и проводить ее до метро, но она отказалась: «Нет, нет, не надо, я сама доберусь». Мы попрощались, и она исчезла за дверью, навсегда. Вот это письмо:

«Ко всем евреям Советского Союза.

Дорогие братья и сестры — евреи и еврейки! Мы, работники науки и техники, деятели литературы и искусства — евреи по национальности — в этот тяжкий период нашей жизни обращаемся к вам.

Все вы хорошо знаете, что недавно органы государственной безопасности разоблачили группу врачей-вредителей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе американской и английских разведок, международного сионизма в лице подрывной организации «Джойнт». Они умертвили видных деятелей партии и государства А.А. Жданова и А.С. Щербакова, сократили жизнь многих других ответственных

деятелей нашей страны, в том числе крупных военных деятелей. Зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Каждый советский человек не может не испытывать чувства гнева и возмущения. Среди значительной части советского населения чудовищные злодеяния врачей-убийц закономерно вызвали враждебное отношение к евреям. Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. В этих условиях только самоотверженный труд там, куда направят нас партия и правительство, великий вождь советского народа И.В. Сталин, позволит смыть это позорное и тяжкое пятно, лежащее сегодня на еврейском населении СССР.

Вот почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину в глазах всего Советского народа.

Очевидно, что это был один из вариантов письма. В нем отсутствовал призыв к правительству о выселении евреев, а как бы констатировалось, что решение о таком выселении уже принято и надо его выполнять. Я впервые опубликовал историю с этим письмом несколько лет назад в выходящей в Нью-Йорке газете «Еврейский мир»...

Безусловно, исключительно большой интерес несет и свидетельство А.И. Микояна. В конце 1999 года издательство «Вагриус» в серии «Мой 20 век» выпустило его книгу «Так было. Размышления о минувшем». Как известно, А.И. Микоян, один из крупнейших государственных деятелей советского периода, на протяжении сорока лет входил в Политбюро ЦК КПСС, занимал посты первого заместителя председателя Совета Министров СССР и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он входил в самое ближайшее окружение Сталина и был прекрасно осведомлен о его планах и намерениях. Он пишет, что в числе

«невероятных беззаконий», которые были совершены «с согласия или по его прямому указанию», были «дело о космополитах», аресты и убийства видных евреев, «дело врачей». И далее А.И. Микоян подчеркивает: «Как-то после ареста врачей, когда действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер, Каганович сказал мне, что ужасно плохо себя чувствует: Сталин предложил ему вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газетах групповое заявление с разоблачением сионизма, отмежевавшись от него. «Мне больно потому, — говорил Каганович, — что я по совести всегда боролся с сионизмом, а теперь я должен от него отмежеваться!» Это было за месяц или полтора до смерти Сталина — готовилось «добровольно-принудительное» выселение евреев из Москвы. Смерть Сталина помешала исполнению этого дела» (Анастас Микоян. «Так было. Размышления о минувшем». М., 1990, стр. 517).

Свидетельство Микояна, наряду с аналогичными свидетельствами Булганина и Яковлева о планах депортации, имеют исключительно важное значение. Ведь нередко выдвигается версия о том, что поскольку до сих пор в архивах не обнаружено конкретных материалов по этому вопросу, он вызывает определенные сомнения. Но позволительно задать вопрос: найдено ли в архивах, например, указание Сталина убить С. Михоэлса? Историческая наука не могла бы существовать, если бы документ был единственным подтверждением того или иного события. Хорошо известно, что у сталинского руководства существовало так называемое «телефонное право», когда многие секретные приказы и указания отдавали в устной форме и нигде письменно не фиксировались многие важные акции ЦК КПСС, осуществляемые без каких-либо указаний и после

смерти Сталина. Вот что писал в этой связи бывший ответственный работник ЦК КПСС Г.Х. Шахназаров: «Теперь не составляет секрета, что многие коммунистические партии получали регулярное «вспомоществование» от КПСС. Но тогда это обставлялось высшей степенью секретности. За четверть века, работая в аппарате, притом на достаточно высоких должностях, я ни разу не читал какого-нибудь документа на этот счет и уж, тем более, не сталкивался с фактами непосредственной передачи денег из рук в руки. Разумеется, я знал о существовании такой практики, однако в детали был посвящен только узкий круг особенно доверенных лиц» («Независимая газета», 14 февраля 2001 г.). Что же касается документов о депортации, то вполне возможно, что их вообще не существовало — Сталин, как уже отмечалось, не хотел себя прямо ассоциировать с планом выселения евреев. Не исключено, что сразу же после его смерти его ближайшие соратники уничтожили все, что могло их скомпрометировать в связи с «делом врачей». А ведь в этом деле замешаны были такие ведущие сталинские деятели, как Маленков и Суслов. Можно также допустить, что Берия, оказавшись после смерти Сталина во главе органов безопасности, держал секретные материалы, связанные с «делом врачей», у себя в тайнике, чтобы в нужный момент использовать их против своих политических противников в кремлевском руководстве.

Но разве приведенные выше заявления трех членов Политбюро ЦК КПСС, в разное время входивших в состав этого высшего партийного органа, не являются лучшими и достоверными документами, подтверждающими сталинский план депортации советских евреев?

Наряду с этими и другими заявлениями, помещенными в данной статье, есть и иные доказательства, подтверж-

дающие план депортации евреев. Некоторые из них появились в последнее время на страницах московского журнала «Лехаим». Так, в №8 за 2001 год опубликовано свидетельство Карла Мартыновича Граудина, бывшего в начале 50-х годов начальником политотдела Прибалтийской железной дороги. К.М. Граудин был в первые послевоенные годы корреспондентом «Правды» по Латвии, затем членом ЦК компартии этой республики: его избрали членом-корреспондентом Академии Наук Латвии. В конце февраля 1953 года он принимал участие в совещании руководителей железных дорог страны и начальников политотделов дорог. Руководил совещанием М.А. Суслов, присутствовал и Г.М. Маленков. Суслов сказал, что в ближайшее время в стране будет проведена серьезная акция, к которой нужно готовиться руководителям железных дорог в отдаленных районах страны. Речь шла о Сибири, Казахстане, Оренбурге, Забайкалье. Слово «евреи» не произносилось. Суслов сказал, что эту акцию готовят и за ее проведением внимательно следит товарищ Сталин. На этом совещании начальник политотдела Московской железной дороги сообщил Граудину, что проведена дезинфекция в товарных вагонах огромного эшелона, в котором везли на Восток пленных немцев. Причем он сообщил Граудину, что «вагон, в котором везли пленных немцев, так промыли дезинфекцией, что пробыть в нем пять-шесть минут опасно для здоровья — болят и слезятся глаза, душит кашель и начинается рвота». И в этих вагонах собирались везти евреев! Граудин рассказал, что в это же время он, как начальник политотдела Прибалтийской железной дороги, получил письмо из ЦК КПСС с указанием по линии политуправления подготовить список лиц некоренной национальности — инженеров, техников, руководителей различных служб дороги, их до-

машние адреса, номера телефонов. По поводу «лиц некоренной национальности» была маскировка. Из Москвы к Граудину приехали сотрудники аппарата ЦК, перечитали этот список и взяли с собой. Один из них сказал Граудину: «У вас по дороге все руководящие посты занимают не национальные кадры, а евреи». В статье, в которой содержится свидетельство Граудина, есть слова писателя Александра Фадеева, сказанные в один из февральских дней 1953 года о том, что «замышляется страшная акция против евреев». А писатель был, безусловно, очень информированным человеком, членом ЦК КПСС.

В том же журнале «Лехаим» опубликовано также письмо жительницы Днепропетровска С.Гольдберг, в котором говорилось «пару слов» о том, предстояла ли евреям депортация: «В 1952-м или в 1953 году я пришла к бабушке — Ваксман Александре Анисимовне — и застала ее расстроенной и испуганной. Она сказала, что в их доме по улице Исполкомовская города Днепропетровска переписывают все еврейские семьи. Русской соседке объяснили: вас не надо переписывать. Бабушка, помнившая еврейские погромы, говорила, что списки не к добру. Мне тогда было 14 лет. Я хорошо помню, как после смерти Сталина родные радовались, что теперь не вышлют». Еще одно письмо («Лехаим» №7, 2001 г.). В нем его автор, А.Командор из Днепропетровска, сообщал, что его отец имел доступ к секретной документации, связанной с планом депортации.

Из рассказа известного актера и режиссера, народного артиста России, президента Союза театральных деятелей РФ Александра Калягина: «Когда в 1953 году в Москве стали составляться списки всех евреев для высылки из столицы, управдом дома показал их моей матери, заведующей кафедрой в одном институте...» («Алеф» №2, 2000 г.)

Недавно автор этой статьи получил сведения о том, что в конце 1952-го — начале 1953-го годов в ряде министерств составлялись секретные списки сотрудников — евреев и полукровок на предмет депортации.

Известный диссидент и публицист Владимир Буковский, проживающий ныне в Лондоне, писал, что большинство преступлений крупного масштаба редко имеют прямые доказательства. Как правило, речь идет о «совокупности косвенных доказа-

тельств». «Ну, например, до сих пор не доказано, что Сталин дал распоряжение убить Кирова. Тем не менее, в этом мало кто сомневается» («Общая газета» №17, 2002 г.). Слова Владимира Буковского о большом значении «совокупности косвенных доказательств» очень важны и для исследования вопроса о депортации евреев. А ведь приведенный в этой статье материал — не только косвенное, но и прямое доказательство существования такого плана у Сталина.

Федор ЛЯСС

Врач, публицист. Израиль

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛАСЬ ДЕПОРТАЦИЯ СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ В ПЕРИОД «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА»

Последнее время в средствах массовой информации при изысканиях, связанных с историей советских евреев в период «Позднего сталинизма» нередко поднимался вопрос — *грозила ли советским евреям депортация в начале 1953 года в связи с «делом врачей-вредителей».*

Специалисты-историки, как правило, категорически отрицают существование таких намерений у Сталина, и их главный аргумент: нет документа — нет события.

Насколько верно и научно обосновано мнение, что Сталин не планировал депортировать советских евреев? Оно неверно и научно не обосновано потому, что сторонники такой точки зрения допускают кардинальную ошибку в методике исследования это-

го вопроса, а именно: рассматривают его изолированно, в отрыве от общей карательной политики Сталина, а если с чем и связывают, то только с «делом врачей». Наше же мнение о наличии у Сталина планов депортации евреев основано на анализе событий конца сороковых — начала пятидесятых годов, проведенных на основе сочетания традиционного подхода историка, основывающего свои выводы на базе имеющихся в нашем распоряжении документов и свидетельств очевидцев, с методом системного анализа. В основе метода системного анализа, до сих пор не применявшегося в исторической науке, лежит построение обобщенной модели явлений, позволяющей вскрыть взаимосвязь происшедших событий. Эта методика для тех, кто рассматривает те или иные общественные явления, — верный ключ к оценке ряда событий, неразгаданных по причине отсутствия документальных подтверждений, уничтожения свидетелей и молчания исполнителей. Анализируя один период истории государства (тридцатые годы), одну личность (Сталина), одну государственную структуру (тоталитарное правление), одну партийную систему (большевизм), можно с большой точностью представить по аналогии, как развивались со-

бытия другого временного периода — конца сороковых — начала пятидесятих годов, что и позволило нам установить наличие у Сталина планов депортации евреев.

Итак, произведем анализ проводимой Сталиным политики, направленной на упрочение собственной власти в стране. То, что в основе ее был поставлен террор, где наряду с арестами, ссылками, расстрелами определенное место занимала и депортация населения, в настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения. Сталин, встав у власти, перехватил у В. Ленина эстафету террора, так как видел в нем единственный способ правления и борьбы с инакомыслием. В таком методе правления и тотального подчинения Сталин стал преуспевающим учеником основателя не только советского государства, но и государственного террора — В.И. Ленина. Он с гениальной прозорливостью создал общественную систему национал-большевизма, освободив себя, свое окружение и вообще весь народ от понятия морали и права. Главный рычаг, с помощью которого он трансформировал всю страну в нужном ему направлении, был террор. Опутывая народ мифом о врагах внутренних и внешних, он довел его до полной деградации и сковал тотальным страхом и насилием, которые и определяли нашу жизнь во все время его правления.

Было у Сталина и нечто оригинальное в осуществленном им комплексе карательных мер, своеобразная режиссерская находка — открытые показательные политические процессы над «врагами народа», «вредителями», «агентами империализма», «троцкистами», «бухаринцами» и т.д., чередой проходившие с начала 30-х годов. Это его выдумка, его детище. Он их, судебные процессы, изобрел, и раз от разу отлаживал, доведя к середине тридцатых годов до совершенства. От неукос-

нительного исполнения всех задумок Сталина зависел дальнейший сценарий карательных мер.

Размах злодеяний свидетельствовал о грандиозности Сталина как личности. Однако я утверждаю, что при этом он был ограниченным, закомплексованным и суевренным человеком, что наглядно проявилось в его репрессивной деятельности, в подготовке и проведении всех сфабрикованных им процессов. Все они были одинаково срежиссированы и все проводились по единой типовой схеме: после идеологической подготовки в печати, на партсобраниях, митингах, по радио следовали аресты и следствие, затем открытый показательный суд с расправой, а затем и завершающий этап — тотальный террор.

Главным кульминационным и обязательным пунктом в нем, по режиссуре Сталина, было личное «признание» обвиняемых в преступных действиях против партии, государства, народа. Без этого не мог проходить ни один открытый процесс. На этот акт самобичевания, самооговора и был направлен весь предшествующий суду следственный этап и все судебное действо. Но показательный политический процесс был только подготовкой к главной акции — к развертыванию тотального террора по всей стране на всех социальных уровнях от колхозника до наркома.

Дело в том, что все политические процессы предвоенных лет проходили по единой типовой схеме, и депортация входила как обязательная составляющая в общей политике террора.

Для анализа исторических событий, прошедших в конце сороковых — начале пятидесятих годов, мы сначала построили *типовую схему осуществленных Сталиным в тридцатых годах показательных процессов*, основанную на обобщенных данных по политическим процессам: «Союз марксистов-ленинцев» — 1932-1933 гг., «Антипартийная контрреволюционная группа правых»

— 1933 г., «Ленинградский центр» — 1934 г., «Московская контрреволюционная организация» — 1935 г., «Ленинградская контрреволюционная зиновьевская группа» — 1935 г., «Московский центр» — 1935 г., «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр» — 1936 г., «Параллельный антисоветский троцкистский центр» — 1937 г., «Антисоветский правотроцкистский блок» — 1938 г., «Антисоветская троцкистская военная организация в Красной Армии» — 1938 г. (см. рис. № 1).

На 1 этапе — подготовка к арестам и к показательному открытому процессу начиналась с фальсификации документов и с пропагандистской кам-

пании в печати, на радио, на митингах, партсобраниях. Эта кампания проводилась для создания враждебного отношения населения к будущим подсудимым и носила, как правило, партийно-политический характер.

2 этап характеризовался уничтожением лиц, которые могли бы помешать проведению следствия и показательного открытого процесса. В тридцатые годы в число таких лиц попали С. Киров, Л. Аллилуев, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышев и др.

Затем следовал *3 этап* — аресты определенной группы, куда входили люди, пользовавшиеся большим авторитетом в государстве, дабы сам про-

чень их фамилий оказывал ошеломляющее действие на всех граждан.

Непродолжительное следствие (от 1,5 до 6 месяцев) с применением физических и моральных методов воздействия для того, чтобы вырвать у арестованного признания в совершении им мнимых преступлений, — *4 этап*.

После того как воля обвиняемых сломлена, приступали к реализации *5 этапа* — проведению открытого показательного процесса — публичное признание обвиняемых в преступных действиях против партии, государства, народа и было основной задачей открытого показательного процесса.

6 этап — немедленное приведение в исполнение смертного приговора. Иногда сразу же после окончания суда.

И, наконец, завершающий, *7 этап*: осуществление тотального террора по всей стране и на всех социальных уровнях от колхозника до наркома, включая родственников, друзей, близких и случайных знакомых осужденного. Основная задача — держать в страхе, а значит, и в подчинении всех граждан страны — осуществлялась массовыми арестами, разнузданным идеологическим давлением на население и массовыми депортациями. Кто только не подвергался им: контрреволюционеры, духовенство, значительный слой интеллигенции, бывшие анархисты и бундовцы, меньшевики и эсеры, соратники Сталина по революционной борьбе. К этому перечню нужно прибавить сотни тысяч депортированных ингушей, чеченцев, немцев Поволжья, крымских татар, карачаевцев, калмыков, греков, балкарцев, месхетинских турок, курдов, хемшинов, казаков, «неблагонадежных» граждан, проживавших у западных границ СССР, «кулаков», согнанных вместе с семьями с родных мест и сосланных на вымирание в Сибирь и пустыни Казахстана. По самым скромным подсчетам, около трех с половиной миллионов человек были просто выслааны без суда и следствия. Всего же в

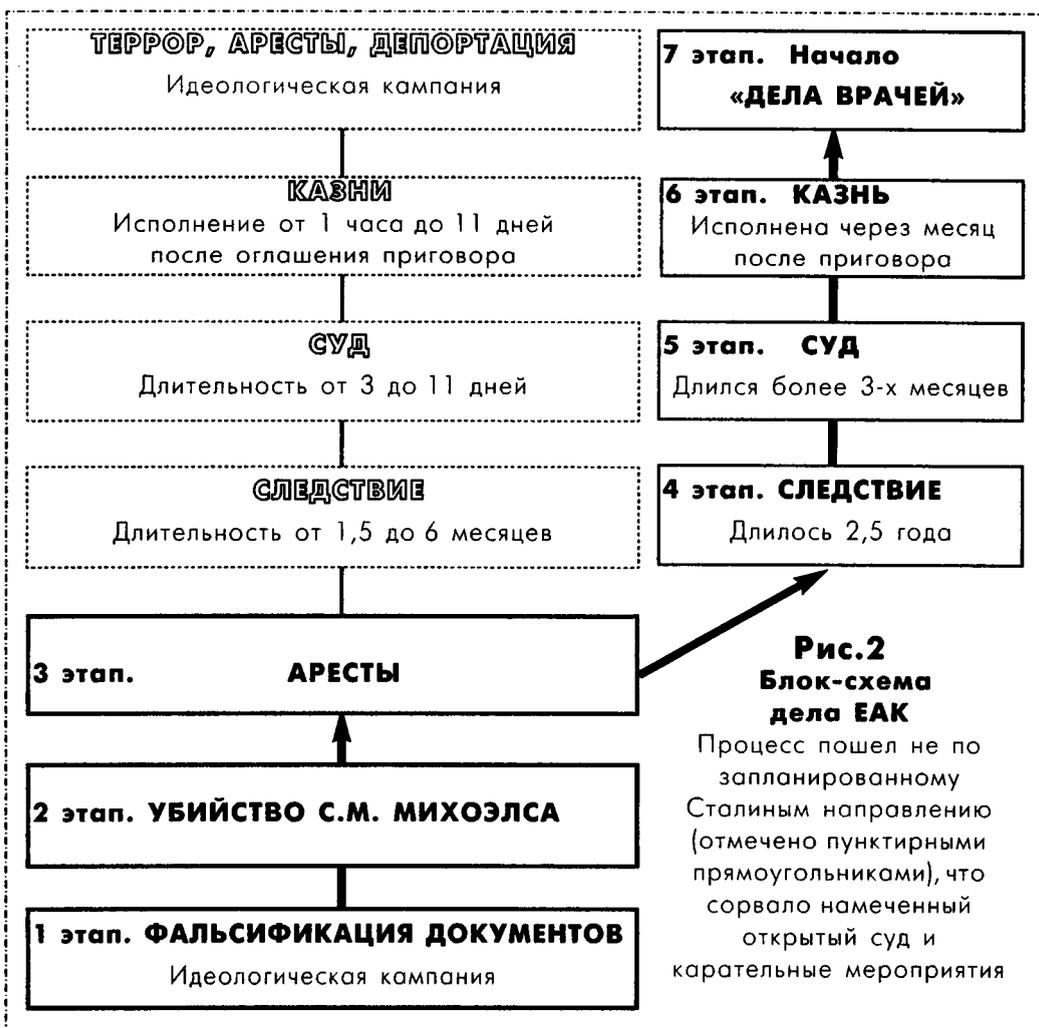
СССР было депортировано 11 национальностей полностью и 48 частично.

Опыта по депортации целых народов у Сталина не занимать!

После экскурса в тридцатые годы вернемся в пятидесятые и сравним способы осуществления сталинской политики, направленной на упрочение собственной власти в стране после Отечественной войны (так называемый период «Позднего сталинизма») с довоенными. Проведенное сравнение показывает, что Сталин использует в конце сороковых — начале пятидесятых годов те же самые методы, которые он применял при проведении политических процессов в тридцатые годы. Однако на этот раз, запустив машину террора, Сталин делает ставку на антисемитизм. Ближе к революционным годам и годам индустриализации антисемитизм был не так популярен, однако в русском и украинском народе всегда тлело бытовое юдофобство, и поэтому еврей был самым удобным объектом для развертывания тотального террора. Сталин возвел антисемитизм в ранг государственной политики, поставив целый народ вне закона, чем создавал все условия для его физического уничтожения. Стержнем всего плана должен был стать открытый судебный процесс. Сталин считал, что антисемитизм, апробированное временем и российской историей средство, не подведет. Выбрать объект преследования не составляло труда — Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) во главе с великим артистом и общественным деятелем С.М. Михоэлсом.

Дело Еврейского антифашистского комитета началось в 1946 г. Сначала все пошло по Сталинскому плану (см. рис.2):

1 этап. Подготовка к арестам началась с фабрикования компрометирующего материала о «националистических проявлениях некоторых работни-

ков ЕАК», подготовленного МГБ (ноябрь 1946 года), и развертывания космополитической кампании в средствах массовой информации. Все газеты и журналы обвиняли евреев в насаждении космополитизма, в симпатиях к Западу, в том, что они предают интересы Советского Союза (1948 год). В печати, по радио, с театральных подмостков евреев иначе как «беспаспортными бродягами» и «людьми без роду и племени» не называли. Эта антиеврейская кампания внушала подавляющему большинству населения, что во всех его бедах виноваты евреи. Создавался образ врага. Таким образом, характер агитационной кампании теперь

носил не партийно-политический, а националистический характер.

2 этап — Убийство председателя ЕАК С.М. Михоэlsa. Готовя открытый показательный процесс, Сталин не мог не понимать, что С.М. Михоэls помешает успешному осуществлению его планов, хотя бы потому, что мировое общественное мнение немедленно распознает обвинение во вредительстве и шпионаже как клевету на Михоэlsa, и 13 января 1948 года по приказу Сталина С.М. Михоэlsa убивают.

3 этап. Аресты наиболее известных членов президиума ЕАК — ученых, поэтов, писателей, журналистов начались 13 января 1949 года. Был арестован и видный

государственный и партийный деятель, член ЦК ВКП(б) — С. А. Лозовский.

На этом этапе сходство с прошедшими в тридцатых годах процессами кончается. Рассмотрим, в чем заключаются эти отличия, чем они вызваны и к каким последствиям привели.

4 этап. Следствие по «Делу Еврейского антифашистского комитета» затянулось на три года (с января 1949 по март 1952 г.), в отличие от непродолжительных следствий (от 1,5 до 6 месяцев) в тридцатые годы. Это дает основание говорить о сопротивлении, оказанном следствию членами ЕАК. Они не пошли на самооговор, не покорились домогательству следователей. Б.А. Шимелиович и С.А. Лозовский категорически отрицали предъявляемые им обвинения в национализме и терроре. А это означало, что открытый, показательный суд организовать не удалось и с евреями из ЕАК приходится расправиться без шумихи.

5 этап. Закрытый судебный процесс начался 8 мая 1952 г. Согласно открывшимся через 37 лет документам (стенографический отчет о проходившем процессе и публикация в «Известиях ЦК КПСС», 1989г. №12) 5 из 14 обвиняемых отрицали свою вину полностью и заявили, что их показания были даны под физическим воздействием со стороны следователей. Затем к ним присоединились все. Даже И. Фефер, агент Лубянки, исполнявший все три года следствия отведенную ему роль обвинителя, начал отказываться от своих показаний, чем окончательно запутал судей. 11 июля суд вновь возобновил свои заседания, а еще спустя неделю, 18 июля был оглашен приговор, который фактически был вынесен не судом, а Политбюро ЦК задолго до начала судебного процесса. К расстрелу были приговорены все осужденные, кроме Л.С.Штерн, которая была приговорена к лишению свободы. С.Л. Брегман умер в тюрьме, не дожив до конца суда.

Однако цель, которая ставилась перед открытым судилищем, — подготовить общественное мнение страны к запланированной расправе над евреями — не была достигнута.

6 этап. Приведение смертного приговора в исполнение было произведено не так, как это практиковалось на предшествовавших ранее политических процессах, а лишь через месяц после его вынесения Военной коллегией Верховного суда СССР.

7 этап. *Открытый судебный процесс над ведущими членами «Еврейского антифашистского комитета», запланированный на 1950 год, не состоялся, и это сорвало осуществление планируемого Сталиным тотального террора и депортацию еврейского населения.* Теперь эти карательные мероприятия были перенесены, как завершающий этап «дела врачей-вредителей», которое активно фабриковалось в это время в недрах МГБ.

Над евреями за всю их многовековую историю не раз нависала опасность полного уничтожения. Сталин решил использовать эту карту для укрепления своей власти. Но проиграл. *Отработанная методика репрессий дала осечку из-за противостояния, которое оказали несколько евреев хорошо налаженной машине уничтожения. Значительность этого поступка до сих пор не оценена по достоинству.*

Теперь перейдем к тому, что произошло во второй половине 1952 года. Уже пошел пятый год с начала осуществления сталинского плана упрочения собственной власти, заключавшегося в том, чтобы насадить тотальный страх в стране. Однако карательные органы не выполнили в срок поставленную перед ними задачу. Организация открытого судебного процесса над деятелями ЕАК провалилась. Приходится начинать все сначала. И Сталин дает санкцию на фабрикацию нового дела — «дела врачей-вредителей», которое развивается по той же методической схеме, что и все

предыдущие дела и которое должно было закончиться открытым судебным процессом с признанием обвиняемыми своей вины, их казнью и тотальным террором с погромами и депортацией еврейского населения. Однако и этот план, составленный Сталиным, также не был реализован.

Для того чтобы понять, что же помешало его осуществлению, давайте обратимся к системному анализу (Рис.3), иллюстрирующему развертывание «дела врачей-вредителей».

Схема процесса над «Врачами — убийцами в белых халатах» убедительно иллюстрирует, что сначала все идет по отработанному плану.

1 этап. Как и в предыдущих процессах, в «деле врачей» подготовка к арестам ведущих медиков страны началась с пропаганды, носившей явный юдофобский характер. Периодическая

печать, от газеты «Правда» до журнала «Крокодил», пестрела еврейскими фамилиями в разнородных статьях о халатности, разгильдяйстве, семейственности и других грехах, в каких только можно обвинить человека.

2 этап. Уничтожение лиц, которые могли бы помешать проведению следствия и показательного открытого процесса, было осуществлено ранее. С.М. Михозлс убит, а Б.А. Шимелиович расстрелян.

3 этап. Аресты среди врачей начались в начале ноября 1952 года, а 13 января 1953 года из сообщения ТАСС «Арест врачей-вредителей» явствует, что группа врачей — М.С. Вовси, В.Н. Виноградов, М.Б. Коган, Б.Б. Коган, Я.Г. Этингер, П.И. Егоров, А.М. Гринштейн и Г.И. Майоров обвинялись во вредительском лечении руководителей государства, получая указания через

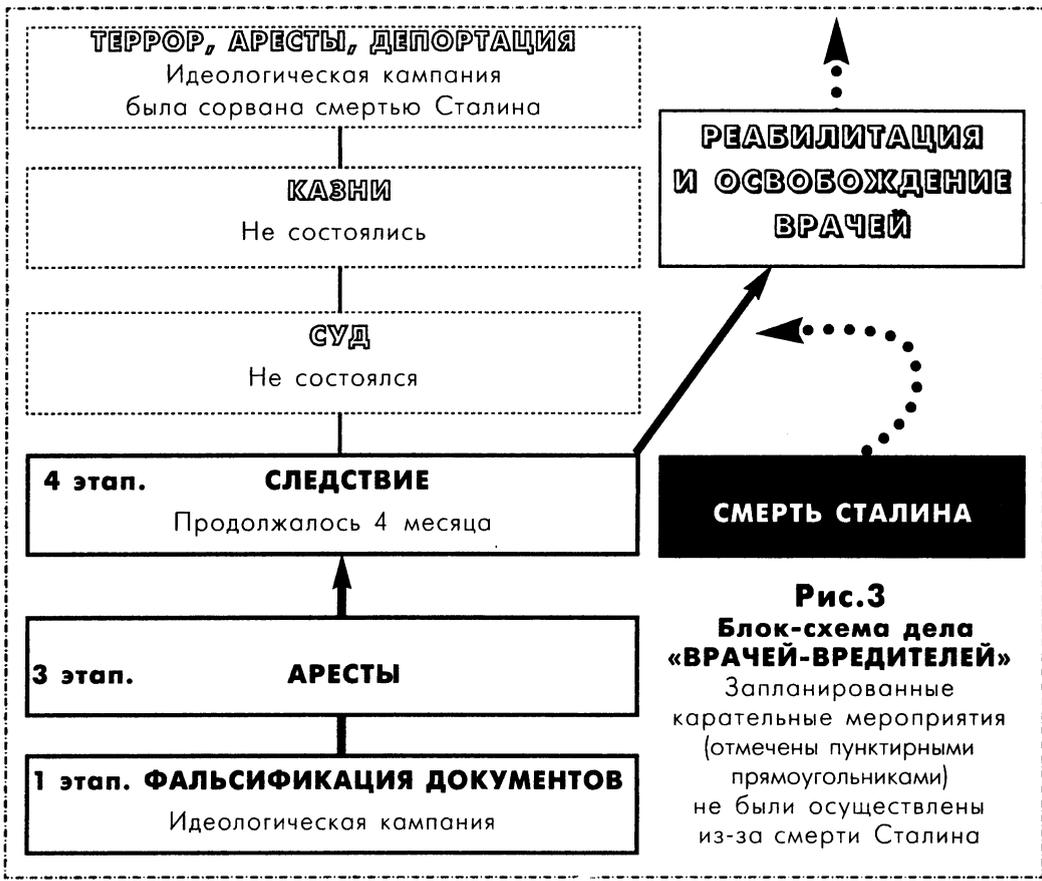

Рис.3
Блок-схема дела «ВРАЧЕЙ-ВРЕДИТЕЛЕЙ»
Запланированные карательные мероприятия (отмечены пунктирными прямоугольниками) не были осуществлены из-за смерти Сталина

врача Шимелиовича и буржуазного националиста Михоэлса.

4 этап. Следствие с применением пыток и моральных средств воздействия набирало скорость, чтобы как можно быстрее подготовить материалы к открытому, показательному обличительному процессу над «врачами-отравителями».

Все, как в довоенные годы. Сталин был почти у заветной цели: «Следствие будет закончено в ближайшее время — сообщало ТАСС.

Средства массовой информации активно нагнетают враждебность к будущим подсудимым. Еще не было суда, а подследственные уже были «подлыми убийцами, подонками человеческого общества, людьми с обросшими шерстью сердцами, зверьми в облике врачей, трижды проклятыми убийцами, изуверами, иудиной шайкой, преступной и омерзительной бандой». В травлю будущих подсудимых включаются писатели, журналисты, рабочие, служащие, военные, колхозники, соревнуясь между собой в ругани и обливании грязью, причем не только будущих подсудимых, но и всех евреев. Этот период подготовки к открытому судебному процессу зафиксирован во многих документах, свидетельствующих о разжигании национальной розни и готовивших страну к еврейским погромам и депортации евреев.

Проведенный нами системный анализ в сочетании с имеющимися документами позволяет с большой достоверностью сделать логический вывод о смертельной опасности, нависшей тогда над евреями. Этот наш вывод подкрепляет свидетельства будущих исполнителей планируемой депортации — Н. Булганина, тогда занимавшего пост Министра обороны, получившего указания лично от Сталина, и Н.Н. Полякова — секретаря комиссии по депортации, которые уже были опубликованы в СМИ.

Оставалось немного до открытого процесса, казней, погромов и депортации. *Но на этом этапе сходство с прошедшими в тридцатых годах политическими процессами кончается.* Следственный процесс внезапно прерывается, арестованных врачей полностью реабилитируют и 4-го апреля 1953 года выпускают на свободу.

План Сталина не реализовался.

5 этап. Уже были установлены сроки проведения открытого судебного процесса над врачами;

6 этап. Уже были намечены места, где будет осуществлена казнь «преступников»;

7 этап. Начались дополнительные аресты среди врачей в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Челябинске, когда начались разговоры о предстоящем выселении евреев и о составленных списках для выселения, когда атмосфера вокруг евреев сгушалась с каждым часом: оскорбления в общественных местах, беспричинные избиения детей в школе, увольнения с работы, начиная от директоров предприятий, институтов, заведующих лабораториями, начальников цехов и кончая рядовыми работниками. Неукротимо приближался, как это уже было в тридцатых годах, тотальный террор по всей стране и на всех социальных уровнях, о чем говорят набравшие интенсивность массовые аресты и «справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями пространств Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера».

Что же остановило карательную машину? Что предотвратило депортацию евреев в 1953 г.? На сей раз планы Сталина сорвались из-за вмешательства, можно сказать, Высших сил — Сталин умер. Смерть Сталина 5 марта 1953 года произошла в дни Пурима, когда евреи празднуют чудесное избавление еврейского народа от уничтожения. *Смерть Сталина сорва-*

ла намеченный и почти подготовленный открытый показательный судебный процесс и следующий за ним тотальный террор и депортацию евреев.

Случайно ли? А может, в этом рука Провидения?

Скорее всего, это результат героизма нескольких людей, противопоста-

вивших себя, свою жизнь черной силе Сталина!

*ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ
И БЛАГОДАРНОСТЬ!*

ЖИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕ МЕНЕЕ ДОСТОВЕРНО, ЧЕМ МЕРТВАЯ БУМАЖКА!

Над евреями за всю их многовековую историю не раз нависала опасность полного уничтожения. Сталин решил использовать эту карту для упрочения своей власти. Но проиграл. Отработанная методика репрессий дала осечку. Сталина остановила собственная смерть, и его человеконенавистнические планы оказались нереализованными, точнее, не полностью реализованными. Среди нереализованных планов Сталина числится и депортация советских евреев.

В системе доказательств, говорящих о наличии у Сталина планов депортации евреев, помимо примененного мною системного анализа (см. «Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид», 1995, Иерусалим) значительное место занимают и свидетельства людей, бывших очевидцами тех или других событий, которые прямо или опосредованно могут представить ряд данных о готовившейся Сталиным депортации евреев.

В противовес моему подходу к обсуждаемому вопросу, Г. Костырченко, а за ним С. Мадиевский, И. Коршевер, А. Цициашвили категорически отрицают наличие в планах Сталина такого развития событий в 1953 году после «дела врачей-вредителей». Г.В. Кос-

тырченко категоричен: «Миф о депортации», — он считает, что этот «миф» возник в начале пятидесятых годов как «легенда времен холодной войны», разносившаяся народной молвой «леденящими кровь слухами и толками», и возродился через сорок лет во время «взрыва» еврейской эмиграции из СССР, когда вновь начал «широко муссироваться пропагандистский миф о якобы готовившейся в конце жизни Сталина депортации евреев». «Антидепортационным» аргументом, по мнению Г.В. Костырченко является и то обстоятельство, что до сих пор, несмотря на тщательные поиски, «не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка».

Если комиссия по депортации действительно существовала, то от нее должна была остаться документация. Где она? Г. Костырченко особо отмечает, что специально проведенное исследование архивных документов Министерства путей сообщения не подтвердило концентрацию товарных вагонов для перевозки ссыльных на подъездных путях Москвы и других крупных городов. Г. Костырченко пытается подвести под свое мнение и политическую базу — еврейская депортация поставила бы страну перед необходимостью отказа от коммунистичес-

кой идеологии, освящавшей государственное единство советских народов.

В любом историческом расследовании неизбежно возникают какие-то пробелы, противоречия, — и вывод необходимо делать на основании анализа всей суммы факторов. Отрицатели же планов Сталина депортации евреев не анализируют все имеющиеся факты, а концентрируют свое внимание только на бумажке, выходят прямоком на обобщение и, как мне видится, ложное заключение.

Наша дискуссия по этому вопросу носила бы чисто академический характер и ограничилась решением о правомерности делать те или другие выводы в исторической науке на основе системного подхода к тому или иному историческому явлению и живых свидетельств, если бы не политическая ее подоплека. Я считаю, что выплеск на страницы газет, книг и журналов сенсационного материала, отрицающего целенаправленное уничтожение целого народа, на руку политическим экстремистам, организациям и политическим образованиям чужденоненавистнического толка. Как это на руку всем тем, кто пытается реабилитировать Сталина и его коммунистическую камарилью, кто сегодня варит политическую похлебку, от которой отдает густым юдофобским духом, кто проповедует сталинские «успехи» и не хочет даже вспоминать, что все они замешаны на крови и несчастье миллионов. Абсолютно уверен и в том, что этот тезис о выдуманности возможной депортации подхватят и те, кто отрицает наличие запланированной, хорошо организованной, и, к сожалению, реализованной Катастрофы европейского еврейства.

И все же, как же сегодня, спустя полвека, при столь скудных данных определить, планировал Сталин депортацию евреев или нет. Обосновать наличие каких бы то ни было планов крайне трудно. Но и доказать их отсут-

ствии на том основании, что нет документов о планировании депортации, ни в коем случае нельзя. Ссылки на отсутствие документов, подтверждающих наличие у Сталина плана депортации евреев, несостоятельны. История как наука не смогла бы существовать, если бы документ был единственным подтверждением того или иного события. Много ли документов, как таковых, осталось от событий древности? А если и остались, то когда эти документы были найдены? Сразу же после того, как произошло событие, или много веков спустя? Меж тем, история рассказывает нам о событиях, и не подтвержденных документально. В пример можно привести открытие, которое сделал Генрих Шлиман. Он в середине XIX века нашей эры раскопал Трою и обнаружил существовавшую в XV — XIII веках до нашей эры могущественную и развитую Микенскую цивилизацию на основании нескольких строчек в «Илиаде» Гомера, жившего в VIII — VII до нашей эры. А меж тем Гомер был всего лишь слепой странствующий певец.

Но не будем обращаться к древности. Возьмем наше время. В конце войны гитлеровцы спешили уничтожить и скрыть следы преступлений, но не успели. А если бы успели? Ведь до сих пор в архивах СС, СД, вермахта и других официальных организаций гитлеровской Германии не найдены документы о строительстве газовых камер и инструкции по методике удушения в них евреев в лагерях уничтожения, как не найдены документы о «научных» разработках по определению эффективности «Циклона Б» или о распорядке «работы» расстрельных команд, уничтожавших евреев, цыган, советских военнопленных, партизан... Только сторонники совершения таких преступлений могут усомниться в том, что гибель шести миллионов евреев — исторический факт.

Спекулирует на отсутствии документов получивший скандальную известность «историк» из Англии — Дэвид Ирвинг. Этот современный популяризатор фашизма и реабилитатор Гитлера подвергает сомнению уничтожение гитлеровцами 6 миллионов восточноевропейских евреев. И на каком основании? Да на том же: нет документов, которые изобличили бы Гитлера в том, что он лично отдавал Приказания об уничтожении евреев. Нет такого приказа. Не найден документ, в котором говорилось бы о массовом уничтожении евреев вообще или об организации лагерей смерти. Он начисто игнорирует факт, установленный исследователями германского фашизма, что очень многое в нацистской практике письменно не документировалось. В своих книгах Ирвинг (а их у него более 30) полностью изъясил слово «Холокост» и упорно называет Освенцим не лагерем смерти, а «принудительно-трудовым» лагерем. Далее Ирвинг утверждает, что для сжигания в печах трупов убиенных евреев необходимо было много топлива, а подвоз топлива в таких количествах в Освенцим документально не зарегистрирован. И это при том, что остались «вещественные доказательства» существования крупнейшего лагеря, состоящего из 300 жилых бараков, 5 стационарных и 2 временных крематориев с газовыми камерами «мощностью» 10 000 человек в сутки.

Напомню последователям Г. Костырченко — С. Мадиевскому, И. Коршеверу и другим ревнителям необходимости бумажного подтверждения для установления исторического факта уничтожения людей — слова израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана (декабрь 1961 г.) — организатора и вдохновителя истребления евреев: «Мы уверены, что в руках Эйхмана находился документ, содержащий приказ Гитлера об уничтожении евреев. Этого приказа у нас нет...» Отсутствие

этой «бумажки» не остановило правосудие в признании виновным Гитлера, его пособников и Эйхмана в том числе, в истреблении еврейского народа. Было бы не лишним привести и выдержку из речи Гимmlера, которую он произнес в Познани 4 октября 1943 г. перед командирами СС: «Здесь я буду говорить с вами совершенно откровенно... Между собой мы будем говорить открыто, хотя никогда не сделаем это публично... Я имею в виду изгнание евреев, уничтожение еврейского народа. Лишь немногие из присутствующих знают, что это значит, когда лежит груда трупов — сто, пятьсот, тысяча трупов... Это славная страница нашей истории, которая никогда не была написана и никогда не будет написана».

Даже на проведенном в предместьях Берлина Гросс-Ванзее совещании генеральных директоров Министерства оккупированных территорий на Востоке, Министерств юстиции, внутренних дел, ответственных представителей фашистской партии и Главного управления госбезопасности (январь 1942 г.), где решила участь евреев Европы, физическое истребление евреев было замаскировано термином «окончательное решение» (Endlosung). На отсутствии «бумажки» и основывают противники реальности Холокоста свои «умозаключения» о недостоверности гибели 6 миллионов евреев.

И уж если в педантичной Германии не сохранились документы периода гитлеровского правления, то что говорить о Советском Союзе вообще и особенно о «периоде позднего сталинизма». Тот факт, что в советское время, и до Сталина, и, тем более, при нем — документы уничтожались или фальсифицировались, не вызывает сомнения ни у кого. А историк Рой Медведев считает, что советская история на 80% базировалась не на документах, а на устных приказах и распоряжениях. Широко бытовало так называемое

«телефонное право», не оставившее никаких следов. Где сегодня документы, предписывающие выселение крымских татар? Их депортировали из родных мест за считанные часы. Где эти инструкции, на основании которых собрали в каждом населенном пункте все население на сходку, окружили автоматчиками, сообщили о выселении, отпустили по домам только женщин на час, чтобы они собрали кое-что в дорогу, что смогут унести, и захватили с собой детей и стариков, загрузили всех в машины, всунули в теплушки и вывезли в Казахстан. Вспомним и о том, как чеченцев и кабардинцев в день празднования советской армии 23 февраля вызвали в клубы, окружили войсками и вывезли подчистую. Где эти документы, где эти бумаги, заверенные печатями и подписанные генералами? Раз сам товарищ Сталин приказал без шума выселить целый народ, — значит, у него были на то бесспорные основания. А всякого рода бумаженции вроде предписаний, ордеров на аресты — это пустые формальности, за которые цепляются только буквоеды. Главное — не рассуждать, а вовремя выполнить приказ и донести об исполнении.

В подкрепление проведенному мною системному анализу считаю целесообразным представить читателю свидетельства, подтверждающие мою точку зрения о том, что у Сталина было намерение осуществить депортацию евреев не только в начале 1953 года, но еще в 1950 — 1951 годах. Это свидетельства очевидцев. Свидетельства очевидцев, воспоминания людей, как бы субъективны они ни были, для историка не менее важны, чем документы, а иногда они и точнее.

Интересно отметить, что Г. Костырченко в своей последней книге «Тайная политика Сталина» упоминает о том, что уже в 1949 году Л. А. Шатуновская и Е. И. Долицкий, которые после тра-

гического убийства С.М. Михоэлса и закрытия ЕАК были арестованы, предвидели возможность «важнейшей насильственной политической антиеврейской акции» массовой депортации советских евреев в биробиджанскую тайгу. Это предположение возникло в результате той атмосферы, которую они встретили в ходе следствия. Однако Г. Костырченко посчитал их предположения наивными и не подкрепленными фактами, и даже сейчас не придает им значения.

Ниже мы приводим свидетельства, которые были нами собраны при личном контакте или при изучении печатных источников.

Свидетельство первое

Приложение к газете «Вести» — «Окна», за 1996 год. В статье «Последняя тайна режима на стр. 32 читаем свидетельство Иегошуа Гринфельда из Нетании:

«После демобилизации я работал на железной дороге, на станции Моши (товарная станция г. Черновцы) в должности зав. грузовым двором.

Был конец декабря 1949 года. Каждое утро на моем столе лежала почта, которую начальник станции мне направлял для исполнения.

Между всеми бумагами я нашел телеграмму, если мне память не изменяет, за подписью зам. министра путей сообщения Гундобина. Прочитав ее, я не понял сразу, о чем речь, но, несмотря на это, до сих пор помню ее содержание: «Всем, всем, всем начальникам дорог, начальникам отделений, начальникам станций, зам. начальников станций по грузовой, начальникам вагонных депо: при предъявлении заявок от органов по переселению населения предоставлять незамедлительно вагоны для отправки переселенцев до ст. Биробиджан»

Подпись зам. министра ПС.

Я телеграмму взял домой и показал ее своему знакомому, пом. прокурора Черновицкой области, еврею, который тоже читал и перечитывал ее несколько раз, пытаюсь понять, о чем речь. Только в 1953 году мы поняли смысл этой телеграммы».

Свидетельство второе

Израиль, осень 1999г. Моя встреча с семьей Порудоминских — Владимиром, Надеждой и двоюрод-

ной сестрой Володи — Мирой (урожденной Шур). За праздничным столом, посвященном дням Суккот, идет разговор о выпущенной ими книге («*Die Juden von Wilna*»), составленной на основании найденных после войны записей убитого гестаповцами и их литовскими пособниками отца Миры, Григория Шура, о судьбе Вильнюсского гетто, полностью уничтоженного гитлеровцами в 1944 году, о жизни в Вильнюсском гетто под игом эсэсовцев, об их соседе Денисии Нэверксвиче — поляке по национальности, спасшем Миру, тогда 12-летнюю девочку, о соседях по квартире, дому, улице, уничтоженных в горниле гитлеровского геноцида.

Во время этих посиделок, как это неизбежно происходит с «русскими» иммигрантами, воспоминания перекидываются на сталинские времена, на неспокойные пятидесятые годы, когда студент Московского Полиграфического Института Володя Порудоминский ухаживал за сокурсницей — обаятельной Надей Колосовой и дело шло к женитьбе.

Надежду, активную комсомолку с безукоризненной анкетой (русская, из трудовой семьи, отличница в школе и институте), направляют в парторганизацию института, и с мая 1950 года она выполняет там техническую работу. Секретарь парторганизации, получивший от студентов кличку «Мотя», для засвидетельствования прямой связи с «органами» щеголявший в гимнастерке и в галифе с сапогами, из самых добрых побуждений по отношению к очаровательной, исполнительной своей помощнице пытается ее отговорить от столь предосудительного, ничего хорошего не предвещающего поступка — замужества со студентом Володи Порудоминским. Самым веским его аргументом было предупреждение, что их, евреев, скоро (1950 год!!! — Ф.Л.) вышлют из Москвы в места не столь отдаленные. На что Надя сообщает своему осведомленному патрону: «Ну что ж, вышлют, поезду с ним».

Зима этого же года. Окончив институт, проездом через Вильнюс, Володя Порудоминский — тогда солдат, проходивший срочную службу в танковых войсках, выкраивает время, чтобы забежать к своей сестре Мире, вернувшейся после войны на родное пепелище. Володю смутило обилие упакованных тюков, аккуратно стоявших в прихожей. На вопрос, куда собирается ехать только что обретшая покой и относительную стабильность ее семья (муж Яков, дочь Ольга), Мира сообщает об ожидаемом выселении всех евреев, о котором она узнала от заведующей поликлиники, где она работала, и которое подтвердила ее соседка-литовка по национальности. Чтобы быть к этому готовыми (учитывая горький опыт массовых гитлеровских депортаций), чтобы акция не застала их врасплох, они и собрались заранее в дальнюю дорогу.

Эти свидетельства — отображение реальных событий и настроений, вошедших в еврейскую жизнь. Такое выдумать невозможно. Конечно, это не бумажка, которую можно подшить к делу. Однако я считаю, что это вполне правомерный вид информации для исторической науки.

Напомним читателю, а заодно и тем, кто не нашел, роясь в архивах, документальных доказательств планируемой Сталиным депортации евреев, что это был 1950 год. Теперь-то мы знаем, что к тому времени уже целый год в следственных камерах Лубянки и Лефортово варилось дело и готовился открытый суд над деятелями Еврейского антифашистского комитета, и надо было готовиться к его заключительной фазе — казни, погромам и **депортации**.

Сейчас, через полвека, трудно найти бумажку, на основании которой хорошо информированные доброжелатели из парторганизации престижного учебного заведения Москвы, кующего кадры для советских средств массовой информации (радио, газет, издательств), или из поликлиники в Литве почерпнули эту информацию.

Может быть, и сейчас лежит где-нибудь эта бумажка-распоряжение, но все так закамуфлировано, что современному «историку» не понять ее тайного смысла.

Опять обращусь к организатору депортаций евреев в годы Второй мировой войны — Эйхману. «На мой взгляд, нужно вспомнить нацистскую терминологию», — пишет Эйхман, пытаясь прокомментировать термины, встречающиеся в документах того времени, в инструкциях-приказах об уничтожении евреев. — «Речь идет о словах со скрытым смыслом: «особые процедуры», «отправка на Восток», «рабочие мероприятия на Востоке». Никто, кроме тех, кто работал на конечных пунктах этой «отправки» не понимал истинного значения этих

слов, введенных в употребление Гиммлером и подчиненным ему гестапо, которое отвечало за работу концлагерей».

А может, и бумажки не было, а был доверительный телефонный разговор или личное распоряжение вышестоящего начальника начать готовиться к акции, чтобы она и исполнителей не застала врасплох. Искать документы, подтверждающие то или иное событие, нужно, и я уверен, что со временем они выплывут на свет божий. Но для меня свидетельство В. Порудоминского — уважаемого литератора, честнейшего человека, его жены и сестры имеют отнюдь не меньшее значение для доказательств наличия у Сталина планов депортации евреев. Планов, которые он собирался осуществить еще в 1950, в крайнем случае — в 1951 году. Живое свидетельство никогда не теряет своего значения при анализе и оценке исторических фактов.

Как известно, открытый политический процесс над деятелями ЕАК не состоялся, что сорвало планы Сталина — организацию погромов и депортацию евреев. Тогда, в 1953 году, эти карательные мероприятия были перенесены и должны были послужить завершающим этапом «дела врачей-вредителей», которое активно фабриковалось в недрах МГБ. Еще не было суда, а подследственные уже были «подлыми убийцами, подонками человеческого общества, людьми с обросшими шерстью сердцами, зверьми в облике врачей, трижды проклятыми убийцами, изуверами, иудиной шайкой, преступной и омерзительной бандой». В травлю включились писатели, журналисты, рабочие, служащие, военные, колхозники, соревнуясь между собой в ругани и обливании грязью, причем не только будущих подсудимых, но и всех евреев. Этот период подготовки к открытому судебному процессу над «врачами — убийцами в белых халатах» оставил множество документов,

свидетельствующих о разжигании национальной розни и готовивших страну к еврейским погромам и депортации евреев. Но Г. Костырченко, С. Мадиевскому и И. Коршеверу этого недостаточно, чтобы сделать логический вывод о смертельной опасности, нависшей над евреями. Они ставят под сомнение и свидетельства будущих исполнителей планируемой депортации — Н. Булганина, тогда занимавшего пост Министра обороны и получившего указания о ее подготовке лично от Сталина, и Н.Н. Полякова — секретаря комиссии по депортации (Я. Этингер).

Свидетельство третье

С. Гольдберг из Днепропетровска («Лехаим», апрель 2001).

В 1952-м или 53-м году я пришла к бабушке Ваксман Александре Анисимовне и застала ее расстроенной, испуганной. Она сказала, что в их доме по ул. Исполкомовской, 31 города Днепропетровска переписывали все еврейские семьи.

<...> Бабушка, помнившая еврейские погромы, говорила, что эти списки не к добру. Мне тогда было 14 лет. Я хорошо помню, как после смерти Сталина родные радовались, что теперь нас не вышлют.

Свидетельство четвертое

Симхович Михаил Израилевич (публиковался под псевдонимом Михаил Зорин), журналист, бывший в 1952 году корреспондентом «Литературной газеты» по всей Прибалтике. В статье «Депортация готовилась...», напечатанной в журнале «Лехаим», (август 2001), Симхович М.И., в частности, пишет: «В декабре 1952 года я встретился со своим другом Карлом Мартыновичем Граудиным — членом ЦК компартии Латвии, начальником политотдела Прибалтийской железной дороги, в то время корреспондентом «Правды» по Латвии, который мне поведал о готовящейся депортации всех евреев на Дальний Восток. Был создан штаб во главе с Суловым, который и готовил эту операцию. Эту информацию К. Граудин получил от Бориса Полевого, работавшего в «Правде» и близкого к высшим партийным кругам...

В конце февраля К. М. Граудин принимал участие в совещании руководителей железных дорог страны и начальников политотделов дорог. Руково-

дил совещанием М.А. Сулов. Присутствовал Маленков — но не выступал: сидел угрюмый и молчаливый. Сулов сказал, что в ближайшее время в стране будет проведена серьезная акция, к которой нужно готовиться руководителям железных дорог в отдаленных районах страны. Речь шла о Сибири, Казахстане, Оренбурге, Забайкалье. Слово «евреи» не произносилось. Сулов сказал, что за акцией, ее подготовкой и проведением внимательно следит товарищ Сталин. <...> После совещания друг К. Граудина, из партийных кругов Сибири, сказал ему, что «речь идет о депортации евреев в наши сибирские края». Начальник политотдела Московской окружной дороги рассказал Граудину, что провели дезинфекцию в товарных вагонах огромного эшелона, в которых везли на Восток пленных немцев. Теперь эти эшелоны будут двигаться без остановок на Восток, — сказал начальник политотдела. <...> Пробыть в вагоне пять-десять минут опасно для здоровья — кружится голова, болят и слезятся глаза, душит кашель, начинается рвота. И в этих вагонах собирались везти евреев. <...> 31 марта М. Симхович, будучи в Москве, навестил семью Михаила Матусовского. Известный поэт, участник войны, получивший тяжелые ранения, показав на валенки, тулупы, теплые вещи, мешки для постели, сказал гостю: «Смотри, мы готовились к печальному отъезду».

Свидетельство пятое

Цви Раз в статье «Несостоявшаяся акция Сталина». (Еврейский камертон, 21 февраля 2002 г.) в подтверждение достоверности планируемой невероятной крупномасштабной акции приводит свидетельство Героя Советского Союза Григория Ушполиса: «В то время мне и в голову не могло придти, что готовится депортация всех евреев страны...» В ЦК КП Литвы ему было поручено поехать на товарную станцию и проверить, в каком состоянии находятся эшелоны для отправки людей. Он ознакомился на месте с пустыми вагонами. Они были далеки от готовности. «Шедший со мной начальник товарной станции заявил, что, мол, «жиды» смогут и в таких вагонах отправиться на вечный покой... Мне стало ясно, что он считал меня литовцем. Поэтому был так откровенен».

Свидетельство шестое

Оксман Татьяна Михайловна, доктор медицинских наук, профессор, специалист по экспериментальной медицине, свидетельствует: «К концу окончания зимней сессии 1953 года, примерно в середине или в конце февраля мой папа, Оксман Михаил Семенович, приходил домой с работы чернее тучи, за-

мыкался в себе, ни с кем не общался. Он работал начальником отдела в управлении мостостроя Министерства транспортного строительства. После того, как мы с мамой к нему пристали, что случилось, папа сказал, при условии, что мы будем молчать: «Мы получили предписание готовить железнодорожные вагоны для того, чтобы вывозить евреев в Биробиджан. Им поручалось, как отделу, отвечающему за техническое обеспечение, ставить внутри товарных вагонов печки с выводом дымовой трубы в окошко». В это время в доме все находилось в постоянном нервном напряжении. Дома стало спокойнее только с момента смерти Сталина.

Отрицателей планов Сталина, касающихся депортации евреев после суда и расправы над «врачами-вредителями», не убеждает и брошюра, в которой передовая статья была написана штатным философом при ЦК КПСС Д. Чесноковым; эта статья обосновывает необходимость высылки евреев из промышленных районов страны. Правда, можно сказать, что ее никто воочию не видел и это плод больного воображения. Видел, господа сомневающиеся, я видел и читал ее многократно, от корки до корки. Я не только видел эту книжку, держал ее в руках, но даже больше — хранил ее у себя дома в течение многих лет, понимая значение этого изобличающего документа.

В брошюре помимо статьи Д. Чеснокова, клеймившей сионистов и националистов, готовых вонзить нож в спину трудовому народу, борющемуся за процветание человечества (за дословное цитирование не ручаюсь — прошло много времени), были опубликованы: Сообщение ТАСС от 13 января 1953 г. об аресте врачей-вредителей; погромная редакционная статья, напечатанная в газете «Правда» о «подлых шпионах и убийцах под маской врачей»; указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Л.Ф. Тимашук орденом Ленина «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц; перепечатаны статьи, уже нам знакомые, ранее

опубликованные в центральных газетах, журналах «Коммунист», «Новый мир», «Огонек» и даже «Крокодил». Среди авторов были М. Шолохов, М. Бубенов, А. Грибачев, О. Чечеткина, Е. Кононенко.

Несмотря на то, что хранилась у меня эта брошюра много лет, сегодня ее представить нет возможности и вот почему.

Свидетельство седьмое

Я, Лясс Ф. М., 1925 года рождения, еврей, врач по специальности, после ареста матери по делу «врачей-отравителей», Лившиц Е. Ф., выгнанной из Научно-исследовательского института, с сентября 1952 года по октябрь 1953 года работал в качестве заведующего здравпунктом Московского рубероидного завода. По характеру своей деятельности, кроме оказания первой помощи пострадавшим на производстве и проведения профилактических осмотров рабочих завода, я был обязан совместно с инженером по технике безопасности обходить все цеха завода и следить за технологией производства, контролировать выполненные рабочими и инженерным составом предписаний по соблюдению техники безопасности.

В апреле — мае 1953 года завод, изготовлявший картон для рубероида, работал на «макулатуре», привозимой из МГБ-КГБ. В этих случаях закрытые грузовые машины с охраной подкатывали прямо к рольному цеху, заводские рабочие из цеха удалялись, и «макулатуру» в роллы — аппараты, где она размалывалась между вращающимися ножами, сбрасывали «мальчики» (так их называли работницы, стоявшие на сортировочном конвейере, доставляющим макулатуру, тряпье и целлюлозу в роллы). При загрузке в роллы «макулатуры» КГБ-шного происхождения рецептура изготовления картонной массы нарушалась, о чем мне, сокрушаясь, говорил главный инженер завода, отдавая распоряжение о выбраковке готовой продукции.

Однажды я, зайдя в рольный цех, обратил внимание на гору высотой метра три из разорванных поперек брошюр в полосато-красной обложке. Это и была книжка Д. Чеснокова, которую общими усилиями «мальчиков» с привлечением работниц завода сбрасывали в роллы для уничтожения. Во время обеденного перерыва я прошел в цех и выбрал одну, не до конца разорванную брошюру.

Уже через много лет, году в 65, я ее показал профессору Темкину Я. С. — другу нашей семьи. Яков Соломонович проходил по «делу врачей-вре-

дителей» и был одним из главных обвиняемых, но в «Сообщение ТАСС» об аресте террористической группы врачей от 13 января 1953 г. не попал, так как по ходу следствия дал минимальные показания по инкриминируемым ему преступлениям и обвинению в терроре. Помимо разорванной книги Чеснокова я передал ему для чтения и «чистые листы» от тиража так и не увидевшего свет третьего номера журнала «Новый мир», посвященного смерти Сталина и тоже уничтоженного в роллах нашего завода, а также ряд рукописных набросков о моем понимании того, что впоследствии я издал в виде книги под названием «Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид». Через несколько дней я приехал к нему с желанием продолжить разговор о высказанной мною версии, и он сообщил мне, что все переданные ему записки и другие документы, и, естественно, указанную брошюру, он уничтожил.

«Мальчишка, дурак — сказал он мне тем безапелляционным тоном, которым он умел говорить. — «Ты что, не понимаешь, в каком государстве ты живешь? Ты что, не видишь, что все катится вспять? Ты хочешь пойти по пути мамы? А у тебя семья, жена, двое детей!».

«Дурак!» — смачно, как это мог делать только Яков Соломонович, произнес он.

«Не вздумай продолжать свои изыскания, да еще записывать. А если твои записки попадут в их руки...»

Возразить было нечего. Я. С. Темкин считался мудрым человеком. Так сгинул очень важный для истории фактический материал, явная улика против Сталина и его прихлебателей.

Зимой 2002 года я был в Москве и пытался найти эту книжонку в библиотечном фонде «книжной палаты», куда в те годы в обязательном порядке сдавалась издаваемая литература, но потерпел неудачу. По имеющимся у меня библиографическим данным — внешний вид обложки и ориентировочная дата выпуска (январь-февраль 1953 г.) — даже при доброжелательном отношении к моей просьбе найти указанную брошюру оказалось нереально, а книг записи поступлений такой давности в «Книжной палате» не хранят.

Я очень хорошо понимаю, что История не терпит сослагательного наклонения. Что было — то было. И все же: не умри вовремя Сталин — вполне возможно, что моя дискуссия о депортации с С. Мадиевским, И. Коршевером, А. Цициашвили и В. Баланом происходила бы не на газетных страницах в начале XXI века, а в середине

XX-го, в теплушке по дороге в никуда или — если бы мы туда добрались — в промерзшем бараке, на лесоповале на

Колыме. Вот там было бы время для обсуждения реальности сталинских планов депортации евреев.

Борис СЛУЦКИЙ

В январе 53-го

Я кипел тяжело и смрадно,
словно черный асфальт в котле.
Было стыдно. Было срамно.
Было тошно ходить по земле.
Было тошно ездить в трамвае.
Все казалось: билет отрывая
или сдачу передавая,
или просто проход давая
и плечами задевая,
все глядят с молчаливой злобой
и твоих оправданий ждут.
Оправдайся — пойдя, попробуй,
где тот суд и кто этот суд,
что и наши послушает доводы,
где и наши заслуги учтут.
Все казалось: готовятся проводы
и на тачке сейчас повезут.
Нет, дописывать мне не хочется.
Это все не нужно и зря.
Ведь судьба — толковая летчица —
всех нас вырулила из января.

ОБВИНЯЕТСЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Иосиф БЕГУН

ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В СССР. ИСТОРИЯ ГЕНОЦИДА

Свидетельство диссидента 1970-80 гг.

*Не всегда людей уничтожают в газовых камерах.
Масса еврейского народа уничтожается
теперь таким образом.*

Бен Гурион', 1949

«**К**огда говорят пушки, музы молчат». Когда в СССР расстреливали еврейских писателей, в стране замолкла муза еврейской культуры, а с нею и сам еврейский голос. Эли Визель назвал свою книгу о поездке в Советский Союз в начале 1960-х «Евреи молчания».

Март 1953 года положил начало большим переменам. Из ГУЛАГа освобожились тысячи невинных, в родные края из ссыльных далей возвращались «наказанные народы». Но дело еврейских писателей не было, очевидно, таким простым. На XX съезде КПСС, где Хрущев осудил репрессии культ личности, дело ЕАК названо не было, все документы о нем были закрытыми до конца советской власти.

Вероятно, на то были свои причины. Следует сказать, что ВЧК-ОГПУ-МГБ проводили репрессии против разных национальных организаций, и дело ЕАК, при всей его чудовищности, не было уникальным. Так что же было в этом деле ЕАК, что заставляло власти так тщательно замалчивать его? На мой взгляд, такой причиной была еврейская культура. В многонациональной советской импе-

*'Из выступления главы правительства Израиля на параде в Тель-Авиве в 1949 году.
(цит. по книге Г. Костырченко «Тайная политика Сталина», М, 2001, с.506).*

После заседания работников искусств Москвы.

Справа налево сидят: С. Ротбаум, С. Михоэлс, И. Москвин, В. Зускин

рии национальный вопрос (а также культура как его важнейший фактор) стоял всегда очень остро. Обнародование столь чудовищного преступления, каким было дело ЕАК, поставило бы на повестку дня необходимость радикальных мер для устранения причин, которые способствовали этому. Но власти, оставаясь верными своей «интернациональной» идеологии, отнюдь не были готовы к тому, чтобы дать евреям условия для восстановления их национальной жизни. Это требовало, прежде всего, реставрации национальной культуры еврейского народа.

МЕНЬШАЯ СРЕДИ РАВНЫХ

К истории еврейской культуры в СССР

Лишь при существовании отдельных наций и рас возможно процветание человеческой цивилизации... все, что отрешается от национальной почвы, осуждено на бесплодие.

Из Декларации «Об-ва по распространению просвещения между евреями». 1863 г.

К еврейской культуре у советской власти всегда было (мягко говоря) подозрительное отношение, таким же оно сохранялось и тогда, когда публиковались стихи и повести талантливых еврейских писателей на языке идиш, а Михоэлс и Зускин покоряли зрителей своей непревзойденной игрой на сцене ГОСЕТа.

Февральская революция принесла русским евреям полные гражданские права и отмену черты оседлости, в то же время национальная культура евреев также переживала подъем. Сионистское движение, объединяя евреев вокруг великой национальной задачи возрождения еврейской родины и общего для всех евреев языка — иврита, в решающей мере способствовало пробуждению большого духовного потенциала русского еврейства.

В начале XX в. идиш являлся родным языком большинства ашкеназских евреев. В то же время иврит возрождается как разговорный язык: открывались курсы и кружки для его изучения, традиционная религиозная начальная школа преобразовывалась в «образцовые хедеры», где преподавали и светские предметы. Перед революцией на территории России выходили 4 ежедневные газеты на иврите; в литературе появляются выдающиеся писатели и поэты: И.Л. Гордон, Х.Н. Бялик, С. Черниховский и другие. На языке идиш в это время творили такие классики еврейской литературы, как Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем, Шолом Аш и многие другие. Оба еврейских языка развивались на основе свободной конкуренции, занимая свое собственное место в многообразии национальной культуры. Вряд ли можно считать случайным, что именно в революционном 1917 году начали свой путь два еврейских театра, на иврите — Габима и на идише — Камерный (предтеча ГОСЕТа), ставшие вскоре всемирно известными.

Вскоре после Октября 1917-го наступил конец этому «золотому веку» еврейской культуры в России. Взяв власть, большевики объявили бескомпромиссную войну религии. Пророки всех религий оказались одинаково виновными перед победившим «божеством» марксизма, и синагоги закрывали с той же яростью нетерпимостью, как церкви и мечети. В этом отношении все народы СССР и в самом деле оказались равными, но, почти по Оруэллу — все «равны», но некоторые «равны меньше». Даже в эпоху вселенского большевистского «богоборчества» в школах продолжали изучать Пушкина и Льва Толстого, историю царствования Ивана Грозного и войны с Наполеоном. Ни русский язык, ни русская литература или история не были запрещены, в то время как гонения на еврейскую религию привели к тому, что вместе с запретом Библии и Талмуда вне закона оказалась вся еврейская культура. Старая или новая, она оказалась равно неприемлемой для новой власти.

Из резолюции Евсекции:

Отныне еврейские трудящиеся массы должны создавать свободную еврейскую культуру для самих себя. Первая Всероссийская Конференция еврейских коммунистов уполномочила... предпринять шаги в направлении систематической ликвидации институтов еврейской буржуазии... Сделав это, мы всего лишь осуществим шаги, необходимые для распространения коммунистических идей среди еврейского рабочего класса.¹

Так называемой Евсекции (Еврейской секции РКП(б)), в соответствии с ленинским определением о «двух культурах», было поручено руководство «пролетарской» еврейской культурой на языке идиш. «Другая» культура, создававшаяся на протяжении десятков веков, когда пролетариата еще не было, подлежала искоренению. «Евсеки» рьяно исполняли этот заказ властей, разрушая все национальные ценности, которые не вписывались в идеологию большевизма, пока в начале 1930-х Евсекция, завершив свою разрушительную роль, сошла с исторической сцены. Власти же продолжали проводить свою главную линию в еврейском вопросе — насильственную ассимиляцию, инструментом которой было лишение евреев национального образования (начиная с детского воспитания), ликвидация института еврейской общины (общепринятой в мире системы существования национальных меньшинств), тотальное ограничение доступа к основам национальной культуры (включая историю еврейского народа, язык, классическую литературу).

Результаты такой политики сказались быстро: уже довоенное, не говоря о послевоенном поколении советских евреев было полностью отчуждено от культуры своего народа, став «абрамами, не помнящими своего родства».

¹ Из «Еврейские комиссариаты и еврейские коммунистические секции. Протоколы, резолюции и документы, 1918-1921». (под ред. С. Агурского, Минск, 1928).

«ДЕЛО ЕАК» И ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Трагическая участь еврейской культуры в СССР выявилась в деле ЕАК с потрясающей ясностью.

Из приговора:

Преследуя свои преступные цели борьбы против национальной политики партии и Советского правительства, Лозовский, Фефер... по заданию еврейских националистических кругов США широко развернули... пропаганду национализма, используя для этих целей созданную при ЕАК еврейскую газету «Эйникайт», издательство «Дер-Эмес», литературные еврейские альманахи, еврейский театр и кабинет еврейской культуры при Академии наук УССР.

С неприкрытым цинизмом и жестокостью судьи и следователи относятся к еврейской культуре как орудиям преступления. По этой логике все эти институты культуры (театры, издательства, альманахи) подлежали ликвидации в обязательном порядке. Что, как известно, и было сделано. И даже задолго, за несколько лет до суда и приговора 1952 года, в соответствии с логикой тоталитарной системы: арестован — значит виновен!

А. Борщаговский, много работавший с документами по «делу ЕАК», дает яркую картину того злобного неприятия национальной культуры народа, которое

Члены ЕАК подписывают воззвания к евреям всего мира. Август 1941

по зову крови, по некоему врожденному национализму готовы изменить родине и идеалам коммунизма.

...Еврейское имя в представлении активистов Лубянки — реальная улика и основание для подозрения.

Послушаем повинные голоса арестованных по делу ЕАК.

«— За время пребывания в театральном училище (при ГОСЕТе. — А.Б.), — сказал Зускин на допросе 19 января 1949 года, — еврейской молодежи изо дня в день внушали мысль, что на нее возлагается ответственная миссия будущих еврейских деятелей, призванных продолжать, углублять и развивать еврейскую национальную культуру... Ассимилированную молодежь учили языку, еврейской литературе, истории еврейского театра...

— Стало быть, — нетерпеливо перебивает Вениамина Зускина числящийся в интеллигентах среди следователей Лубянки Рассыпнинский, — по существу, готовили кадры еврейских националистов?!»

Мыслим ли такой обвинительный, устрашающий вопрос следователя, если бы речь шла о школе МХА-Та, театральном училище Малого театра или Театра имени Вахтангова, об училище при Театре Руставели, о развитии и углублении русской или грузинской и любой другой национальной культуры?

«В Черновицах мы сумели возобновить (после освобождения города от гитлеровцев. — А.Б.) работу еврейской школы, — признавался, как в грехе, Давид Гофштейн. — При еврейском кабинете при АН УССР мы приступили к изданию еврейского словаря и популяризовали деятельность еврейского театра в Черновицах. Мы не конспирировали своих отношений с синагогой и посещали ее».

Как все просто, понятно и, я бы сказал, свято: восстановить уничтоженное фашистами, не порывать с церковь (синагогой)...

царило в следственных кабинетах Лубянки, чьи сотрудники были ревностными исполнителями приказов с самого кремлевского верха!

Чего ни коснись: науки, школы, еврейского ученого комитета при АН УССР, альманаха «Дер Штерн», переводчиков с еврейского и на еврейский, певцов-солистов и даже известных литераторов, пишущих на русском, но по происхождению евреев, — все специально было стянуто в один клубок, взято под подозрение в кабинетах Лубянки. Возникла атмосфера недобрых двусмысленностей, предположений, что эти литераторы

¹ Фрагмент из документальной повести А.Б. Борщаговского «Обвиняется кровь», М., «Прогресс», 1994.

«Блоштейн распространял среди евреев альманах «Дер Штерн», — продолжал свою исповедь Давид Гофштейн, — популяризовал в печати еврейскую школу в Черновицах, оказывал ей всемерную поддержку...»

И уже другой следователь, не Рассыпнинский, обрушивается на подследственного:

«Не только поддерживали, но вы и направляли ее работу в своих преступных целях!»

И выбитый из колеи подследственный винится:

«Вначале в этой школе обучалась незначительная группа еврейских детей, и мы прилагали все усилия, чтобы расширить школу, привлечь как можно больше учащихся...»

Допрашивал подполковник Лебедев, один из самых жестоких «забойщиков», его не расположишь к себе смирением и полупризнаниями; прервав поэта, он жестко фиксирует в протоколе: «Чтобы воспитывать молодежь в националистическом духе!»

«В стихотворении Гофштейна «Золотая осень», — информирует ЦК Фадеев¹, — автор восторгается «дорогими квадратными надписями на вокзал» (т.е. вывесками на еврейском языке). В стихотворении Гофштейна «Письмо к зарубежному другу» пророк Иезекииль является носителем утешения для терроризированного фашистами еврейского населения и провозвестником новой жизни; автор пишет: «Слышу этот голос, и глубоко в душе становится уютно».

Что спрашивать с «забойщиков» Абакумова, если первый (по номенклатуре!) писатель страны готов в одночасье у целого народа, у нации отнять ее легенды и ее историю, если под подозрение взят даже Иезекииль, вдохновивший Рафаэля и других великих художников и поэтов мира. Поистине, в докладную записку Фадеева, в этот жандармский рапорт входишь с предчувствием будущей грязи, злобы, соединенной с невежеством. Даже то, что судные по листажу, сиротские альманахи «Геймланд» и «Дер Штерн» в разделе очерков «публикуют главным образом» материалы, посвященные деятелям евреям, Героям Социалистического Труда, летчице Гельман, боксеру Механику, дирижеру Рахлину и т.д., представляется Фадееву достойным осуждения.

Сталин от самих писателей получил основание для упразднения еврейской литературы. Госбезопасность справилась бы с задачей и без Фадеева, но так акция казалась всею, не актом произвола, а государственной необходимостью, державным актом, учитывающим все, даже и финансовую убыточность еврейских альманахов. Репрессии в отношении всего еврейского писательского корпуса были, таким образом, освящены творческим союзом. ЕСТЬ ЭТО НЕ «КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОЦИД» В МАСШТАБАХ СТРАНЫ, ТОГДА И СЛОВО ГЕНОЦИД ЛИШЕНО СМЫСЛА (выделено мною, — И.Б).

А. Борщаговский смело (и убедительно, на базе документов самой Лубянки) срывает покровы с тщательно хранимой тайны: в последние годы сталинизма, в СССР творился акт культурного геноцида.

Но эту же мысль можно продолжить. Что происходило до этих «черных лет» открытой антиеврейской вакханалии, когда ликвидировали последние очаги еврейской культуры и расстреливали ее последних творцов? Речь идет о других периодах советской власти, относительно более «светлых» (по крайней мере, в отношении евреев). Такими были 20-е, 30-е годы, когда за творчество на языке идиш не расстреливали, когда работали еврейские театры, издавались книги, газеты и журналы на этом языке. Был или не был тогда геноцид еврейской культуры? Этот же вопрос относится и ко времени после XX съезда КПСС, когда в СССР вновь начали функционировать некоторые из элементов еврейской культуры на идише.

По существу, это вопрос о масштабах культурного геноцида евреев в СССР. Происходил ли он лишь в кульминационный период репрессий во время дела ЕАК, или как родовой признак характеризует и другие периоды тех 70 лет, когда русские евреи были «вместе» с советской властью?

А. Борщаговский

¹ А.А. Фадеев, Первый секретарь Союза писателей СССР в период «дела ЕАК», информировал Политбюро и лично Сталина о еврейских писателях, давал характеристики их произведениям.

Я не встретил ответа на этот вопрос в известной мне литературе. Даже в такой беспощадно правдивой книге, как «Обвиняется кровь» А. Борщаговского, где речь идет только о периоде «дела ЕАК». В солженицынском весьма обстоятельном труде «200 лет вместе» такая тема могла бы появиться, но его вторая часть, охватывающая советский период, так пока и не вышла.

В рамках этой статьи автор попытается рассказать о том, что он сам видел и знает как участник движения за возрождение еврейской культуры в 1970-1980-х гг. В рамках этого движения проводилось обучение ивриту, распространялся еврейский самиздат и проводилась иная разнообразная культурная деятельность. Событием этого движения стал симпозиум по еврейской культуре, подготовка к которому проходила в 1976 году, — но он был сорван властями. Движение это носило полностью диссидентский характер, запреты и репрессии со стороны властей непрерывно сопровождали его.

СНАЧАЛА ОНИ УБИЛИ... ИВРИТ

Национальная личность, прежде всего, обнаруживается в национальном языке, преследование языка является составной частью национального угнетения.

А.Г. Агаев. Нация, ее сущность и самосознание. «Вопросы истории». 1967, № 7

Равноправие наций в СССР, помимо всего прочего, заключается в том, что каждый гражданин волен обучаться и обучать своих детей на том языке, который он предпочитает.

Газета «Правда», 1972'

Первой жертвой политики запретов духовного наследия народа стал язык Библии, язык всей классической еврейской литературы. К середине 30-х иврит перестал существовать на территории Советского Союза, большинство деятелей культуры на иврите покинули СССР еще к середине 20-х. Среди них блестящий поэт Х.Н. Бялик («еврейский Пушкин», по словам А.М. Горького), театр Габима. Те, кто остался, надеясь на приход лучших времен, не только не дождались их, но, увы, многие из них разделили судьбу миллионов пленников ГУЛАГа.

К концу 30-х годов в СССР не существовало школ, где бы изучали какой-нибудь еврейский язык. Ни иврит, ни идиш.

Напрашивается сравнение между евреями в СССР и армянами, большая часть которых также живет вне своей национальной родины. Как сообщает Большая Советская Энциклопедия, «во всех армянских колониях имеются землячества, армянские школы, издаются книги, газеты, журналы». В 1969 г. в Ереване вышла в свет книга Сильвы Капутикян «Караваны еще в пути», где советская поэтесса, описывая свои встречи с соотечественниками в зарубежных армянских колониях Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, с гордостью рассказывает о национальных армянских школах в армянской диаспоре (спюрке):

Если меня спросят, что в спюрке больше всего потрясло меня, послужило для размышлений, наполнило верой и гордостью, — я отвечу: школа, армянская школа... Только в Бейруте, где сто с лишним тысяч армян, шестьдесят школ, в Дамаске, где три-четыре тысячи армян, — шесть школ. Там, где колония не насчитывает даже тысячи человек, все равно дети под школьной крышей приобщаются к месроповским письменам. /Месроп Маштоц — создатель армянской письменности; 405 г.н.э. /... Я успела побывать в пятидесяти двух шко-

¹ Цитата из статьи, опубликованной в «Правде» в конце 1972 г., когда в СССР широко отмечался 50-летний юбилей образования СССР.

лах, в разных городах... В каждом ученике — усилия родителей и учителей, битва и победа... Школа для зарубежного армянина — родина.

Но именно иврит, этот язык Библии и возрожденного еврейского государства, начали с конца 1960-х нелегально учить евреи всех возрастов, стремящиеся выехать в Израиль. В начале 1970-х я начал преподавать иврит частным образом (и занимался этим до своего ареста в 1977 году).

В марте 1977 года я был арестован по статье 209 УК РСФСР (паразитическое существование). Эта приснопамятная, унижительная статья использовалась властями и для преследования инакомыслящих. Именно по этой статье был осужден в свое время поэт Иосиф Бродский.

Бродский писал стихи «без разрешения» (он не был членом Союза писателей), я же занимался преподаванием иврита, так же не имея на то разрешения. Но, как полагается законопослушному гражданину, я обращался в финансовые органы, сообщая, что преподаю иврит (незапрещенная деятельность) и готов уплатить налог. В ответ получал отказы вроде следующего.

Московское городское финансовое управление
Кузнецкий мост, 16 103031, Москва,
12.06.1972 г. 05-043/771

... Как известно, в нашей стране «иврит» не преподается в государственных высших и средних учебных заведениях... Кроме того, Вы не имеете специальности преподавателя указанного языка, а законодательством разрешена лишь преподавательская практика. В этих условиях Черемушкинский райфинотдел не может принять Вас на обложение подоходным налогом.

*Зам. начальника Мосгорфинуправления (П.П. Стефанский)
Зам. нач. отдела госдоходов (А. Б. Логинов)*

Подобный путь обращений-отказов по вопросу преподавания иврита проходили тогда многие преподаватели иврита. Очередной отказ финансового органа еще раз подтверждал, что язык иврит в СССР де-факто вне закона.

Имели место и коллективные обращения на эту тему. В 1972 г. 8 частных учителей иврита посетили московский горком КПСС по поводу своего обращения о легализации своих уроков. Нам было разъяснено: «В нашем социалистическом государстве преимущественно пользуются общественные формы образования. Что касается частно-предпринимательской деятельности — она в принципе не поощряется». На наше возражение, что общественных форм для изучения иврита в СССР нет, инструктор Московского горкома партии тов. Машкова пожалала плечами: «Что поделаешь — татарской школы в Москве тоже не существует...» Мы получили еще одно свидетельство о политике запрещения иврита.¹

В 1972 году в СССР торжественно праздновали 50 лет создания СССР. Средства пропаганды и агитации буквально соревновались друг с другом, воспевая достижения национальных культур советских народов. Мне на глаза попала огромная, почти на полосу, статья в «Правде» под названием «Советский народ — новая историческая общность людей», автор которой, профессор С.Т. Калтахчан, с пафосом рассуждал о достижениях советской национальной политики. Цитата из его статьи приведена как эпиграф к этой главе статьи.

Это давало хороший повод написать в газету, что я и сделал, сообщив главной газете страны о полученных мною отказах в регистрации уроков ив-

¹ Прим. 2002 года. К месту обратить внимание, на то, что, спустя 20-30 лет после описанных событий, русские меньшинства в зарубежных странах протестуют против дискриминации их права на пользование русским языком. В основном это имеет место в странах СНГ, бывших республиках СССР. Своих собратьев за рубежом активно поддерживают власти и общественность России.

рита: «Быть может, это лишь местная инициатива чиновников райфинотдела?» — «наивно» вопрошал я.

Ответом из газеты меня не удостоили...

Но ответ, в конце концов, мне дали. Народный суд в июне 1977 г. осудил меня на 2 года ссылки за «уклонение от общественно-полезного труда». Юридический казус дела состоял в том, что меня судили за «уклонение от общественно-полезного труда», в то время как суд отказался признать мои уроки иврита в этом качестве. Для судьбы Авдонина (Пролетарский нарсуд Москвы) иврит и его преподавание, как род трудовой деятельности (наподобие преподавания английского или японского языков) не существовали. Было очевидно, что он имел на этот счет соответствующую установку «сверху».

Своим приговором суд создал прецедент запрета иврита, и в зарубежной прессе он получил название «суд над ивритом».

В «Матросской тишине» я пробыл под следствием 4 месяца. Томительное тюремное время разнообразит тюремная библиотека, откуда нам выдавали старые, замусоленные книжки. По моей просьбе мне принесли Расула Гамзатова. Читаю «Мой Дагестан», где Расул гордо повторяет слова своего отца, знаменитого акына Гамзата: «Прежде всего, ты — аварец, а потом — Расул Гамзатов». А вот и нечто прямо для меня: «Аварский язык — это самое дорогое, что у меня есть... Язык дан народу на вечные времена, его невозможно отменить...» Тюремщики и не подозревают, какую «крамолу» подсунули арестанту. Читаю про Дагестан и думаю: чем отличается еврей в Москве или Киеве от дагестанского горца? В моей тетрадке появляются пространные выписки из Расула Гамзатова. После аварского поэта я попросил книгу чукчи Юрия Рытхуе. И снова важная находка, в повести «Ленинградский проспект»: чукча — студент ЛГУ заявляет, что забыть родной язык, отказаться от него — все равно, что отказаться от родной матери...

До ареста я успел познакомиться с тем, что писала на эту тему армянка Сильва Капутикян. В тюрьме важно быть уверенным в своей правоте, и... вот оно, мое алиби, пусть даже только «литературное». На жестких тюремных нарах я вспоминал стихотворение армянской поэтессы:

*Мой сын, тебе я отдаю
Наследство, обещаю беречь,
Как ценный клад, как жизнь свою,
Армянскую родную речь!
...Храни его, да будет он
Так чист, как Арарат в снегах.
Храни его для всех времен,
Как незабвенный предков прах.
Ты защищай его везде,
Как защищал бы мать свою,
Придя на помощь к ней в беде,
Сражаясь за нее в бою.
Не запятнай же чистоты,
Куда бы ты ни правил путь,
И если мать забудешь ты,
Армянской речи не забудь!*

Арестантский этап на Колыму продолжался больше двух месяцев. В битком набитом человеческими телами вагонзаке невозможно писать. Но есть время думать. А что, если обратиться с открытым письмом к этим замечательным писателям, представителям национальных культур... Так возникло «Письмо из ссылки деятелям национальных литератур народов СССР». В пересыльных тюрьмах Транссибирской магистрали я записывал текст этого письма Сильве Капутикян, Расулу Гамзатову и Юрию Рытхее, где, воздавая должное их таланту и любви к своему народу, призывал их сказать свое слово в защиту гонимой еврейской культуры, ее языка и литературы. Была ли какая-то реакция адресатов, дошло ли до них мое послание, мне до сих пор неизвестно.

На отдаленном колымском прииске, где морозы доходили до -60о по Цельсию, мое сердце продолжало жечь наглое надругательство над святым правом народа знать свой язык. Как непосредственный свидетель события, я чувствовал не только право, но и долг рассказать о происшедшем. Повод не заставил себя ждать.

В небольшой приисковой библиотеке я обнаружил среди прочей периодики международные журналы «Курьер ЮНЕСКО» и «Проблемы мира и социализма» (что-что, а библиотечное дело было поставлено в СССР неплохо). Читаю и не верю своим глазам: в перечне языков, на которых они публикуются, был... иврит. Вот те на! Оказывается, в стране коммунизма нельзя изучать язык, на котором издаются такие журналы! В своем письме редакциям этих журналов я писал:

...Обращаясь к вам, я исхожу из того, что для вас не должно быть безразличным, существуют ли нормальные условия для пользования языками, на которых публикуются ваши журналы... Сам факт издания ваших многоязычных журналов — лишнее доказательство того, что свободное развитие национальной культуры является важнейшим правом каждого человека в каждой стране.

Во время моего колымского «сидения» в Белграде проходила встреча стран, подписавших Хельсинкский Акт о мире и сотрудничестве в Европе, где одной из центральных тем был вопрос о правах человека в СССР. В своем письме в адрес конференции я сообщал:

...Вот уже третье поколение евреев в СССР живет в условиях полного отсутствия каких бы то ни было форм обучения своему национальному языку. Нет школ, не издаются учебные пособия...

Был еще один, почти курьезный, повод для обращения к... почти коллегам — преподавателям русского языка за рубежом. Конгресс МАПРЯЛ (международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы) проходил в 1978 г. в Москве. Газеты писали об этом, многие с гордостью сообщали, что русский язык изучают миллионы людей по всему миру, на конгресс съехались «национальные организации руссистов» из 28 стран. Чем не повод напомнить из колымской глубинки о проблеме иврита в той самой стране, где проходил конгресс:

...Представьте себе на минуту, что в какой-либо стране изучению русского языка чинятся препятствия и запреты. Нетрудно догадаться, что вы с возмущением заявили бы свой протест... Я надеюсь, что вы согласны, что нравственные принципы самой русской литературы восстают против гонений на язык национального меньшинства.

Обращения такого рода редко имели непосредственный отклик. Но их писали в то время те, кто «не мог молчать», считая своим долгом являть миру свидетельство о том, что происходит в СССР. Вряд ли будет преувеличением сказать, что это были те капли, которые «точили камень» советского бесправия. Но «за все надо платить», и время для этого пришло, когда меня арестовали в 1982 году. Эти обращения в защиту языка моего народа стали, вместе с другими, доказательствами обвинения в клевете и антисоветской агитации.

СИМПОЗИУМ-1976

«Еврейская культура в СССР. Состояние. Перспективы»

К середине 70-х годов культурная составляющая еврейского движения набрала немалую силу. Активисты еврейского возрождения, вместе с тем, понимали, что влияние нашего движения ограничено. Массы ассимилированных советских евреев были по-прежнему отчуждены от духовных ценностей своего народа. Поэтому было решено провести открытое обсуждение (Симпозиум) по проблеме еврейской культуры в СССР. Симпозиум «Еврейская культура в СССР. Состояние. Перспективы» было намечено провести в конце 1976 г., но уже в марте началась активная подготовка. Оргкомитет выпустил манифест Симпозиума, где, в частности, говорилось:

На симпозиуме еврейской культуры. Стоит И. Бегун

Оргкомитет выпустил манифест Симпозиума, где, в частности, говорилось:
«Еврейская национальная жизнь в Советском Союзе практически отсутствует...
Евреи в СССР фактически лишены доступа к своей религии.
Советские евреи лишены доступа и к своей истории, книги по истории евреев не издаются в Советском Союзе.
Еврейский язык — иврит находится под фактическим запретом...»

Непрерывная антиссионистская пропаганда и почти полное отсутствие каких-либо публикаций с положительным упоминанием о евреях создали обстановку страха и униженности, когда любое проявление еврейства представляется многим евреям опасным и постыдным или тем и другим.

Но, несмотря на все это, появляются все новые признаки растущей тяги советских евреев к своей подлинной культуре и традициям. Учитывая этот интерес, группа энтузиастов решила начать подготовку к созыву в декабре 1976 г. симпозиума по теме «Еврейская культура в СССР. Состояние. Перспективы».

Немало зарубежных ученых, среди которых были мировые знаменитости, сообщили о своей заинтересованности принять участие в Симпозиуме, присылали тексты своих докладов. Но со стороны советских деятелей культуры ответы на приглашения принять участие, в большинстве случаев, получены не были, а когда приходили, то были отнюдь не дружественного содержания.

Характерным был отклик Министерства Культуры СССР. Зам. министра В.И. Попов заявил на приеме представителям Оргкомитета:

Вы подходите к этой проблеме не с национальных, а с националистических позиций. Поэтому не может быть и речи о какой-либо форме нашего участия в вашем симпозиуме. ...Хотя это не входит в компетенцию министерства культуры, я считаю необходимым выполнить мой личный долг и, подводя итоги, откровенно заявить вам, что как идеологическая концепция, так и характер ваших действий убеждают нас, что речь идет о действиях провокационного характера.

Другой официальный ответ, хотя и не столь высокого уровня, был получен в редакции журнала «Советиш Геймланд» (идиш, «Советская Родина»). Сознаюсь, что, когда мы шли на эту встречу, еще на что-то надеялись, ведь шли, казалось бы, к своим... Но главный редактор Арон Вергелис быстро расставил все по своим местам, назвав идею еврейского образования в СССР совершенно утопической.

— Ассимиляция?

— Да, это явление совершенно нормальное.

Был задан вопрос об изучении еврейской истории, на который А. Вергелис, на миг смутившись, ответил:

— Да, нам надо создавать еврейскую историю. На марксистских принципах. А когда мы уже прощались, сказал:

— Ни к чему хорошему ваша деятельность не приведет. Обыкновенным советским евреям вы только мешаете.

Так что с отечественными деятелями культуры Симпозиуму совсем не повезло. Что касается иностранных, то ближе ко дню открытия стало известно, что им отказано в визах.

Уже за месяц до намеченной даты открытия Симпозиума в дело вступили репрессивные органы, в квартирах проводились обыски, организаторов задерживали на улицах, допрашивали в прокуратурах... Одновременно с заявлением ТАСС о том, что «группа лиц разжигает в стране национальную рознь по заданию сионистских кругов», газеты запестрели заголовками о «расцвете еврейской культуры в СССР».

Обыск в моей квартире, проведенный в конце ноября, начался поздно вечером и продолжался до 10 утра. Изъяли около 100 наименований материалов — все, имеющее отношение к Симпозиуму, весь мой еврейский архив, копии еврейских самиздатских журналов, любое печатное или машинописное слово, имеющее отношение к евреям, Израилю. Обыски и тотальная конфискация всех еврейских материалов прошли на квартирах многих активистов.

Затем началась кампания устрашения, меня начали бомбардировать повестками в милицию и угрожать арестом за «паразитический образ жизни». За две недели до Симпозиума начались массовые отключения телефонов...

Среди конфискованных материалов были и доклады, подготовленные для обсуждения на Симпозиуме. Их было больше 50: по истории, культуре, религии и целому ряду других аспектов жизни еврейства. Лишь на одном из этих докладов хотелось бы здесь остановиться как имеющем отношение к нашей теме. Ниже приводится небольшой фрагмент из этого доклада.

Д. ФИШ

ЧТО ЧИТАЮТ СОВЕТСКИЕ ШКОЛЬНИКИ ОБ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

О Древней истории

В 5 классе ребенок впервые начинает изучать последовательный курс истории... у школьников закладываются представления о существовавших в древности народах, об их вкладе в развитие человеческой цивилизации. Этим представлениям суждено в будущем стать критерием в ценностном определении других народов, в формировании либо уважения к чужим традициям, культуре, религии, либо пренебрежения к ним.

Середина 1930-х гг. В «Истории Древнего мира» акад. Н. М. Никольского история евреев прослеживается в связи с описаниями завоеваний египетских фараонов, вавилонских и ассирийских царей, Александра Македонского. В разделах посвященных истории древнего Рима, особое внимание уделяется описанию восстания иудеев в I в. д.н.э. и их роли в падении Римской империи. Правда, это описание в духе того времени разделяет восставших против римского владычества евреев на «иудейских революционеров» и «иудейских эксплуататоров», на защиту которых якобы выступил римский гарнизон. Но пока в этом описании нет стремления «забыть» названия и понятия: Иудея, Иерусалим, евреи... Этот учебник имел целью воспитание ненависти к эксплуататорам, и он ее добросовестно выполнял. Национальной ненависти здесь нет.

Наступает 1940 г., и учебники профессора А. В. Мишулина по истории древнего мира прочно завоевывают школу, утвердившись в ней по 1953 г. В этих учебниках история евреев выделена в специальный пара-

граф «Царства Израильское и Иудейское», где в очень сжатом и сухом виде с материалистических позиций излагается история еврейского народа, начиная с завоевания Палестины, через царствования Давида и Соломона — к падению Израиля и Иудеи. В параграфе освещается география Израиля, его социальный строй, занятия населения, отмечается раннее появление письменности, значение Библии как священной книги для христиан и иудеев. Отдельные сведения по истории еврейского народа содержатся также в параграфах, посвященных истории Египта, Персии, Греции и особенно Рима. Здесь же рассматриваются восстания 66-70 гг. н. э. и 132-135 гг. как основные силы, подточившие могущество Римской империи... Таким образом, в учебниках 1930 — начала 1950-х гг. еще проявляется стремление, если не посеять уважение к еврейскому народу как носителю древней культуры, то, во всяком случае, хотя бы нейтрализовать проявление антисемитизма.

Но в *середине 1950-х гг.* наступает резкий перелом. С 1957 г. монополия на учебники для 5 класса стала принадлежать Ф. П. Коровкину, который получил за учебник сначала первую премию на открытом конкурсе учебников, а в 1973 г. — Государственную премию СССР. С этого времени названия Иудея, Израиль, Иерусалим окончательно исчезают со страниц учебника, а их место занимают названия, обозначающие не государства, а определенные территории: Междуречье, Месопотамия, реге — Палестина, а иногда и более безликое слово — провинция. И в результате ребенок получает из учебника курьезные сведения о том, что цари Вавилонии и Ассирии завоевывали города Месопотамии, а Александр Македонский покорил Палестину, что Римскую империю постоянно беспокоили восстания неизвестно в каких провинциях...

О новейшей истории

Одной из центральных проблем этого курса, который изучается в 9 и 10 классах, является проблема происхождения и становления фашизма... Существенный признак фашизма (не только германского) — антисемитизм не нашел отражения не только в определении фашизма, но и в раскрытии программы и деятельности гитлеровской партии. Много слыша, но не всегда читая о трагедии еврейского народа в годы Второй мировой войны, ребята в 16-17 лет проявляют к этому вопросу повышенный, хотя не всегда сочувственный интерес. Этот интерес должен быть удовлетворен материалом второго периода новейшей истории. Из учебника можно узнать о кровавом оккупационном режиме, установленном на этих территориях и даже об Освенциме, и даже о восстании 1 августа 1944 г., в Варшаве. Не хватило лишь места для рассказа о трагедии еврейского народа, не нашлось евреям места и в воспоминаниях об Освенциме, не существует для советских школьников и восстания в Варшавском гетто... Не было убийств, не было сопротивления... Да были ли они, евреи? И, не найдя ответа в учебнике, ученик, если он любознательный, обратится к популярной литературе на эту тему. Но, книги, всесторонне раскрывающие фашизм... выходили в 30-е годы и стали библиографической редкостью. Наша молодежь постоянно и целенаправленно бомбардируется антисемитскими брошюрами К. Иванова, Е. Евсеева. В. Большакова... в которых беззастенчиво поносится история еврейского народа. Эти брошюры выходят сотысячными тиражами. Приходится ли удивляться тому, что советские школьники принимают на веру не только то, что пишется в этих низкопробных брошюрах, но и то, о чем вслух, злобно, без стеснения толкуется на улицах и в транспорте тупыми обывателями...

«Педагогическая энциклопедия» недвусмысленно определяет, что общес образование, в частности, изучение истории», имеет своей целью... формирование научного мировоззрения и коммунистической нравственности». Какое же мировоззрение и какую нравственность формируют п о д о б н ы е «знания»?

В день открытия Симпозиума 21 декабря 1976 года я проснулся рано утром. Еще раз бегло перечитал свой доклад. В 8 утра я вышел из дома и сразу же был остановлен милиционерами, которыми руководил человек в штатском. Меня привезли в отделение милиции, где ограничились сообщением: «велено задержать». Меня содержали в милиции до позднего вечера, а трое последующих суток я находился под домашним арестом: на лестничной клетке все эти дни дежурили, сменяя друг друга, милиционеры. Таким же образом находились под стражей еще 16 человек, организаторов и докладчиков Симпозиума.

Надо ли говорить о чувствах, которые испытывали в те дни организаторы Симпозиума? Десятки людей потратили на его подготовку месяцы напряженного труда, бессонные ночи... Поражала наглость, с которой была проведена эта широкомасштабная репрессивная акция. Сама судьба

Симпозиума дала ответ на вопрос о состоянии и перспективе еврейской культуры в СССР.

В КГБ, надо думать, праздновали победу, «сионистская провокация» была сорвана. Но движение национального возрождения продолжалось. Доклады Симпозиума были опубликованы за рубежом. Один из них принадлежал писателю Эли Визелю (США) и назывался «Возрождение советского еврейства — мессианский взгляд».

Но до тех времен, когда эти пророчества начнут сбываться уже в последнем десятилетии XX века, должно было пройти еще немало лет. Для многих, в том числе для автора этих строк это время окажется наполненным тяжелыми испытаниями.

«ВЛАДИМИРСКОЕ ДЕЛО» И ЕВРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Национально-культурный геноцид выражается в мероприятиях и действиях, направленных против пользования национальным языком и против национальной культуры какой-либо группы населения.
БСЭ, 3 изд., т. 6.

В ноябре 1982 года я был арестован. Это был мой третий арест, и на этот раз мне предъявили тяжелую ст. 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда». Около полутора лет я провел в знаменитой Владимирской тюрьме под следствием, которое вело местное управление КГБ. Закрытый суд проходил в... клубе милиции, примыкавшем к тюрьме (Я слышал крики моих друзей, приехавших из Москвы, громко выражавших свое возмущение, что их не пропускают в «зал суда»). Приговор — «на всю катушку»: 12 лет — 7 лет лагерей строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет. Но перестройка Горбачева сократила его до 4,5 лет, в феврале 1987 года я был освобожден из Чистопольской тюрьмы.

Из обвинительного заключения Владимирского УКГБ:

Руководствуясь установками зарубежных сионистских центров и проживающих на Западе антисоветски настроенных лиц, направленных на разложение социалистического строя изнутри, Бегун, в силу своего враждебного отношения к Советской власти, в целях её подрыва и ослабления, опираясь на антиобщественные элементы, под видом распространения языка иврит, «приобщения» евреев к «национальной культуре», «борьбы за права еврейского народа» на протяжении 1974-1982 годов изготовлял, хранил и распространял антисоветскую литературу в виде «открытых писем», «обращений», «заявлений», «докладов», а также другие материалы, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

/.../ Кроме того, действуя в угоду реакционным кругам капиталистических стран и зарубежным сионистским центрам, Бегун в целях подрыва и ослабления идейно-политического единства советского общества, нанесения ущерба интересам СССР на международной арене, дискредитации его внутренней и внешней политики, путем устных бесед, а также распространения сионистской литературы, информационных и пропагандистских материалов, разжигал и возбуждал националистические и эмиграционные настроения среди советских граждан еврейской национальности, склонял их к выезду в Израиль, стремился внедрить в сознание окружающих его лиц тезис об «обособленности» и «исключительности» евреев.

т. 2, л. д. 5-12, 63-77, 80-109...

Бросается в глаза устрашающая терминология этого многостраничного следственного сочинения. Созданный в стенах КГБ в последние годы советского режима, он своей стилистикой, а нередко и текстовыми совпадениями поразительно напоминает соответствующие документы «дела ЕАК». Все те же «националистические настроения», «подрывная деятельность», «зарубежные сионистские круги»... Новое поколение следователей — сотрудников Владимирского УКГБ явно хорошо усвоили урок своих предшественников, работавших под началом Рюмина и Абакумова.

Как и в «деле ЕАК», «преступная деятельность» осуществлялась через посредство еврейской культуры. Пятьдесят лет назад она, «в целях подрыва и разложения», была использована своими непосредственными творцами — писатели, поэты, артисты: сочиняли поэмы, играли на сцене... Тридцать лет спустя, владимирские чекисты установили, что обвиняемый в тех же целях использовал еврейскую культуру «под видом распространения языка иврит и приобщения евреев к национальной культуре».

Да простится мне сравнение чудовишного дела ЕАК эпохи кровавого сталинизма с «Владимирским делом» последних лет эпохи застоя, оказавшимся для меня куда как более благополучным. Но в обоих делах так много общего, что его рассмотрение помогает лучше понять существо проблемы. Оба приговора пестрят обвинениями в сговоре с «еврейскими буржуазными» и «зарубежными сионистскими» центрами, также, как и в «деле ЕАК», у моих следователей не было никаких аргументов в подтверждение своих обвинений.

Из обвинительного заключения Владимирского УКГБ:

Иницируемая морально и материально, поощряемая зарубежными сионистскими центрами ... деятельность Бегуна И. З. по разжиганию и возбуждению националистических и эмигрантских настроений ... и, по существу, направленная на подрыв и ослабление Советской власти ... подтверждается:

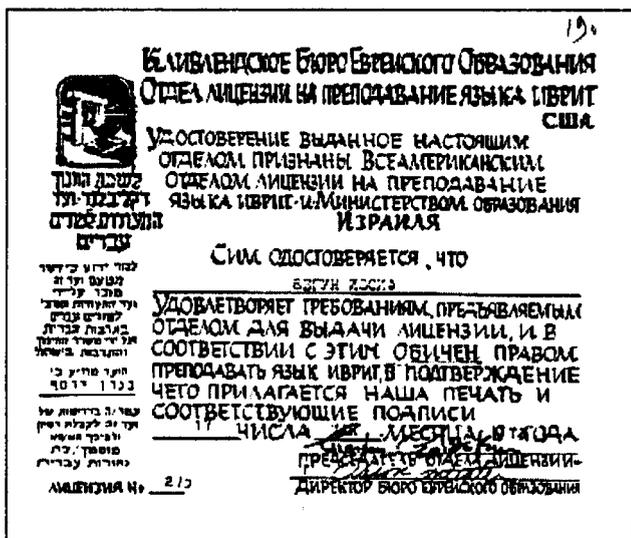
...Лицензией, выданной на имя Бегуна И. З. Кливлендским бюро еврейского образования (США) от имени министерства культуры Израиля, которым ему, в нарушение действующих международных соглашений о невмешательстве государств и отдельных групп во внутренние дела других стран, «предоставлено право» на преподавание в СССР языка иврит.

т. 2, л. д. 115 — 116.

Итак, лицензия на преподавание языка иврит в целях подрыва советской власти (!?). Воистину, это было бы смешно, если бы не было так грустно...

Я уже говорил выше, что, отказывая в регистрации частных уроков иврита, власти нередко мотивировали это отсутствием у преподавателя диплома. К слову, в СССР таких дипломов не существовало «по определению». И вот наши сердобольные соплеменники за рубежом решили прислать нам — преподавателям иврита такие «лицензии» — никого и ни к чему не обязывающий листок бумаги, где было сказано, что данное лицо обладает определенным знанием иврита, пригодным для обучения других. Какое-то моральное удовлетворение это могло принести, но не более того. Потом бумажку эту забрали на одном из обысков. Как оказалось — пригодилась!

Для доказательства «антисоветской деятельности» в моем деле следователи использовали классическую лубянскую схему. В разряд «националистической», «подрывной» деятельности попадало любое заявление, высказывание о положении еврейской культуры в СССР, любая научная статья, критика, содержащая даже простое упоминание о том, что советские евреи лишены доступа к своему национальному духовному наследию.

В своем докладе для Симпозиума я хотел осмыслить положение национальной культуры советских евреев, сравнивая ее с ситуацией других национальных меньшинств. Я понимал, что намеченная тема была весьма чувствительна для советской идеологии. Тень статей УК об «антисоветской пропаганде» витала над моим пером... Выход, казалось, был в том, чтобы построить доклад на базе советской литературы — что могло быть более доказательным? Я приводил немало ссылок и цитат из солидных, стопроцентно правильных источников.

«Интернационализация культуры, выступая в качестве ведущей тенденции, отнюдь не препятствует полному развитию национальных культур...»¹

«Творчество Пушкина, Репина... составляет в первую очередь неотъемлемую часть сокровищницы русской культуры и только через эту культуру становится достоянием всего человечества...»²

«Новая форма этнической общности — советский народ — образуется не путем «вычитания» из целого национальной специфики, а путем творческой интеграции. Чувство интернационального не отменяет чувства национальной принадлежности и национальной гордости...»³

А Ганди сказал просто и красиво: «Я хочу, чтобы ветры всех культур веяли свободно вокруг моего дома, но я не хочу, чтобы какой-нибудь из них свалил меня с ног».

Вся эта идеологически выдержанная «теория» дополнялась примерами из реальной жизни этнических групп в разных странах: баски и каталонцы в Испании, аборигены (лопари, саами) в Скандинавии, кельтские народы Британских островов, зарубежные поляки, японцы в США, курды в Ираке и Турции...

Я приводил также фрагмент о «великодержавной политике маоистов»⁴, направленной на «насильственную ассимиляцию некитайских народов», которая проявлялась в «изгнании монгольского языка из школ», «замалчивании тибетской истории», «искоренении национальных и религиозных обычаев уйгуров и казахов».⁵

Важным мне казалось представить в докладе данные о национальных меньшинствах народов СССР. Среди них о зарубежных армянах и их связях с Арменией⁶:

В спюрке (армянской диаспоре) почти все называют национальным — национальная школа, национальная лечебница, национальный родильный дом, национальный приют для престарелых... Все, что идет из Армении, как периодически переливаемая кровь, обновляет и укрепляет час за часом иссякающий без этого обновления организм спюрка.

Был в моем «националистическом» и проповедующем «обособленность евреев» докладе и материал о русской колонии в Турции, насчитывающей несколько сот семей, которые в 1740 году после поражения восстания под руководством Игната Некрасова ушли сначала за Дунай, а затем в Турцию. Лишь в советское время большая часть казаков-некрасовцев вернулась в Россию.⁷

Чужой язык и нравы, национально-политический гнет не сломили волю русских людей... Через всю странническую жизнь некрасовцы пронесли с собой горячую любовь к Родине, традиции предков, жемчужины народного творчества... Среди иноземных наречий свято берегли русское слово. Брак с иноверцем карался смертью...

¹ Ю.А. Бромлей, В.И. Козлов, *Современные национальные процессы в СССР (к пятидесятилетию образования Советского Союза)*, Симпозиум «Нац. проблемы в современном мире» М., 1972.

² Н.Н. Чебоксаров, *Проблемы типологии этнической общности*, «Советская этнография», № 4, 1967.

³ И. Кон, *Национальный характер — миф или реальность?* «Иностранная литература», № 3, 1969.

⁴ *В то время у Сов. Союза были плохие отношения с Китаем.*

⁵ Сб. «Национальный вопрос в Китае», АН СССР, М., 1971.

⁶ С. Капутикян, «Караваны еще в пути», «Дон», М., 1969.

⁷ Ф. Тумилевич, «Казаки-некрасовцы», «Дон», № 8, 1958.

Все эти многочисленные аналогии из жизни национальных меньшинств в разных странах и разные эпохи весьма убедительно подчеркивали ужасающее отсутствие всего национального в жизни евреев в стране Советов. Вывод из моего доклада — на основе книг советских авторов, изданных в СССР, — напрашивался сам собой, был абсолютно логичен и вполне соответствовал энциклопедическому определению этой ситуации как национально-культурный геноцид (БСЕ, т. 5., «Геноцид»).

Несмотря на все мои старания «читать Уголовный Кодекс», они оказались втуне, следователи КГБ были начеку, и на процессе 1983 года именно этот доклад (для несостоявшегося Симпозиума 1976 года) лег в основу обвинения в подрывной деятельности.

Из обвинительного заключения владимирского УКГБ:

Во второй половине 1976 года в связи с подготовкой к проведению в декабре того же года в городе Москве собрания просионистски настроенных лиц под предлогом обсуждения на т.н. «симпозиуме» вопроса «О состоянии и перспективах еврейской культуры в СССР» Бегун, руководствуясь установками подрывных сионистских центров, направленных на распространение порочащей советскую внутреннюю и внешнюю политику дезинформации, разжигание националистических чувств и антисоветизма, разложение социалистического строя путем создания внутренней оппозиции, в целях протаскивания враждебных взглядов написал для выступления на этом сборище «доклад» под названием «Роль национально-культурного фактора в жизни национальных меньшинств», в котором, объявляя сионизм основной «истинной еврейской культуры», подвергает нападкам национальную политику Советского государства, извращает советскую действительность, возбуждает ненависть к СССР, клеветнически утверждает о том, что в Советском Союзе якобы проводится «национально-культурный геноцид» в отношении граждан еврейской национальности.

т.т. дела 4, 6, 7

Я специально предварил этот пункт обвинительного заключения пространной выдержкой из своего доклада для Симпозиума 1976 года, чтобы показать, насколько безосновательно (а точнее — беспардонно-нагло) следователи возводили столь тяжкие обвинения на пустом месте. В самом деле, литературный обзор по советским публикациям основных положений национальной политики в СССР, а также информация о жизни национальных меньшинств в странах мира и сделанный из этого логический вывод о состоянии еврейской культуры в СССР возведен в ранг преступного деяния, совершенного по установкам *зарубежных сионистских центров* в целях *подрыва и ослабления советской власти* (!?).

Повторю еще раз — все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Ведь из этих словесных упражнений следователей владимирского КГБ областной суд вынес приговор: 12 лет лагерей и ссылки. Приговор был утвержден высшей судебной инстанцией — Верховным судом РСФСР, жаловаться было некуда.

Очевидно, что следователи Владимирского УКГБ смогли проделать такую работу лишь по команде с самого «верха». Пытаясь понять первопричину, следует, видимо, перенестись мысленно в атмосферу тех лет: первая половина 1980-х — это годы, когда престарелая брежневско-андроповская руководящая гвардия чувствовала уже свой тупик — экономический, политический, военный. Обстановка тех лет: война в Афганистане, реставрация холодной войны, растущее инакомыслие в стране, шатания в соцлагере, наконец, экономический застой, — все это требовало каких-то действий. Но Михаил Горбачев еще не был готов...

Говорят, история повторяется — второй раз в виде фарса. Тогда, в начале 80-х, явственно ощущался возврат сталинских времен начала 1950-х. Об этом напоминала обстановка тех лет: война в Корее, холодная война с Западом, стареющий, маниакально боящийся за свою власть кремлевский вождь. Тоталитарная власть не может существовать без «врагов»... В конце 1940-х для этой цели был выбран ЕАК. В начале 1980-х для этого были использованы активисты еврейского наци-

онального движения, была проведена целая серия процессов над преподавателями иврита и другими культурными активистами. Распространяемая по всем каналам массовой информации антисюионистская и антиизраильская пропаганда создавала идеальный фон для таких процессов. Во Владимирском процессе 1982-83 гг. роль агента зарубежных сионистских центров была предоставлена мне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТАК БЫЛ ЛИ КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОЦИД?

Если сопоставлять обстоятельства двух процессов, разделенных тремя десятилетиями, нельзя не поразиться множеству аналогий. Отметим вкратце только некоторые из них:

1. Антисюионистская подоплека советской политики ярко присутствует в обоих случаях. Национальное еврейское движение — сионизм был изначально как кость в горле идеологии «интернационального» большевизма. В закрытом советском обществе положительные чувства любого еврея к своей родине воспринимались как антипатриотические, антисоветские и т.п. Неудивительно, что ключевым словом обвинения в обоих процессах было слово «националистический», которое, по карательной юриспруденции того времени несло в себе априорное обвинение в тяжком преступлении.

2. Оба дела стали результатом роста национальных чувств и еврейского самосознания, которые вполне естественно получали сильный импульс как следствие создания и достижений молодого еврейского государства. Наиболее яркие события этого рода — приезд в Москву посла Израиля Г. Меир в 1948 году и победоносная Шестидневная война Израиля 1967 года. О «черных годах» сталинизма хорошо известно, но весьма показательны в этом смысле аресты и процессы начала 1970-х против зарождающегося движения за выезд в Израиль.

3. Человек любой национальности неотделим от своей национальной культуры. При желании обвинить за это — даже совершенно невинного — очень удобно. И следователи в обоих процессах широко пользовались этим. В ход идет все, даже... сантименты к нуждающемуся соплеменнику. Нелишне заметить, что приемы такого рода имеют давнюю историю: кровавый навет, приверженность еврея своей вере, религиозным традициям. В советской России 20-х и последующих лет ивритская культура была объявлена вне закона, за нее жестоко карали, даже убивали. В «черные годы» сталинизма пришел черед и для советской еврейской культуры на языке идиш (абсолютно правоверной режиму). Этот же недостойный прием использовался не раз в процессах против участников еврейского движения 1960-1980-х гг.

«Владимирское дело» 1982 г. было одним в череде таких дел, когда следователи не преминули использовать еврейскую культуру в той же роли «орудия преступления». Для следствия нет большой разницы в том, какой род «преступного орудия» используется: повести, стихи, театральная постановка на языке идиш или статьи, обращения, доклады на русском языке. Сценарий следствия одинаков в обоих процессах: еврейская культура — преступна сама по себе, ведь она «националистична», пропагандирует «исключительность евреев», ее используют сионисты... и именно ею пользова-

лись обвиняемые для враждебной советской власти деятельности в целях ее «подрыва» и «разложения».¹

Александр Борщаговский в своей повести-исследовании по делу ЕАК «Обвиняется кровь» (1994 г.) восклицает, не мог не воскликнуть: *это «культурный геноцид в масштабах страны!»*. Писатель делает свой вывод, знакомясь с рассекреченными спустя 40 лет протоколами допросов деятелей еврейской культуры. Речь в повести идет о событиях и явлениях последних лет правления Сталина.

В 1970-х, на основе личного опыта участия в еврейском движении тех лет, я убедился (это мог сделать каждый, кто не был предубежден) в том, что в отношении евреев в СССР имеет место культурный геноцид. Изучение общедоступных сведений и фактов подтвердили это убеждение. Все это дает основания повторить вслед за А. Борщаговским, что в СССР имел место *геноцид еврейской культуры*, добавив при этом, что он проводился *на протяжении всех лет советской власти*.

¹ *Небезинтересно в этом плане отметить явно не случайную общность не только между лубянскими и владимирскими следователями, но также и авторами расхожих книг и брошюр антисионистской пропаганды тех лет, где широкому читателю популярно разъясняли, что сионисты используют лозунг «еврейская культура» для «вторжения без оружия» на территорию СССР.*

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

ВЕК

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.
Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребенка
Век младенческой земли —
Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.
Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.
И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
И горячей рыбой плещет
В берег теплый хрящ морей.
И с высокой сетки птичьей,
От лазурных влажных глыб
Льется, льется безразличье
На смертельный твой ушиб.

Шломо ГРОМАН
Журналист (Израиль)

Нехама Лифшиц: «МНЕ ЗАПРЕЩАЛИ ПЕТЬ НА ИДИШ»

Москва. Морозный февраль 1958 года. О еврейской культуре в СССР нельзя сказать даже, что она лежит в руинах. От нее, кажется, не осталось и следа. Пять с половиной лет назад расстрелян цвет еврейской творческой интеллигенции. Вслед за ивритом, фактически, запрещен идиш. До создания рафинированно-кастрированного журнала «Советиш геймланд» ждать еще три года...

В советской столице идет Всесоюзный конкурс артистов эстрады. Конферансье объявляет: «Нехама Лифшицайте, Литовская филармония. Народная песня «Больной портной». На сцену выходит маленькая хрупкая женщина и начинает петь на идише.

Председатель жюри Леонид Осипович Утесов ошеломлен: звучит его родной язык! Он встал, подался вперед, непроизвольно потянувшись сквозь стол к сцене, да так и застыл в этой позе до конца песни.

Кроме Утесова в жюри Валерия Барсова, Николай Смирнов-Сокольский, Юрий Тимошенко (Тарапунька) и Ирма Яунзем. Их вердикт: первая премия присуждается Нехаме Лифшицайте!

Родилась Нехама в 1927 году в Ковно (Каунасе) в семье еврейского учителя и детского врача Юлда Лифшица. Перед войной проучилась несколько классов в ивритской гимназии. Дома говорили на идише. Юлд хорошо иг-

Н. Лифшиц

рала на скрипке, под звуки которой семейство во главе с мамой Басей пело песни на идише и иврите.

Уже тогда Нехама мечтала стать еврейской певицей. Но когда ей было 13 лет, Литву оккупировали Советы. Еврейские театры, газеты, школы были закрыты.

Девушка начала петь по-литовски, по-русски, по-украински, по-польски и... по-узбекски. Дело в том, что в начале Второй мировой войны семья эвакуировалась в кишлак Янгикурган, где Нехама работала воспитательницей в детском доме и библиотекарем. (Лет

тридцать спустя Нехама, закончив свою сценическую карьеру, поступит учиться на отделение библиотековедения Бар-Иланского университета и успеет дослужиться до должности директора Тель-Авивской музыкальной библиотеки имени Фелиции Блюменталь.)

После возвращения в Литву в 1946 году Нехама поступила в Вильнюсскую консерваторию. Педагог Н.М.Карнович-Воротникова воспитала свою ученицу в традициях петербургской музыкальной школы, где исполнительский блеск сочетался с глубинным проникновением в образ.

Миниатюрная женщина с удивительно мягким и нежным голосом вывела на сцену персонажей, от которых зритель был насильственно оторван в течение десятилетий — еврейскую мать, лелеющую первенца, старого ребенка, свадебного весельчака-бадхена и синагогального служку-шамеса, ночного сторожа и бедного портного, еврея-партизана и «халуца», возрождающего землю предков. И вся эта пестрая толпа соединилась в ее концертах в один яркий многоликий образ еврейского народа.

В 1951 году Нехама Лифшиц дала свой первый концерт. Чуть позже она стала первой в СССР исполнительницей, включившей в свой репертуар песни на иврите.

Специально для нее писали талантливые композиторы и поэты. Александр Галич, вдохновленный ее искусством, обратился к еврейской теме. Благодаря ей его песни получили международную известность. Она первой вывезла записи песен Галича за рубеж. А вот Владимир Шаинский, начинавший как еврейский композитор, посотрудничав немного с Нехамой, наоборот, переключился целиком на песни для «русских» детей.

«После победы на всесоюзном конкурсе, — рассказывает Нехама, — у меня появилась надежда, что вокруг меня

что-то возникнет, что-то будет создано... Но после пятнадцати концертов в Москве, в которых участвовали все лауреаты, мне быстро дали понять, что ничего не светит: езжай, мол, домой».

Одиннадцать лет колесила Нехама по всему Советскому Союзу. И в районных клубах, и в Концертном зале имени П.И.Чайковского ее выступления проходили с аншлагами. Повсюду после концертов ее ждала толпа, чтобы посмотреть на «еврейского соловья» вблизи, перекинуться фразами на мамэ-лошн, проводить до гостиницы...

Но везде, где можно было как-то отменить выступление Нехамы, власти не отказывали себе в этом удовольствии. Каждую программу прослушивали, заставляли певицу отдавать все тексты с подстрочниками.

— В Минске, — вспоминает Нехама Лифшиц, — вообще не давали выступать и, когда я пришла в ЦК, мне сказали, что «цыганам и евреям нет места в Минске». Я спросила, как называется учреждение, где я нахожусь, — мол, я-то думала, что это ЦК партии. В конце концов, мне позволили выступить в белорусской столице, после чего в газете появилась рецензия, в которой говорилось, что «концерт был проникнут духом национализма».

Кишинев принимал Нехаму радушно. Здесь жили и творили друзья Нехамы — замечательные еврейские писатели Мотл Сакциер и Яков Якир. Теперь представительство Еврейского агентства (Сохнут) в Молдавии возглавляет дочь Нехамы Лифшиц. Роза Бен Цви-Литаи — редкой красоты, ума и обаяния женщина, свободно владеющая ивритом, идишем, русским, литовским, английским языками. На этом ответственном посту ярко проявляются ее организаторские способности. Профессиональный фотохудожник, она обладает магнетическим даром сплачивать вокруг себя творческих людей.

В конце 1959 года Киев после долгих «раздумий» соизволил организовать восемь концертов Нехама.

— Надо сказать, столица Украины даже Аркадию Райкину устраивала проблемы, славилась она в этом отношении. У меня в программе была песня «Бабий Яр». Спустя восемнадцать лет после того, как Бабий Яр стал могилой стольких евреев, я на сцене запела об этом. Причем самой мне даже в голову не пришло, что из этого может получиться. Песня тяжелая, и я всегда исполняла ее в конце первого отделения, чтобы потом в антракте можно было передохнуть. Спела. Полная тишина в зале. Вдруг поднялась седовласая женщина и сказала: «Что вы сидите? Встаньте!» Зал встал, ни звука... Я была в полубморочном состоянии. Только в этот момент я по-настоящему осознала всю силу, которой обладает искусство. «Я должна петь то, что нужно этим людям!» — решила я и переименовала свою программу, заменив оперные арии и другие «абстрактные» произведения на еврейские песни, находящие большой отклик в душе слушателя.

На следующий день Нехаму вызвали в ЦК. Дело в том, что в те, доевтушенковские, годы советская власть всеми силами замалчивала трагедию Бабьего Яра. На месте гибели киевских евреев проектировали не то городскую свалку, не то стадион. На все претензии Нехаме отвечала, что все ее песни разрешены к исполнению, что она их поет всегда и всюду, а если есть какая-то проблема, так это у них, а не у нее.

Дальнейшие концерты в Киеве были запрещены, а вскоре вышел приказ министра культуры, из-за которого Нехаме Лифшиц целый год не давали выступать. Допросы, обыски, постоянная слежка и угроза ареста — «Не каждая певица удостоивалась такой чести», — напишет потом Шимон Черток в статье к 70-летию Нехама, заметив, что труднее всего преследователям пе-

вицы было понять, «каким образом выросший в коммунистическом тоталитарном государстве человек остается внутренне свободным».

— Я билась, как могла, но это была непробиваемая стена, — говорит Нехамма. — Переломил ситуацию министр культуры Литвы. Он сказал мне: дескать, готовь программу, и мы слушаем, где там у тебя национализм. Я спела, и они дали заключение, что не нашли ничего достойного осуждения. Потрясающий человек был этот министр — литовец-подпольщик, коммунист, но если бы не он, меня как певицы больше не существовало бы.

Но таких, как он, было мало. «Люди в штатском» преследовали актрису по пятам. В конце 60-х годов Нехамма, приехав с концертами в очередной город, в гостиничном номере говорила воображаемому «оперу»: «С добрым утром! А мы все равно отсюда уедем!»

— Мы долго думали об отъезде в Израиль, — рассказывает певица. — Поначалу, конечно, даже мечтать об этом не могли. Но в 60-х годах появились отдельные случаи репатриации в рамках воссоединения семей. Вызов мы получили от моей тети Гени Даховкер. Документы подали еще до Шестидневной войны. В марте 1969 года разрешили выехать мне одной — без дочери Розы, без родившегося к тому времени внука (назвали его Дакар — в честь погибшей израильской подводной лодки), без родителей, без сестры. На семейном совете было решено, что тот, кто первый получит разрешение, поедет один. В июле здесь уже была Роза, к Йом-Кипуру — родители, а сестре с детьми пришлось прождать до 1972 года.

Принимали меня... как царицу Савскую — вся страна бурлила. В аэропорту меня встречала Голда Меир.

Такие концерты были! Все правительство приходило. Вместе с военным оркестром я проехала с концертами по всем военным базам.

Но продлить свою певческую карьеру в Израиле мне удалось всего на четыре года. Было тому много причин. Обанкротился единственный импресарио, с которым я могла работать, — другие были просто халтурщики. Наступил этап, когда я почувствовала, что не могу петь для тех, кто не чувствует мою песню так, как те, прежние зрители, «евреи молчания». Можно было переключиться на оперный репертуар, но еврейская песня привела меня на лучшие сцены США, Канады, Мексики, Бразилии, Венесуэлы, Великобритании, Бельгии и других стран — я не могла ени на что променять. И я пошла учиться в Бар-Илан.

«Еврейский соловей» надолго замолчал.

Четыре года назад Нехама организовала в помещении библиотеки, где до этого работала (Тель-Авив, ул. Бялик, 26), студию, — точнее, мастер-класс для вокалистов, желающих научиться еврейской песне. Начинали с шести человек, теперь здесь учатся двенадцать. Занимаются два раза в неделю. Субсидирует студию Национальное управление по еврейской (идиш) культуре.

— Я — счастливый человек, — говорит певица. — Тридцать три года я здесь, сменилось поколение, а меня все еще помнят. Чего еще может человек хотеть? В семье больше никто не поет. И я занимаюсь с теми, кто хочет научиться петь на идише. Это замечательные ребята, в основном, новые репатрианты. Я их всех очень люблю...

— 12 августа исполняется полвека со дня расстрела деятелей еврейской культуры в СССР. Знали ли вы этих людей лично?

— К сожалению, не успела. Однако получилось так, что они сыграли в моей судьбе решающую роль.

После победы на московском конкурсе в 1958 году меня тесным коль-

цом окружили вдовы и дети расстрелянных писателей и актеров. Алла Зускина, Тала Михоэлс, ныне покойная Фейга Гофштейн морально поддержали меня — а я ведь, признаваясь, не была готова к столь головокружительному успеху — и напутствовали меня словами: «Нехама, пой от имени наших погибших отцов и мужей». И вот уже 44 года каждое лето я зажигаю поминальные свечи в их честь. И делаю всё от меня зависящее для увековечения их памяти.

В СССР мне удавалось сделать не так много. В апреле 1967 года я дала свой последний концерт в Москве. На нем прозвучали песни на стихи замученных в подвалах Лубянки поэтов.

В Израиле я 33 года и — пусть это звучит чересчур помпезно — посвящая все свои силы тому, чтобы жизнь и творчество Михоэлса, Зускина, Маркиша, Гофштейна, Бергельсона, Квитко, Фефера не были забыты последующими поколениями. Каждый год 12 августа мы приходим в сквер на углу улиц Герцль и Черняховски в Иерусалиме и проводим митинг у обелиска, на котором начертаны имена погибших...

— Как вы оцениваете сегодняшнее состояние идиша и связанной с ним богатейшей культуры?

— Сложный вопрос. Во время Второй мировой войны и сталинских «чисток» был уничтожен почти целый «идишский» народ. Немногие выжившие в большинстве своем перешли на русский, английский, иврит и другие государственные языки стран проживания. Поколение, родившееся перед самым Холокостом и в первые послевоенные годы, оказалось потерянными для идиша. И не надо по старой еврейской привычке обвинять весь мир! Лучше посмотрим в зеркало. Много ли родителей говорили на мамэ-лошн со своими сыновьями и дочерьми? Обычным делом это было только у нас в Литве. Даже дети корифеев еврей-

ской культуры в большинстве своем владеют идишем, мягко говоря, не вполне свободно.

— *Есть ли «свет в конце туннеля»?*

— Вы ведь бываете на ежегодных концертах воспитанников моего мастер-класса? На сцену вышло новое поколение сорока-, тридцати— и даже двадцатилетних людей. Они выросли без мамэ-лошн, но наверстывают упущенное.

Я оптимистка. Верю в возрождение идиша. Оно уже началось.

— *Что вы можете посоветовать молодым и среднего возраста людям, озабоченным судьбой идиша и еврейской культуры?*

— Во-первых, обязательно говорите на идише. Ищите собеседников где угодно и практикуйтесь. Тем самым вы убиваете двух зайцев: не забываете язык сами и порождаете стимул для окружающих. Пусть хотя бы один человек из десяти, из ста захочет понять смысл вашей беседы и примется за изучение идиша.

Во-вторых, не ругайтесь между собой. Это я обращаюсь не к отдельным личностям, а к организациям, ведающим идишем. Пусть все ваши силы и средства уходят не на мелочные разборки типа «кто тут главный идишист», а на дело. На дело возрождения нашего прекрасного, вечно живого еврейского языка.

Борис СЛУЦКИЙ

Сады плодоносят скорей и скорей,
Кулаки своих яблок стиснув,
пробуждаются, как в еврее — еврей
под влиянием антисемитизма.

Им на пользу идут зима и весна,
как еврею идут на пользу
любого качества времена
из-за его упорства,

Выморозить нельзя сады,
их можно только выжечь.
С евреем тоже напрасны труды,
он умудрится выжить.

Тяжелые яблоки висят
и объявляют: зреем.
А я доволен, что первым сад
сравнил в стихах с евреем.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ГОСЕТА

Беседа с актрисой М.Е. Котляровой

Мария Ефимовна, что происходило в театре после смерти Михоэлса, что вы и ваши коллеги чувствовали, переживали... ведь это было, по сути, начало конца...? Какие события за этим последовали? Когда театр окончательно закрыли?

— Я считаю, что нужно сказать сначала о последнем подъеме, — я как-то уже писала, что больнее падать с высоты.

В начале октября 1943 года наш театр вернулся из Ташкента в Москву. Мы начали играть спектакли и с нетерпением ждали возвращения из Америки своего руководителя — Соломона Михоэлса — он был послан туда Сталиным как председатель Еврейского антифашистского комитета.

Когда в 1944 году Михоэлс вернулся из США, он выступил с отчетным докладом о поездке в помещении Большого театра. Его доклад длился два с половиной часа без перерыва, но ни один человек не двинулся с места — тишину прерывали только бурные аплодисменты. Это было историческое выступление; Михоэлс обладал особым даром речи, благодаря чему, он многого добился, выполняя свою трудную миссию за океаном.

После приезда из Америки в 1944 году Михоэлс сразу взялся за спектакль «Фрейлэхс». Идея спектакля принадлежит Михоэлсу: он задумал его как памятник

погибшим в Великую Отечественную войну и как счастье Победы — народ жив, жизнь продолжается. Он пригласил из Ташкента Шнейера — это был известный фольклорист; он сочинил тексты, используя много еврейских народных песен.

«Фрейлэхс» представлял собой еврейскую свадьбу. Незабываемые танцы балетмейстера Эмиля Мэя, народные мелодии в потрясающей обработке Льва Пульвера, костюмы и оформление Александра Тышлера...

Начало спектакля было посвящено памяти погибших. Звучит печальный рекем. В абсолютной темноте мы, шесть мальчиков — шестеро молодых актрис, держали семь свечей, и когда открывался занавес, мы составляли семи-свечник — менору, и под музыку рекеме освещались наши лица. Рекеме прерывается фанфарами. На фанфарах на сцену вылетал Зускин — тамада на свадьбе (первый бадхен) и платком гасил наши свечи: путь будет свет, ра-

Сцена из спектакля «Фрейлэхс»

дость, пусть зал нас слышит, прогоните грусть, наденьте праздничные костюмы...

Он произносит монолог, попеременно с трагическим звучит много шуток, смеха... начинается «свадебный карнавал». Было два бадхена: Вениамин Зускин и Михаил Штейман — замечательные актеры. Мы — служки — за кулисами снимали черные мрачные халаты и выбегали в танце в праздничных костюмах — таких же, какие были на бадхенах. Наша с Зускиным половина была красная с белым, а другая половина — синяя с белым. Мы вместе проводили весь этот свадебный карнавал. Бадхены управляли, а мы все время пели, танцевали, приглашали гостей к веселью. В спектакле было занято много актеров: жених и невеста, родители, бабушки и дедушки, подруги и друзья...и все действие проходило в своеобразных, зажигательных танцах.

Это было сделано замечательно! Занято 39 артистов, а казалось, что танцует 100 человек! Каждый номер оставлял сильное впечатление.

Изумительная песня обряда «усаживания невесты», ее исполняют оба бадхена и мы — шесть служек. Произносится много пожеланий супружеской паре, и особенное пожелание, чтобы они создали целое поколение детей — «хотя бы одного в год». Песня жениха, танец невесты с подругами... Песня матери невесты, которая плачет и радуется, что дочь уходит к мужу. Песня и танец свекрови: «...приходится танцевать с невестой, которую я не выбирала...»

Михоэлс придумал потрясающий танцевальный номер николаевского солдата; это был гость, который молчал все время. 25 лет он служил Николаю, прошел огонь и воду. Соломон Михай-

Слева направо: Э. Тайблина, С. Фабрикант, М. Котлярова

лович сам показывал начало этого танца. Он летел, как птица, под музыку! И вдруг — как будто получает пощечину, и сразу гаснет... покрутился, покрутился и... грустно глядя на всех, садится на свое место. Был танец двух старичков, танец «Шер» — самый веселый еврейский танец, когда весь народ ликует: выходят старики, среднее поколение, самые молодые, потом мальчики...

Спектакль имел потрясающий успех — невозможно было достать билеты, все актеры, режиссеры ведущих театров были на спектакле. Сергей Образцов признавался потом, что под влиянием Фрейлехса он поставил свой «Необыкновенный концерт».

Вдруг через 2 — 3 недели кто-то из проверяющих пришел в театр — и было велено убрать всю сцену с реквизитом и семисвечником в начале спектакля — семисвечник сочли националистическим символом. Теперь спектакль сразу начинался с фанфар, Зускин выскакивал, и начиналось веселье... как будто не было ни войны, ни потеря...

Ни одной сцены этого удивительного зрелища никто никогда не снял. Остались только музыка и пение на пластинках. Этот уникальный спектакль шел еще долго, труппа ездила с ним на гастроли в Ленинград после гибели Михоэлса...

Мизансцена из спектакля «Фрейлэхс»
Эскиз А.Г. Тышлера, 1945

Об одном случае я хочу рассказать особо: очень большой успех имел номер на авансцене перед началом второго действия. Это была песня Ребе Эли-Мейлеха. Номер начинался с интермедии: два бадхена, спорят о том, откуда приходит веселье. Зускин (реб Екл) говорит, что веселье приходит от разума, от настроения, а Штейман (реб Бер) говорит, что это правильно, но нужно еще хорошее вино, и побольше. Привезли два бочонка вина, все выпили, захмелели и пустились в пляс. Когда заканчивается эта пляска — а она была такая, что можно было «с ума сойти» — зал неистово рукоплещет и без конца кричит «бис». Нам не дают продолжить спектакль. Но это же не оперетта — повторять нельзя.

Зускин тихо говорит (он стоял рядом со мной): «Зей вилн нох а мол...» (они хотят еще раз...) и добавляет: «во втором ряду сидит Зоя Федорова...»

Дежурный режиссер лихорадочно звонит Михоэлсу, чтобы спросить, что делать, и тот разрешил повторить сцену — в виде исключения. А народ, пока шли поиски Михоэлса и пере-

говоры с ним, все это время ждал и аплодировал!

Не было ценителя искусства, который не посмотрел бы этот спектакль. Но из «больших» людей, приближенных к правительственным кругам, на этот спектакль пришла только Жемчужина — жена Молотова; она прошла за кулисы и сказала нам на идиш: «Ун мир из фрейлехс!» (А мне весело!..)

«Фрейлехс» — последний шедевр Михоэлса — был в числе самых лучших спектаклей театра, таких, как «Король Лир», «Тевье-молочник», «Блуждающие звезды...»

Я начала с того, что когда высоко поднимают, то большее падать... Был очень большой подъем в театре, а в 1946 году спектакль получил сталинскую премию. Премию получили Михоэлс, Зускин и Тышлер. Потом, к концу 1947 года, Михоэлс начал работать над пьесой «Реубейни» — исторической драмой Бергельсона. Михоэлс должен был играть принца Реубейни. До начала января Соломон Михайлович закончил первое действие и оставил Зускина репетировать его на время своей поездки в Минск. Репетиции шли полным ходом... Настроение было хорошее.

Мы, конечно, не знали, что Михоэлсу все время угрожали, он получал письма с

Костюм к Спектаклю
«Фрейлэхс»
Эскиз А. Тышлера, 1945

рисунками, изображавшими, как он висит на виселице... Потом мы узнали, что перед поездкой он говорил об этом с Фаиной Раневской... Было у нас какое-то собрание, и он, чем-то недовольный, сказал в сердцах: «Что вы будете делать без меня!»

При всем своем величии, Михоэлс был человеком невероятно доступным, отзывчивым на нужды окружавших его людей, всегда готовый оказать помощь, поддержку. Даже перед самым своим отъездом в Минск, узнав, что мне грозит выселение из квартиры, он срочно вызвал меня к себе, позвонил председателю райисполкома и, не застав его, начал писать ему письмо. Я пыталась его остановить, объяснить, что это не срочно... но он дописал, отдал мне письмо и сказал: «есть вещи, которые нельзя откладывать!» Его просьбу выполнили, оставив за мной комнату, и я, как и многие, навечно осталась у него в неоплатном долгу...

...Когда мы узнали о смерти Михоэлса, невозможно передать, как мы восприняли все это... Многотысячная толпа, ошеломленная известием о гибели Михоэлса, стояла в длинной очереди из четырех или пяти рядов, чтобы попрощаться со своим кумиром... Напротив театра на крыше двухэтажного старого дома сгорбленный скрипач, не уставая, играл реквием. Прощание затягивалось до поздней ночи. Имя Михоэлса должно было быть увековечено — говорили, что наш театр будет называться его именем, еврейская театральная студия будет носить его имя...

А потом началось... Летом мы впервые без Михоэлса поехали на гастроли в Ленинград. Зускин был с нами. Принимали прекрасно, были аншлаги. нас пригласили приехать зимой. А в начале ноября Зускин заявил, что он болен. Эдда Соломоновна (его жена) пришла в театр и сказала мне по секрету, что он вызвал артиста Гросса на главную роль в Блуждающих звездах,

Лир и Шут. Эскиз А. Тышлера к спектаклю «Король Лир» В. Шекспира

и тот уже репетирует Гоцмаха. Она сказала: «Я ничего не понимаю, он уже репетирует дома, чтобы никто не знал...» И я никому ничего не сказала.

Видимо его вызвали на Лубянку и сказали, чтобы он не уезжал из Москвы. И даже жена ничего не понимала...

Я пошла его проведать. Зускин лежал на диване в брюках и рубашке... Не видно было, чтобы он был болен. А в это время пришел драматург Бродерзон, очень умный, очень талантливый человек. Он сидел у стола, на котором лежало приглашение из Дома актера. Бродерзон посмотрел програмку и сказал: «Посмотрите, какая интересная программа: первое: «Песня о Сталине», второе: «Зачем тебя я, милый мой, узнала», — он рассмеялся, а я даже боялась улыбнуться... Зускин не реагировал. Это был конец 1948 года. Потом мы с Эддой ушли в театр, и она мне по дороге говорит: «Я ничего не пони-

маю: он говорит, что болен, а я не вижу этого. Он передает роли, говорит, что не может ехать... Он — как сумасшедший!..» Мы не понимали, что происходило и думали, что все пройдет, все образуется...

Театр был полупустой, зарплату актеры не получали. Через несколько дней Пульвер и Тышлер пошли навестить Зускина и не могли понять, почему он все время бьетса головой о подушку...

...Театр уехал на гастроли, Зускина забрали в Боткинскую больницу, но актеры ничего не знали... В первые дни гастролей — успех большой — идет «Фрейлехс», я выхожу туда, где продают билеты, и люди кричат: «за что Зускина посадили, почему он не приехал???» Я решила объяснить им, что была у него на днях, сказать, что он болен. Я дала им честное слово. Стало тихо, мне поверили. А вечером из Москвы приехал наш администратор — Терлецкий. Он всегда любил шутить, рассказывать анекдоты... — а в этот раз был очень угрюм. Он сказал, что привез немного денег, и я удивилась — ведь гастроли уже кончались, и мы готовились к отъезду, — но поверила... Но потом он сказал, что мне надо ехать в Москву — заменить заболевшую актрису. Меня привезли в театр, я пошла гримироваться. Парикмахер-гример — моя большая приятельница — говорит мне: «Зускина и Фефера посадили... Никому не говори». Заходит Фишман — директор театра и говорит: «Надеюсь, вы понимаете, что в Ленинград звонить не надо?..» В антракте я зашла в буфет — там был Галкин, — он потащил меня за руку и начал говорить, что уверен: все это из-за того, что в театр приходила Голда Мейер, из-за контактов с ней... Никто не мог даже представить, что на самом деле происходило...

Берковская (жена Зускина) играла в «Колдунье» танцовщицу, которая под

шарманку поет на базаре песню. Слова песни: «...Мой любимый ушел и не вернулся... а я все равно должна делать то, что от меня требуют...» заменили, потому что они напоминали людям о том, что происходило вокруг... и об исчезновении Зускина. Потом директор совсем снял ее с этой роли.

Мне трудно передать сейчас то наше состояние..! Театр еще работал, но даже мы, молодые актеры, которые еще не имели имени, были готовы ко всему, после того, как Михозлса объявили предателем... Были готовы вещи на случай, если придут ночью... И многие, даже умные, верили, что эти люди были в чем-то виноваты... Даже жена Зускина говорила: «Лучше бы он меня оставил, мне надо покончить с собой!..». Я сказала ей: как вы можете так говорить, у вас есть дочь!.. На это она ответила: «ну так вместе с ней».

В то время, когда Зускин еще был в театре, были выпущены абонементы на спектакли, и мы старались среди знакомых их распространить. Я распространила 50 билетов, но ни один человек из тех, кто их купил, не пришел. Люди боялись, что если они придут, их занесут в «черный» список и заберут. На сцене было больше людей, чем в зале...

Театр готовился к закрытию. Всем нам, актерам, писали характеристики — готовили к увольнению. Все это тянулось почти до октября 1949 года, и зарплату выплатили до конца года, хотя мы уже не играли; тем же, кто не дотянул года два до пенсии, назначили пенсию. Все актеры остались без работы. Я пошла на курсы кройки и шитья, чтобы заработать на жизнь...

Потом была Ликвидационная комиссия, которая работала днем и ночью. Костюмы и реквизиты частично раздали другим театрам... Спустя много лет Нина Михозлс случайно, перебирая костюмы в костюмерной театра

Оперетты, увидела мантию Михоэлса из Короля Лира. Мне достался последний парик Короля Лира и две стеклянные коробочки для грима; я подарила парик Тале — дочери Михоэлса — в Иерусалиме, 4 апреля 1955 года, когда там открывали музей Михоэлса. Там я увидела фотографию из спектакля «Фрейлехс», на которой нашла себя. К сожалению, много уникальных фотографий я уничтожила...

В театре была богатейшая библиотека: классики русские, мировые... филиал Библиотеки Ленина! Для ее ликвидации пригодился фашистский опыт: во дворе разожгли костер. Особая комиссия занималась тем, что отбирала специальные книги, а другие уничтожала. Однажды я зашла к Каминскому — это актер нашего театра, и он сказал мне, что «книги жгут, но когда гасят, я подбираю...» — он был большой книголюб.

— «Хочешь сегодня пойдешь?» Так у меня оказались 4 книги из этого костра... спасенные! Они до сих пор хранятся, эти пострадавшие книги: Н. Ойслендер «Еврейский театр 1887-1917 гг.», «Фольклор», «Мальчик Мотл» Шолом-Алейхема, «Еврейские народные песни». И, наконец, М. Лермонтов — переведенные на идиш «Ветвь Палестины», «Еврейские мелодии», «Баллада» и, самое главное, пьеса «Испанцы», которая была переведена специально для ГОСЕТа. Я играла в ней Нозми. Об этом я написала в статье «Спасенные книги», опубликованной в Международной Еврейской Газете (МЕГ).

Одновременно с Вениамином Зускиным КГБ посадил и своего собственного агента И. Фефера. О том, что Фефера специально прикрепили к Михоэлсу во время его поездки в Штаты, мы узнали уже гораздо позже... Поль

Первый худсовет ГОСЕТа. Москва, 1924-25

Робсен, когда приехал в Москву, пожелал увидеть Фефера. Фефера привезли из камеры в гостиницу, одев в новый костюм. Они сидели и разговаривали, и Фефер осторожно написал гостю записочку... что он сидит...

После ареста Зускина начали исчезать самые крупные еврейские поэты и писатели.

50-летие Квитко отмечали в Колонном зале дома Союза. 50 пионеров, которые прошли на сцену, повязали ему галстук. А через пару дней его тоже забрали... Забрали Маркиша, Гофштейна, Бергельсона, Нистера... Зускина не расстреляли... Мне рассказал один режиссер, который жил на одной площадке с КГБ-шником. Тот сказал, что Зускина пытали так, что он разбил голову о железный крюк в камере... Скороходов тоже, вспоминая Зускина, говорил, что тот разбил голову о стенку...

Два прихода Маркиша в театр я никогда не забуду — они отпечатались, как на фотографической пленке. Первый: репетиции «Реубейни» шли на подъеме. Во время перерыва почти все актеры стояли на площадке. Внизу открылась дверь, и по лестнице взбежал потрясающе элегантный Перец Маркиш. Он был красавец. Носил широкое пальто-мантию, шляпу и на шее — широкий переброшенный шарф. Его глаза светились от счастья. Увидев

актеров, он поднял обе руки и с радостью воскликнул: «О-ля-ля!». Второй приход: Михоэлс уже убит, посадили Зускина и Фефера, мы стоим в жутком состоянии, тот же Маркиш показался внизу, у входной двери. Казалось бы, тот же человек, та же одежда, но его словно подменили: глаза опущены, еле поднялся по лестнице вверх, кивнул головой с грустью и медленно пошел к писателю Нистеру, жившему на третьем этаже в здании театра. А в скором времени забрали сперва Маркиша, а потом — Нистера. Его посадили, и он умер в застенках

КГБ... — это был тихий человек, за свою жизнь он мухи не обидел, писал новеллы. Посадили Шнейера, автора «Фрейлехс»; он однажды сказал: «Я бы хотел сесть, чтобы знать за что...» — и ночью его посадили.

Маркиш очень стойко себя держал. Он был бунтарь. Когда Маркиша водили на допрос, он говорил только на идиш, а во время расстрела сказал, что придет время, и о нас вспомнят и узнают об этом вредительстве...!

Сталин хотел уничтожить нашу культуру!

Записала А. Юдина, «Новый Век»

Вадим СИДУР

Я — цветок гибрид —
 Полу-русский
 Полу-жид.
 Художник неоднородный,
 Космополит безродный.
 Время цветенья.
 Эпоха безвременья.
 Неустойчив морально —
 Для гибрида это нормально.
 Почти задушен
 Плевками в душу.

ИЗБАВЛЕНИЕ

Льюис РАПОПОРТ
Журналист и писатель, Израиль

ПУРИМШПИЛЬ-1953* *Смерть тирана спасает евреев*

Сталин был убежден, что евреи всегда пытались проникнуть в его ближайшее окружение, и эта убежденность подкреплялась тем фактом, что многие из его соратников были женаты на еврейских женщинах. Он не сомневался, что еврейки выходят замуж за знатных лиц, чтобы командовать ими в постели, — таким способом еврейство проникает на самый верх власти.

Во время Большой чистки Сталин арестовал еврейскую жену председателя Калинина, а также и жену Бухарина. Во время пика кампании с космополитами он сослал еврейскую жену Молотова в Казахстан и приложил руку к тому, чтобы еврейская жена Поскребышева в 1951 году затерялась где-то в Восточной Сибири. Он не мог смириться с тем фактом, что двое из его детей сочетались браком с евреями, и заключил в тюрьму жену своего сына Юлию (к которой он относился исключительно как к «еврейской жене»), первую любовь Светланы А.Каплера, ее тестя Морозова. Сталин раздражался гневом, когда он спорил со Светланой о ее «еврейских проблемах».

Казалось, что всюду, куда бы он ни кинул взгляд, были евреи. Его стойкий оловянный солдатик, маршал Ворошилов, был предан своей еврейской жене Катерине. Маршал Булганин также был счастлив в браке с еврейкой Надеждой. Член Политбюро Андрей Андреев, который вышел из милости в 1951 году, был женат на Доре Хазан, а Каганович был женат на Марии, которая тоже относилась к этому племени. Маленков, которого подозревали в симпатиях к евреям, имел зятя-еврея, и, говорят, то же самое относилось и к Хрущеву. Напористый и осмотрительный Брежнев тоже, по слухам, имел еврейскую жену.

Сталин не приглашал жен своих помощников участвовать в ночных застольях на даче в Кунцево; он знал, что иностранные разведывательные службы часто используют женщин в качестве своей агентуры. Маленков, хотя он и не считался

* *Louis Rapoport, Purimspiel. Deliverance from Haman; from STALIN'S WAR AGAINST THE JEWS, «The Free Press», NY, 1990.*

Льюис Рапопорт — журналист, писатель, сотрудник «Джерузалем Пост» (Израиль), автор ряда книг по истории современного еврейства.

*Л Каганович и И. Сталин.
Ноябрь 1935*

подверженным антисемитизму, заставил свою дочь Волю развестись с ее еврейским мужем, сыном своего близкого друга М.А.Шамберга. В напряженной антисемитской атмосфере, сопровождавшей «Дело врачей», многие советские официальные лица оказались под давлением, принуждавшим их к разводу с их еврейскими женами. Жена маршала Ивана Пересыпкина Роза, друг семьи Маркиша, была отправлена вместе с женой Молотова в изгнание. Даже ее собственные сыновья хотели, чтобы их отец развелся с нею.

Высокий процент смешанных браков между советскими евреями и русскими порождал тяжелую атмосферу на всех уровнях советского общества, а после заявления от 13 января эта атмосфера перешла в истерию. В советской иерархии развод с еврейским супругом стал всеобщим правилом. Немалое мужество проявляли те неевреи, кто со всей последовательностью решался разделить судьбу своих еврейских супругов. Нередки были случаи фиктивных разводов. Особый случай относится к маршалу Ворошилову, который попросту не согласился отказать от Катерины.

Он уже однажды восставал против хозяина в 1940 году, когда стал объектом вспышки сталинского гнева во время обеда на даче диктатора. У Сталина был повод: оказавшийся не соответствующим своему посту народного комиссара обороны, маршал полностью провалил финскую войну. В свою очередь кровь ударила Ворошилову в голову; он вскочил и воскликнул: «Ты сам несешь ответственность за весь этот позор! Ты уничтожил старую гвардию армии, ты убил наших лучших генералов!» Он схватил блюдо с жареным молочным поросенком и разбил его вдребезги о стол. Ворошилов был освобожден от своих обязанностей, но сохранился в качестве козла отпущения в течение последующих двенадцати лет.

Маршал Ворошилов любил Сталина, но свою жену он любил еще больше. Где-то в феврале 1953 года Ворошилов, как говорят, угрожая пистолетом, выгнал четырех агентов МГБ, прибывших в его особняк, чтобы арестовать его еврейскую жену. Его преданность Екатерине порождала почти эпическое его противостояние Сталину. Кульминация их отношений проявила себя в конце февраля 1953 года, на заседании Президиума, когда Сталин собрал своих помощников для того, чтобы обсудить изгнание евреев.

На этом заседании Сталин раскрыл детали своего плана борьбы с тем, что он назвал «гибельным сионистским и империалистским заговором» против СССР. Он говорил почти в горячем безумии о «деле еврейских врачей», о том, что становится необходимой немедленная коллективная депортация евреев в Центральную Азию и Биробиджан. Когда он кончил говорить, среди двух десятков человек, сидящих вокруг кремлевского стола заседаний, воцарилось полное молчание. Затем Каганович спросил запинаящимся голосом, все ли советские евреи без всяких исключений должны быть депортированы. Сталин ответил, что «с некоторым разбором», и Каганович ничего больше не сказал. Снова последовало тяжелое молчание. Молотов, жена которого уже находилась в ссылке, нарушил это долгое молчание и произнес дрожащим голосом, что изгнание евреев будет иметь негативные последствия со стороны мирового общественного мнения; Микоян кивнул головой в знак согласия. Их поддержал Во-

рошилов, который (несомненно, с образом Екатерины в уме) сказал, что, как это было с прочими актами, подобными «делу врачей», план депортации поднимет весь мир, как он поднялся против Гитлера. Театральным жестом маршал бросил свой партийный билет на стол, высказав, что план депортации пятнает честь партии и что он не хочет принадлежать к такой организации. Сталин, которому кровь ударила в голову, закричал во все горло: «Товарищ Климент, это я решаю в данный момент, позволить ли вам сохранять дальше членский билет!» Вспышка ярости достигла такого накала, что глаза Сталина почти вылезли из орбит и он рухнул на пол.

Это был фатальный удар. Никого из крупнейших кремлевских докторов и ведущих специалистов пригласить было невозможно: одни были мертвы, другие доведены почти до растительного состояния неделями пыток. Рядовые доктора прибыли спустя пятнадцать или двадцать минут. Сталин казался мертвым. Берия начал пританцовывать вокруг его бездыханного тела со словами: «Мы свободны! Наконец-то, наконец-то!.. Мы можем дышать свободно!» Остальные, объятые страхом, стояли вокруг, будто окаменевшие... Позвали Светлану. Она обвила Сталина руками и закричала: «Отец, отец!» К ужасу своих соратников, Сталин открыл один глаз, а затем и другой, увидел свою дочь, но не был в состоянии произнести ни слова. Берия, видя, что диктатор не умер, бросился на колени, истерично крича о прощении. Несколько минут спустя вновь прибывшие доктора перенесли Сталина в его личные апартаменты, где он умер, не приходя в сознание. Хрущев сказал напоследок: «Сегодня ночью мыши похоронили kota».

*В. Молотов и И. Сталин.
Ноябрь 1935*

Существуют различные версии рассказанной выше истории, которые распускались в 1957 году, возможно, чтобы доказать, что советское правительство не виновно в антисемитизме. Ближайшие соратники Сталина в этой истории представлены противниками его в вопросе о высылке евреев, что и форсировало фатальный приступ вождя. Но были ли эти акты неповиновения скоординированными и заранее подготовленными со стороны тех, кого Сталин собирался убить? Этот вопрос остается без ответа. Несомненно, Берия, который знал все о предыдущих медицинских убийствах, руководил кремлевской медицинской службой и был в курсе истории болезни Сталина, был в состоянии организовать фронтальную атаку на нездорового Сталина. Конечно, и другие члены ближнего окружения, с возможными исключениями, такими, как Каганович, хотели смерти Сталина.

Все они могли видеть в «деле врачей» то, чем оно являлось, и Берия мог рассчитывать на взаимопонимание с другими соратниками Сталина при реализации последней драмы. Объединенная оппозиция по отношению к депортации евреев была согласована еще перед тем, как было проведено заседание Президиума. Но предположения, что Сталин был отравлен или как-либо по-другому напрямую умерщвлен, остаются умозрительными. Большинство историков сомневаются в том, что соратники Сталина были способны совершить такое смелое предприятие, как бы они ни были терроризированы. В любом случае, вре-

мя Сталина пришло к концу. Как отмечает Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» в сноске, касающейся «дела врачей»: «Это был первый план в его жизни, который не удался. Бог повелел его душе расстаться — по-видимому, с помощью человеческих рук, — с плотским телом».

23 или 22 февраля внезапно утихла постоянная кампания в прессе против евреев и других врагов советского образа жизни, а после 25 февраля не сообщалось больше ни о каких арестах евреев. Утром следующего за 1 марта днем «Правда» впервые после шокового заявления от 13 января промолчала по поводу врачей-отравителей.

Удар со Сталиным, согласно официальной советской версии событий, произошел в воскресенье, 1 марта. В своей версии его последних часов, которая отличается от версии, исходящей от Кремля, Светлана Аллилуева писала, что она узнала о состоянии отца 2-го марта, когда ей было сказано приехать в Кунцево. Ее брат Василий был уже там, очень пьяный; он кричал, что это врачи убили или убивают его отца. Светлана пишет, что Хрушев и Булганин были в слезах, тогда как возбужденный Берия вел себя «непристойно», и все его чувства отражались на его лице. Сталин лежал на кушетке, его дыхание становилось все более затрудненным, по мере того как кровоизлияние, поразившее часть его мозга, распространялось на оставшуюся область. Его лицо постепенно темнело, а губы чернели. Внезапно, к ужасу всех, включая и Светлану, он поднял свою левую руку и указал ею на всех присутствующих, как будто насылая проклятие. Его лицо стало неузнаваемым, потому что он буквально был поражен смертью. Хрушев вспоминает, что «какой-то громадный человек подошел откуда-то и попытался оживить Сталина, применяя искусственное дыхание», пока кто-то не прикрикнул на него: «Не видите, что человек умер?»

По меньшей мере через тридцать шесть часов после того, как сердце Сталина перестало биться, в 7 часов 00 минут утра 4 марта Радио Москвы сообщило миру, что Отец Всех Народов тяжело болен. Сообщение было сделано Юрием Левитаном, евреем, голос которого, известный всему Советскому Союзу, теперь дрожал: «Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза и Совет Министров СССР сообщают о несчастье, которое постигло нашу Партию и весь народ, — серьезной болезни товарища И.В.Сталина».

Левитан читал по тексту, который извещал, что у Сталина в его московской квартире в ночь на 1-ое марта, когда он был в сознании, произошло кровоизлияние в мозг, поразившее жизненно важные области, и что это парализовало его правую руку и ногу, за чем последовала потеря речи. «Лучшие медицинские умы были призваны для оказания помощи товарищу Сталину, восемь знаменитых профессоров», — но ни один из них не был ни знаменитым, ни евреем. В заявлении подчеркивалось, что медицинская помощь оказывалась «под наблюдением Центрального Комитета Коммунистической Партии... и Советского правительства», поскольку ни один советский гражданин не доверял врачам как таковым.

Одним из указаний на то, что Сталин не умер сразу же после удара, было то, что следователи МГБ, занимавшиеся арестованными кремлевскими докторами, внезапно прекратили обвинения «отравителей» и начали спрашивать у них медицинских советов. Доктор Я. Раппопорт, главный патологоанатом столицы, был выведен из своей крошечной тюремной камеры в Лефортово, и ему задали вопрос: «Какого специалиста Вы могли бы порекомендовать для пораженной ударом одной из самых важных персон?»

В московских посольствах, где шли нескончаемые дискуссии о смысле «дела врачей», теперь начали верить, что действительно что-то происходит... и объявили самого Сталина его собственной самой большой жертвой. Американскому поверенному в делах Якову Д. Биму после сообщения об ударе стало очевидно, что патологическое состояние мозга Сталина постепенно ухудшалось на протяжении всего «дела врачей», и это объясняло то странное чувство неловкости, которое возникло в связи с заявлением от 13 января о раскрытии большого заговора. В телеграмме, посланной из Москвы 4 марта, за день до того, как о смерти Сталина было официально объявлено, Бим информировал Государственный Департамент: «Если этот приступ приближался в течение некоторого периода времени, то представляется возможным, что его развитие соответствующим образом влияло на ненормально подозрительный ум Сталина и, возможно, явилось основной причиной объявления о раскрытии заговора врачей против жизни советских руководителей».

Официальная хронология смерти Сталина игнорирует те пятьдесят шесть часов, которые прошли между сообщением о кровоизлиянии в мозг Сталина около полуночи 1-го марта и публичным объявлением о его болезни.

Если фактическая дата смерти — 1-ое марта, что представляется правдоподобным, то она совпадает с еврейским праздником Пурим, который отмечался в том году в воскресенье 1 марта и в понедельник 2 марта. Советские евреи имеют весомую причину отмечать этот праздник, — по крайней мере, те, кто знал или чувствовал, что они были на грани уничтожения. Ряд евреев покончили самоубийством в предчувствии грядущих событий. Никогда не казалось более естественным крепко напиться — как это делают раз в году евреи, соблюдающие обычаи, по случаю этой даты. Пурим, как говорят еврейские мудрецы, — это единственный праздник, который не будет отменен с приходом Мессии. Михоэлс и Маркиш, двое наиболее известных лидеров советского еврейства, выросли на светском — и часто по-земному эротическом — представлении, называемом *пуримшпиль*; сюжетом его является история Эстер и Мордехая, спасших еврейский народ от геноцида, который готовил приближенный к царю злодей Аман.

Но многие, если не большинство, советских евреев не думали о Пуриме, а искренне скорбели о Сталине. В государственной Хоральной Синагоге в Москве на улице Архипова Главный раввин Соломон Шлиффер возносил молитвы за выздоровление Сталина и приказал еврейской общине поститься и молиться. В Ватикане Папа Пий XII (тот, который хранил молчание, когда нацисты уничтожали миллионы евреев) возносил молитвы за обращение умирающего Сталина в «истинную веру».

В 6 часов 30 минут утра 5-го марта, спустя несколько дней после того, как Сталин умер, был выпущен бюллетень — длинный и детальный доклад о нарушениях в его сердечной, кровеносной и дыхательной системах, и было ясно, что он не будет в эту ночь последним. В последующем бюллетене официальным временем смерти было названо 9 часов 50 минут утра 5-го марта.

Состав нового правительства был объявлен через несколько часов: наследником Сталина был назначен Маленков. Ворошилов стал номинальным президентом, Булганин — наркомом военных дел, Каганович — заместителем премьер-министра, а Берия — наркомом внутренних дел. Еще до похорон соратники Сталина отменили его судьбоносное решение удвоить численность кабинета министров — шаг, который они рассматривали в качестве предвестника их собственной коллективной гибели.

6-го марта люди Берии приказали множеству служителей и охранников в Кунцево собирать свои вещи и убираться. Двое начальников сталинской охраны застрелились.

Быстрота, с которой наследники Сталина объявили о взятии ими власти, отмена некоторых важных изменений, предпринятых Сталиным на последнем, XIX съезде партии и попытки сделать жесты, адресованные к высшему командованию армии, — все указывало на то, что еще до смерти Сталина вожди работали над тем, чтобы установить между собой согласие. Британская разведка думала именно так, а американцы заключили, что высшие русские руководители так же, как и сам Сталин, могли иметь «какое-то предчувствие, вызванное ранее произошедшим ударом или ухудшением состояния здоровья».

Похороны Сталина совершились относительно быстро, главным образом, благодаря усилиям Никиты Хрущева, который внезапно оказался на виду, поскольку был назначен главой комиссии по похоронам. В отличие от периода прощания с Лениным, длившегося неделю, похороны Сталина состоялись через четыре дня после его официально объявленной смерти. Тело его было забальзамировано, а все остатки кремированы.

Смерть Сталина вызвала огромную волну эмоций, порожденных сожалением или радостью. Слезы превалировали на пораженных горем улицах Москвы в эти черные дни истории. Москва была еще подвержена морозам, когда 6-го марта конвои грузовиков с войсками Берии двинулись вниз по улице Горького и с лубянского холма по направлению к Красной площади и другим стратегическим точкам.

По всей стране среди миллионов скорбящих было много евреев. На Украине Ида Мальгром, жена журналиста Бориса Щаранского (родители Натана Щаранского, — *прим. пер.*) была одной из тех, кто плакал навзрыд, потеряв всякий контроль над собой, — не по Сталину, а потому, что она боялась ненависти к евреям и опасалась, что погром будет неминуем. В городском сквере в Сталино (Донецк), где люди собирались послушать новости, она с ужасом увидела, как какой-то мужчина ударил по лицу еврейскую старуху. «Проклятые, — крикнул мужчина, — вы убили нашего Сталина, а теперь вы еще и плачете?»

Эстер Маркиш и ее семья узнали о смерти Сталина вскоре после того, как добрались до бесплодных степей Казахстана, куда они были сосланы; они встретили это известие спокойно, все еще не зная судьбы поэта Перца Маркиша, арестованного тремя годами раньше. В лагерях ГУЛАГа бесчисленные заключенные почувствовали, что с их груди убрали жернова. Евгения Гинзбург, сотрясаясь всем телом, истерически рыдала о двух потерянных десятилетиях ее разрушенной жизни, о разрушении ее семьи и о миллионах других жертв. Все, кто находились в огромном лагере в Воркуте, напились: заключенные, охранники, руководство лагеря. Некоторые религиозные женщины в лагерях благодарили Бога за избавление от лжепророка. Скованные цепью заключенные сотрясали арктический мороз воплями «Сталин подожд!» и подбрасывали свои шапки в морозный воздух.

В московских тюрьмах заключенным кремлевским врачам не сообщили о смерти Сталина. 9-го марта измученного доктора Вовси вызвали в комнату для допросов и потребовали, чтобы он «написал правду». Затем на пять дней его оставили одного. Он, в конце концов, услышал о смерти Сталина только 14-го марта, когда его снова вызвали и сказали, что его арест был ужасной ошибкой и что он будет освобожден через несколько дней. Один из многих других еврейских заключенных на Лубянке, генерал Токилевич, бывший член Еврейского антифашист-

ского комитета и близкий друг Михоэлса, был внезапно освобожден. Он, не веря этому, в состоянии эйфории отправился пешком домой. В 5 часов 30 минут утра он постучал в дверь своей квартиры, жена спросила, кто это, а услышав в ответ «Это я», решила, что это ошибка, и сказала говорившему, чтобы тот уходил прочь. Он постучал снова, назвав по имени свою дочь. Жена подумала, что происходящее ей снится.

Илья Эренбург пережил величайшее потрясение, когда угроза «дела врачей» каким-то образом дала ему силы отказаться подписать письмо о депортации евреев. Теперь, после смерти Сталина, он возвратился к позиции морального безразличия, благодаря которой в про-

*И. Сталин и У. Черчилль
на Ялтинской конференции, 1945*

шлом оставался в живых. В составленном им некрологе не было даже намека на то, что Сталиной Человек погубил десятки миллионов людей, в том числе 600 000 евреев, в своих ликвидационных подвалах и в концентрационных лагерях. С другой стороны, Радио Белграда озаглавило свои комментарии к событиям 5-го марта — «Клекот смерти в глотке величайшего в мире диктатора».

На похоронах в понедельник 9-го марта миллионная толпа, протянувшаяся на мили окрест Кремля, представляла собой ужасающее зрелище. Сотни людей, зажатых между армейскими грузовиками и стенами зданий, были задавлены насмерть. Общее дыхание огромной толпы поднималось как густое белое облако.

Дюжина учеников, собравшихся вокруг тела коммунистического Христа, на официальных фотографиях выглядели всецело преданными Сталину. Среди участвующих в траурной церемонии были китайский премьер Чжоу Энь-лай и генерал военно-воздушных сил Василий Сталин, который постоянно прикладывался к фляжке с водкой и проклинал Берию. Его сестра Светлана стояла у гроба, в своем оцепенении не замечая лиц в людском потоке, проходившем мимо; многие из них что-то выкрикивали, другие пристально вглядывались, чтобы удостовериться, что он действительно умер. Она не целовала восковой лоб, как от нее ожидали. Среди присутствующих глав государств был Президент Чехословакии Готвальд. Его внезапная смерть через несколько часов после похорон Сталина породила слухи, что человеку, который четыре месяца тому назад повесил Сланского и других еврейских лидеров Чешской компартии, помогли в его путешествии в мир иной, как и его хозяину.

За исключением личного панегирика Молотова — он был единственным вождем, который плакал на похоронах — обращения к Сталину были приглушенными и рутинными. Всеми было замечено, что речи Маленкова и Берии были лишены обычных угрожающих сталинских намеков на западного врага; в них подчеркивалось стремление к миру и деловым отношениям со всеми государствами, а также необходимость обеспечения гражданских прав и всеобщего процветания. В печати кампания ненависти к Америке стала спадать, хотя великорусский национализм продолжал проявлять себя. 5-го марта в «Правде» русские были вновь обозначены как «первые среди равных», — тем самым было подтверждено, что и при наследниках Сталина русские будут продолжать пользоваться в Советском Союзе приоритетом.

10-го марта, на следующий день после похорон, американский журналист Гаррисон Сэлсбери был свидетелем того, как рабочие перед Колонным Залом, где лежало тело Сталина во время церемонии, развязывали веревки, прикреплявшие к фасаду здания огромный, в полтора этажа, портрет Сталина, и он упал вниз на мостовую. «Осторожней!» — крикнул один из рабочих. «Неважно, — ответил другой, — он больше не понадобится».

В течение двух недель после похорон Сталина ведущие советские вожди отсиживались в своих офисах из страха перед Берией: Молотов — в Министерстве иностранных дел, Хрущев — в помещении Центрального Комитета Партии, Ворошилов — в здании Президиума. Но, как вскоре показали события, у Берии было больше причин бояться их.

Хотя основной темой комментариев печати был коллективный принцип руководства в новом правительстве, среди самих вождей дуумвират Маленкова и Берии вызывал опасения. Заговор Хрущева и армии, имевший целью их свержение, развивался хорошими темпами. Беспрецедентные изменения, в частности, отразившиеся на свертывании «Дела врачей», происходили с захватывающей дух быстротой.

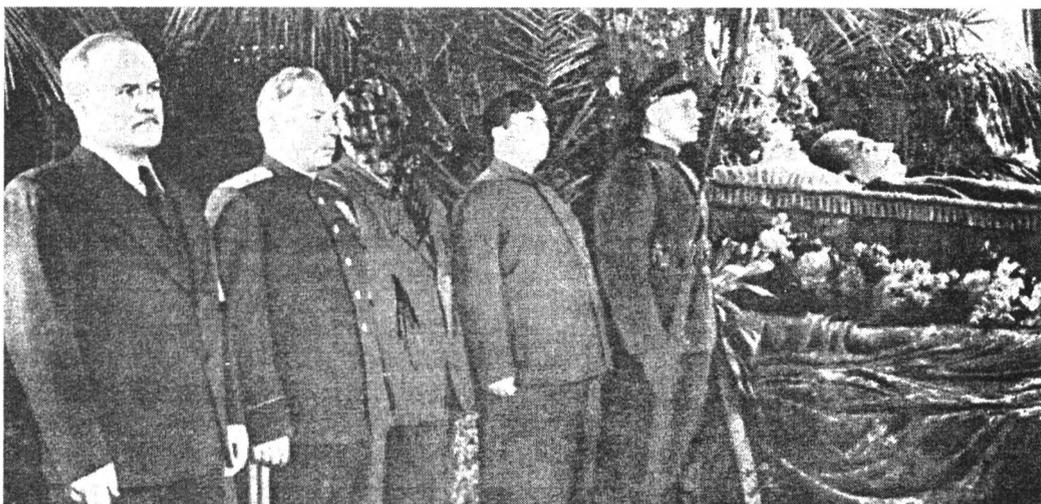
14 марта весь Центральный Комитет собрался на тайное заседание, которое неделей позже, 21 марта, привело к отставке Маленкова, менее чем три недели пребывавшего на самом вершине. 27 марта Президиум выпустил беспрецедентный Указ об амнистии, освобождавший из мест заключения лиц, которые обвинялись в преступлениях, не представляющих большой опасности для государства. Имя Сталина не упоминалось в Указе, подписанном: «К.Ворошилов, Председатель Президиума Верховного Совета СССР». Однако наиболее сенсационный шаг был совершен неделей позже, в необычном заявлении, указывающем на новый курс, который привел к XX Съезду Партии в 1956 году и к обвинению сталинского режима.

3-го апреля 1953 года вновь организованное Берией Министерство Внутренних Дел выпустило коммюнике, опубликованное 4-го апреля, говорящее о том, что расследования, связанные с обвинением врачей во «вредительстве, шпионаже и террористической деятельности, направленной против активных лидеров Советского Правительства», показали, что подозреваемые были «незаконно арестованы бывшим Министром МГБ СССР без каких бы то ни было к тому оснований». Имя Игнатъева, который занимал этот пост с 1951 года, не называлось. Имя Сталина также не упоминалось ни в заявлении, ни в последующих за ним документах.

В официальном заявлении говорилось, что признания врачей были получены «недопустимыми методами», перечислялись имена пятнадцати кремлевских врачей, которые были незаконно арестованы (а не девяти, как было объявлено 13 января). Двое из врачей, Я. Этингер и М.В.Коган, умерли во время следствия, их имена были опущены без объяснений. Заявление игнорировало обвинения, связанные с «Джойнтом» и с антисемитским характером всего «Дела». В тот же день Президиум Верховного Совета аннулировал свое состоявшееся перед этим награждение д-ра Лидии Тимашук Орденом Ленина, мотивируя это тем, что он был «неверно информирован».

Официальное заявление, дезавуирующее «Дело врачей», означало водораздел в советской истории. Доклад посольства Соединенных Штатов описывает «поразительные события» 4-го апреля как конкретное свидетельство того, что «действующий режим порывает со сталинизмом, поскольку можно считать, что именно Сталин ... организовал «Дело врачей»».

На самом деле гораздо больше врачей, занимавших высшие посты, было арестовано и подверглось пыткам; теперь все они были освобождены 3-го и 4-го ап-

В Колонном зале Дома союзов 8 марта 1953. В. Молотов, К. Ворошилов, И. Берия (замазан карандашом, как тогда поступали с «врагами народа»), Г. Маленков у гроба Сталина

реля вместе со своими женами. Им было приказано «забыть все» и ни с кем не говорить о том, что с ними случилось. Д-р Раппопорт, главный московский патологоанатом, не обвинялся в том, что участвовал в кремлевском заговоре, хотя он «сознался», что является «буржуазным националистом», поскольку выражал протест против процентной нормы евреев в высшем образовании. Несомненно, он был бы так же сломлен, как почти все его коллеги, если бы допросы и пытки продолжались. Два года спустя после освобождения врачей, когда д-р Мирон Вовси медленно умирал от рака ноги, вызванного пытками, он сказал д-ру Раппопорту: «Вы не можете сравнить мое теперешнее и мое тогдашнее состояния. Я потерял ногу, но я остаюсь человеком. Тогда я перестал быть человеком».

Два дня спустя после потрясающего заявления Берии от 6-го апреля редакционная статья в «Правде» провозгласила освобожденных врачей «самыми честными и уважаемыми лицами нашего государства», а Соломона Михоэлса превознесла как «честнейшую общественную фигуру и Народного Артиста СССР, который был бессовестно оклеветан». Безымянный автор редакционной статьи обнаружил, что заместитель Министра МГБ М. Рюмин был одним из тех, кто производил незаконные аресты и обвинялся в пытках заключенных. Его прямой начальник, человек Хрущева, Игнатъев, был выведен из Секретариата партии, куда он был назначен сразу же после смерти Сталина. Хотя он и подвергся порицанию, но все еще именовался в заявлении от 6-го апреля как «товарищ».

Хрущев противился беспрецедентному заявлению Берии о советских грехах, и большой текст в «Правде» от 6-го апреля, который также передавался и по московскому радио, весьма его обеспокоил. Берия, конечно же, самолично написал решающие строки о своих соперниках в аппарате безопасности:

«Как могло получиться, что этот случай провокации, жертвами которого оказались честнейшие советские граждане, выдающиеся представители советской науки, был сфабрикован в недрах Министерства Государственной безопасности СССР, призванного стоять на страже интересов советского государства? Это случилось, прежде всего, потому, что руководителя следовательского отдела этого Министерства оказалось не на уровне стоящих перед ним задач. Они оторвались от народа, от партии. Они забыли, что являются слугами народа и их долг — стоять на страже советской законности».

«Правда» говорила, что «презренные авантюристы типа Рюмина пытались по случаю, который ими же самими и был сфабрикован, раздуть в советском

обществе... чувства национальной вражды, глубоко чуждые социалистической идеологии». Рюмин, который должен был иметь целью своих усилий разоблачение реальных врагов советского народа, настоящих шпионов и диверсионных агентов, «действовал как скрытый враг». Те, кто «виновен в проведении недопустимых шпионских действий, должны быть арестованы и предстать перед законом». Партийный орган также критиковал медицинскую комиссию, которая «установила» ответственность врачей, якобы неправильно проводивших лечение товарищей Щербакова и Жданова. Члены комиссии подписали «фальшивые обвинения против группы ведущих медиков», писала «Правда». Это свидетельствует о том, что комиссия, вместо того, чтобы изучить истории болезней со всей научной объективностью, уступила лицам, фабриковавшим свидетельские показания...

Британские дипломаты рассматривали статью в «Правде» как «необычный шаг», представляющий собой решительный отказ от сталинского единоличного руководства. Теперь стало очевидным, что «дело врачей» берет начало в собственных страхах и фобиях Сталина и что за спиной генералов стоит генералиссимус. То, о чем не говорили ни иностранные специалисты, ни сами советские «реформаторы», — пятилетние планы, «крымское дело», убийство еврейских интеллектуалов и лидеров Еврейского антифашистского комитета в прошлом году, суд над Сланским и даже призрак Троцкого, — все это было частью все той же истории. Тридцатью пятью годами позднее «Нью-Йорк Таймс» в своей редакционной статье скажет: «дело врачей» никогда «публично не рассматривалось в контексте все возрастающей официальной дискриминации евреев».

В течение этих апрельских недель освобождение врачей рассматривалось как повод для растолковывания советской теории национальностей — с постоянным повторением, что все советские народы и расы равны. Должностные лица предупреждались, что они будут наказаны за всякое нарушение национальных прав и за всякую проповедь расовой ненависти.

Это было прекрасным случаем начать длительный процесс десталинизации. Однако Берия, а вовсе не Хрущев, оказался тем, кто вступил на этот путь, выступив с разоблачением «дела врачей». Знаменательно, что после падения Берии в июне 1953 года «дело врачей» публично упоминалось один единственный раз — во время суда над Рюминым. Советские вожди старались преуменьшить антисемитизм «дела врачей» и возложить ответственность за него исключительно на Берию. Например, Микоян говорил французскому интервьюеру в 1957 году, что это «дело» не было «направлено исключительно против евреев. Большинство врачей было русскими... Следствие велось в рамках, установленных бериевскими бандитами». Хрущев также лгал по этому поводу, утверждая, что большинство врачей было русскими или украинцами и что за всем этим стоял Берия.

Берия, который представил «дело врачей» как сфабрикованное, а также Рюмин, стали главными потерпевшими в результате смерти Сталина. Несколько других агентов Сталина были отодвинуты и отошли в небытие в период, следовавший сразу же после смерти диктатора (включая Чеснокова, нового члена Президиума, который написал так и не дождавшийся распространения памфлет о том, почему евреи должны быть депортированы, и сына Жданова Юрия — второго мужа Светланы, который был смещен с поста заведующего Отделом Центрального Комитета по вопросам науки и культуры). Несколько сподвижников Берии были казнены вместе со своим шефом, но никто из них не был связан с событиями вокруг «дела врачей».

Заявления первой недели апреля, которые пришлось на Песах, породили огромную волну эмоций среди евреев по всему Советскому Союзу. До этого момента многие из них опасались, что смерть Сталина не будет означать конца антисемитской кампании. Большинство советских граждан, включая и евреев, не умели схватывать все, что было написано между строк.

Несмотря на то, что десятки миллионов советских семейств напрямую были жертвами Сталина, многие просто не могли вообразить, что великий человек представляет собой зло, или сделать логическое заключение, что он сам выдумал сценарий, включавший в себя избавление СССР от евреев. То, что все это могло быть частью значительно более амбициозной стратегии подготовки к III-ей Мировой войне, также казалось невероятным.

Но евреи, соблюдавшие заповеди, приняли близко к сердцу предписание Песаха — праздника свободы, который они отмечали на этой неделе. Как говорит Пасхальная Агада (история Исхода, которую традиционно рассказывают за праздничным столом в ночь Песаха): «Мы были рабами фараона в Египте... это не были отдельные личности, которые поднимались против нас, чтобы уничтожить нас, но в каждом поколении против нас поднималось много людей, чтобы уничтожить нас... В каждом поколении человек должен рассматривать себя так, как если бы он сам спасся из Египта». Это послание дошло и до тех, кто не соблюдал традиционных предписаний. Как сказал в 1988 году репортеру газеты «Нью-Йорк Таймс» д-р Яков Раппопорт, переживший «дело врачей», хороший коммунист и, безусловно, неверующий человек: «Следующее поколение должно об этом знать».

Илья Эренбург был среди тех евреев, которые вздохнули с облегчением после заявления от 4-го апреля и последовавших за этим материалов. Сразу же после смерти Сталина он принялся за свой роман «Оттепель», который обозначил начало новой эпохи, когда многие вновь обрели способность дышать.

Однако и после всех этих событий не все оказались реабилитированными, многие евреи не вернулись обратно на занимаемые ранее посты. Хрущев держал их на расстоянии. В эпоху Брежнева 200 000 евреев после долгой и трудной борьбы получили разрешение эмигрировать, большинство из них направились в Израиль. Затем ворота захлопнулись. При Горбачеве сионистские активисты были освобождены из советских тюрем и была разрешена тонкая струйка эмиграции, которая через два года превратилась в потоп, и — впервые после новой «оттепели» — опять было упомянуто «дело врачей». Власти разрешили публикацию мемуаров д-ра Я. Раппорта. Его дочь Наталья, известный химик, сказала американскому корреспонденту, что теперь, вследствие либеральной политики Горбачева, она рассматривает вопрос о вступлении в Коммунистическую Партию.

Но затем стали приходиться письма со всего Советского Союза с реакцией на мемуары Я. Раппорта. Рассказывает Наталья Раппорт (1989 г.): «Больш-

Д-р Я. Раппорт с дочерью

шая часть из них была от невежественных, антисемитски настроенных людей... Но одно письмо на двенадцати страницах было от представительницы интеллигенции, объяснявшей во вполне научных, но весьма антисемитских выражениях, почему евреи ответственны за внутренние беды коммунизма и почему идеи Сталина относительно евреев следует считать верными». Желание Натальи Рапопорт стать частью горбачевской революции оказалось эфемерным. В конце концов, эта дочь «дела врачей» решила вместе с сотнями тысяч — а может быть, и миллионом советских евреев, строить свое будущее вместе с будущим своей дочери-подростка за пределами России, которая в течение тысячи лет была для евреев и домом и тюрьмой.

Александр ГАЛИЧ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи,
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы зазря, не стенайте, —
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.
А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам лехаим,
А таскаться на допрос с вертухаем.
Если ж будешь торговать ты елеем,
Если станешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Рос.. синантом
И украсят лапсердак аксельбантом.
Но и ставши в ремесле этом первым,
Все равно тебе не быть камергером
И не выйти на елее в Орфеи.
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!

<1964>

И. ЗИЛЬБЕР

Математик, раввин. Израиль

5 марта 1953 г.

В СОВЕТСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ

Глава из книги «Пламя не спалит тебя»

Мне захотелось поделиться с моими читателями воспоминаниями об одном Пуриме.

Неправы те, кто считает, что чудеса с нашим народом происходили только в древности. Они происходят и сейчас, просто мы в своих повседневных заботах и с нашей привычкой находить всему естественное объяснение не всегда их замечаем и признаем.

Начало пятьдесят третьего года. Страшные дни января. Сталин дал сигнал к «окончательному решению еврейского вопроса» в СССР: в центральной печати одновременно появились сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и статья «Убийцы в белых халатах». И, как некогда во времена Амана, ужас перед неминуемым, казалось, истреблением поселился в сердцах евреев.

Мне очень хочется, чтобы люди, которые, может быть, никогда не видели этого сообщения и которым, наверное, никогда не придется ворошить архивы, ознакомились с этим чудовищным документом. Привожу его здесь полностью.

«Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор *Вовси М.С.*, врач-терапевт; профессор *Виноградов В.Н.*, врач-терапевт; профессор

Коган М.Б., врач-терапевт; профессор *Коган Б.Б.*, врач-терапевт; профессор *Егоров П.И.*, врач-терапевт; профессор *Фельдман А.И.*, врач-отоларинголог; профессор *Этингер Я.Г.*, врач-терапевт; профессор *Гринштейн А.М.*, врач-невропатолог; *Майоров Г.И.*, врач-терапевт. Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неверно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства,

установили пагубный для него режим, стремились сократить жизнь советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны.

Они старались вывести из строя маршала Василевского А.М., маршала Говорова Л.А., маршала Конева И.С., генерала армии Штеменко С.М., адмирала Левченко Г.И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, расплававшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе.

Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михозэlsa. Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время.»

ТАСС, 13 января 1953 г.

Сразу после появления зловещей статьи о «врачах-убийцах» евреев стали увольнять с ответственных должностей. Помню, в Казани был институт усовершенствования врачей трех соседних автономных республик — Татарии, Чувашии, Мордовии, — так там из двадцати пяти профессоров-евреев уволили двадцать четыре. Под разными предлогами, включая «плохую подготовку кадров»...

Мой приятель Пинхасик, чудесный, золотой человек, всю жизнь проработал на авиационном заводе, кажется, заместителем директора. Его сняли с формулировкой «за неумение работать с людьми». С беднягой от

обиды и переживаний случился инсульт, он тронулся рассудком, пытался покончить с собой (к счастью, неудачно). Благословенна его память.

В газетах каждый день появлялись захватывающие фельетоны с совершенно детективным сюжетом, написанные весьма талантливо: то вдруг оказывалось, что некий инженер, рационализатор и изобретатель, принесший стране немалую пользу, — ловко замаскировавшийся английский шпион, — «Предатель Антонов (Финкельштейн) предстал перед судом и получает по заслугам»; то выяснялось, что известный профессор, не раз награжденный за свои открытия, тайком травил ядами людей и скот: «Враг народа Владимиров (Кац) отстранен от работы, и его ждет достойное возмездие».

Закрыли еще оставшиеся синагоги и конфисковали, все их имущество — книги, свитки Торы. Выслеживали места, где евреи тайно собирались на молитву. Стали хватать и тех, у кого молились, и тех, кто помогал организовать эти группы.

Не будь я евреем, я, может быть, и сам поверил бы подобным обвинениям: очень уж много фактов, имен, улик, а главное — все... признались! Мы понимали, что обвинения можно сфабриковать, но не настолько же!

Как-то в исправительно-трудовой колонии, где я тогда находился, один заключенный-еврей спросил меня: «Ицхак, почему профессора-евреи затеяли такую гадость?» Я сказал, что считаю все это неправдой. Он возмутился: «Во всем тебе поверю, но только не в том, что это фальшивка!»

В лагере на стенах вывесили рисунки. Врачи в белых халатах, с профессорскими бородами цепко держат ребенка. Льется кровь. Внизу — подпись: «Врачи-убийцы». Когда я оказывался подле этих «художеств», меня непременно окликали: «Ну, Абраша, что твои врачи вытворяют с нашими детьми?»

Иногда к заключенным приходили с воли родственники с передачами, обычно — люди из поселков, расположенных под Казанью. Помню, как одна симпатичная шестнадцатилетняя девушка рассказала брату, что их районный детский врач — еврейка повесилась после того, как умерли тридцать пять детей, которым она делала уколы.

ГУЛАГ, 1930-е годы

Из фотоархива московского «Мемориала»

Один парнишка принес передачу брату и между прочим сообщил, что поймали шестерых инженеров-евреев при попытке взорвать завод сельскохозяйственных машин. Когда я попытался выразить сомнение, все на меня набросились: «Неужто эти люди станут выдумывать?» Чувствовалось, что обитатели поселков готовы разорвать на куски «врагов народа». Стоило в лагере одному еврею подойти к другому, тут же раздавалось: «Ну, «Джойнт» уже в полном составе». А о «Джойнте» — Обществе помощи нуждающимся евреям — чего только не сообщали: оно и колорадского жука забрасывает в Советский Союз вместе с посылками, и шпионов да диверсантов вербует...

Носились упорные слухи, которые потом подтвердились, что готовится выселение всех евреев: части — в Верхоянский край, где температура падает до минус шестидесяти восьми градусов по Цельсию, а части — на Дальний Восток. Во всех учреждениях уже были отложены личные дела евреев. Их ждали специально выстроенные бараки. В ООН даже поступил запрос Вышинскому, зачем строят бараки, но он толком так и не ответил. Запланировано

было в пути, на остановках, дать возможность народу «отомстить врагам». Предполагалось довести до места примерно половину, а остальных уничтожить по дороге. Мне рассказал один еврей, бывший полковник Лебедев, живущий сейчас в Иерусалиме, что ему пришлось хлопотать о квартирах для военнослужащих в Вильнюсе. В горсовете, не зная, что он еврей, ему сказали, что скоро освободится много квартир, так как нежелательные элементы будут выселены. Он видел готовые к отправке эшелоны для этих «нежелательных элементов». Евреи чувствовали: готовится что-то страшное...

Яков Айзенштат, бывший председатель Московской городской коллегии адвокатов, в книге «О подготовке Сталиным геноцида евреев» (Иерусалим, 1994), ссылаясь на объективные документальные сведения, представленные Н.Н. Поляковым, бывшим сотрудником органов государственной безопасности и аппарата ЦК КПСС (перед кончиной Поляков, долго и тяжело болевший, решил рассказать об известных ему фактах), пишет: «Решение о полной депортации советских евреев было принято Сталиным в конце 40-х — начале 50-х годов. Для руководства

этой акцией была создана комиссия по депортации, подчинявшаяся только Сталину. Председателем комиссии по депортации Сталин назначил М.А. Сулова, а секретарем — Н.Н. Полякова. Для размещения депортированных в Биробиджане и других местах форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые, секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки (отделами кадров — по месту работы, домоуправлениями — по месту жительства) всех лиц еврейской национальности, чтобы никого не пропустить. Было два вида списков — чистокровных евреев и полукровок. Депортация должна была осуществиться в два этапа: чистокровные — в первую очередь, полукровки — во вторую...»

Как свидетельствует Н.Н. Поляков, депортацию было намечено осуществить во второй половине февраля пятидесят третьего года. Но вышла задержка — не с концлагерями (барачное строительство не было завершено и наполовину, но это никого не смущало), а с составлением списков. Поэтому Сталин установил жесткие сроки: суд над врачами — пятого-седьмого марта, а казнь — одиннадцатого-двенадцатого.

Раввин И. Зильбер проводит занятия с учениками в московской иешиве

Все железные дороги были приведены в готовность...

Уже было назначено, кому погибнуть от «народного гнева», кому достанутся коллекции евреев-коллекционеров, кого ждали освобождающиеся квартиры...

Бывший председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин подтвердил, что судебный процесс над врачами должен был завершиться смертными приговорами, что готовы были документы и о высылке в Сибирь и на Дальний Восток всех евреев.

Суд над «врачами-убийцами» был назначен на шестое марта. Обвиняемые признались, обвинения доказаны. Врачей повесят на Красной площади. Население бурно выразит свое возмущение — и машина выселения евреев заработает. И вдруг — смерть Сталина пятого марта! Новые руководители СССР не знали, как поступить, и где-то через две-три недели впервые за всю свою историю коммунистическая партия СССР признала, что допущена ошибка!

Вспоминаю те дни. Праздник Пурим выпал на двадцать восьмое февраля пятидесят третьего года; это был субботний вечер. Я собрал кого мог и вечером, после проверки, часов в семь, стал своими словами пересказывать евреям-заключенным свиток Эстер. Люди внимательно слушали про Мордехая и Гамана, Ахашвероша и Эстер. Я говорил о том, что евреи обязались помнить и отмечать Пурим как большой праздник, что эти дни не забудутся никогда, память о них будет жива во всех поколениях, что Всевышний хранит Свой народ.

И вдруг один из слушателей, Айзик Миронович, наклонился на меня:

— Что ты нам *майсе* (байки) рассказываешь? Где твой Всевышний? Еще немного — и от евреев Союза только пыль останется! Врачи признались. Бараки построены. Масса народу арестована. Кто все это остановит?

— Не спеши оплакивать, — ответил я ему. — Конечно, положение у нас очень тяжелое, но Гаман тоже успел разослать приказы об уничтожении евреев в сто двадцать семь областей.

— Что ты сравниваешь! То какой-то Гаман, а то Сталин! Все, что Сталин ни задумывал, по его вышло. Миллионы людей погубил, а коллективизацию провел, всех мужиков России сумел превратить в рабов. А в тридцать седьмом что он сделал? Уничтожил самых талантливых и преданных коммунистов, религиозных деятелей, раввинов, да просто невинных людей, ничего не знавших о политике, — около восемнадцати миллионов. Войну выиграл, а после войны сколько народу выселил! Крымских татар, например...

Я ответил:

— С крестьянами получилось, с татарами получилось, но с евреями не получится. Все в руках Всевышнего, «не дремлет и не спит Страж Израиля»¹. Сталин — не более чем человек — *басар ва-дам*!²

— Но он крепок, как железо, хотя ему уже семьдесят три!

— Мы не знаем, что будет с басар ва-дам через полчаса.

Айзик Миронович плюнул и ушел. На завтра он искал меня по всему лагерю.

— Слушай, Ицхак, ты хорошо сказал: «Не знаем, что будет с басар ва-дам через полчаса». Один вольный инженер слышал по немецкому радио, что в ночь с двадцать восьмого февраля на первое марта в восемь часов двадцать три минуты у Сталина произошло кровоизлияние в мозг и он лишился речи. Врачи говорят — близок к смерти. А

пуримскую историю ты кончил рассказывать без десяти восемь, ровно за полчаса до того! Я никогда этого не забуду!

Он действительно не забыл. После всех передрыг приехал Айзик в Израиль и поселился в Нагарии. Случайно мы встретились в Иерусалиме, и он рассказал мне, как ему предложили работать в таком месте, где надо нарушать субботу. Айзик, несмотря на щедрые посулы, отказался.

Как только я услышал, что Сталин тяжело заболел, тут же стал читать псалмы, чтобы ему скорее пришел конец. Я читал их три дня подряд днем и ночью и перестал, когда узнал, что злодея уже нет в живых.

И еще несколько слов о возмездии. Пятого марта официально объявили о смерти Сталина. На похороны приехал президент Чехословакии Клемент Готвальд, незадолго до того расстрелявший по делу Рудольфа Сланского (Генерального секретаря ЦК Компартии Чехословакии) одиннадцать человек, среди которых были и очень крупные государственные деятели: министр внутренних дел, министр внешней торговли и другие. Их обвинили в том, что они выпустили в Израиль сто тысяч евреев. Готвальд скоропостижно скончался прямо в день приезда, по официальной версии — от воспаления легких, и был похоронен одновременно со Сталиным. В те дни все мои приятели, даже неверующие, спорившие когда-то со мной, подходили и жали мне руку: «Ицхак, ты прав. Есть Б-г. Все, что случилось, иначе как наказанием, посланным от Него, не объяснишь. Это и слепому видно». А между тем среди них были всякие люди: кто-то сотрудничал с Лениным в девятнадцатом году, кто-то закрывал синагоги в Витебске в двадцать третьем, двое долго работали в НКВД в Киеве и Минске, один «во

¹ «Тегилим» («Псалмы»), 121:4.

² На иврите букв. «мясо и кровь»; так говорят, когда хотят сказать «простой смертный».

имя революции» отправил за решетку собственных родителей...

Кстати, и врач Л. Тимашук, написавшая донос о врачах-вредителях, погибла в автомобильной аварии, может быть, не случайной.

А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» (т. 1, ч. 1), отмечая систематичность, с какой сталинские аресты проходили по всем слоям населения, пишет: «В последние годы жизни Сталина определенно стал намечаться и поток (в лагеря — И. З.) евреев (с пятидесятого года они уже понемногу тянулись как космополиты). Для того было затеяно и дело врачей... Однако это стало его первым в жизни сорвав-

шимся замыслом. Велел ему Б-г... выйти из ребер вон».

Сказано в Талмуде: еврей, который судится с неевреем, должен постараться оттянуть суд до месяца адар, потому что в дни адара потерпели поражение все те, кто готовил убийство евреев. О том, что у Сталина кровоизлияние в мозг произошло в адаре, мы уже говорили. Но вот не все, скажем, знают, что и немцы под Сталинградом были окончательно разбиты к первому дню месяца адар. Гитлер объявил этот день траурным. Кстати, недавняя война в Персидском заливе тоже прекратилась в Пурим, внезапно и неожиданно, когда ничто не предвещало ее конца.

Римма КАЗАКОВА

Уезжают русские евреи.
Покидают отчий небосвод.
И кому-то, видно, душу греет
апокалипсический исход.

Расстанутся невозвратно с нами,
с той землей, где их любовь и пот.
Были — узы, а теперь узлами,
словно склад, забит аэропорт.

Что сказать, что к этому добавить?
Это чья победа, чья беда?
Что от них нам остается? Память.
Памятники духа и труда.

Удержать их, не пустить могли ли?
Дождь над Переделкино дрожит.
А на указателе к могиле
Пастернака
выведено:
«Жид».

ЭПОХА В АНЕКДОТАХ

*Пессимизм — это роскошь,
которую евреи не могут себе позволить.*

Голда Меир

Телефонный звонок.

— Это КГБ?

— Да.

— К вам не залетал мой зеленый попугай?

— Нет.

— Если он залетит, хочу предупредить, что я его политических взглядов не разделяю.

Два еврея идут мимо Лубянки. Один из них вздыхает. Другой в ответ:

— И он мне еще рассказывает!

Гершензон каждое утро подходит к газетному киоску, берет газету «Правда», просматривает первую страницу и кладет ее на место.

— Что вы там все время ищите? — спрашивает его киоскер.

— Я ищу некролог.

— Но некрологи печатают на последней странице.

— Тот, который я жду, будет на первой.

— Первый слог моей фамилии — это то, что большевики нам обещали, второй — то, что мы получили.

— Гражданин Райхер, вы арестованы.

Пророчество еще 20-х годов, когда Российская Коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)) была переименована во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков) (ВКП(б)).

- Что означает РКП(б)?
- Россия кончит погромом.
- А ВКП(б)?
- Все кончится погромом.
- А почему «б» в скобках?
- Погромом (большим).

В мавзолее милиционер говорит посетителям: «Граждане, отдайте последний долг и не задерживайтесь!»

- Ты слышишь, Хаим?! Он у нас все отнял, и мы же ему остались должны!!!

Абрамзон повесил на своем балконе плакат: «Спасибо товарищу Сталину за мое счастливое детство!»

- Послушай, Арон Моисеевич, — говорит сосед. — Ведь во время твоего детства Сталин еще не родился!
- Вот за это-то ему и спасибо!

Умирает старый армянин. К нему подходят его дети:

- Отец! Ты умираешь. Скажи, как нам жить дальше?
- Берегите евреев.
- Ну, что ты говоришь, отец? Ты скажи, как нам жить дальше.
- Дети мои, берегите евреев.
- Да при чем здесь евреи? Мы всю жизнь прожили в Армении, мы армяне, ты скажи, как нам жить дальше?
- Слушайте меня, дети мои, вашего старого отца. Берегите евреев! С евреями покончат — за нас возьмутся.

Эдуард Багрицкий в начале 30-х годов говорил своему другу:

«Я с большим уважением смотрю на мою руку: ее вчера пожал Сталин».

В Одессе, во дворе на скамейке сидят старые евреи. Муж и жена. В сторонке играют мальчишки. Вдруг старая еврейка обращается к мужу:

- Абрам! Кто-то сейчас сказал «жид»?
- Старик подзывает к себе одного из мальчишек.
- Федя, это ты сказал «жид»?
- Дядя Абраша, вы ведь знаете меня с пеленок. Разве я могу? Старик подзывает другого.
- Вася, это ты сказал «жид»?
- Ну что вы, дядя Абраша? Я могу резать, убивать, но слова такого — «жид» я не знаю.

Старый еврей поворачивается к жене:

- Не пудри ребятам мозги. Это по радио.

1937 год. Один еврей спрашивает другого:

- Как живете?
- Как в автобусе.
- ??
- Одни сидят, другие трясутся.

Телефонный звонок.

- Позовите, пожалуйста, Рабиновича. — Его нет.
- Он на работе? — Нет.
- В отпуске? — Нет.
- Я вас правильно понял? — Да.

Приходят евреи к раввину и спрашивают:

- Ребе, сколько это еще будет продолжаться? Мы уже не в состоянии больше выдержать!
- Не дай Бог, чтобы это продолжалось столько, сколько вы в состоянии выдержать!

- Хаймович, вы знаете, кто по национальности Папа Римский?
- Не может быть?!..

На партсобрании председатель обращается к Рабиновичу:

- Почему вы не берете слово? У вас что, нет своего мнения?
- Мнение, конечно, есть. Но я с ним не согласен.

В отделе кадров:

- Фамилия, имя, отчество?
- Рабинович Исаак Соломонович.
- Национальность?
- Русский.
- Русский? Исаак — русский?
- А разве Исаакиевский собор — синагога?

В разгар антисемитской кампании начала 50-х годов старого еврея в трамвае обзывают «жидовской мордой». Со вздохом он сказал:

- Если бы в магазине была гречневая крупа, то все было бы, как при Николае Втором.

Два еврея проходят мимо КГБ. Оттуда со двора выводят верблюда.

- Хаим, — тихо говорит один, — ты посмотри, что они сделали с лошадьёю.

Рабинович проходит мимо здания на Лубянке. На дверях висит табличка: «Посторонним вход воспрещен».

— Ха, мне это нравится! Можно подумать, что если бы они написали «Добро пожаловать», так я бы к ним пошел!

Двух евреев, одного со сроком десять лет, а другого — пятнадцать, поместили в одну камеру. Тот, кому дали пятнадцать, говорит:

— Хаим, ложись ближе к двери. Тебе раньше выходить.

Два еврея беседуют на суде.

— Гриша, ты мне можешь объяснить: почему всегда во время чтения приговора нужно стоять?

— Потому что после этого нужно долго сидеть.

Судья спрашивает:

— Свидетель Зильберман, знаете ли вы, что вас ожидает за дачу ложных показаний?

— Да, мне обещали «Волгу».

При советской власти Рабиновича арестовали за то, что он разбрасывал листовки. Но когда увидели, что это абсолютно чистые листки бумаги, Рабиновича отпустили. Друзья спрашивают:

— Зачем ты пустые листки разбрасывал, там же ничего не написано?

— А зачем писать? И так все ясно.

Рабинович подходит к газетному киоску:

— Дайте «Правду».

— Нет советских газет.

— Почему?

— Советская власть кончилась.

Рабинович отходит и снова возвращается.

— Дайте «Правду».

— Я ведь только что сказал вам: нет советских газет!

— Почему?

— Советская власть кончилась! Сколько можно повторять!

— Ах, повторяйте, повторяйте, пожалуйста!

Рабиновича пустили в туристическую поездку. Он присылает телеграммы отовсюду:

- «Привет из свободной Болгарии. Рабинович».
- «Привет из свободной Румынии. Рабинович».
- «Привет из свободной Венгрии. Рабинович».
- «Привет из Австрии. Свободный Рабинович».

Директор посмотрел анкету и говорит:

- Мы бы вас взяли, но нам нужен человек со знанием математики.
- Я окончил мехмат.
- Нужны знания по физике и химии.
- Я окончил также физико-химический факультет.
- У нас связи с зарубежными фирмами.
- Я говорю на трех европейских языках.
- У нас филиал в Таджикистане.
- Я знаю таджикский.
- Долго ты будешь надо мной издеваться, жидовская морда?

- Гуревич, почему вы не были на последнем партсобрании?
- Мне никто не сказал, что это последнее собрание. Иначе я бы непременно пришел.

- Рабинович, почему вы не вступаете в партию?
- Потому что тогда с меня будут спрашивать, как с коммуниста, а относиться, как к еврею.

Одесский еврей пишет письмо брату в Америку: «У нас в Одессе погода мерзкая, небо покрыто тучами, солнышка нет, как рублей. На Дерибасовской пусто, на Привозе курица стоит аж 6 рублей».

Письмо было прочитано где нужно. Автора его вызвали в органы и стали увещевать:

- Вы же, гражданин Ицкович, должны быть патриотом своей Родины. Зачем же вы пишете такие мрачные письма. Напишите, как советский патриот.
- А почему бы и нет?

Было послано другое письмо: «У нас в Одессе погода чудесная, как и над всей страной, безоблачное небо, солнце светит во все лопатки. На Дерибасовской не протолкнуться, все гуляют, конечно, после радостной работы. Представляешь, на Привозе слон стоит 10 рублей. Но зачем мне столько мяса. Так я купил себе курицу всего за 6 рублей».

В Тель-Авиве открыли дорогой ресторан для эмигрантов под названием «Тоска по родине». Там плохо кормят, хамят, на столах лежат грязные скатерти, а швейцар встречает посетителей словами:

- Добро пожаловать, жидовская морда!

- Рабинович, что бы вы сделали, если бы вдруг открыли границы?
- Залез бы на дерево.
- Почему?
- Затопчут.

- Папа, расскажи мне историю евреев.
- Сначала были фараоны и евреи. Фараоны стремились уничтожить евреев: фараоны исчезли, евреи остались. Потом были древние римляне. Они тоже хотели уничтожить евреев: Древний Рим исчез — евреи остались. Потом евреев преследовала инквизиция — где теперь инквизиция? Нету?! А евреи есть. Был царизм и были евреи. Царизм загонял евреев в «черту оседлости» и устраивал погромы. Где теперь царизм? Нету?! А евреи есть. Был Гитлер и были евреи. Гитлер умертвлял евреев в газовых камерах. Где теперь Гитлер? Нету?! А евреи есть. Есть социализм и есть евреи...
- Что вы этим хотите сказать?
- Я только хочу сказать, что мы вышли в финал.

ВСПОМНИМ ИХ ПОИМЕННО

О жертвах сталинских репрессий вспоминают писатели, близкие, друзья...

СОЛОМОН МИХОЭЛС

*С. Михоэлс 11 января 1948.
За день до гибели*

Михоэлс (настоящая фамилия — Вовси) Соломон Михайлович (4 (16).3.1890, Двинск (ныне Даугавпилс) — 13.1.1948, Минск), еврейский актёр, режиссер, народный артист СССР (1939 г.), лауреат Сталинской премии 1946 г.

Михоэлс вырос в благополучной еврейской семье, получил традиционное еврейское религиозное образование... После Октябрьской революции поступил в открывшуюся в Петрограде Еврейскую театральную студию А.М. Грановского (впоследствии знаменитый Государственный еврейский театр, ГОСЕТ).

С 1919 г. С.М. Михоэлс на сцене. Один из основателей (1925 г.) и с 1929 г. художественный руководитель Московского государственного еврейского театра.

В годы второй мировой войны она возглавил Еврейский антифашистский комитет. В 1943 году совершил с И. Фефером поездку по США, Канаде и Великобритании, собирая средства для советской армии. Убийство Михоэлса (13 января 1948 года), совершенное, очевидно, по приказу «свыше» и выданное за «гибель в автокатастрофе» стало началом ликвидации еврейской культуры и уничтожения ее деятелей в СССР.

Наталья ВОВСИ-МИХОЭЛС

О МОЕМ ОТЦЕ

(Главы из книги, изд. «Возвращение», М., 1997).

ДЕНЬ В ТЕАТРЕ

Я уже писала, что впадать «во мрак» Михоэлс мог себе позволить очень редко, когда оставался наедине со своими близкими. Обычно уже с самого утра он был окружен людьми.

Отец ночевал у себя внизу, но с девяти у нас в квартире начинал трезвонить телефон: «Простите, можно попросить Михоэлса?», «Михоэлс обещал сегодня выступить у нас в Доме художника, мы ждем его к восьми вечера. Куда приехать за ним машину?»

Я не успеваю записывать, как снова звонок: «Передайте, пожалуйста, Соломону Михайловичу, что звонили из художественного совета. У нас в восемь заседание. Машину мы пришлем»,

И снова звонок: «Папа дома? Передай, что мы его ждем к восьми. Он обещал обязательно прийти».

Воспользовавшись паузой между звонками, я набираю папин номер, но там уже безнадежно занято.

Так начинается день. Три встречи, назначенные на один и тот же час, телефонные звонки и люди, люди, люди — ждущие, рвущиеся, добивающиеся встречи.

*Труппа ГОСЕТа.
1922-1923*

Иногда, так и не дозвонившись, я спускалась к отцу и заставала его с намыленными щеками перед зеркалом. Рядом лежала телефонная трубка, которую он, прерывая бритье, время от времени подносил к уху. Я делала ему знак и громко звала, тогда он хватал трубку с колен и обращался к говорившему: «Простите, ко мне пришли, да, да, в следующий раз непременно».

Выяснялось, что вот уже сорок минут донимала его опасная собеседница из разряда «мыслящих дам», которая, неожиданно дозвонившись, спешила поделиться с Михоэлсом художественными, театральными и музыкальными впечатлениями, ну и, конечно, пригласить в гости. Между тем дело шло к десяти часам — времени утренней репетиции. Надо бежать. Вот это «надо бежать» я помню всю жизнь. Всю свою неустроенную, бестолковую, лишенную удобств жизнь отец спешил, опаздывал, нервничал, отшучивался и никогда не жаловался.

Театр находился в пятнадцати минутах ходьбы от квартиры на Станкевича и в пяти минутах ходьбы от дома на Тверском бульваре, — и вот уже Малая Бронная. На крыше углового здания светилась по вечерам неоновая надпись: «Московский государственный еврейский театр».

Как не хватало этой надписи, когда театр закрыли! Как устрашающе непривычна была его темная, потухшая крыша!

Отец входил в театр с обычным домашним вопросом: «Ну, кто мне звонил?» Дежурная передавала ему перечень звонков: тут были и приглашения, и дела, и, главным образом, просьбы. Трудно передать, какое количество людей нуждалось в его совете и помощи, а порой и просто в добром слове. Помню стихотворение поэта Николая Адуева, кончавшееся шутливой строчкой: «Увидел я Михоэлса и сразу успокоился».

Не успевал он переступить порог своего кабинета, как на него наваливались с десятков поджидавших его людей — актеров, художников, драматургов, просто просителей.

— Соломон Михайлович, — бросается к нему разъяренная костюмерша, — вот Роза отказывается от этого платья, потому что оно ее полнит.

В углу сидит надутая, зареванная Роза. Она не отвечает на приветствия Михоэлса и при первых же словах костюмерши срывается с места и с рыданиями выбегает из кабинета.

Не успевает решиться вопрос о потолстевшей Розе и ее платье, как выясняется, что какая-то Саррочка кого-то родила в Биробиджане и ей срочно требуются деньги.

Деньги для незнакомой Саррочки из Биробиджана берутся Михоэлсом прямо из кассы театра в счет будущей зарплаты (то-то никогда не было у него ни квартиры, ни денег), сравнительно легко достаются успокоительные таблетки для чьей-нибудь нервной тещи. Значительно сложнее обстояло с поисками квартиры для молодоженов или устройством на работу инженера-электрика, чьего-нибудь зятя.

Нередко приходилось выслушивать исповедь несчастного влюбленного студийца или давать совет растерянной мамаше, как ей справиться с непутевой дочкой.

Так проходило время перед репетицией и в перерывах.

«Я обвешан судьбами», — вздыхал отец. И это было правдой.

Сказать, почему он при всей своей занятости позволял этим судьбам так бесцеремонно наваливаться на себя, сложно. Всякое определение оказалось бы слишком однозначным. Это не была доброта Дед Мороза, да и вообще, не только доброта. И не только огромное живое любопытство к человеческим судьбам. Но еще, наверное, то чувство ответственности, которое свойственно человеку, родившемуся, как мой отец, старшим.

Однажды он признался нам с Асей: «Мне тяжело, и иногда мне кажется, что я один отвечаю за весь свой народ, не говоря уже о театре».

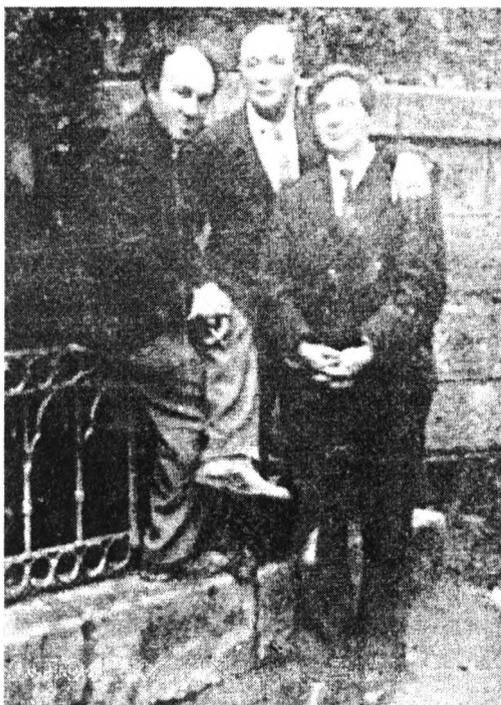
Проводив отца, я уходила утром из театра и знала, что день пройдет в суматохе, что отец будет бегать из зала на сцену, отдавать распоряжения, объясняться с актерами, наслаждаться обществом Саша Тышлера, скучать на заседаниях и, по своему обыкновению, каждый час звонить домой и сообщать, где он.

Эта «телефонная болезнь» папы, которая, кстати, по наследству передалась и нам, была известна всем. Не успевал он закончить деловую встречу, освободиться после собрания или репетиции, как немедленно звонил домой, давал подробный отчет об истекшем часе и сообщал, что ему предстоит в ближайшее время.

Поэтому, наверное, в январе 1953 года после сообщения ТАСС и опубликования в «Крокодиле» статьи о «врачах-убийцах», где отец — «лицедей Михоэлс»

Мизансцена к спектаклю
«Король Лир» В. Шекспира.
Эскиз А.Г. Тышлера

*Во время гастролей ГОСЕТа по Европе.
Михоэлс, Грановский, Шагал (слева направо)*

— был назван «агентом буржуазной разведки, продавшим душу желтому дьяволу», к нам пришла заплаканная домработница Ксения — одна из немногих, не отвернувшихся от нас в то страшное время, и сказала сквозь слезы незабываемую фразу: «Да и когда у него было время шпионить, если даже я знала каждый его час!»

В тех редких случаях, когда мы обедали одни, без посторонних, отец, как правило, мрачно барабанил пальцами по столу, а то и раскачивался, как на молитве, что наводило ужас и трепет и на нас, и на бедную тетю.

Обед проходил в гробовом молчании, а затем папа отправлялся вздремнуть «на полчаса». Мы выключали телефон, и дом замирал.

Получасом дело не ограничивалось, и, проспав лишние десять минут, он вскакивал, рассвирепевший, принимался суетиться и клясть себя за неизбежное опоздание на какую-нибудь встречу или за пропущенный телефонный звонок.

Но и выйти из дома, не выпив кофе, он не мог.

Обычно дневной кофе сопровождался у нас одной и той же игрой: у папы было смешное пристрастие пить кофе из блюдца с сахаром вприкуску, на манер русского чаепития, а чашку с кофе он ставил прямо на скатерть, на которой тут же расплывалось безобразное пятно. Я предусмотрительно обставляла его блюдцами, а он, стреляя глазами по сторонам, как расшалившийся школьник, раздвигал блюдца и все-таки ставил чашку прямо на скатерть.

Но в минуты «полного мрака» даже эта дурацкая домашняя игра не соблюдалась.

Мрак наступал обычно перед каждой премьерой, и, когда после дневного кофе отец произносил сакраментальную фразу: «Такого провала еще не было», — мы понимали, что за жизнь нас ждет в ближайшее время.

В дни спектаклей он ничего не ел, пил кофе и уходил в театр задолго до начала спектакля. В пять он закрывался в своей гримерной, спектакли начинались в девять.

Эти четыре часа он проводил наедине со своей ролью. Он говорил, что не нуждается в репетиции в день спектакля и единственное, что ему необходимо, — «как-то перестроить себя, забыть обо всем, обо всех и в таком состоянии выйти на сцену». Однако эта перестройка требовала от него огромного внутреннего напряжения.

Я была свидетельницей того, как в Ташкенте в 1942 году Михоэлс, «перестроившись и забыв обо всем на свете», сыграл от начала и до конца «Короля Лира», не заметив землетрясения, которое произошло в городе. Толчок отозвался в зале, с потолка посыпалась штукатурка, люди в панике заторопились к выходу, а он потом рассказывал, что не почувствовал ничего, кроме легкого головокружения.

«ТЕВЬЕ-МОЛОЧНИК»

Было решено сделать спектакль «Тевье-молочник» по Шолом-Алейхему в инсценировке Добрушина и Ойслендера.

Между постановками «Лира» и «Тевье», где папа сыграл последнюю свою роль, прошло три года. В «Тевье» отец был и постановщиком, и актером. На протяжении всего репетиционного периода роль Тевье исполнял другой актер. Помню, как папа, вернувшись домой, с тоской говорил: «У меня на сцене сразу четыре невежды — два действующих лица и два исполнителя». Сам же он выступил в спектакль только перед премьерой.

Многие критики утверждают, что Тевье в его исполнении не уступает Лиру. Вспоминается фраза из статьи театрального критика Бачелиса: «...Кажется... кажется... Михоэлс в Тевье доходит до гениальности».

В отличие от предыдущих постановок Шолом-Алейхема, «Тевье» был решен реалистически, но по традиции ГОСЕТа строился на музыкальных лейтмотивах, которые органически вплетались в драматическую ткань спектакля.

Основным лейтмотивом «Тевье» была песенка «Мир задает извечный вопрос».

Однако, несмотря на требования тех лет — спектакль был поставлен в 1930 году, — ни постановкой, ни игрой отец не давал ответа на этот вопрос. В последнем эпизоде Тевье изгоняют из насиженного гнезда, и он, бережно захватив табуретку, уцелевшую от его дома, уходит под мелодию той же песни. Сцена заливается ярким светом. Несмотря на кажущуюся оптимистичность, финал оставлял глубоко трагическое впечатление.

Тевье-молочник, как я уже говорила, — последняя роль, которую отцу удалось сыграть. Он мечтал показать «Ричарда Третьего» Шекспира — роль была почти готова. Он ставил пьесу Бергельсона «Давид Реубени», где должен был играть главную роль... Но судьба решила иначе...

Один из театральных критиков того времени Павел Новицкий считал, что образ Тевье — самое значительное из того, что создал Михоэлс. «...И таким гордым, мужественным, пытливым, сохранившим в страдании внутреннюю свободу и человеческое достоинство, изображает Тевье Михоэлс! — пишет Новицкий. — В этом образе он сознательно, в результате всех своих творческих и философских исканий, поставил грандиозную проблему народа, захотел изобразить великодушные, талантливую, сердечную глубину, насмешливый, скептический и патетический ум, страстный темперамент, чуткость, неисчерпаемую жизнеспособность и воинствующий оптимизм еврейского народа. Таким показал Тевье-молочника Михоэлс, он сыграл народ, сыграл мужество и бессмертие народа».

Новицкий — один из трех «подруг», которые могли часами сидеть у папы, не проронив ни слова. Другими двумя были Фальк и Завадский. Почему отец

*Михоэлс — Тевье.
«Тевье-молочник»
по Шолом-Алейхему. 1937*

называл этих больших, отнюдь не женственных людей «подругами», трудно сказать. Так они и остались при нашем доме в качестве «подруг» — подруга Завадский, подруга Новицкий и подруга Фальк.

Павел Иванович Новицкий ходил за отцом то наверх, то вниз, терпеливо пережидая телефонные звонки, прорывавшие их серьезный разговор.

Он относился к Михоэлсу с особым бережным почтением. Дружба их началась с того, что Новицкий задумал написать о папе большую статью. Они подолгу беседовали на самые разнообразные темы — папу трудно было заставить говорить о себе, зато о своей работе он мог рассказывать до бесконечности.

Новицкому, собственно, как и Фальку, хотелось разгадать глубоко спрятанное «я» Михоэлса. И потому в портрете, данном Новицким, звучит никем и никогда не упоминаемая крамольная тема одиночества — ведь по всем канонам советский человек одиноким чувствовать себя не может.

«Меня беспокоят горечь его улыбки и затасенная древняя печаль его глаз. Хочется подойти к нему, раздвинуть его плечи и тихо сказать: «К чему так много печали? Она порабощает ваш дух и парализует вашу волю». Но я не говорю этих слов Михоэлсу. Я веду с ним другой, смежный разговор. Меня интересует природа его скепсиса.

— Действительность не отрицается, но выдвигается другой принцип, что горю и радости одна цена... Признание этого принципа означает трагическое безразличие к миру, обреченность человека. Когда пошатнулся ваш конкретный мир, вы ухватились за астрономо-биологический мир, который нельзя было осязать. Но ведь это значит, что вы конкретному человеческому миру сказали — «нет». Ведь это и есть одиночество.

Михоэлс смотрит на меня с сожалением и досадой.

— Скепсис, — говорит он, — был временным явлением. Когда мир шатался, в этот момент скепсис был выходом. Скепсис не есть мировосприятие, обязательное для каждого. Человек не рад скепсису, его не влечет к нему никакое благо. Жизнь сама предлагает ему в тяжелую минуту скепсис, чтобы он не погиб. Одиночества не надо бояться, одиночество существует всегда. В творчестве, в поисках, в размышлениях, в усилении мысли, в страдании разве человек не одинок?»

Глубокую, интересную статью о Михоэлсе Новицкий заканчивал словами: «Тевье требует продолжения». Но продолжению не суждено было осуществиться.

Евгения ГИТИС

*Председатель правления Ассоциации евреев
из бывшего СССР (штат Мэриленд)*

ЛИР НА ЛЕСЕНКЕ

Дочь Соломона Михайловича Михоэлса, вспоминая отца, говорила о его страсти к познанию, к знаниям. Наверное... Но я знала другую его страсть: он не мог пройти мимо человека, если видел, что тому плохо. Старался отвлечь, утешить. Он удивительно умел это делать. Начинал разговаривать, смешить,

что-то разыгрывать. Ему всегда было необходимо утешить человека.

Помню, однажды мы с мужем вышли погулять. Жили мы тогда около Гоголевского бульвара и выходили вечером пройтись по бульвару. Возвращаясь домой, увидели идущего навстречу нашего молодого друга. Он был, очевидно, чем-то угнетён и шёл, опустив голову, не замечая никого вокруг. Нас он тоже не заметил. Мы окликнули его. Он оглянулся: «А-а, это вы... А я от вас. Я хотел сегодня быть с вами...»

Мы поняли, что с ним что-то произошло. Пошли вместе, стали расспрашивать.

«Раз вы хотели увидеться с нами, значит, наверное, хотели поговорить? Что-то случилось?..» — «Нет, ничего». — «Расскажите... Вам будет легче». — «Да ничего особенного». — «Хорошо, но чем вы так огорчены?» — «Просто мне сегодня уже тридцать лет!»

Мы с мужем не могли не рассмеяться. Нам было уже давно за тридцать лет, и никакой драмы из-за этого мы не пережили. Начали утешать нашего друга, но не могли удержаться от смеха. И вдруг рядом раздался голос: «По какому поводу такое веселье?»

«Соломон Михайлович, — говорю я подошедшему Михоэлсу. — У этого человека ужасная беда... Ему сегодня тридцать лет!» — «Тридцать лет?! Это серьёзно, — сказал Михоэлс. — Пойдёмте со мной».

Мы взяли нашего огорчённого друга под руки и пошли за Соломоном Михайловичем. Он привёл нас к какому-то дому, три ступени вниз. Спустились, открыли дверь и очутились в огромном пивном зале. Столики, маленькая эстрада, музыканты, даже дирижёр. Едва вошли, как услышали с эстрады: «Соломон Михайлович!.. Соломон Михайлович!..» Михоэлс сказал нам на ходу: «Займите столик!» А сам пошёл к эстраде.

Забрал у дирижёра палочку, взмахнул и запел залихватскую русскую песню. Музыканты играли пританцовывая. Дирижёр хлопал в такт ладонями. Михоэлс дирижировал и пел. В зале сначала смеялись, а потом стали петь. Пели вместе с Михоэлсом. Кто-то знал слова, кто-то пел без слов, кто-то подхватывал припев. Пел весь зал, пели и пританцовывали музыканты на эстраде, пел Михоэлс, размахивая дирижёрской палочкой.

Соломон Михайлович закончил петь, отдал палочку дирижёру. Музыканты постучали смычками по своим скрипкам. В зале аплодировали. Михоэлс подошёл к столику, нам подали пиво. Соломон Михайлович сказал, обращаясь к нашему другу: «Вот, молодой человек, мы празднуем ваш день рождения... Тридцать лет! Да-а-а, а я начинал только в тридцать шесть... До этого был адвокатом. Мне хотелось защищать людей. Потом увидел, что у меня это не очень хорошо получается, и стал искать своё дело. И нашёл, нашёл... У вас ещё есть время, молодой человек. А я очень рад за вас. Поздравляю! Вам тридцать лет!»

Мы пили пиво, грызли воблу, солёный горох. И когда выходили из зала, нас провожали аплодисментами.

В сорок втором году я приехала в Москву с фронта, из-под Воронежа. Доехала сравнительно спокойно. Один раз попали под бомбы, но поезд сумел пройти. Сошла на московский перрон и, спустившись в метро, впервые

С. Михоэлс. 1923

*Умиравший Лир —
С. Михоэлс.
Набросок А.Г. Тышлера. 1942*

Алексея Николаевича Толстого, с которым очень дружил. Сказал, что пьеса замечательная — об Иване Грозном. В зале театра собралось всего несколько человек. Алексей Николаевич сидел на сцене, а Соломон Михайлович примостился на ступеньках лесенки, которая вела из зрительного зала на сцену. Маленький человек, почти гномик, сидел на лесенке, поджав ноги, повернув свою некрасивую, прекрасную голову к Алексею Николаевичу. Иногда оборачивался, поглядывая на слушателей, и в его взгляде читалось: «Ну как? Что я вам говорил?»

Пьеса и впрямь была поразительная. В некоторых сценах угадывался Сталин. Особенно запомнилась сцена у гроба жены. Сидел Иван Грозный и цепко, испытующе вглядывался в лица тех, кто пришёл с ней проститься: «Кто из них отравил?»

Читал Толстой великолепно, и пьеса производила сильное впечатление. Поставленная в Малом театре, она стала неузнаваемой: настолько велика была разница между первым вариантом, который я слышала, и тем, что шло на сцене.

Потом, припоминая это чтение, думая о Михоэлсе, о его трагической судьбе, я видела его именно таким — сидящим на ступеньках лесенки. Маленький человек, гномик и — величественный король Лир. Один и тот же человек. Удивительно.

Прошло несколько лет. В конце 1947 года Михоэлс как представитель комитета по Сталинским премиям должен был поехать в Минск.

Незадолго до командировки его укусила бешеная собака. Врачи запретили не только алкогольные напитки, но даже не разрешали принимать успокоительные лекарства на спирту. Михоэлс был на строгой диете, перенёс болезненную процедуру уколов и был удручён от всего этого. Ехать в Минск ему не хотелось, но он всё же поехал. Вскоре после его отъезда позвонила жена Михоэлса — Анастасия Павловна Потоцкая: «Как-то мне сегодня не по себе... Нехорошо на душе. Соломона нет... Если можете — приходите...» — «Асенька, у меня занятия... Приду обязательно. Только позже. После занятий».

При театре С.В. Образцова были курсы повышения квалификации режиссёров кукольных театров, и я там преподавала. Пришла в театр, раздеваюсь в гар-

за всю войну почувствовала себя в безопасности. Своим ключом открыла дверь в свою квартиру, вошла, поняла, что она обворована, но мне это было как-то безразлично.

И вот я одна в квартире. Муж на фронте. Готовила на «буржуйке» чай — еда у меня ещё оставалась, в Воронеже провожающие сунули мне какой-то пакетик — и думала: «Надо искать работу... Но где?» Вдруг звонок. Телефон работает. Страшно обрадовалась, бросилась к трубке. Слышу голос Михоэлса. Спрашиваю: «Вы тоже в Москве?» — «Только что приехали. Проверяю, кто из знакомых дома...» — «Я одна... Муж на фронте». — «Одна? Не годится. Приезжайте к нам. У нас картошка, комбижир, водка, хлеб... Приезжайте!»

Через некоторое время Михоэлс пригласил послушать новую пьесу

деребе и слышу разговор главного художника театра Тузлукова и заведующего музеем Федотова: «Это был великий Михоэлс...»

Подхожу, здороваюсь. Тузлуков продолжает: «Да-да, они думали, что это просто старый еврей в меховой шубе, а это был великий Михоэлс».

Спрашиваю: «Что такое? Почему — «был» Михоэлс?!»

Тузлуков закричал: «Был, был, был Михоэлс! Убили Михоэлса!»

Бросилась к телефону. Набрала номер театра. Трубку взял заведующий труппой, которого я знала: «Это правда?» — «Да». — «А где Ася?» — «Она дома. Поехала на вокзал, её ждали и сказали: «Вам не велено ехать в Минск. Вам велено идти домой».

Положила трубку, пошла к ожидавшим меня режиссёрам: «Сегодня занятия отменяются. Вы свободны. Извините меня». И вышла из аудитории. По дороге увидела спускающегося по лестнице Сергея Владимировича Образцова: «Сергей Владимирович, моего начальства сегодня нет, а я работать не могу... Я отпустила режиссёров...» — И услышала: «Я тоже не могу».

Подняла глаза — он был в слезах.

Я приехала к Михоэлсам. Двери — и наружные, и в квартиру (они жили на первом этаже) — были открыты настежь. На стуле сидела Анастасия Павловна и повторяла: «Если бы это была автомобильная катастрофа... Если бы это была автомобильная катастрофа... Он бы ничего не почувствовал... Я это пережила. Я это знаю. Это не больно. Это не больно... Если бы это была автомобильная катастрофа...»

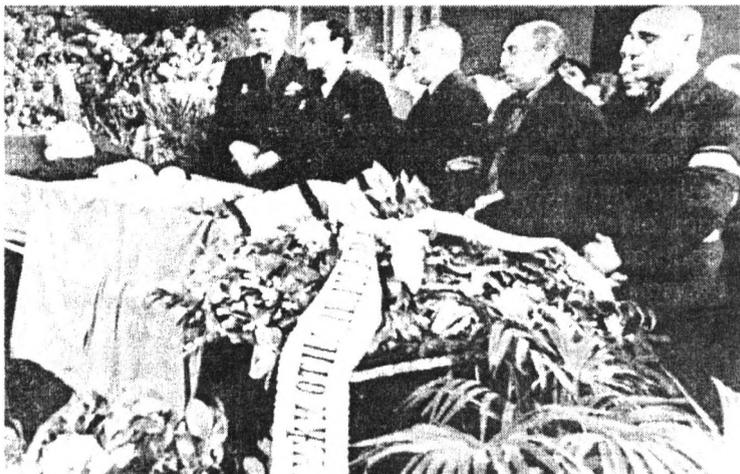
Пришли трое. Писатели, которые ездили с Михоэлсом в Минск, — Фефер, Маркиш, а третьего человека не помню. Они рассказали вот что.

После просмотра спектаклей был устроен банкет, и в середине застолья раздался голос: «Соломон Михайлович! Вам скучно? Вы не едите, не пьёте. Я знаю — вам нельзя. Может быть, вам лучше погулять? Сейчас луна, прекрасная погода...» — «Да-да, я пойду! Я давно хотел пойти в гетто. Сейчас при луне пойду в гетто».

И поднялся Голубов, который был с Михоэлсом в командировке, и сказал: «Соломон! Я пойду с тобой».

И оба не вернулись.

Когда Соломона Михайловича привезли хоронить, мы с мужем побежали в театр на Малой Бронной. Там стояла толпа. Пройти в театр мы не смогли, так много со-

*Похороны С.М. Михоэлса. Январь 1948.
Слева направо: Ю. Завадский, В. Зускин,
А. Таиров, И. Фефер, И. Альтман*

бралось народу. Неожиданно распахнулась дверь, и, расталкивая толпу плечами, локтями, вышел граф Игнатъев, автор известной книги «50 лет в строю». Они с Михоэлсом были очень близки. Игнатъев раздвинул толпу и, проходя мимо нас, только сказал: «Соломон, Соломон! Ужасно, ужасно... Несчастье, несчастье! Соломон...»

Бедой сломала жену Михоэлса — Анастасию Павловну. Она непоправимо, неизлечимо заболела. Но до кончины успела написать воспоминания. Там рассказано об одном празднике, который они отметили вчетвером...

Соломон Михайлович позвонил домой и сказал: «Нас пригласили на приём. Я сейчас за тобой приеду». — «Но я не успею переодеться». — «Ничего... Там не раздеваются».

Через некоторое время Соломон Михайлович заехал за женой и привёз её в зоопарк. Там родила бегемотиха. Михоэлс приехал поздравить маму-бегемотиху с её малышом.

Он радовался каждому проявлению жизни.

ВЕНИАМИН ЗУСКИН

В. Зускин

Зускин Вениамин Львович (28.4.1899 — 12.8.1952), еврейский актёр и режиссёр. Родился в Поневеже (Паневежис, Литва). В 1921 г. был принят в студию Государственного еврейского камерного театра (с 1925 г. — ГОСЕТ) и спустя три месяца зачислен в труппу.

В течение почти всей сценической деятельности Зускин был партнером Михоэлса. Они воплощали две стороны национального характера: рядом с драматически приподнятыми и философски отстраненными героями Михоэлса шли неунывающие, земные, немного грустные и тоже одержимые мыслью о недовожимом персонажи Зускина.

В. Зускин выступал также как режиссёр. С 1935 г. преподавал в театральном училище при ГОСЕТе. Народный артист РСФСР (1939 г.), лауреат Сталинской премии (1946 г.). Награжден орденом Трудового

Красного Знамени и медалями.

После гибели Михоэлса в январе 1948 г. Зускин недолго возглавлял ГОСЕТ. 23 декабря 1948 г. он одним из первых деятелей Еврейского антифашистского комитета был арестован. Расстрелян 12 августа 1952 г.

Алла ЗУСКИНА-ПЕРЕЛЬМАН

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЕНИАМИНА

(в сокращении)

Что остаётся от актёра?

Туман? Дым воспоминаний? Можно ли восстановить то, чем он был, с помощью старых фотографий, кинозаписей, рецензий? Как докопаться до тайны его искусства? уловить неуловимое?

Актёр живёт на сцене. Исчезает ли он, когда занавес опускается? «Для меня, — писал Осип Мандельштам, — в бублике ценна дырка. Бублик можно слопать, а дырка останется. Настоящий труд — это брюссельское кружево, в нём главное — то, чем держится его узор: воздух». Воздух, которым держался актёрский узор Вениамина Зускина, моего отца, был насыщен еврейством.

Воздух выкачали, узор превратили в прах, актёра казнили...

... То, что я пишу об отце, — не воспоминания, а попытка передать моё видение отца, создать более или менее достоверную картину, в которой были бы неразрывно связаны тяжёлый труд и головокружительный успех, напряжённые поиски и блистательные находки, глубокие раздумья и кажущаяся лёгкость свершений, неуверенность в себе и рукоплескания почитателей, стремление к совершенству и трагический конец.

Получилось ли это, — судить читателю...

С. Михозл и В. Зускин

ИЗ ЧАСТИ ПЕРВОЙ «ПУТЕШЕСТВИЯ ВЕНИАМИНА», действия второго (годы 1921 — 1928) (Отрывок)

...Овсей Любомирский вспоминает свою встречу в московском Доме Актёра с двумя студентами училища при Вахтанговском театре. Когда разговор зашёл о том, что вышедшем на экраны фильме «Дон-Кихот», студенты спросили, почему в опере, балете, а теперь и в кино роман великого испанца «охвачен», а на драматической сцене — нет. В ответ Любомирский предложил им сходить в ГОСЕТ и посмотреть новый спектакль, где есть и «рыцарь печального образа», и его «оруженосец».

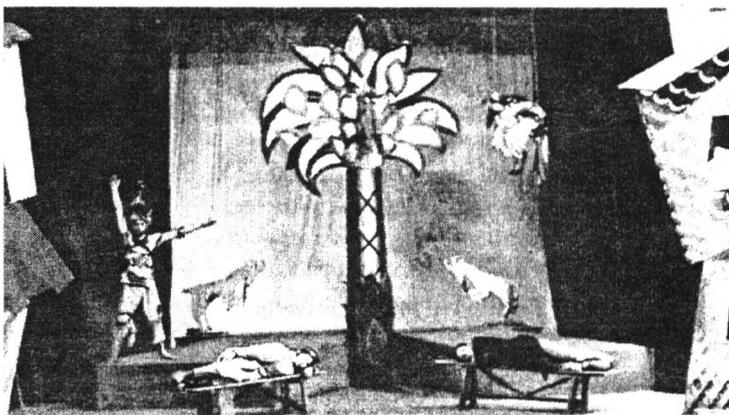
Новый спектакль — «Путешествие Вениамина Третьего. Трогательная эпопея». Дата премьеры — 20-е апреля 1927-го года.

Почти через двадцать лет, в 1946-м году, увенчанный славой Зускин, оценивая пройденный им сценический путь, включающий к тому времени почти сорок ролей, скажет: «*Путешествие Вениамина Третьего*» — лучшее, что я когда-либо мог сделать».

Поэтому мне хотелось бы обратить особое внимание читателя на этот спектакль, на роль, которую отец сыграл в нём, и на роль, которую этот отцовский персонаж сыграл в его и моей жизни.

Спектакль основан на одноимённой повести классика еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима. В центре спектакля — два самых бедных и никчемных жителя местечка Тунеядовка, Вениамин и Сендерл. Все, даже их жёны, презирают их, особенно Сендерла, прозванного за свою бесхарактерность «Бабой». Однако когда Вениамин, мечтающий о возвышенном, затевает путешествие в дальние страны, Сендерл к нему присоединяется. Захватив пару медяков и краюху хлеба, Вениамин и Сендерл отправляются в путь, чтобы после многочисленных перипетий снова, к своему ужасу, оказаться в Тунеядовке.

Повесть, которую относят к «вершинам еврейской классической литературы — по социальному размаху и художественной значимости», представляет собой острую сатиру. Даже в её названии звучит издёвка: громкое слово «путешествие» относится к хождению из Тунейдовки в Тунейдовку; центральный персонаж удостоен имени Вениамин, да

*«Путешествие Вениамина III», по Менделе Мойхер-Сфориму.
Сцена из спектакля. Декорации Р. Фалька. 1927*

ещё Третий, словно он продолжает дело двух знаменитых путешественников, оставивших широко известные путевые заметки и вошедших в еврейскую историю как Вениамин Первый и Вениамин Второй.

По мнению Зускина, в спектакле острая сатира смягчена: «Постановщик Грановский и мы, актёры, как бы прочитали историю, описанную Менделе Мойхер-Сфоримом, между строк. За сарказмом великого писателя мы разглядели трогательность всех этих вениаминов и сендерлов, которые вызывают симпатию и сочувствие. В нашей трактовке злая, бичующая сатира превратилась в мягкую иронию, в очаровательный, фантастический, насыщенный фольклором спектакль...»

Внешний облик зускинского героя: совершенно безбородое бабье лицо с большой бородавкой, из которой торчат три-четыре длинных волоса; по-детски наивные глаза, раздутый от вечного голода живот, кривые ноги; одет в нечто полумужское-полуженское — ватные стёганные штаны, заметно утолщённые у таза, бабий платок в первых сценах и бабий шушун в последующих; огромный картуз со съехавшим набок надтреснутым козырьком.

*«Путешествие Вениамина III»,
по Менделе Мойхер-Сфориму.
В. Зускин — Сендерл,
С. Михозлс — Вениамин. 1927*

По словам Зускина, «несмотря на внешнюю гротескность, в роли Сендерла всё глубоко человечно», и эта роль позволила в полной мере «обыграть» ту внутреннюю мягкость, которая ему особенно дорога в людях. О роли Сендерл-Бабы можно было бы рассказывать бесконечно, но пусть прежде всего расскажет о ней сам Зускин:

«Трудность найти внешний облик для образа Сендерла была связана с тем, что Михозлс ниже меня ростом в жизни, а я должен был в этом спектакле быть ниже него, потому что Вениамин смотрит вверх, он устремлён к звёздам, а Сендерл — земной. И вот, работая над Сендерлом, я однажды заметил

извозчика и увидел, что у него рахитичные ноги «колесом». Я почти крикнул, увидев его. Вот эти ноги и были нужны мне. Они сразу сделали меня ниже.

Создавая образ Сендерла, я подчёркивал то, что в нём напоминало ребёнка. Я буквально видел своего Сендерла безбородым, с двумя большими бородавками и заставил художника убрать задуманную им длинную бороду.

Память воскресила и образ плюгавенького шапочника Реб Ойзера из моего детства, которого нещадно колотила огромная бабиша, его жена, и в одной из сцен я перевязал Сендерлу щёку, будто бы распухшую из-за затрещины, полученной от «милой супруги». Я искал в своём герое большую сердечную теплоту, веру в Вениамина, преданность, даже любовь к нему.

Для меня этот спектакль — поэма о любви.

...Имя «Сендерл» связано и со мной. Когда мои родители ждали моего появления на свет, отец решил, что если родится мальчик, его назовут Александр (так звучит перевод имени Сендерл с языка идиш), а если девочка, — Александрой. Поскольку взрослого человека принято называть по имени-отчеству, я должна была стать Александрой Вениаминовной. Месяца за три до моего рождения произошло несчастье: близкий для моих родителей человек, вдова Грановского, преподававшая театральное мастерство в Еврейском театральном училище, попала под трамвай и лишилась ноги. Её звали Александра Вениаминовна, и родители из суеверия от задуманного имени отказались. Так из Александры я превратилась в Аллу.

Прошло много лет; у меня родились сыновья. По еврейской традиции, детей называют именами умерших дедов. В моём понимании у отца было два имени: актёрское, Сендерл, означавшее для него радость творчества, душевный подъём, полноту жизни, — и «человеческое», Вениамин. Своему старшему сыну я дала имя Александр, как, кстати, звали и деда моего мужа, так что наследие оказалось двойным. Второго сына я назвала Вениамином.

*На репетиции спектакля «Блуждающие звезды»
по Шолом-Алейхему. 1940*

То, что герой повести Менделе Мойхер-Сфорима является тёзкой моего отца, — конечно, случайность. Зато теперь в моей семье Сендерл и Вениамин продолжают столь славно начатое и столь трагически прерванное путешествие...

Время показало, что ассоциация с этим спектаклем возникает, когда речь идёт о моём отце, и у людей, по времени и месту от него отдалённых. Израильский документальный фильм выпуска 2000-го года назвали «Путешествие Вениамина Зускина», использовав тем самым и название спектакля, и совпадение имён. Название фильма и определило заголовок моей книги.

«С правой ноги!» Такими словами у евреев принято желать друг другу удачи в пути. Именно с этими словами Вениамин и Сендерл начинают своё «путешествие».

вие». Во время европейских гастролей ГОСЕТа посвящённую ему рубрику в берлинской газете даже озаглавили: «С правой ноги!» Когда в 1957 году моя сестра Тамара написала нам из Польши о своей иммиграции в Израиль, моя мама послала ей в ответном письме напутствие: «С правой ноги, Сендерл!» — и им обеим, как и

*В.Л. Зускин — шут,
С.М. Михоэлс — Лир.
«Король Лир» В. Шекспира, 1935*

мне, было ясно, что в нашей семье лучших слов для пожелания счастья и удачи не подберёшь.

На сцене, услышав такое напутствие из уст Вениамина, Сендерл «с правой ноги» входит зрителю прямо в сердце. Зускин здесь неповторим.

Неповторим и прославленный дуэт, возникший в этом спектакле.

Михоэлс и Зускин встречаются на сцене не впервые. Они бывали либо участниками одного спектакля, либо партнёрами, либо даже двумя сторонами одного «я», но никогда раньше они не составляли подлинный дуэт...

...Впоследствии Михоэлс будет прилагать усилия ради счастья всего человечества, а Зускин, интуитивно подозревая безнадёжность этих усилий, но не желая обидеть друга, будет тщётно пытаться сберечь их общую «торбу» с истинными ценностями.

Их герои, как и они сами, совершенно разные и в то же время прекрасно дополняют друг друга. Страстный Вениамин рвётся впе-

рёд; робкий Сендерл, готовый в любую минуту повернуть обратно, не покидает своего товарища и стойко переносит с ним вместе все злоключения.

Их «совместный внешний облик тоже подчёркивает контраст между ними и их близость: у Вениамина голова чуть приподнята, он никогда не оборачивается назад, в вытянутой правой руке у него посох, весь он — натянутая струна; Сендерл-Баба тоже держит в правой руке посох, но он плетётся за своим любимым другом, глядя в землю». Как пригодились тут рахитичные ноги!

Куда ведёт это «трагикомическое путешествие?» Они ищут «красноликих израильтян», они ищут Землю Обетованную. По пути они спрашивают дорогу то у жнецов в поле, то у лодочника на реке, то у банщика Фишки Хромого, то у торговцев на базаре. Так, никем не понятые, всеми осмеянные, они идут и идут, всё вперёд и вперёд, постукивая посохами...

«...Сидя в зале, мы забываем, что видим это на сцене. Мы видим Тунядовку глазами этих двух бедняков, мы вместе с ними тащимся через рынок и моёмся в бане. Вместе с Вениамином мы задаём свой главный вопрос крестьянину, попавшемуся нам по дороге. И нам слышится еврейское «Ой! Ай!», которому уже столько лет. Ведь не одну тысячу лет еврей никак не может «отойкаться и отайкаться». Здесь, в спектакле Грановского, это «Ой! Ай!», наконец, находит выход — на все времена. Потому что Михоэлс и Зускин вкладывают в своё «Ой! Ай!» столько души и делают это настолько понятно для своих современников, что нам кажется, будто они снимают с нас многовековой груз...»

...Вдохновенная двоица Михоэлс — Зускин властно вела спектакль за собой.

Их судьба на сцене вся шла не внешним, а внутренним планом, — не приключениями жизни, а приключениями души.

Приключения жизни были ничтожны и глупы, приключения души были возвышены и трагичны.

Они должны были насытить роль так взволнованно и так скорбно, чтобы перелить чувство прямо в зрительный зал и вызвать ответную волну.

Оба актёра сделали это.

После премьеры публика встала, как один человек, когда закрылся финальный занавес. Зрительный зал гремел.

Я, к сожалению, видела «вдохновенную двоицу» только в концертном исполнении. Это было на вечере, посвящённом тридцатилетию со дня смерти Менделе Мойхер-Сфорима, состоявшемся в московском Политехническом музее 4-го декабря 1947 года. Меня, одиннадцатилетнюю, родители взяли на вечер только из-за этого выступления — ведь должна же я была воочию убедиться, что легенда существует.

Они вышли на сцену в чёрных вечерних костюмах. На отце были галстук-бабочка, накрахмаленная сорочка и лакированные туфли. Я знала, что он этого не любит: «В концертах я не люблю участвовать. Мне приятнее выступать не «ан фрак», а в костюме, гриме, то есть в том антураже, который свойственен актёру». Но вот они начали свои «Ой! Ай!», и я, мгновенно забыв о лакированных туфлях, прониклась непоколебимой уверенностью, что передо мной — жалкие оборванцы, тоскующие о возвышенном и несбыточном. Не только тех двоих там, на сцене, но и меня, сидящую в зале рядом с нарядной мамой, потрясло именно чувство несбыточности, насытившее глубокий, полный мечтательного пафоса голос Михоэlsa-Вениамина и нежный, идущий из глубины любящего сердца голос моего отца:

— Что за сон!

— Ай да сон!

— И что за пробуждение!

Дуэт Вениамина и Сендерла был во втором, концертом отделении. В первом были речи. Мне хорошо запомнилась речь Михоэlsa, потому что он говорил очень образно, — на тему о языке Менделе Мойхер-Сфорима. Например, о том, что для Менделе не существовало «маленьких», примитивных слов: «Идите, идите ко мне, слова и словечки, для всех у меня найдётся место», — говорил Михоэлс как бы от лица Менделе и, повернувшись профилем к залу, манил к себе руками воображаемые «слова и словечки».

Юбилей ГОСЕТа, 1939. Финальная сцена из «200 000» по Шолом-Алейхему (постановка А. Грановского, 1923). Слева: В. Зускин в роли Соловейчика

Ещё Михоэлс сказал, что автор повести не гнушался и словами из других языков. В качестве примера он привёл вопрос, написанный у Менделе и прозвучавший со сцены по-русски: «Куды дорога на Эрец-Исроэл?» Это был тот главный вопрос, с которым Вениамин и Сендерл обращаются к прохожему крестьянину. На этот вопрос, по словам Михоэlsa, в эпоху Менделе не было ответа. «И вот недавно с трибуны Организации Объединённых Наций товарищ Громыко дал нам ответ на этот вопрос!» Эти слова Михоэlsa вызвали в зале огромное волнение.

Напоминаю — дело было 4-го декабря 1947-го года, а 29-го ноября представитель СССР в ООН Андрей Громыко заявил, что его страна поддерживает создание Государства Израиль.

Когда назавтра Михоэлс пришёл в секретариат устроителей вечера за обещанной ему копией магнитофонной записи речи, ему сказали, что плёнка «случайно» размагнитилась. Это было предвестием приближающегося конца.

Вернёмся в ГОСЕТ двадцатых годов. Спектакль закончился. Любомирский и оба студента заходят к Зускину в гримборную. На их вопрос о сходстве его героя с сервантесовским Зускин охотно отвечает: «Санчо Панса из «Дон-Кихота» Сервантеса безусловно оказал влияние на образ Сендерл-Бабы. И там и тут перед нами два друга, один из которых видит всё через призму своей мечты, а второй оглядывается на то, что его окружает в самом деле». Затем Зускин спрашивает своих посетителей об их впечатлении от спектакля. «Ничего лучшего ГОСЕТ ещё не ставил. А уж Ваша игра! Просто слов не хватает!» — восклицают все трое.

Слова, которые много позднее будут сказаны о дуэте Михоэлс — Зускин, можно было бы сказать сразу после премьеры «Путешествия Вениамина Третьего»: «Герои Михоэлса или бросали вызов, дерзали вступать в соперничество с Богом, или мудро судили о жизни, поднимая житейское, обыденное, до степени философской. Герои Зускина жили, зная свою маленькую (маленькую ли?) правду. И зритель часто колебался, на чьей же стороне находится истина». В самом деле, на чьей? Нам это знать не дано. Нам остаётся лишь низко поклониться каждому из них — за их общую правду.

За каким столом мы сидели!

Сидели и не ели.

ПЕРЕЦ МАРКИШ

П. Маркиш

Маркиш Перец Давидович (25.11(7.12).1895 — 12.8.1952), еврейский поэт, романист и драматург. Родился в местечке Полонное Хмельницкой области.

Маркиш — автор сборников стихов «Фарклэптэ цифэрблатн» («Заклеенные циферблаты»), 1929 г. Из пьес (сборник вышел в 1933 г.) наиболее известны «Ди эрд» («Земля») — поставлена в 1930 г., «Мишпохэ Овадис» («Семья Овадис») — с огромным успехом поставлена в 1937-38 гг. большинством еврейских театров СССР.

Маркиш вступил в Еврейский антифашистский комитет, редактировал сборник «Цум зиг» («К победе»), 1944 г. и литературно-художественный альманах «Гэймланд» («Родина»), 1947-48 гг. Значительный интерес представляют статьи, памфлеты, фельетоны и литературно-критические выступления П.Маркиша, в особенности его монографии о С.Михоэлсе (1939 г.) и Шолом-Алейхеме.

На гражданской панихиде по Михоэлсу поэт прочитал свое стихотворение, где гибель актера названа убийством. П. Маркиш был расстрелян 12 августа 1952 г. вместе с другими деятелями ЕАК.

Матвей ГЕЙЗЕР

Писатель, д.ф.н.

ПРЕД ЛИКОМ ВЕЧНОСТИ

Фрагменты из трагедии «Михоэлс — Маркиш»

Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), сыгравший весьма заметную роль не только в развитии идишистской еврейской культуры, но и в истории евреев СССР, знаменателен еще и тем, что в нем переплелись творческие и жизненные судьбы многих выдающихся людей, причастных к еврейскому искусству. Обычно, когда рассуждают на эту тему, вспоминают дуэт Михоэлс — Зускин («Близнецы» — так назвала главу о них в своей книге «Мой отец Соломон Михоэлс» Наталия Вовси-Михоэлс). Иные, рассуждая о госетовских дуэтах, говорят «Михоэлс — Шагал», однако их творческая дружба — так решила судьба — была очень недолгой. Один из самых долговечных дуэтов ГОСЕТа может быть назван «Михоэлс — Маркиш». Количество спектаклей, поставленных в ГОСЕТе по пьесам Маркиша, уступает разве что только Шолом-Алейхему. Творческая дружба Маркиша и Михоэлса возникла в конце 20-х годов.

В 1930 году Перец Маркиш закончил работу над первой своей пьесой «Нит гедайгет» («Не тужи»). В переводе на русский язык ее озаглавили «Земля». Под таким названием она была поставлена в популярном в те годы в Москве театре Корша. Маркиша в то время очень интересовала тема «Евреи-земледельцы». Как известно, этой теме посвятил свое знаменитое стихотворение «Еврей» Владимир Маяковский:

Взгляни

на еврея, землей полированного.

Здесь делом растут коммуны слова:

узнай хоть раз из семи,

который из этих двух — славянин,

который из них — семит.

Не нам со зверьими сплетнями знаться.

И сердце и тощий бумажник свой

откроем во имя жизни без наций,

грядущей жизни без нищих и войн!

Быть может, под влиянием этого стихотворения Маркиш написал поэму «Нит гедайгет!», — она и стала «конспектом» будущей пьесы. Закончив пьесу «Нит гедайгет!», Маркиш отправил ее в Москву по двум адресам: в ГОСЕТ и в театр Корша. Пьеса была принята и в том, и в другом театре, но интерпретация этого произведения оказалась различной.

ГОСЕТ — это театр социальных страстей, и все образы «Земли» он трактует как социальные маски. Театр Корша подошел к пьесе с точки зрения старого понятия об «амплуа», определив героев еврейской пьесы по старым канонам «героя-любownika», «злодея» и др.

Работа над спектаклем сблизила двух больших, но очень разных художников — Михоэлса и Маркиша. По свидетельству актеров, Маркиш десятки раз «вырывал» рукопись из рук Михоэлса, отказывался от постановки пьесы в трактовке Михоэлса. Потом снова, после очередного звонка Михоэлса, возвращал ее, и они продолжали бороться за каждое слово. Позже Маркиш поймет (и напишет об этом), что для Михоэлса текст — лишь канва. Михоэлс «обходится исключительно подтекстами». Но в 1931 году молодой, полный веры и надежд Маркиш еще не понимал этого.

В 1934 году Маркиш, увлеченный своим сотрудничеством с театром ГОСЕТ, влюбленный в Михоэлса, пишет статью «Ощущение писателя». Вот несколько цитат из нее: «В зеркало Михоэлс глядит, как в историю. Он видит вторую половину девятнадцатого века, он видит ее на своем загримированном лице. Он видит ее воплощенной в его собственном культурном наследии. Он видит себя идущим по вершинам тогдашней культуры. Ибо по самые склоны горы — глупокая темень и скорбь».

В этих нескольких строках — почти исчерпывающая характеристика актера Михоэлса, воплотившего на сцене героев XIX века.

После спектакля «Нит гедайгет» ГОСЕТ долго не обращается к драматургии Маркиша. В 30-х годах были поставлены столь знаменитые спектакли, как «Король Лир» (февраль 1935 г.), «Разбойник Бойтре» по М.Кульбаку (октябрь 1936 г.), «Суламифь» по Галкину (апрель 1937 г.).

Вскоре после «Суламифь» в ГОСЕТе ставят спектакль по пьесе С. Галкина «Бар-Кохба» (режиссер Г.А.Кроль) о восстании израильтян против римских завоевателей. Но ни в «Суламифь», ни в «Бар-Кохба» Михоэлс не играл, а жажда актерской работы томила его. В репертуаре театра появилась драма П.Маркиша «Семья Овадис».

Быть может, Михоэлс решил, что в роли Зайвля Овадиса он сумеет выразить «новые эмоции и страсти». А может быть, уговоры Маркиша или жажда новой роли возымели действие? Так или иначе, в премьере спектакля «Семья Овадис», состоявшейся 7 ноября 1937 года, главная роль сыграна Михоэлсом. Через четыре дня после премьеры он раскроет свой замысел — то, к чему стремился: «В спектакле должна быть выражена красота, сила, могущество народа, который ощутил наконец твердую почву под ногами. Таким должен быть спектакль. Я убежден, что Овадис откроет новую галерею сильных людей, героев, которые, наконец, заиграют у нас на сцене и в первый раз должны заиграть по-настоящему к 20-летию Октябрьской революции».

Зайвл Овадис. «Семья Овадис». П. Маркиш, 1936

«Семья Овадис» — прекрасный, волнующий спектакль, большая удача ГОСЕТа» — так писали об этой работе Маркиша и Михоэлса в газете «Правда». Понимал, безусловно, Михоэлс цену этой «большой удачи». Понимал, как далека правда жизни от «правды» поставленного спектакля, в котором зритель узнает о том, что один из сыновей Зайбла Овадиса — Шайка — уехал в Палестину, второй сын работает секретарем райкома партии, а сам Зайвл — председателем колхоза, усматривающим в своем сыне чужака и отщепенца, — и все это в 1937 году.

31 марта 1939 года Михоэлса награждают орденом Ленина (Маркиш получил такую награду в январе того же года). Но, как известно, столь высокие награды давались не только «за заслуги», но и в качестве аванса.

7 января 1948 года Михоэлс поехал на заседание комитета по Сталинским премиям в Минск.

Из рассказа Эстер Маркиш:

«Вместе с Михоэлсом должен был ехать Маркиш. Однако в последний момент Маркиша отстранили от поездки, а в Минск поехали Фефер и Голубов. Михоэлс был приглашен на просмотр спектакля для отбора на Сталинскую премию. О том, что случилось дальше, никто тогда не знал. Говорили, якобы автомобильная катастрофа. Михоэлс погиб — его нашли мертвым на улице. Я помню похороны Михоэлса: прибывает поезд, мы его встречаем на Белорусском вокзале, потом едем в театр. Я ждала в фойе, а Маркиш поднялся в зал, где открыли гроб. Через некоторое время он вернулся в фойе. «Не поднимайся туда! — Маркиш указал на закрытую дверь зала. — Ничего общего со Стариком». Лицо Михоэлса было размозжено так, что понять, кто это, было очень трудно.

Доступ к телу был открыт в 12 часов, а люди ждали с шести. И вот когда это все происходило, Маркиш все время искал меня глазами. Я стояла в стороне, помню, он спустился ко мне и сказал: «Я тебя очень прошу, найди мне какую-нибудь артистическую комнату, мне нужно удалиться туда на час, может быть, на полтора». Я не стала его спрашивать, зачем, поняла: вероятно, ему надо что-то писать. Я нашла ему такую комнату. Он сказал: «Прошу тебя, постой тут и не давай никому сюда войти».

Маркиш пробыл в этой комнате около часа, вышел, показал мне листики и пошел наверх. Там он написал первые четыре четверостишья, которые потом прочитал у гроба.

Это стихотворение поэт Перец Маркиш назвал так: «Михоэлсу — неугасимый светильник»:

*...Разбитое лицо колючий снег занес,
От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы,
Но вытекли глаза двумя ручьями слез,
В продавленной груди клокочет крик упрямый:*

*О вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберег,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны.*

*Сочти их до одной. Я спас от палачей
Детей и матерей ценой моих увечий.
За тех, кто избежал и газа и печей,
Я жизнью заплатил и мукой человеческой!..»*

И еще из воспоминаний Эстер Маркиш:

«За Маркишем пришли в ночь с 27 на 28 января. Его очень быстро увели, я едва успела попрощаться с ним. В машинке были стихи, которые Маркиш читал на похоронах Михоэlsa.

И когда гэбисты были у нас в доме, один из них подошел к машинке, бросил взгляд и говорит: «Так значит, Маркиш считает, что Михоэlsa убили». Я сказала: «Я не сужу о стихах Маркиша без него. Это ваше дело, как их толковать». Тогда мне сказали: «Мы это забираем».

У меня не оставалось ни единой копии. Но Маркиш мне это читал на идиш, и я несколько дней ни о чем, кроме стихов, не думала, не ела, не пила — я восстанавливала у себя в памяти еврейский текст. И мы с моей приятельницей, актрисой еврейского театра — женой еврейского писателя Нистера — восстанавливали по памяти это стихотворение.

Это стихотворение я напечатала, но хранила его не дома, потому что это было страшным преступлением. А когда спал этот кошмар, я дала перевести эти стихи Пастернаку. Однако Пастернак через несколько дней позвонил мне и сказал: «Знаете, Эстер, у меня не получается. Маркиш для меня слишком великий поэт». Я ему говорю: «Борис Леонидович, это Вы для меня — великий поэт!» «Нет, Эстер, не выходит!»

После этого я дала перевести это стихотворение Штейнбергу — вовсе не поэту, а простому переводчику. И он великолепно справился с переводом. Но бедный Маркиш этих стихов так и не увидел. При его жизни были напечатаны только первые четыре четверостишья на идише в газете «Дер Эмес».

Перец Маркиш, первым оповестивший мир о злодейском убийстве Михоэlsa, создал ему память более долговечный, чем из металла».

Закончить я хочу отрывком из записной книжки Михоэlsa: «Жизнь и смерть нельзя противопоставлять друг другу. Жизнь всегда старше смерти, хотя бы на одну жизнь. Ибо если бы не было жизни, нечему было бы умирать». Жизнь всегда старше смерти.

Сказано в Талмуде: «Когда уходят праведники, появляется зло».

СИМОН МАРКИШ

ОТЕЦ

Предисловие

Перец Маркиш был вырван из нашей жизни столетия назад — в ночь с 27 на 28 января 1949 года, когда его взяли из дома, чтобы пытаться и гноить в тюрьме, тайно «судить» и тайно расстрелять. Страшно думать о тех трёх с половиной годах, которые отделяли арест от расстрела, о муках и унижениях, которые выпали ему, но странная вещь, эти годы будто бы уже и не принадлежали его жизни: они видятся, ощущаются как часть бессмертия. Наверное, потому, что ни единого, наималейшего знака

П. Маркиш

его существования к нам за все эти годы не дошло: он исчез без следа, как исчезали в застенках гестапо, которые во многом служили примером и образцом учреждений диктатуры пролетариата.

На протяжении этого полстолетия я редко и мало писал про отца. По разным причинам. Первой и наиболее существенной была, как это ни удивительно, любовь. Я убеждён: все мы, трое детей Переца Маркиша, сестра Ольга-Ляля, брат Давид и я, не просто любили отца, но обожали его, боготворили, слепо и горячо, и очень долго, десятилетиями, любое прикосновение к разверстой ране причиняло острую боль. Наверное, был прав один из умнейших русских писателей, Пётр Вяземский, заметивший, что невозможно написать биографию отца, которого горячо любишь.

Но всегда мешало и скудное знание. Прежде всего, недостаточное знание еврейского языка и цивилизации (идишкайт). Сестра хоть в раннем детстве узнала атмосферу традиционной еврейской жизни в Киеве; мы с братом выросли в Москве, нашим миром от истоков была русская речь и русская культура в её советском варианте. Отец, который досконально владел русским языком, был своим среди своих в писательской Москве 30-х годов, однако принадлежал другому миру. Осознание изолированности этого мира, его таинственности, очарования, уюта, ограниченности, тесноты и духоты пришло слишком поздно, когда стараниями Гитлера и Сталина — а может быть, даже Сталина и Гитлера — этот мир ушёл в небытие.

К ненадёжности основ добавлялась — не могу и не хочу скрывать — посредственность конкретной эрудиции: я читал только небольшую часть того, что написал Перец Маркиш, я плохо знаю его жизнь, я никогда не искал заметок о нём ни в архивах, ни в воспоминаниях тех, кто ещё помнил его молодым и мог поделиться своими воспоминаниями. Это мой грех, который теперь, на склоне собственной жизни, мне уже никак не замолить.

Всё сказанное выше — к тому, что написать про отца что-нибудь новое я не в состоянии, а перелицовывать ранее сказанное и подавать его как новое, как это делают часто, не хочу. Поэтому отважусь предложить две статьи из своей папки, помеченной словами «Об отце». Одна — большая — была напечатана в лондонском «Jewish Quarterly» осенью 1992 года, к сорокалетию казни, в переводе на английский. Где появилась в печати вторая (и появилась ли вообще?) — я не припоминаю.

Я читал и перечитывал свои давние слова, которые легли на бумагу ещё в середине 80-х годов, и мне казалось, верилось: они не устарели. Остаётся надеяться, что это не было самообманом.

1 июня 1999 г., Женева

...Каким же представляется сыну — да, небезразлично, да, субъективно! — творческий путь отца?

Он начал печататься в 1917-м, двадцати двух лет, и почти сразу же был признан и принят. И так же сразу проявил основные качества своей одаренности. Во-первых, дивную роскошь, щедрость и богатство поэтической образности, богатство, которое, кажется, переливается через край и не может владеть собою. Но так только кажется: на самом деле это точно продуманный прием экспрессиониста. Во-вторых, революционность, которая в литературе равняется модернизму, разрушение старых, традиционных эстетических и стилистичес-

ких ценностей. В-третьих — и в очевидной противоположности с духом модернизма — глубокая закорененность в национальном прошлом, то есть в традиционных еврейских мотивах и образах.

Он начинал в так называемом «киевском кружке», или «киевском триумвирате»: Давид Гофштейн — Лейб Квитко — Перец Маркиш. Все трое шли путём экспрессионизма, требуя новой жизни для идишистской поэзии, ещё очень юной по своим годам, но уже престарелой в похоронных плачах и провинциальной вторичности. Все трое обогатили и обновили и эту поэзию, и этот язык, развернули их возможности и горизонты. (И все трое были расстреляны в один и тот же чёрный день.)

В 1921-м, уже известным поэтом, автором четырёх сборников стихов и двух поэм, Перец Маркиш выезжает из советской России. Этот творческий багаж, с которым он прибывает в Варшаву, составляет то, что принято называть «молодым (или ранним) Маркишем». И если написанное в более поздние периоды вызывает споры, то стихи первого периода вызывают восторг у всех, кто писал о Маркише.

Поэмы «Волынь» и «Куча» демонстрируют две разные грани поэта. Первая — прощание с прошлым, старым, неудобным и обречённым, но всё-таки родным. Даже насмешки, даже решительная тяга к разрыву пропитаны тихой грустью, предчувствием будущей ностальгии по тесноте и душности городка — и отсюда шемящий, тоскливый лиризм. Вторая — описание погромов на Украине во время гражданской войны — отчаянный крик боли и гнева, гнева, направленного не только против убийц, но и против жертв, которые покорно подставляли горло под нож. Пафос отчаяния в поэме перекликается с шедевром Хаима-Нахмана Бялика «В городе уничтожения», который был написан вслед за кровавыми событиями кишенёвского погрома 1903 года. В этой родственности Перца Маркиша с отцом-основателем новой ивритской поэзии мне видится доказательство (ещё одно!) непререкаемой и сверхважной для меня истины — единства еврейской культуры независимо от языка, на котором она создаётся. Тем более что молодая еврейская поэзия на идиш выявила тогда ещё много других признаков родства с молодой еврейской поэзией на иврите. Назову по крайней мере один — неунывающую радость жизни, которая достаточно характерна и для Маркиша, и для, например, Шаула Черниховского, увлечённая неистовость бытия, целиком забытая еврейством после великой традиции «испанцев»: Галеви, Ибн-Эзры, Ибн-Гвироля.

Из пяти лет, которые Маркиш провёл за границей, наиболее яркими и плодотворными были, наверное, варшавские, хотя завязывались незабываемые и неоцененные дружеские и литературные связи и в других местах (например, в Париже — с художником Марком Шагалом, прозаиком Ойзером Варшавским, поэтом Гринбергом).

Ури-Цви Гринберг (1896-1981) — будущий классик ивритской поэзии, будущий крайний националист, мистик, правый экстремист в политике. Гринберг, хотя и очень далеко отошёл от «левых», «пролетарских» идеалов своей молодости — их общих с Маркишем идеалов, всегда берёт самые тёплые воспоминания о Перце Маркише и об их совместных трудах и днях в Варшаве: он рассказывал об этом моим матери и брату, когда они прибыли в Израиль в 1972-м. Не потому ли, что их молодые думы были прежде всего о евреях, о еврействе, а не о пролетарском интернационализме?

И каждый раз именно этим попрекали поэта ревнители чистоты пролетарской идеологии, когда Маркиш очутился под их контролем, возвратившись в СССР в 1926 году. Самое малое шесть лет без перерыва они шпыняли и «перевоспитывали» его, обвиняя во всевозможных антипролетарских грехах, в том числе и в «сионистской контрабанде».

И именно тут возникает один из самых наитруднейших и даже нестерпимых вопросов: зачем он возвратился? Почему? Почему не остался в Европе? Почему не поехал в Америку, как было, очевидно, условлено между ним и Перцем Гиршбейном? Главная причина заключалась в том, что новая Россия виделась ему единственным фундаментом и надеждой идишистской культуры во всём свете. Эту иллюзию он разделял со многими (если не большинством) еврейскими писателями во второй половине 20-х годов. Сеть идишских школ, газет и журналов, издательств, театров казалась гарантией стойкого и долгого развития. Маркиш был не единственным среди тех, кто возвратился. «Киевский триумvirат» вернулся в полном составе. Возвратились и видные прозаики — Дер Нистер и Давид Бергельсон. Немало было также иммигрантов из разных стран Европы. Никто из них не мог предвидеть, что ждет их народ и их самих на «гостеприимной родине социализма» после уничтожения европейского еврейства Гитлером. Но и гитлеровской угрозы никто заблаговременно не ожидал и не предвидел.

Да, значительно тяжелее другой вопрос: что произошло с талантом Маркиша, что произошло с поэтом и человеком за пятнадцать лет упрочения и триумфа сталинского тоталитаризма, с 1926 по 1941 гг.? Ведь его не посадили и не убили в годы великого террора — наоборот, посадили и уничтожили ревнителей пролетарской чистоты и бдительности, которые преследовали Маркиша после его возвращения из-за рубежа. И он не замолк — наоборот, вторая половина 20-х и 30-е годы были для него порой высокой творческой активности, с массой публикаций. И государственным уважением он не был обделен: когда в 1939 г. писателей награждали орденами (впервые в истории советской власти), он, единственный среди еврейских писателей, получил высшую награду — орден Ленина. В обществе, где неукоснительно придерживаются буквы старого церемониала, это означало, что в официальной иерархии Маркиш — еврейский писатель номер один.

Всё это именно так, — ни отрицать, ни утаивать этого я не собираюсь. Не утаю и неизбежных уступок, компромиссов с властью, на которые шёл Маркиш. Тяжёлая их неизбежность была понятна любому из тех, кому пришлось греться под солнцем сталинской конституции, кто бы то ни был, — Ахматова ли, Пастернак или Мандельштам! Тут я вспоминаю напечатанную в 1940 году «Поэмэ вэґн Сталинэн» («Поэма про Сталина»). Однако, по-моему, ни про деградацию таланта Перца Маркиша, ни про его капитуляцию перед тоталитарным режимом говорить не приходится.

Когда он защищал и воспевал советскую власть, то страх перед ней, страх за собственную жизнь и жизнь своих родных был не только не единственным, но и далеко не главным стимулом. Мне вспоминается эпизод из нашей, уже послесталинской эпохи. Мы хоронили одного университетского профессора, человека сухого и холодного, послушного конформиста и в жизни, и в науке. И провожали его так же — сухо, без сочувствия и слёз. Только один из бывших его учеников плакал навзрыд. После похорон я спросил его, почему он так убивается. И он сказал с укором: «Неужели и ты не понимаешь? Он же не был антисемитом!» ...Нельзя забывать, что до сталинско-гитлеров-

ского сговора в августе 1939-го только советская власть противостояла антисемитскому беснованию в Европе (не только в нацистской Германии, но и в Польше, в Румынии, в Венгрии) и равнодушию к еврейской доле во всём мире! Я уверен, что для еврея Переца Маркиша это было решающим фактором в его политической ориентации. (Так же точно, как для еврейского поэта Переца Маркиша решающим фактором были не цензоры и пролетарские критики, а хорошие книги на его родном — единственном и бесконечно любимом — языке: именно так он и писал в Америку своему ближайшему другу прозаику Йосефу Опатошу.)

Во всяком случае, «Поэма о Сталине» была закончена и сдана в издательство до советско-немецкого пакта; после него Маркиш писал стансы «Танцовщица из гетто», которые во время коммунистическо-фашистского мирного сосуществования нельзя было не то что опубликовать, но даже показывать в редакциях.

Он отошёл от экспрессионизма молодых лет не потому, что это было ему указано, но в силу собственной эволюции, органической и естественной, целиком подобной той, через которую прошёл и Пастернак, старший ровесник и хороший приятель Переца Маркиша. Да и был ли это отход? Может, скорее позреление, возмужание? Буйство, несдержанность, одержимость миновали, но сила осталась той же, если не приумножилась. Сила эта безошибочно чувствовалась и в русских переводах, у Маркиша было много почитателей и среди русских любителей поэзии.

В общем, если и были у Переца Маркиша строки и строфы, которых я сегодня стыжусь, то сотни его произведений, написанных в те пятнадцать лет, останутся в нашей поэзии надолго. Это — вне зависимости от сюжетов и названий. Возьму как пример только две поэмы — «Бридер» («Братья»), про гражданскую войну на Украине, и «Дэм балэгуфс тойт» («Смерть кулака»).

Останутся и военные его стихи, и величественная стихотворная эпопея «Милхомэ» («Война»). Не только потому, что война против нацизма избавила значительную часть советской литературы от оруэлловского «двойного мышления», Маркишу же, в частности, отверзла уста — дала выход и боли, и ненависти, но главным образом потому, что Маркиш военных лет, целиком свободный от юношеского духа слепого отбрасывания прошлого, снова припал к вечным, истинным ценностям еврейства.

А после войны, когда центр мирового антисемитизма передвинулся из побежденной Германии в Россию-победительницу, когда нечем было дышать и в воздухе запахло близкими погромами, когда писать (а значит, — и жить!) осталось каких-нибудь два-три года, Маркиш создал, возможно, лучшие свои лирические циклы, наиболее совершенные образцы философской, любовной, пейзажной лирики.

Не в конце полёта, а на взлёте своих воистину неисчерпаемых творческих сил его вырвали из жизни, из поэзии.

...Для меня Перец Маркиш остался навсегда отцом и евреем прежде всего, к тому же «еврей» и «отец» слиты неразрывно. Этот опыт «еврейского сыновнего чувства» мне представляется драгоценным, и не только для меня одного.

На первый взгляд, дети в нашей семье росли ассимилированными стопроцентно. Дома не разговаривали на идиш: мать не знала языка совсем, отец владел русским в совершенстве. Идиш мы слышали только тогда, когда к отцу приходили его друзья, приезжали родные с Украины. Идиш был языком отца и только. И еврейского воспитания мы не получили — никакого, ни в каком проявлении. О религиозном и говорить нечего — не только отец с матерью, но да-

же бабушка наша (с материнской стороны, родственников отца мы не знали) была совершенно равнодушна к религии. Однако и нерелигиозного, светского приобщения, например, к еврейской истории, приобщения целенаправленного, педагогического, также не было. И однако, мы росли евреями. Быть евреем было для меня так же естественно, как дышать или любить бабушку. Еврей — от рождения и навсегда, как от рождения мальчик, а не девочка. Эту органичность своей принадлежности к еврейству я сберегаю всю жизнь именно в том проявлении, как это было получено ребёнком от отца!

Принадлежность неслучайную, то есть такую, которая совершенно исключает какую-либо другую, дополнительную принадлежность (скажем: еврей и русский одновременно), но ни в коем случае не самодовольную, не агрессивную принадлежность.

В утренней молитве «Шма», которую я прочитал впервые, впервые же читая кадиш по отцу (собственно, уже на свободе, на Западе), меня поразили давно, казалось бы, знакомые слова из Второзакония: «И усердно научишь этому сынов своих, и будешь говорить это, сидя дома, и когда ты будешь ложиться, и когда ты будешь вставать». Мой отец никогда ничему нас специально не учил, но я убеждён, что невозможно передать детям верность еврейству лучше и эффективнее, чем это сделал Перец Маркиш своим существованием.

Вот я смотрю глазами ребёнка, потом — подростка. Отец занят почти непрерывно. «Тихо! Папа работает!» — то есть пишет, стучит на машинке. Но пишет не так и не то же самое, что соседские отцы в нашем сплошь писательском доме, — пишет только по-еврейски. У него другая, особенная профессия: соседи — писатели, а он — еврейский писатель... В кабинете тихо, отца нет дома. Он на собрании в Союзе писателей или в театре, или в отпуске. Я не сомневаюсь, что когда он в театре, то в Еврейском у Михоэлса, когда в командировке, то в Минске, Киеве или Биробиджане, а когда у него собрание в Союзе писателей, то он кричит и размахивает руками в окружении тех самых приятелей, которых я постоянно вижу у нас, — Добрушина, Нушинова, Бергельсона, Галкина, Винера, Росина... В каждом случае, когда, возвратившись, он рассказывает маме о событиях минувшего дня, других имён, кроме еврейских, я не улавливаю...

Отец дома, у нас гости. В кабинете, потом в гостиной, потом опять в кабинете — страшный гвалт: говорят все вместе, и все — по-еврейски. Так оно и должно быть, другого я представить себе не могу. Оглядываясь назад, я осознаю, что рос не просто в еврейской атмосфере, а в самой гуще общинной жизни, общинных интересов и тревог. Пускай община эта стала совсем другой в сравнении с ещё недавним прошлым — дух и традиция еврейской общины как особого организма, отличного от окружающей среды, не смешанного с ней, пребывали живыми, бодрыми и здоровыми. Не о своих личных интересах шумели люди в доме Перца Маркиша и не об интересах «многонациональной социалистической родины» говорили, а о том, что важно для евреев, еврейской культуры, еврейской судьбы, еврейского будущего.

Это чувство обособленности от господствующего большинства с необычайной выразительностью проявилось в коротком тосте, который Маркиш произнёс в своём доме, за своим столом в первые послевоенные дни. У нас собрались писатели (на этот раз не еврейские), актёры и с десяток боевых, прославленных генералов: жена одного из них была хорошим другом нашей семьи. После славной выпивки в честь победы и победителей Маркиш поднялся и сказал: «Я хочу выпить за гостеприимство, которое русский народ проявил и про-

являет к моему еврейскому народу». — «Да что вы, Перец Давидович! — возразил один из генералов. — Какое там гостеприимство! Вы — у себя дома!..» Но Маркиш упрямо повторил: «За ваше гостеприимство!»

Во время войны моё «инстинктивное» еврейство стало осознанным — осознало своё невежество, само начало требовать еврейского образования. Я сказал отцу, что хочу учить еврейский язык; в нашем доме это означало ничто иное, как идиш. Я не сомневаюсь, что отец был доволен, но моё желание он воспринял как нечто совершенно естественное, что само собой проистекает из моей и его жизни, из нашей общей жизни. Он взял мне учителя, но никогда и ничем не пытался помочь мне сам. Зачем? В один прекрасный день его сын должен обратиться к нему на этом языке с такой же естественностью и лёгкостью, с какими он когда-то обращался к своему отцу. И если этот воистину прекрасный день никогда не наступил, то лишь по вине наичернейшего во всей моей жизни дня, когда отца забрали из моего бытия навсегда.

Не припомню, чтобы отец когда-нибудь говорил про Бога, про заповеди, про праздники. Но, много позднее осмысляя его поведение, особенно его реакцию на мои детские забавы, я сообразил, насколько оно, это поведение, было мотивировано религиозной традицией и как оно — совершенно незаметно и невольно — приобщало к той же традиции и нас, детей. Как-то, балуясь, я назвал Моше Рабейну «Мозесом». Отец гневно насупился: «Не смей! Что за гадкая фамильярность! Или по-русски — Моисей, или по-еврейски — Моше!» Не поняв причины гнева, я оправдывался: мол, вычитал из какого-то сборника народных песен. «Обманываешь! Или что-то перепутал! А коли и правда, то и среди народа дурней больше, чем нужно!» Великий образ Моше был для него недосыгаемой святыней, и поэтому необычная для уха германизованная форма, сама собой абсолютно невинная и неоскорбительная, казалась неуважением к Божественному величию.

В другой раз, играя с сестрой, я надел на себя мамин халат, обул её туфли на высоких каблуках и покрасил губы. Отец случайно вышел из кабинета и увидел нас. Я и сегодня вижу его лицо, побелевшее от гнева. Он сорвал с меня халат, вытащил из туфель и поволок в ванную отмывать помаду с губ. Наверяд ли он что-нибудь объяснил чётко. Но я усвоил навеки: мужчине надевать женскую одежду абсолютно запрещено. Только значительно позднее я обратил внимание на стих в 22-й главе Второзакония: «Не будет мужская вещь на женщине, а мужчина не наденет женской одежды, потому что каждый, кто делает это, — отвращение он для Господа, Бога своего». Мелочи? Наверное. Но чем, как не мелочами, лепится воск детской души? И поэтому после войны, когда мы с сестрой подросли, а он постарел и стал ближе к нам, более заинтересованным в нас, и начал рассказывать нам о своём детстве, о хедере в Полонном, о синагоге в Бердичеве, где он пел в хоре мальчиков, пока не стал ломаться голос, — эти рассказы о еврейском прошлом закладывались в мою душу и память, как укладываются кирпичи на нерушимо возведённый фундамент.

Отец не научил меня молиться. Я остался неверующим, агностиком. Он не научил меня вере, но научил верности — верности еврейскому прошлому и еврейскому будущему. Этот стержень закреплён его рукой. Я знаю: я только слабая искра от его щедрого пламени, но я — из него, от него и к нему повернутый, на него оглядываюсь, всегда, постоянно.

Как-то я услышал от французско-еврейского философа Эмманюэля Левина-са: воспоминание — это уже молитва. Господи Боже мой, как это справедливо! Вот уже почти сорок лет, как я молюсь, сам об этом не подозревая, — молюсь за отца, об отце, за себя самого, малую часть отца! И когда, неверующий, я присоединяюсь к верующим, которые четыре раза в год читают общую заупокойную молитву «Изкор», и прошу Всевышнего и Предвечного вспомнить о душе отца и наставника моего, который ушёл в вечность свою, я не впадаю в лицемерие и ложь. Он не только породил меня, создал, но и наставил на путь, которым я иду посегодня. И память о нём — мою молитву — я хочу разделить со всеми в пространстве и продлить до конца времён.

* * *

В ноябре 1965 года в Москве отмечалось семидесятилетие со дня рождения Переца Маркиша. Это был уже не первый после посмертной реабилитации вечер его памяти, но впервые удалось получить большой зал писательского клуба, который вмещал более шестисот человек. Хотя ни одного объявления в газетах не было, хотя приглашения рассылались по строго проверенным в Союзе писателей спискам, людей собралась туча, причем туча достаточно грозная и неприятная для литературного начальства. Пришли — незваные! — не старые евреи и еврейки, а еврейская молодёжь, которая уже не знала языка, на котором писал Маркиш, но которая прекрасно осознавала, что значила жизнь и смерть Маркиша для всех нас, евреев в России. Для семьи организаторы вечера дали приблизительно сотню приглашений, и мы привели и провели не только близких и дальних друзей, но и гостей, уже совершенно «нежеланных», — израильских и американских дипломатов, зарубежных журналистов. Что и говорить — зал был переполнен, стояли во всех проходах, чуть ли не на сцене.

На сцене, за столом президиума, Маркишей было трое: мать, брат Давид и я. Мама в тот вечер не говорила. Слово давали сыновьям.

Я написал страничку текста и выучил его на память. Мне хотелось проверить, как это будет звучать в аудитории, хотя и бесспорно доброжелательной, но чрезвычайно разнородной, не только еврейской. Я подошёл к своему близкому другу, русскому поэту и стопроцентному россиянину. Он выслушал меня и остался растроганным. Однако я продолжал волноваться, тревожиться...

Я не нахожу этой странички в своих бумагах. Может, это и к лучшему: самым ценным и — не побоюсь сказать — драгоценным в том выступлении был могучий, предельно напряжённый контакт с залом, мне казалось, что я говорю не тем людям, которые сидели передо мной, а за них, от их имени, говорю то, что они хотели бы, да не могут, не смеют сказать.

Вот приблизительно моё краткое слово: «Мы собрались сегодня, чтобы отметить не только день рождения поэта, но, в первую очередь, почтить его память, память о нём. Память (перефразировал я Осипа Мандельштама) — это «наше мучение и наше богатство». Хрупкое богатство, которое распыляется пугающе быстротечно, и необходимы постоянные и настойчивые усилия, чтобы не дать выветриться неповторимому запаху реденьких кудрей на макушке, не дать замолчать неповторимым интонациям голоса и смеха, чтобы не исчезли перед взором любимые руки, пальцы, ногти, бороздки на ногтях. Гомер повествует: души в загробном царстве беспамятные, но память возвращается к ним, если напоить их кровью чёрной овечки. Мы, живые, поим свою душу, поддерживаем и осве-

жаем память не овечьей кровью, а кровью и мукой собственного сердца. Про- правшим без вести на поле боя или в далёких путешествиях, в кораблекрушени- ях древние греки ставили памятники-кенотафы (буквально — «пустые могилы»).

У Переца Маркиша нет могилы и нет памятника, но память о нём живёт, и самое правдивое тому свидетельство — многолюдие нашего сегодняшнего со- брания. Закрепить её, задержать, не дать ей исчезнуть как можно дольше — наш долг перед Маркишем и перед самими собою, потому что главной целью его убийц было искоренение именно памяти. И она пребудет живою. Она не будет вечной, — разговоры про вечную память — самообман, — но долгой она будет».

Ответом была настоящая овация.

Я был настолько взволнован, что не помню теперь, что говорили другие и кто они были. Единственное, что запечатлелось чётко, — это восхищённый и грозный гул зала после стихов Давида.

Когда всё закончилось, сестра сказала: «Это был не вечер, это была демонст- рация». Впервые выкрикнули в полный голос: «Убили! Убийцы!». А убийцы — пусть не главные, пусть помощники убийц, — сидели в зале и даже на сцене. Председательствовал на вечере поэт Николай Тихонов. Его статьей 1946 года «В защиту Пушкина» началась антисемитская травля после войны. От статьи Тихо- нова до убийства Маркиша, до «дела врачей» — дорога прямая, куда уж прямее.

Мы с братом часто вспоминаем тот вечер. Мы верим, что он внес свою леп- ту в национальное пробуждение советского еврейства. И хотя мы этим гордим- ся, но заслуга тут не наша. Это Перец Маркиш продолжал служить своему на- роду. Мы верим также, что служение его не завершено, что и поэзия его, и жиз- ненный пример будут будить еврейскую мысль и чувства, подталкивать их к действию — к сопротивлению ассимиляции, к возвращению в лоно своей куль- туры. Понятно, не в служении — роль и предназначение поэта, поэта велико- го, каким был наш отец, но, как и раньше, а возможно, и в большей мере, чем когда-либо, мы боремся за своё национальное сохранение, и в этой борьбе ли- рические строки Маркиша и горькая его судьба оберегают нас, защищая от прозябания и отчаяния, от наихудшего из искушений — опустить руки, стать «как все», слиться с большинством, раствориться, исчезнуть...

ДАВИД ГОФШТЕЙН

Д. Гофштейн

Гофштейн Давид Наумович (25.7(6.8).1889 — 12.8.1952), еврейский поэт. Родился в г.Коростышеве (ны- не Житомирская обл.) в семье земледельца.

Во время Второй мировой войны и в первые годы после нее Гофштейн активно сотрудничал в Еврейском антифа- шистском комитете и еврейской секции Союза еврейских писателей. Переводил на идиш Пушкина, Шевченко, Рус- тавели, советских поэтов. Произведения Гофштейна мно- гократно издавались в переводах на русский и украинский языки. Двухтомное собрание сочинений на идише «Лидэр ун поэмэн» («Стихи и поэмы») издано в 1977 г. под редакцией вдовы поэта Фейги Гофштейн.

6 сентября 1948 г. он был арестован и 12 августа 1952 г. расстрелян по «делу ЕАК».

Фейга ГОФШТЕЙН

С ЛЮБОВЬЮ И БОЛЬЮ О ДАВИДЕ ГОФШТЕЙНЕ

*Из книги воспоминаний вдовы поэта, изданной в Иерусалиме в 1997 г.**Перевод с идиша Михаила Крутикова*

Лето 1921 года. Я студентка медико-педологического института в Москве. Во время каникул работаю в детском санатории в Химках. Здесь находятся также дети еврейской интеллигенции: двое детей историка Гейликмана, двое — профессора Мотылева (старшая, Тамара, теперь известный литературный критик) и двое детей поэта Гофштейна. Там я и познакомилась с их отцом.

В 1919-20 гг. мой родной город Кременец находился под поляками. В узком кругу еврейской молодежи мы читали, среди других еврейских писателей, и произведения Гофштейна. И вот он сам, волшебник, автор чудесной книжки «У дорог».

Лето 1922-го. Теперь я работаю в Сокольниках, в детском доме для детей из голодающих Поволжья и Херсонщины. Гофштейн часто приезжает ко мне, иногда вместе со своим старым другом Ароном Кушниковым...

В конце 20-х годов евсекция ВКП(б) во главе с Литваковым начала преследовать всё, что имело отношение к еврейской традиции. Пострадали от этого все еврейские писатели, но больше всех Гофштейн, так как он был насквозь национален. В 1924 году он вместе с группой ученых подписал меморандум к правительству против преследования иврита. За это его на общем собрании еврейских деятелей культуры осудили, исключили из писательского коллектива и вывели из состава редакции ежемесячника «Штром».

В начале 1925 года мы с Гофштейном уехали в Берлин. Пробыв там некоторое время (тогда в Берлине находились Давид Бергельсон, Лейб Квитко, Нохем Штиф и другие советские писатели), уехали в Палестину. На корабле, отплывавшем из Триеста, было немало туристов со всего мира. Они отправлялись на открытие Еврейского университета в Иерусалиме.

1 апреля мы прибыли поездом из Александрии в Иерусалим. Никого не сумели известить о нашем приезде. Наняли араба с осликом, погрузили вещи и отправились в город. И вот, буквально на первых шагах, Гофштейну на шею бросается высокий молодой человек с рыжим чубом:

— Гофштейн! Гофштейн!

Это был Ури-Цви Гринберг. Он никогда не видел Гофштейна, но сразу узнал его и взял нас под свою опеку.

Добравшись с чемоданами к моим братьям, жившим довольно далеко от вокзала, мы обнаружили на двери замок. Редко кто сидел в те дни дома — и уж, конечно, не мои братья, «халуцим». Они строили университет. Я осталась с багажом у запертой двери, а Гофштейн с Гринбергом сразу исчезли.

Поздно вечером Давид вернулся с горы Скопус. В письме редактору нью-йоркского журнала «Цукунфт» А.Лесину он писал: «Я в стране Израила. Одного этого для меня так много, что я готов повторять эти слова тысячу раз, других слов у меня нет, да я и не ищу их, чтобы выразить полностью мое потрясение...»

Один год провел Гофштейн в Эрец Исраэль.

Хамсин, 30 градусов в тени. Давид ездит на велосипеде и наслаждается.

С большим удовольствием он приглядывался ко всему вокруг. Всюду бывал, всё впитывал в себя. Видел бедные кварталы йеменских евреев, первые кибуцы. — Это уже не галутные евреи, — говорил он.

Почва!

Почва — чтобы пахать,

Чтобы копать,

Чтобы строить.

Крепок на почве тот,

Кто на земле

Имеет призвание,

Мечту.

Когда в 1923 году я уезжала из дома, мама дала мне золотое колечко и взяла с меня слово, что я выйду замуж за Давида «по закону Моисея и Израиля». Ее просьбу мы выполнили в Израиле.

Давид Гофштейн дружил с Хаимом-Нахманом Бяликом, Авраамом Шлёнским, Ашером Барашем, но больше всего — с Ицхаком Яцивом (Шпигельманом). Гофштейн писал стихи на иврите, статьи о театре и литературе, о гражданской войне в России и многое другое. Почти всё было напечатано в прессе: «Гедим», «Давар», «Гаарец», «Кунтерс» и других газетах и журналах. Написанный им пуримшпиль «Мегилат Эстер» был поставлен в 1928 году, когда автора уже не было в стране, в театре Гнесина; комедия выдержала более 20 представлений.

Время было тяжелое. Было трудно найти работу в маленькой стране. Тоска по сыновьям Шамаю и Гилелю, у которых несколькими годами ранее умерла мать — первая жена Гофштейна Хаит, была очень велика. Советская виза, которую Давид получил на один год, истекала. Пришло письмо из Киева: отец Давида писал, что дети очень скучают, а в школе им все чаще напоминают, что их отец покинул СССР...

В конце марта 1926 года Давид уехал, а я с шестинедельной дочуркой Леви-ей осталась пока в Тель-Авиве.

Мало кто знал, с какой тяжестью и болью Гофштейн переживал свой отъезд из Эрец Исраэль. В 1940 году, в разговоре с литературоведом Элизером Подрядчиком, Гофштейн сказал: «В общей сложности я был в Стране Израиля один год, от Песаха 1925 до Песаха 1926, но вкус этого года буду помнить всегда. Духовно я никогда не уезжал оттуда. Свидетельством тому служит часть моих стихов. Вы можете найти в них нити, которые тянутся прямо оттуда».

Кто мог представить себе, что наша разлука продлится три долгих и тяжелых года? Несмотря на все усилия Давида, Советский Союз несколько раз отказывал мне в разрешении приехать к моему мужу и отцу нашего ребенка. Мы были в отчаянии.

Это стихотворение я получила в Тель-Авиве от Давида в 1928 году:

Резкая тень на стене от моей маленькой пальмы.

От молодого деревца,

Которое стоит напротив моего окна,

Напоминая мне тихо ту страну,

Напоминая мне тихо дни те,

Напоминая мне мою прекрасную.

*Мне выпало на долю
 Быть разорванным на куски
 И боль тоски испытывать, как сустав,
 Который все куски крепко сковал,
 Испытывать боль от тоски,
 Которая, как железа, питает мое тело,
 Делает мое тело совершенно пьяным,
 Как то горячее вино
 Той страны —
 Оно делает тело необыкновенно большим
 И, как от того опьянения,
 Я становлюсь иногда
 Великаном
 И перешагиваю
 Из страны
 В страну...*

С последней надеждой я написала письмо тогдашнему министру иностранных дел СССР М.Литвинову. В конце марта 1929 года мы с Левией приехали в Киев.

В городе жили по продовольственным карточкам. Трехлетняя Левия имела свои страдания, свою «абсорбцию». После маленького светлого Тель-Авива киевские дома казались ей громадными и неудобными. Была теплая весна, но она все время жаловалась, что ей холодно.

А язык! В двух еврейских (!) детских садах Киева отказались принять ее, услышав, что она говорит только на иврите. Боялись, что ее язык плохо повлияет на детский коллектив.

Положение в еврейской культуре становилось всё тяжелее. Евсекция контролировала и редактировала каждое произведение, заменяя слова древнееврейского происхождения.

Всю жизнь Давид собирал книги. Если где-то находил старую книгу, бывал счастлив. Редкие, ценные книги и рукописи на идише и иврите занимали почетное место в его большой библиотеке. Когда приходил гость — а гостей Давид очень любил, даже если это шло в ущерб его работе и отдыху, — он прежде всего вел посетителя в кабинет и демонстрировал книжные сокровища.

Словари, энциклопедии, конкорданции на различных языках Гофштейн держал в отдельном шкафу. Он говорил:

— Человек не может знать всё, но он должен знать, где искать и находить.

Подарить кому-нибудь большую или маленькую вещь всегда доставляло Гофштейну громадное удовольствие. Русский писатель Лев Озеров не мог забыть, как в 1942 году в Москве (Гофштейн приехал из Уфы, где мы находились в эвакуации, на еврейский антифашистский съезд) он принес жене Озерова в родильное отделение белую халу.

Трудные послевоенные годы. Не было ни одной еврейской семьи, которая бы не пострадала. Люди возвращались в пустые, разрушенные дома. Одному Давид помогал получить квартиру, другому — вернуть мебель, третьему — устроиться на работу.

Гофштейн занят с утра до вечера. Ездит по местечкам. В Черновцах помог открыть две еврейские школы. В Коростышеве, на его разрушенной родине, позаботился, чтобы детский дом был обеспечен всем необходимым. В Яругу — еврейский колхоз на Украине, с которым он был связан до войны, — отправляет книги для учителей и детей.

Прошло два года. Раны начали постепенно затягиваться. Понемногу к Давиду возвращалась его обычная жизнерадостность...

Начало 1948 года принесло страшную весть о гибели Михоэлса. Мало кто верил в распространенную версию об автокатастрофе, но делиться этими мыслями с кем-либо не осмеливались. К сожалению, Давид был тогда болен, и мы не присутствовали на похоронах. В сердце осталась боль и еще что-то, пока не имевшее ясного названия.

Май. Создание Государства Израиль Давид воспринял с большим воодушевлением. Находясь в тот момент на курорте в Кисловодске, он сразу послал телеграмму президенту Украинской академии наук с предложением открыть семинар по изучению иврита. Он не смог усидеть в Кисловодске, прервал лечение и вернулся домой.

Директора издательства «Дэр эмэс» Льва Стронгина Гофштейн пытался убедить печатать книги на идише по традиционной орфографии: с конечными буквами и с написанием слов ивритского происхождения так, как в языке-источнике... Пока Гофштейн радовался. Многие радовались тихо, а он не может скрыть свою радость, даже если захочет.

*Моя страна, моя могучая страна, ты признала
Государство Израиль на древней земле,
Ты признала ценности поколений,
Честный труд молодых рук,
Которые сделали пустыни живыми...*

Лето в Киеве, всё вроде в порядке, но меня гнетет тяжелое предчувствие. Давид тоже чувствует, что вокруг него что-то происходит...

Был прекрасный сентябрьский день. У Давида чудесное настроение. Он уже заплатил за установку баллона с газом (первый раз) и достал для меня билет в Цхалтубо, купейный. Теперь он прилег. Обедать он будет позже, а затем мы поработаем.

Он заснул. А я думаю: «Неужели я еду на курорт лечиться? Я ведь, кажется, не настолько больна. И вот тебе путевка и билет, и часы на руке...»

Я его даже отругала: что это за часы ни с того ни с сего?

— Ты же едешь на курорт, — говорит он, — ты не должна опаздывать на ванны.

Ладно, думаю, пусть будет так. Часы были простые — из тех, что продают с гарантией на год или того меньше. А сколько лет мне верно служили эти часы, его последний подарок!..

И вот мы уже сидим за большим обеденным столом.

— Нет, нет, ничего горячего мы есть не будем, сегодня жарко, — говорит Давид. — Поедим за ужином, давай поработаем, ты же уезжаешь.

Мы просматриваем после пишушей машинки перевод пьесы для еврейского театра. И вдруг звонок в дверь. Давид бросился в переднюю...

Их было трое. Незнакомые, странные личности. Я смотрю на них и на Давида. Он растерян. Бумага в его руке мне всё объяснила.

Пять часов чужие, враждебные люди хозяйничали в квартире: копались, искали, листали книги, всё перемешали. Каждая еврейская книга вызывала особое подозрение, Давид должен был объяснять содержание. На улице давно стемнело, а мы всё сидим, как прикованные к месту.

Давид не раз оборачивался ко мне и говорил:

— Будь спокойна.

Я всматривалась в его темное усталое лицо, и меня пронзила мысль: увижу ли я его еще?

И вот за ним закрылась дверь. Наша домработница, крестьянка средних лет, побежала за ним с яблоком в руке и завыла на весь двор, как в деревне, когда выносят покойника.

Давид стал первым из еврейских писателей, арестованных в 1948 году. Спустя полтора месяца его перевезли из Киева в Москву, я выехала за ним.

...Уже пятый год, как арестовали Давида. Нам всё еще говорят, что он находится в Лефортовской тюрьме. Я мечусь между Киевом и Москвой. В Киеве я не могу долго высидеть: меня тянет узнать, что с Давидом, но и в Москве не могу пробыть долго. С вокзала сразу иду в приемную КГБ на Лубянке и спустя несколько часов получаю стандартный ответ: «Под следствием!» Это происходило и после того, как еврейские писатели были убиты. Об этом мы узнали позже.

В конце января 1953 года, когда я была одна в квартире, ко мне ворвались шесть человек: управдом, дворник, представитель суда, представитель писательской организации и двое рабочих. Они потребовали очистить одну комнату, начали швырять вещи.

— Что вы делаете?

— Освобождаем комнату. Здесь жил враг народа, — сказал представитель суда.

— Что вы говорите? Что за враг народа? Ведь еще нет приговора!

— Кто сказал, что нет? Есть!

Он достал из портфеля бумагу, встал на середину комнаты и торжественно, слово за словом, прочитал приговор суда.

Так я, единственная из членов семей писателей, узнала об ужасном приговоре. Никому из нас, жен, официально об этом никто не сообщил до ноября 1955 года. Видимо, КГБ нас «щадил». Но у правления Союза писателей не было сантиментов. Чтобы отнять у меня комнату побыстрее, они получили из КГБ копию приговора.

ДАВИД БЕРГЕЛЬСОН

Бергельсон Давид Рафаилович (12.8.1884 — 12.8.1952), еврейский писатель. Родился в местечке Охримова Липовецкого уезда Киевской губернии.

Много читая на иврите и русском, еще подростком начал писать на этих языках.

После начала Второй мировой войны Бергельсон участвовал в работе Еврейского антифашистского комитета, публиковал рассказы в газете «Эйникайт».

В январе 1949 г. Давид Бергельсон был арестован, а 12 августа 1952 г. — расстрелян по «делу ЕАК».

Д. Бергельсон

ПОСЛЕ ВСЕГО

(материал приводится в сокращении)

— Моя фамилия Кантор. Каушанская? Это та фамилия, с которой я просто жила долгие, долгие годы. Мне ее дали в гетто. Зовут меня Перл. Я пыталась назваться в Израиле Пниной. Перевод не прижился. Я решила остаться тем, кем была, — Перл Кантор.

С захода солнца до восхода следователь из НКВД, направив в мое лицо невыносимо яркий свет лампы, задавал один и тот же вопрос: «Почему ты осталась жива? Почему?» Над ответом я думала всю свою жизнь. Мне кажется, что сегодня я решу рассказать...

На Украине, в Винницкой области, было когда-то маленькое местечко Любар. Почему было? Потому, что от родного Любара осталось только название. И могила в лесочке. Погибший тот мир был еврейским. Настолько еврейским, что мне не хватит русского языка ни для описания быта, ни для рассказа о людях, которые еще были живы, когда я росла. Один мой дед — Довид-бондарь. Что можно о нем сказать? Он был очень хорошим евреем. Другой дед — Шолем-шойхет — был не только очень хорошим евреем, но и служителем еврейского культа. Все евреи Любара жили по заповедям Всевышнего. Шолем служил Всевышнему так же, как все, и еще немножко. Главным его беспокойством была забота о ближних. И все-таки, когда его сын Шлоймке признался, что полюбил Блюмку Мазур, дочку Довида, Шолем очень расстроился. Тогда Шлоймке ушел из дома и женился на Блюмке в Острополе, в целых семи километрах от Любара. Зато потом баба Рохл, жена Шолема, говорила всю свою жизнь, что Блюмка ей больше дочь, чем Шлоймке — сын. А первая внучка была для всех настоящей жемчужиной. Какое же имя могли дать девочке, если не Перл?

За день до погрома бабе Рохл приснился сон. Ей приснилось, что в огороде, за которым она ухаживала, все растоптано и уничтожено. Целым остался один только огурец. Баба Рохл проснулась, взяла меня за руку, отвела в комнату, где не было никого, провела мягкой, теплой ладонью по моим волосам и сказала: «Хоть бы ты, Переле, оказалась тем огурцом!»

В Любаре не было даже гетто. И зачем его создавать на несколько дней? От кого отгораживать евреев, если даже русские забыли, что они русские? Мама увидела через окно страшных мужчин в черных касках, воскликнула: «Переле!», повязала мне на голову платок и без разговоров выпроводила из дома. Я добежала до огорода, присела там и сидела не шевелясь целые сутки. Сначала из дома вывели маму, сестричку и бабушку, потом мимо меня провели папу и дедушку, а потом всех убили...

Из гетто Салхова я бы не побежала сама, не было внутреннего убеждения в необходимости. Но мальчик знакомый сказал мне: «Переле, нам надо двигаться в сторону фронта». Я подумала: «Может быть, он и прав». Он потом убежал, чтобы спрятаться на элеваторе. Я поглядела вслед ему, постояла еще и вернулась в гетто, к евреям.

Из Салхова всех погнали в Уланов. Из Уланова трудоспособных забрали в Корда-левку Калининского района, в концентрационный лагерь. Там мы строили аэродром.

Опухшая, шивая, ночью, повинуюсь Бог знает чему, я проползла под проволокой через выгребную яму. И добралась до Хмельника. В ночь перед погромом в Хмельнике мне — не бабе Рохл, а мне! — приснился сон. Мне приснилось, что я поднялась, прошла по переулочку, которого никогда не видела прежде, подошла к забору, отодвинула будто подготовленную для моего побега доску, спустилась в овраг, поднялась по выбитым кем-то ступенькам и вышла на волю.

Я проснулась, вышла из дома, нашла переулочек, забор, овраг и ступеньки. Так я ушла из Хмельника. В Жмеринке, чтобы попасть в еврейское гетто, надо было выдать себя за местную. Добрые люди послали меня в семью Авремеле-кондитера — в мирное время он делал конфеты. Там меня приняли вместо дочери и дали фамилию Каушанская. Из Жмеринки много евреев переехали через какое-то время в Могилев-Подольский, и там нас освободили.

Мы стояли, очень худые, очень больные и совсем лишенные сил. Но когда я сумела понять, что настала свобода, я подпрыгнула. Под потолком я повисла, оглядела моих дорогих, избежавших смерти евреев, никуда больше не полетела, а опустилась на землю и встала плечом к плечу со своим народом...

Уцелевшие стали собираться в дорогу, в те места, откуда их выгнали. Одни люди мне предлагали быть им дочерью, другие — руку и сердце. Как же я могла пообещать стать кому-то верной женой, если я не была уверена, что оставлена в этом мире для человеческой жизни? Я уехала в Черновцы, потому что там обещали меня накормить.

Вот я ем, пью и думаю, но вокруг меня нет людей, которые научили меня есть, пить и думать. Мир, который дал жизнь мне, умер... У самого близкого мне писателя Давида Бергельсона была повесть «Нох алэмэн». Там девушка Мирл, добрая и красивая, видит, как гибнет культура еврейского мира. Но что она может сделать? И с кем ей поделиться нематериальной своей бедой? Друг Мирл, поэт, называет себя стражем мертвого города. Он идет по пустынным улицам и встречает одну только женщину. Женщина в черных одеждах прижимает к груди куклу и говорит: «Эта жизнь — представление ряженных». Что с того, что в уцелевших людях духовность была ключом? Для нее в новом, ненастоящем, ряженном мире выхода не было... Вы знаете, что я сделала? Я написала письмо Давиду Бергельсону. Если он существует реально, а не только в моей душе, подумала я, значит, выжил осколок еврейского, настоящего мира. Знаете, что сделал Давид Бергельсон? Он прислал за мной поэтессу Риву Балясную.

В Москве сохранилось тогда только одно еврейское учебное заведение — театральная студия. Руководил ею Соломон Михозэлс, а директором был Моисей Соломонович Беленький. Какими красивыми были наши преподаватели, как рассказывали о театре, литературе, искусстве! Какие великие люди сидели во время показов в первом ряду, смотрели на нас, студентов, и слушали нас. А нам разрешалось бесплатно ходить в Дом писателей на вечера друзей студии, во МХАТ, в Малый театр...

Однажды ночью, после спектакля в Камерном театре «Мадам Бовари», мы с Семей — тогда терпеливым и верным другом, а позже единственным и любимым мужем — никак не могли попасть ни на трамвай, ни на автобус, чтобы уехать на Трифоновку в общежитие. Мы ждали трамвай и опаздывали на автобус. Ждали автобус и пропускали трамвай... Меня это развеселило так, что я рассмеялась. И не заметила бы, что случилось. Но Сема, заглянув мне в лицо, зашептал, потеряв от волнения голос: «Переле, ду лахст, ду лахст!..» — «Ты смеешься, Переле!..»

А до этой ночи никто не знал, что это возможно. Меня все боялись и сторонились. Я никому ничего о себе не рассказывала. Когда на меня посмотрела впервые будущая свекровь, она закричала: «Ой, Боже мой! Это же страшная, старая, сердитая гойка!»

Только один-единственный раз я решилась поведать о пережитом. Это случилось в доме у Бергельсонов — Давида и его жены Ципы. Никто меня не перебивал, никто ничего не сказал, когда я остановилась. И только, прощаясь, хозяин дома велел: «Ты должна это написать, Перл». Я села работать. Писать было так же трудно, как жить. Но меня об этом просил мой кумир. Я принесла ему заполненную своим рассказом тетрадь. Давид пробовал править, потом бросил ручку, сказал: «Этого делать нельзя. Напечатаем все, как есть». Он сказал это в самом конце 1948 года...

Бергельсон написал однажды рассказ «Йорцайт-лихт» («Поминальный свет»). Доктор Сойфер сидит у постели больного, который потерял на войне глаза. Он никогда теперь не увидит ни близких, ни город, ни свет. Но доктор Сойфер на той же войне потерял все, что видел, — родных, город, свет! Только вот такая потеря увечьем не считается. Кто-то остался без мамы и папы — его, сироту, жалеют. Доктор Сойфер лишился всего народа, но о такой потере никто никогда не слышал.

Все снова кончилось. Арестовали еврейских писателей, преподавателей, режиссеров. И расстреляли. Закрыли театральную студию. Мы сдавали дипломный спектакль на чужой сцене. Ни один человек из комиссии не знал идиша. Ни одного еврея не было в зале... Необходимо было уехать из столицы. В Пензе, где жили родители мужа, я пробовала играть в русской драме. Муж шлифовал мне каждый звук в коротеньких репликах. Я повторяла, плохо улавливая смысл фраз. Тем не менее, Виктор Розов, заметив меня, предложил в своей пьесе роль секретаря комсомольской организации школы. Как же трудно мне было правильно произносить ничего мне не говорящие предложения на чужом практически языке! Однажды во время гастролей по Украине я встретила Нюсю — девочку, с которой мы прятались во время войны в тайнике. Мы сидели тогда втроем, перепуганные, и еще одна девочка, Мирьям, качаясь, шептала молитвы, а мы ей завидовали, потому что не знали их наизусть. А потом Мирьям тихо-тихо запела «Кинерет шели»...

Нюсю я не узнала. И не припомнила бы того времени вовсе, не запой она, тихо-тихо, как Мирьям когда-то, «Кинерет шели». Муж Нюси работал начальником отдела искусств в Благовещенске. И мы поехали с Семей жить в этот дальневосточный город. Я работала в театре, муж — в областной газете. В Пензу через долгие годы мы вернулись, можно сказать, большими людьми. Нам оказывали разнообразные почести. Только все было не по-настоящему: представление ряженных.

Даже когда горела под ногами земля, я искала евреев, я искала своих — великих, смешных, благородных и хитрых, без которых мне нечем было дышать. Я в самое страшное время не стучалась в чужие двери. Если я евреев не находила, я уходила дальше.

В Пензе община была столь мала, а евреи настолько забыли обычаи, что меня принимали как ребецн. У меня приходили спрашивать, что можно есть, что нельзя и когда что можно и что нельзя делать.

...Знаете, я сейчас вам скажу, почему я выжила после того, как меня не убили. Я скажу вам, как мне удалось вынести жизнь после смерти местечка. Я думаю только на идише и сны вижу только на идише, я любить научилась и не разучилась... только на идише.

ЛЕВ КВИТКО

Квитко Лев Моисеевич (15.10.1890 — 12.8.1952), еврейский поэт. Родился в местечке Голосков (ныне село Голосково Хмельницкой области).

Стихи Квитко писал с 12 лет. В 1915 г. в Умани познакомился с Д.Бергельсоном, каковой ввел его в литературные круги. Публикация его стихов в сборнике «Эйгнс» («Родное») выдвинула его (вместе с Д.Гофштейном и П.Маркишем) в триаду ведущих поэтов «киевской группы». В середине 1921 г. поэт поселился в Берлине, где вышли его сборники «Грин гроз» («Зеленая трава»), 1922 г. и др. В Гамбурге Л.Квитко вступил в компартию Германии и вел пропагандистскую работу среди торговых рабочих.

В 1925 г., опасаясь ареста, Квитко вернулся в СССР, вошел в литературную ассоциацию «Октябрь» и редколлегию журнала «Ди роитэ вэлт» («Красный мир»); за один 1928 г. вышло 17 книг Квитко для детей.

Сатирические стихи Квитко в его сборнике «Герангл» («Схватка»), 1929 г. против диктата деятелей евсекции вызвали разгромную кампанию: «пролетарские» писатели обвинили Квитко в «правом уклоне» и добились исключения его из редакции журнала.

В годы войны Квитко был членом Еврейского антифашистского комитета и редколлегии газеты «Эйникайт».

22 января 1949 г. Квитко был арестован, а 12 августа 1952 г. — расстрелян.

Л. Квитко

Корней ЧУКОВСКИЙ

ИЗ ДНЕВНИКА

10/VIII (1936)

Был в Киеве у Квитко. Квитко — седоватый, широкогрудый, ясный душою, нежный, спокойный и абсолютно здоровый человек. Занимает он 3 комнаты, в обстановке которых отразилась его художественная натура: каждый коврик, каждый лоскуток на столе, каждый гвоздь, вбитый в стенку, необыкновенно четки, целесообразны, лишены какой бы то ни было сумбура, хламности, путаницы. Ясность душевная отражается на каждом карандаше, на расстановке стульев. Жена его (родом из Умани) Берта Самойловна так же поэтична, как и он, т. е. светла в отношениях к людям и к миру, молчалива, обладает безукоризненным вкусом. Дочь Етл — художница, с очень редким у женщин талантом: умением схватывать типичнейшее в человеке. Она редко рисует лица, а главным образом позы, походки, осанки. И фигуры без лиц у нее так характер-

ны, словно у другого художника портреты. Поражает зрелость ее дарования. (Ей только 16 лет.) Отношения дочери, матери, отца — дружественные; все трое — нерасторжимый союз. Дочь сажает грузного отца себе на колени, мать зовет его Лейбеле, говорят они между собою по-еврейски. Ко мне все трое пронизательно-сердечны. Вчера я с двумя свертками ушел от них на вокзал. Он, не говоря ни слова, взял наиболее тяжелый сверток — и пошел провожать; посадил меня в вагон, как мать — ребенка. Для Марины вызывают они докторов, кормят меня, обстирывают, приспособляют весь свой режим к моему, даже не показывая этого. Вчера я ушел в «Правду» — в корпункт — Квитко сопровождал меня туда, потом он ушел, и через полчаса приехал за мной на машине:

— Едем!

— Куда?

— Смотреть Чарли Чаплина.

— Да я не хочу. Бог с ним.

Отпустили машину, и тогда оказалось, что Квитко уже видел Чарли Чаплина, что он хотел истратить 3 часа только ради меня.

САМУИЛ ГАЛКИН

С. Галкин

Галкин Самуил Залманович (23.11(5.12).1897, Рогачёв, Белоруссия — 21.9.1960, Москва), еврейский поэт и драматург.

Галкин деятельно участвовал в работе Еврейского антифашистского комитета, был членом редколлегии газеты «Эйникайт». В 1949 г. был арестован по «делу ЕАК», но ввиду инфаркта попал в тюремную больницу и избежал расстрела. Был освобожден в 1955 г., затем реабилитирован. Награжден 2 орденами, медалями.

Лев ОЗЕРОВ

ГАЛКИН

За ним пришли в Малеевку.
 Больного повели к машине.
 Успел он палку передать
 Стоявшему в снегу с собакой
 Опешившему Пришвину:
 — Самуил Залманович, куда вы?
 — Прощайте! — промолвил Галкин.
 Он думал — погибает.
 Не погиб.
 Просил Сергея Спасского в шахте:
 — Хотите, чтобы я не умер, —
 Читайте каждый день

Хотя бы по строфе,
 Хотя бы по строке,
 Которой я не знаю.
 Не обязательно свое —
 Читайте мне чужое.
 Бумаги не было,
 Но Галкин сочинял.
 Стихи накапливались.
 Это страшный груз.
 Опасней пороха, пожалуй.
 Он на бумаге памяти
 Писал их,
 И память тяжелела
 День за днем.
 Стихи выталкивали
 Острыми локтями

Друг друга.
 И когда
 Он память исписал донельзя,
 Нашелся заключенный,
 Знавший идиш.
 Большая редкость.
 Сущяя находка.
 Да, находка —
 Был этот заключенный
 Пачкою бумаги
 Для новых строк.
 Когда, измученный тюрьмою,
 Домой вернулся Галкин,
 Он записал стихи
 И память опустела,
 И хлынули в нее
 Стихотворенья.

Вернулся он — тяжелый и красивый,
 С глазами печали,
 Перешедшей границу безумия,
 Но помнящей юность
 И жажду жизни.
 Читал он так:
 Сердцу в такт
 Начинал тихо,
 Распалялся быстро,
 Раскручивался лихо,
 Приподымался на носки,
 И вот вползал
 На стул, на подоконник.

Изнемогая, он кричал:
— Мария! Ма!
Прибегала жена,
С нею вместе
Сын и дочь,
Снимали его с подоконника
И, бездыханного,
Укладывали в постель.
Еще он жил,
Еще писал.
И — умер.
В день похорон
На кладбище
Ко мне подошел
Бородач в ватнике
И спросил:
— Вы не родственник?
А если нет, то не знаете ли вы
Родственников покойного
И, может быть, близких друзей?
— Я не родственник. Друг. Переводчик.
Чем могу вам помочь?
— Я привез с собой
Много стихов,
Продиктованных Галкиным мне.
Я запомнил их наизусть.
Я — его рукопись.
Человек в одежде зэка.
Познакомил я этого человека
С женой и детьми.
Мы долго сидели за столом
И говорили о Галкине.
И он продиктовал
Много строк,
Что составили цикл
«Майн эйцер» —
«Мое наследие» —
Посмертная книга стихов.
Нам зэк читал неписанную книгу
И Галкин оживал в своих стихах
Построчно и построфно,
В стихах, отточенных горем
До алмазного блеска
И остроты.

1990 г. «*Портреты без рам*»
M. Academia. 1999

ИЦИК ФЕФЕР

Фефер Ицик (Исаак Соломонович) (10(23).9.1900 — 12.08.1952), российский еврейский поэт. Родился в местечке Шпола, ныне Черкасской области, в семье учителя.

Писал на идише. Романтика борьбы за новую жизнь, вера в благотворность революционных перемен для российского еврейства — в сборниках стихов «Щепки» (1022), «О себе и о таких, как я» (1924), «Стихи» (изд. 1969), поэмах «Иосл Шиндер» (1925), «Пласты» (1932), пьесах «Трубочист» (1926), «Солнце не заходит» (1947).

По так называемому «делу ЕАК» был расстрелян.

И. Фефер

Лев АННИНСКИЙ

Российский литературный критик и публицист

ДО РАССВЕТА

Александр Боршаговский в «Записках баловня судьбы» рассказывает много страшного, но один эпизод потряс меня особенно: очная ставка Самуила Галкина и Ицика Фефера во время следствию по делу Еврейского антифашистского комитета. Дело идет к казни. Казнь будет в августе 1952 года, она состоится за считанные месяцы до смерти Сталина, перед самой отменой «облавы», перед самым «рассветом». А сейчас в абакумовском застенке поэт Ицик Фефер уличает своих подельников в связях с «Джойнтом», в шпионаже и антисоветской деятельности. Отводя глаза, он глухо говорит: «Да», и следовательно, обращаясь к уличаемому, живо подхватывает: вот видишь, а ты отпирался...

Страшна не просто техника слома — страшно то, что ему предшествует. Страшно то, что Фефер действительно хотел помочь следствию, что он, многолетний «комиссар» при Михоэлсе, никогда особо и не скрывал своих связей с чекистами, что он действительно верил в мировой коммунизм и в то, что его не построишь в белых перчатках, а где остановиться на этом пути: когда даешь революционной власти объективную информацию... когда оказываешь власти конфиденциальную услугу... когда оказываешься «подсадной уткой»... и все это постепенно... эта ниточка, тянущаяся от особых полномочий до очных ставок. Перец Маркиш, ненавидевший Фефера (может быть, еще и по вечному соперничеству на ниве поэзии), непримиримый Маркиш решил бы все это разом, но когда на очную ставку привели тихого Самуила Галкина, и он, измученный допросом, все-таки сумел до Фефера дотянуться...

...Лейтмотив Боршаговского — многоступенчатое, искреннее (иногда искренне бессильное) покаяние. Лучшие страницы — те, где психологические головоломки требуют от рассказчика трудного баланса, и он, искушенный театровед, решает эти эпизоды почти сценически. Ярчайшие моменты — «промежуточные», когда люди

Судебное производство по делу И. Фефера

— и хочет передать тому денег (на что жена «Абраши» передает, что спустит благодетеля с лестницы, если появится с деньгами).

Симонов, узнавший накануне по закрытым каналам о готовящейся против «критиков-антипатриотов» расправе, предупреждает о ней Борщаговского, а потом, согласившись сделать доклад о космополитах (попробовал бы уклониться!), просит Борщаговского не приходить на это собрание, потому что в его присутствии он вынужден будет говорить о нем резко.

И даже Первенцев, никаких хороших чувств к Борщаговскому не питающий, хватает того за рукав (в проходе, в зале очередного судилища, когда Борщаговский идет на трибуну с явным намерением защищаться, а то и нападать на своих гонителей) — и успеваешь шепнуть: будь осторожен! подумай о жене и дочках!

Да что же это такое? Что же это с людьми происходит? Что это за ужас, что за маскарад, бесовство мелкое, фарс, что ли, или самогипноз массовый? Ощущение такое, что в душе никто НЕ ХОЧЕТ ни погрома, ни крови, ни позора, и все рады бы выскочить из дьявольского колеса и хоть как-то помочь, смягчить, выкрутиться — сохранить душу. И, разгоняя колесо, все принимают «позы нежелания».

завязаны «и там, и тут», и даже погромщики 1949 года (фамилии которых Борщаговский пишет с маленькой буквы, хотя своим противникам, например, Анатолию Глебову, в праве на такую стилистику отказывает), — даже Суворов интересен: и не там, где беззастенчиво подличает, а когда в инстанциях выгораживает (беззастенчиво же) тех «низкопоклонников», которые ему полезны; и Софронов — не там, где в общем хоре требует крови «диверсантов от театральной критики» (этого-то как раз ждешь), а там, где он боится: у него мать немка, а отец — «беляк» (а вот это уже очень интересно).

Есть какая-то надрывно звенящая, перетянутая, готовая лопнуть струна в какофонии носорожьего топота.

Фадеев, только что объявивший «ничтожеством» и спровадивший в гражданское небытие Абрама Гурвича, потом звонит (не напрямую, нет: напрямую невыносимо!) и у общих знакомых выпрашивает: как там Абраша?

Но если так, то что же все-таки корежит и ломает людей, какой безликий вихрь несет всех, какая дикая безглазая сила, какой рок стихийный валит с ног, обессиливает, заставляет плясать бесовский танец и корчиться, и мучиться, и все-таки делать то, чего требует всеобщее помешательство?

По-моему, Борщаговский не знает ответа на этот вопрос.

И я не знаю.

Можно только измерить силу сопротивления отдельной, индивидуально взятой песчинки, втянутой в вихрь. Не пытаюсь найти общее основание для нравственных оценок, ибо слишком по-разному всех крутит: что общего в положении честного литературного сановника, который на ночной пирушке имеет бесстрашие выказать сочувствие идеологическому преступнику, и в положении самого этого вышвырнутого из всех редакций изгоя, вся гордость которого напрягается, чтобы не продать проходимцу, под чужое имя, свое заведомо запретное сочинение? Что общего может быть между отрешенным поэтом, интимным лириком, философом, «хасидом» в душе, для которого все происходящее — просто очередной «конец света», — и беспрекословным комиссаром, попавшим в ту же мясорубку и продолжающим даже и теперь помогать «светлым силам»? Как не потерять рассудок в этом перемешавшемся мире?

Есть один ориентир, простой, как смерть: в каждом эпизоде, всегда, бывает жертва и бывает палач. Они могут поменяться местами, и, значит, все равно будут оба: новая жертва и новый палач. Это всегда: победитель и побежденный. Тот, кто с робкой надеждой смотрит в лицо другому, и тот, другой, кто, отводя взгляд, глухо говорит: «Да, этот человек виновен».

Перец Маркиш, неистовый правдолюбец, наверное, знал бы, как на это ответить... если бы дотянулся.

Тихий Самуил Галкин подошел к Ицику Феферу. Лицо «Комиссара» — в кровоподтеках, восковая лысина — в ссадинах, его почти не узнать. И прежде, чем следователь успел сообразить, что происходит, Самуил Галкин... поцеловал Ицика Фефера. Заглянул в мертвые глаза. И в мертвых глазах на миг воскресли жизнь, ужас, вина, собачья боль. И они опять погасли.

У кого достанет духа понять это всепрощенье, это смертное прощанье? Понять, что рок накрывает всех: и тех, у кого хватает сил, и тех, у кого не хватает. И что они уже все за чертой, все. И что свет есть только по ту сторону того, что их сломало: правых и виноватых, сильных и слабых, убежденных каждый в своем.

Есть у нас силы понять такое? Или уж не дожить нам, не дотянуться, не добраться, не дострадаться до такого света.

Но хоть знать, что он есть.

Два слова о судьбах. Фефера расстреляли. Вместе с Маркишем, Лозовским и другими руководителями Еврейского антифашистского комитета. Галкина спас инфаркт, уложивший его в тюремную больницу. Преступника следовало вылечить и уж потом известить: он проболел время казни, а там облаву отменили. Умер своей смертью восемь лет спустя.

Благодаря чему и рассказ об очной ставке вырвался на волю: не погребся в запретных архивах, но долгими путями вышел на поверхность жизни. И попал к Борщаговскому в «Записки баловня судьбы».

СОЛОМОН ЛОЗОВСКИЙ

С. Лозовский

Лозовский (наст. фам. Дридзо) Соломон Абрамович (1878, Даниловка Александровского уезда Екатеринославской губ. — 1952, Москва), политический деятель. Д-р ист. наук (1939). Чл. РСДРП с 1901 г. Участник рев. событий 1905-07 гг.. В 1906 г. арестован, в 1908 г. по дороге в ссылку бежал. В 1909-17 гг. — в Женеве и Париже. Чл. Французской социалистич. партии. С мая 1917 г. — в России; в июле 1917 г. был избран секр. ВЦСПС... В 1937-39 гг. — директор Гослитиздата. В 1939-46 гг. — зам. наркома (министра) иностр. дел СССР. В 1941-48 гг. — зам. нач. Совинформбюро... С 1941 г. чл. ЕАК. Делегат 2-7-го конгрессов Коминтерна. В 1949 г. арестован по «делу ЕАК». Расстрелян.

Арестованный в год своего семидесятилетия, Соломон Лозовский не питал иллюзий относительно будущего и не раз напоминал другим обвиняемым, какой роковой может быть расплата за уступки следствию.

Жизненный и политический опыт Лозовского, члена партии с 1901 года, хорошо знавшего Сталина, Лозовского — недавнего заместителя Молотова по Наркоминделу, известного деятеля международного коммунистического и профсоюзного движения, его природный ум позволяли осмыслить трагизм затеянного Сталиным дела. Лозовский не актерствовал, говоря в последнем слове, что «...не просит никаких скидок». «Мне нужна полная реабилитация или смерть... — сказал он. — Если суд признает меня в чем-либо виновным, то прошу войти с ходатайством в правительство о замене мне наказания расстрелом. Но если когда-либо выяснится, что я был невиновен, то прошу посмертно восстановить меня в рядах партии и опубликовать в газетах сообщение о моей реабилитации».

Уже нет партии, которая захотела бы восстановить в своих рядах Соломона Лозовского, его упование на будущий акт партийной справедливости многие встретят сегодня со скептической ухмылкой, однако само его обращение к будущему исполнено чистоты и благородства. Он немало ошибался в жизни, и на нем, по масштабу его дел, лежит часть вины за беззакония, творившиеся в стране, но, как и многие, он искренне верил, что служит народу и не запятанным в его собственных глазах идеалам коммунизма. На краю бездны, зная чудовищную мстительность Сталина, он уже в кабинете Шкирятова, сдавая партийный билет в руки цекистского Аракчеева, понял, что ступил на дорогу гибели и пройдет ее до конца. Лозовский не пытался спасти себя оговорами других: предчувствуя близкую смерть, он испытывал потребность повиниться перед двумя женщинами, о которых под пытками сказал неправду...

Отдадим должное мужеству Лозовского: для него не была секретом позиция Сталина как активного вдохновителя антисемитизма. Но на процессе он срывал также со следствия и суда маску «интернационализма». Знал, что чтение судебных бумаг, «дайджестов» из них Сталину доставляло чуть ли не чувственное наслаждение; понимал, что Сталин вновь загорится ненавистью к ничтожному еврею из села Даниловка под Запорожьем, возмнившего себя личностью, но держался

своей твердой позиции. Из партии он уже исключался дважды — в 1914 и 1917 годах. Теперь его исключают из жизни...

Обращаясь к тем годам, когда он возглавлял Гослитиздат, Лозовский сказал: «Я издавал армянский, башкирский и другие эпосы. Почему, когда ко мне приходят писатели-евреи по вопросу об издании своих книг, в этом усматривается национализм? Это нелогично.

Почему считают: если на вечер Шолом-Алейхема пришел Лозовский, значит, он еврейский националист?»

Главного судью начинают тревожить вопросы Лозовского, он пытается поставить подсудимого на место:

«ЧЕПЦОВ: — Вам предъявлено конкретное обвинение. В формулировке обвинения сказано: «Занимался шпионажем и был руководителем еврейского националистического подполья в СССР».

Лозовского такая «конкретность» поражает: формулировка самая общая, ничто не доказано, не приведен ни один факт передачи кому бы то ни было секретных сведений. «Как можно в обвинительном заключении писать о материалах шпионского характера и не включить эти материалы в 42 тома следствия?! Что это, особый, советский метод следствия — обвинить человека в шпионаже, а потом скрыть от него и от суда материал, за который его надо казнить?» ...Лозовский отвергает лживые показания заместителя Фейфера Хейфеца, заявив во всеуслышание, что «Хейфец — старый работник МГБ». И суд не опротестовал этого заявления и не исключил его из stenogramмы. Но куда более резким был выпад Лозовского не против бывшего своего подчиненного, а в адрес высокого чекистского чина Александрова, под чье идейное руководство в 1946 году перешел ЕАК. «Я считаю Александрова человеком нечистоплотным. Я 40 месяцев нахожусь в тюрьме и не знаю, что делается на свете. Я не знаю, кем стал Г.Ф. Александров за это время, но уверен, что рано или поздно он будет исключен из партии. Такой человек в партии быть не может, партия таких людей не терпит».

Пророческие, вскоре сбывшиеся слова, хотя партия терпела и не таких, как Александров. Она только в 1953 году освободилась от Берии, более из страха перед ним и в отместку за все минувшие страхи, чем из омерзения перед безнравственной, злодейской личностью. Большевицкий «спартанец» Лозовский, назвав Александрова прежде всего «нечистоплотным», точно оценил его: его эгоизм, себялюбие, похотливость. Такие люди убирались с политической авансцены только тогда, когда слишком уж замарывались в бытовой грязи.

Лозовский, возвращаясь к главной теме, настойчиво и последовательно разоблачает антисемитскую подоплеку дела ЕАК. Уже и Чепцову нелегко сопротивляться напору и логике Лозовского...

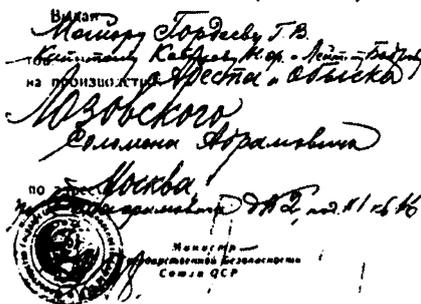
Он снова и снова обращается к практике Совинформбюро и ЕАК, отмечая обвинения в национализме; напоминает о радиомитинге на еврейском языке, проведенном с целью пропаганды в расчете на США по указанию секретариата ЦК, и о том, что все ораторы были проинструктированы в ЦК; «каждая речь, ее текст, чи-

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 480

26 января 1949 г.

Ордер на арест и обыск С. Лозовского.
26 января 1949

талась мной, Александровым и Щербаковым», а в ходе следствия только и слышишь, что о каком-то «националистическом митинге», организованном Лозовским.

«Что, академик Капица мне подчинен?.. — спрашивал он у суда. — Писатель Эренбург мне подчинен?.. Эренбург сказал на митинге, бросая это в лицо фашизму, что имя его матери — Ханна. И вдруг пошли толки, что это, мол, возвращение к еврейству. Мою мать тоже звали Ханна — что же, я должен стыдиться этого? Почему это объявляется национализмом?»

Имя матери Лозовский назвал не случайно: позади долгая жизнь, горестные наблюдения за тем, как все сильнее забирает Сталина антисемитское помрачение. Позади и очная ставка Лозовского с Полиной Молотовой (Жемчужиной), угнетавшая его очная ставка, неподписанный протокол которой пролежал в сейфе у Абакумова до самого ареста министра.

Можно было опустить такую подробность, как имя матери — его и Эренбурга. Но он его произнесет — Ханна, произнесет как покаяние, как последний поклон ее памяти. За десятилетия жизни в адовом кругу он столько раз шел на компромиссы, глушил свое «еврейство», что на суде, в канун самого страшного, обязан сказать и повторить дважды: Ханна! Ханна!..

Он настаивает на праве и обязанности литераторов, пишущих по-еврейски и для еврейских изданий, пропагандировать — в интересах страны, а не для удовлетворения национального самолюбия — трудовые и военные подвиги советских евреев. «Американских евреев, — сказал он, — поражало, что в СССР командир подводной лодки — еврей (Герой Советского Союза Фисанович). Значит, врёт желтая «Форвертс», кричащая, что в Советском Союзе преследуют евреев...»

Не в силах опрокинуть позицию Лозовского, генерал-лейтенант Чепцов напомнил ему «обобщенный протокол» от 3 марта 1949 года:

— А зачем же вы подписали?

Лозовский повторил, что дрогнул только однажды, под кулаками полковника Комарова, вгонявшего его в шок смертным боем, многочасовыми ночными допросами, унижениями, откровенно расистскими инвективами в адрес евреев как народа, называвшего его не только грязным, но и абсолютно преступным, «негодной сволочьей», поставившей своей целью «истребление всех русских». Мир померк. Он понял, что его преследуют не как шпиона и даже не в качестве еврейского националиста, а как человека, рожденного женщиной-еврейкой, и он обязан сохранить себя, дожить до суда, чтобы на суде сказать правду. Когда-нибудь она пробьется к людям.

По книге А. Борщагоского «Обвиняется кровь»

Б. Шимелиович

БОРИС ШИМЕЛИОВИЧ

Борис Абрамович Шимелиович (1892, Рига — 1952, Москва), врач. В 1919 — 20 гг. чл. Бунда, с 1920 г. — чл. РКП(б). После окончания Воронежского мед. Ин-та заведовал сан. частью Воронежского укреп. р-на. В начале 1920-х гг. работал в еврейской общественной Комиссии помощи голодающим, представитель при отделениях «Джойнта» и др. благотворительных организаций...

С 1931 г. — главврач Боткинской больницы в Москве. Чл. Президиума ЕАК (1941 г.). В 1949 г. арестован и 12 августа 1952 года расстрелян по «делу ЕАК».

Доктор Борис Абрамович Шимелиович в лучших партийных традициях обратился с письмом к Сталину — из тюрьмы! К кому же другому, как не к вождю и первому другу всех народов, Иосифу Виссарионовичу Сталину, — кто другой поймет и защитит?

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Третий день нахожусь под арестом. Меня заставляют признать преступления. Рад сознанию, что совесть моя чиста перед партией и лично перед Вами. Б. Шимелиович. Москва, 15 января 1949 года».

Б. Шимелиович — второй слева

И на другом клочке бумаги приписка: «Поскребышеву! Прошу Вас передать И.В. Сталину содержание этого моего заявления. Б. Шимелиович (бывший главврач Б-цы Боткина)».

В коротких посланиях, полных достоинства и наивной, вопреки уму и житейскому опыту, веры, в письмах и многих последующих заявлениях, не дошедших до адресата, — весь Шимелиович. Благородный, нравственный человек, свято принявший свою профессиональную судьбу, свою гордую участь создателя лучшего в стране медицинского лечебного учреждения и общественный долг коммуниста и гражданина. Он и в июле 1952 года, после длящегося уже целый месяц судоговорения, напишет личное письмо «Гражданину председателю Военной коллегии Верховного суда СССР» на важнейшую и большую тему, которой ему, коммунистическому Дон Кихоту, негоже касаться публично, принародно, хотя суд и закрытый, без посторонних...

Ни в чем не повинный старый человек, вступивший в партию еще в те времена, когда его немилосердный истязатель Вячеслав Шишков только готовился в первый класс школы-семилетки, которой и ограничилось его образование. Доктор, три десятилетия пестовавший сотни молодых врачей в институтах и в самой Боткинской, человек, измороженный палачами до того, что подпись его становится почти неузнаваема: пальцы уже не держат пера. (Вспомним признание Рюмина: «До передачи мне дела Шимелиовича его, Шимелиовича, сильно избивали в течение месяца... Я помню — Шимелиовича на первые допросы буквально приносили ко мне в кабинет».) Шимелиович, гражданин и патриот, оболганный и искалеченный, печется лишь о том, чтобы его партия узнала правду!

До того, как я погрузился в изучение судебного архива дела ЕАК, имя Шимелиовича мало что говорило мне, я рвался навстречу неразгаданной судьбе Михоэлса, думал о людях, которых знал и любил, — таких, как Квитко, Маркиш, Гофштейн или Зускин, чувствовал перед ними святой долг человека уцелевшего, не разделившего их участи. Сегодня я смело ставлю доктора Бориса Шимелиовича рядом и вровень с Михоэлсом, ставлю его впереди всех несломленных, мужественных и сильных.

«В первую же ночь моего ареста, — исповедуется доктор «гражданину председателю», — в присутствии секретаря-полковника (он был в гражданском, но сотрудники называли его полковником) министр Госбезопасности задал мне вопросы:

а) Расскажите о высокопоставленных ваших шефах. — Ответ мой был: — Не знаю.

б) Кто главный еврей в СССР? — Ответ мой: — Не знаю (и действительно, за все годы существования Советской власти никогда на этот вопрос я бы ответить не смог).

в) Ну, а кто из евреев занимает самое видное место в партии, даже член Политбюро?

Я ответил: — Лазарь Моисеевич Каганович. (Министр сказал, обращаясь ко мне: а говорите, что не знаете, кто главный еврей в стране.)

г) Расскажите об этом высокопоставленном вашем шефе. — Я ответил, что мне известно, что Михоэлс и Фефер посетили его два раза (Л.М. Кагановича).

д) Расскажите о втором вашем шефе — о Жемчужиной.

Я сказал то, что вчера, 5 июня (1952 года), рассказывал на суде: что познакомился с ней несколько недель тому назад на сессии Московского Совета, что она посещала ГОСЕТ, что Михоэлс о ней тепло отзывался как о человеке; такой же отзыв о ней я слышал и от директора фабрики «Ява» Ивановой (указал это, т.е. то, что я знал и что говорил министру Госбезопасности, и при следующих допросах, ни при каких обстоятельствах другого я не произносил, ибо другого я не знал).

е) Расскажите о Погурском.

Погурского, брата Жемчужиной, я не знал, тогда не знал и фамилии такой, и ничего не ответил, как не мог что-либо добавить о Жемчужиной.

Министр сказал: побить его! (т.е. меня...)

Нетрудно почувствовать, как зловонная атмосфера антисемитизма заполняет этажи Инстанции, поднимаясь все выше: не будучи уверен в полной поддержке Сталина, в их абсолютном единomyслии по этому пункту, министр госбезопасности не решился бы говорить в таком издевательском тоне о члене Политбюро, портреты которого среди прочих украшали колонны демонстрантов на Красной площади. Допрашивая прилюдно (а сogleдатель предполагался непременно в самом узком кругу!) преступника, антисоветчика, изменника, министр называет Кагановича не просто «главным евреем» (в контексте следствия это глава буржуазных еврейских националистов), но и «шефом», «высокопоставленным шефом», «первым шефом», ибо арестованная уже Жемчужина названа «вторым вашим шефом». Министр, что прямо следует из слов доктора, и «при следующих допросах» возвращался к тем же фигурам — Кагановичу и Жемчужиной. Наглядное свидетельство того, насколько высоко и невозбранно шагнул государственный антисемитизм.

В ту же ночь подполковник Шишков, пригласив в кабинет нескольких следователей, вдохновленный приказом министра — «Побить его!» — принялся за истязание Шимелиовича.

«...Тут я впервые услышал многократно: «Все евреи — антисоветские люди». И, наконец: «Все евреи — шпионы!» Впоследствии на допросах у подполковника Шишкова я неоднократно слышал от него, что «евреи, все до единого, без исключения, — шпионы». За что я и расплачивался большей частью резиновой палкой немецкого образца, ударами по лицу кожаной перчаткой, постоянными ударами носком сапога по бедренным костям. Все это делается методически, с перерывами по часам. В перерывах следователь Шишков изучает по первоисточникам Ленина и Сталина для сдачи зачетов. Изучает также и Рюмин во время допросов...

Я расплачивался за то, что все евреи — антисоветские люди, все евреи без единого исключения — шпионы; что резиновые палки производит Израиль (не мог проверить, но очень сомневаюсь, памятуя, что речь идет о 1949 году; скорее всего, это импровизация задохшегося от злобы антисемита. — А.Б.), их сюда импортируют, чтобы избивать *еврейскую* гниль; за то, что евреи считают себя умнее других, но наконец-то попали в МГБ, в «святая святых»; за Каплан, которая стреляла в Ленина, — потому что она еврейка...»

Честного, не совершившего ничего противоправного человека судят (и убивают!), и не в последнюю очередь за надуманное стремление «буржуазных националистов» обособиться, выделиться из семьи народов, противопоставить себя именно как народ другим, но при этом с каким озлоблением, с какой выношенной ненавистью, с какой фальшивой видимостью духовного обоснования сами судьи выделяют и обособляют еврея, просто еврея, каждого еврея — как заговорщика, святотатца и гниль!

Пытаясь сохранить лицо некоего гуманного арбитра в палаческом застенке, арестованный Рюмин солгал военюристам, заявив, что с передачей ему дела Шимелиовича от Шишкова «избиения прекратились». Шишкову — а он обрушил на доктора побои, неистовые до задышливости от переполнявшей его ненависти, побои, не знавшие передышки ни днем, ни ночью, побои с приглашением других следователей потешить нетерпеливую руку, оставить и свой след на этой еврейской плоти, — Шишкову все же не удалось сломить волю Шимелиовича. Преуспел в этом именно Рюмин, доведя подследственного до состояния невменяемости. («При неясном сознании», — напишет доктор, приученный к точности диагнозов, в заявлении от 15 мая 1949 года, отказываясь от фальшивки.)...

Для пришедшего в себя, отбросившего страхи (а компромиссов он не признавал!) Шимелиовича нет вопроса:

...«Показания других обвиняемых я объявляю ложными. Показания свидетелей также считаю ложью и клеветой. Даже если мне подсунут бумаги, в которых будут изложены мои выступления антисоветского характера и содержания, то я заранее заявляю, что правильность этих документов я буду оспаривать... Преступной деятельностью я никогда не занимался и не считаю ни в чем себя виновным...»

(По книге А.Борщаговского «Обвиняется кровь»)

ИОСИФ ЮЗЕФОВИЧ

Юзефович Иосиф Сигизмундович (1890, Варшава — 1952, Москва), общественный деятель. С 1905 г. — в Бунде. Подвергался арестам... В 1928-31 гг. — ответственный секретарь Профинтерна, по линии которого в 1931-33 гг. находился на подпольной работе в Нью-Йорке и Сан-Франциско... В 1933-34 гг. — председатель ЦК Союза водников, в 1934-36 гг. — речников... с 1942 г. — член ЕАК. Сотрудник Института истории АН СССР. В 1949 г. арестован по «делу ЕАК». Расстрелян.

И. Юзефович

Среди оказавшихся на Лубянке еаковцев так называемые меры физического воздействия испытал на себе наряду с Шимелиовичем, пожалуй, только арестованный с ним в один

день И. С. Юзефович, от которого следователи ждали оговора самого высокопоставленного кандидата на переселение в Лефортово — Лозовского, с кем тот был знаком еще со времен Октябрьской революции. Родился Юзефович (Шпинак) в 1890 году в Варшаве в семье кожевенника. В 1905-1917 годах состоял в Бунде, потом примкнул к руководимой Лозовским социал-демократической организации интернационалистов-объединенцев и в ее составе в конце 1919 года перешел в РКП(б). На протяжении десятилетий Юзефович считался «правой рукой» Лозовского. После революции вместе с ним работал в Профинтерне, а в 40-е годы — в Совинформбюро. Только в 1931-1933 годах они были врозь. В это время, как записано в партийной анкете Юзефовича, он «находился на подпольной работе в США». В годы войны Юзефович удочерил сироту, родители которой были расстреляны немцами. Перед арестом работал в Институте истории АН СССР. Характеристика этого человека будет неполной, если не упомянуть того факта, что в 1938 году он стал секретным сотрудником НКВД СССР. Однако свои обязательства в отношении этой организации выполнял, видимо, не слишком ревностно. Даже полученную в 1946 году от гостившего в СССР Б.Ц. Гольдберга важную информацию о том, что американский посол У. Б. Смит и его ближайшее окружение настроены весьма враждебно к Советскому Союзу, он сообщил не МГБ, а Лозовскому. Искренняя преданность своему долголетнему патрону и другу предопределила стойкое поведение Юзефовича в ходе первых допросов на Лубянке. В результате он не избежал пыточной, о чем и поведал потом на суде:

«В самом начале следствия я давал правдивые показания и заявлял следователям, что не чувствую за собой никакого преступления... После этого меня вызвал к себе министр госбезопасности Абакумов и сказал, что если я не дам признательных показаний, то он меня переведет в Лефортовскую тюрьму, где меня будут бить. А перед этим меня уже несколько дней «мяли». Я ответил Абакумову отказом, тогда меня перевели в Лефортовскую тюрьму, где стали избивать резиновой палкой и топтать ногами, когда я падал. В связи с этим я решил подписать любые показания, лишь бы дождаться дня суда...»

А в это время этот бывший заместитель министра иностранных дел и руководитель Совинформбюро допрашивался в ЦК как главный фигурант так называемой крымской истории, которой суждено было стать ключевой в «деле ЕАК»...

(По книге Г.Костырченко «Тайная политика Сталина»)

ЛИНА ШТЕРН

Штерн Лина Соломоновна (1878, Либава, ныне Лиепая, Гробинского уезда Курляндской губ. — 1968, Москва). В 1895 г. окончила гимназию, в 1898 г. поступила на мед. факультет Женевского ун-та (окончила в 1903 г.). Вернулась в Россию и в 1903 г. сдала гос. экзамены при московском университете для получения русского диплома врача. С 1906 г. — доцент кафедры физиологии, с 1917 г. — профессор физиологич. химии; первая женщина-профессор в Женевском ун-те).

В марте 1925 г. Штерн приехала в Советский Союз; с 1925 г. по янв. 1949 г. — зав. кафедрой физиологии, одновременно (1929-48 гг.) — директор Института физиологии Наркомпроса РСФСР (впоследствии Академии наук СССР). В 1932 г. она была избрана членом Германской академии естественных наук; с 1939 г. —

академик АН СССР (первая женщина-академик в СССР). За труды по изучению гематоэнцефалического барьера была награждена в 1943 г. Сталинской премией.

28 янв. 1949 г. во время антисемитской кампании в СССР Штерн была арестована вместе с другими членами президиума и сотрудниками ЕАК. На процессе комитета (8 мая — 18 июля 1952 г.) была приговорена к лишению свободы сроком на три с половиной года (с учетом предварительного заключения) и к ссылке «в отдаленную местность сроком на 5 лет». Ссылку отбывала в Джамбуле (Карагандинская обл., Казахстан). В 1953 г. Штерн было разрешено вернуться в Москву. В 1954–68 гг. — зав. отделом физиологии Института биофизики АН СССР.

Л. Штерн

Еремей ПАРНОВ

*Российский писатель,
автор приключенческих романов*

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

Из пятнадцати членов Еврейского антифашистского комитета лишь одна Лина Штерн избежала в 1952 году расстрельного приговора. Судьба этой женщины уникальна во всех отношениях. В 1939 году ее избрали действительным членом Академии наук СССР. Именно Лине Соломоновне было суждено стать первой женщиной-академиком, что явилось столь же ошеломляющей сенсацией, как позже полет первой женщины-космонавта.

Судьба распорядилась так, что ее триумф совпал с роковым для мира событием: в том же году Молотов и Риббентроп подписали «Договор о дружбе и границах» со всеми его секретными протоколами.

До этого дня академик Штерн свято верила коммунистической пропаганде. Она и мысли не допускала, что Гитлер в один миг превратится в друга и союзника Кремля. Лина Соломоновна была бесхитростным и наивным человеком и, разумеется, не удержалась от негодующих реплик. Этого, казалось бы, было более чем достаточно для ареста и обвинения по печально знаменитой 58-й статье, но, к вящему удивлению доносчиков, все ограничилось воспитательной беседой в инстанциях. Весьма высокопоставленный товарищ снисходительно разъяснил академику, что «пакт с Гитлером — это брак по расчету».

— Но от брака бывают детки, — заметила Штерн, так и не усвоившая за проведенные в Советском Союзе годы психологию коммунистического двоемыслия. Пророческим оказалось брошенное ею замечание, в чем пришлось убедиться на собственном горьком опыте.

Лина Штерн родилась в 1878 году в Лиепае, называемой в то время Либавой. Незамерзающий порт со множеством кораблей был любимым местом прогулок девочки. Еще Лина любила читать, научившись этому увлекательному занятию очень рано. Особенно нравились ей книги о природе, жизни и привычках животных, происхождении человека. Столь явный интерес всячески поощрял отец — видный предприниматель с европейскими связями. Он пророчил дочери великое будущее — вроде как в шутку, но с серьезной надеждой. В гимназию он ее устроил, обойдя благодаря своим связям процентную норму для евреев, однако в университет по законам Российской империи путь женщине, да еще еврейке, был заказан. Тут уж даже Соломон Штерн оказался бессилён. Пришлось отправить дочь за границу.

В 1903 году она с блеском закончила Женевский университет и была оставлена на кафедре физиологии человека. Научные интересы молодой ассистентки отличались удивительной широтой, особенно влекли «белые пятна». Тогда еще только подступали к изучению химических основ биологических процессов, а Штерн уже задумывалась о биохимии нервной системы. Вместе со швейцарцем Ф.Беттели ей удалось разработать новый метод исследования дыхания, что стало подлинным прорывом в медицине. Ученый совет университета удостоил доктора Штерн профессорского звания.

Жить бы спокойно и работать во славу мировой науки в сытой и благополучной стране. Ан нет! Потянуло вдруг Лину Соломоновну в загадочный Советский Союз, который из швейцарского далека представлялся чуть ли не раем для трудящихся, самым справедливым обществом в истории человечества.

Первопроходческие работы Штерн были хорошо известны в Москве, где в спешном порядке создавались исследовательские учреждения типа Института экспериментальной медицины. Главная задача — победить старость, а то и саму смерть. Сталин, раз и навсегда уверовавший в догму, что «нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики», постоянно требовал «оседлать природу».

В швейцарскую лабораторию Штерн зачастили коллеги из московских и ленинградских институтов, сопровождаемые агентами ОГПУ — естественно, под видом дипломатов. Все в один голос расписывали прелести советской жизни, сулили радужные перспективы.

Одинокая женщина, погруженная с головой в свою науку, прямодушная и бесхитростная, поверила сладким посулам о неограниченных возможностях для научных работников в стране социализма, где сказки превращают в быль. Да и как не поверить, если в этой чудо-стране на полном государственном обеспечении трудились такие корифеи мировой науки, как Павлов, Вавилов, Кольцов!

Материальная сторона заботила Штерн меньше всего. Ее получившие практическое применение разработки принесли приличное состояние.

И вот Москва. Для начала ей предложили должность профессора во втором медицинском институте, а в перспективе — возглавить в ближайшем будущем Институт физиологии. Восторженная профессор Штерн тут же вложила в него почти все свои капиталы. Ничего, кроме работы, она не знала, ничего не видела. Агония НЭПа, раскулачивание, широковегетарийные процессы, на которых с покаянными речами выступали «буржуазные интеллигенты» — инженеры, экономисты, врачи, — все эти роковые события, если и бросили черную тень, то на сердце, а не на стеклышко микроскопа. Открытие следовало за открыти-

ем: Штерн обнаружила барьерную функцию организма, установила роль мембран в жизнедеятельности клеток. Оказалось, что особый барьер регулирует образование и состав спинномозговой жидкости, отчего во многом зависит деятельность нервной системы.

Открытие быстро подтвердила клиника. С помощью сывороток (а позднее и антибиотиков) стало возможным успешно бороться с такими тяжелыми недугами, как туберкулез, менингит, энцефалиты, столбняк. Одна только противостолбнячная сыворотка помогла спасти в годы войны многие тысячи жизней.

Но никакие заслуги перед человечеством и родиной не спасают от произвола. Скорее напротив: чем ярче, масштабнее личность, тем больше шансов угодить под топор.

Лина Соломоновна уже не могла не видеть, что вокруг нее один за другим бесследно исчезали люди. И не в состоянии была найти этому объяснение. Но уж вовсе невдомек ей было, что Сталин собственноручно вычеркнул ее фамилию из «альбома», который принес на согласование глава НКВД Ежов. Там в числе других видных деятелей науки она значилась как агент сразу нескольких разведок. Зачем-то очень нужна была Штерн «корифею всех наук»... В наркомате здравоохранения ей настоятельно посоветовали вступить в партию. Она послушно написала заявление...

...В разделенной между Гитлером и Сталиным Польше агентура НКВД успешно сотрудничала с гестапо. Заявление советского правительства о том, что оно «не заинтересовано в судьбе польских евреев», обрекло на смерть миллионы людей. Крен в ленинско-сталинской национальной политике стал особенно заметен в годы войны.

В 1943 году по приказанию наркома здравоохранения Г.А. Митирева Штерн навестил директор Института тропической медицины П.Г. Сергиев и в ультимативной форме потребовал уволить всех евреев из журнала «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины». Разговор шел без обиняков, открытым текстом Сергиев ссылался на инструкцию ЦК.

— Видите ли, — счел необходимым пояснить он, — Гитлер забрасывает листовки, в которых говорится, что в СССР засилье евреев, а это унижает культуру русского народа.

— Хочу напомнить, что главного редактора журнала зовут Лина Соломоновна, — едва не потеряв дар речи, заметила Штерн.

— О вас вопрос не стоит, — отвечивал ей Сергиев.

О ней «вопрос» действительно пока не стоял — все-таки академик, орденоседец, одна из первых лауреатов только что учрежденной Сталинской премии.

Штерн бросилась за советом к Емельяну Ярославскому. Автор сталинской биографии порекомендовал написать «вождю всех народов». Лина Соломоновна, не стесняясь в словах, излила свое негодование на бумаге. Незамедлительно последовал вызов на Старую площадь. В ЦК ее по поручению Сталина принял Маленков. Со свойственной ей прямоотой Штерн в резкой форме заявила, что антисемитская кампания — «это дело вражеской руки, и, возможно, даже в аппарате ЦК завелись люди, которые дают такие указания». Непривычный к подобному поведению рядовых товарищей по партии, Маленков смешался и принялся все валить на шпионов-диверсантов, которых немцы забрасывают в советский тыл. По словам Штерн, он сильно ругал Сергиева, потом сказал, что необходимо восстановить редакцию в том виде, в каком она была.

«Наверху» понимали: час погромов с открытым забралом пока не настал. Страна, ведущая смертельную схватку с фашизмом, еще нуждалась в международном авторитете академика Штерн — члена Еврейского антифашистского комитета.

Комитет этот был создан в апреле 1942 года, когда армия и тыл особенно остро ощущали нужду в финансовой и материальной помощи союзников. В его состав, помимо председателя С.М.Михоэлса и Л.С.Штерн, вошли возглавлявший Совинформбюро С.А.Лозовский, артист еврейского театра В.Л.Зускин, поэты Перец Маркиш, Ицик Фефер, главврач Боткинской больницы Б.А.Шимелиович, ряд других видных деятелей.

Основная ставка делалась на США, в частности, на Нью-Йорк с его двухмиллионной еврейской диаспорой. Яркие пропагандистские выступления Михоэлса нашли горячий отклик у таких знаменитостей, как Чарли Чаплин, Альберт Эйнштейн, Теодор Драйзер. Триумфальная поездка представителей Комитета за океан принесла миллионы долларов в фонд Красной Армии. А Штерн в 1944 году в числе первых была избрана в созданную по решению правительства Академию медицинских наук СССР.

Победоносно завершилась война. Отпала надобность в Еврейском антифашистском комитете, а вскоре началась оголтелая борьба с «безродными космополитами». И вот 20 ноября 1948 года в протоколе заседания Политбюро появился пункт №81 «О Еврейском антифашистском комитете» под грифом «Особая папка». МГБ поручалось комитет «немедля распустить... органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Знала ли Штерн о нависшей над ней беде? Догадывалась, но продолжала самоотверженно трудиться. Ей удалось, используя стрептомицин, разработать эффективные методы лечения туберкулеза. Но что значили ее новые открытия по сравнению с кампанией, затеянной Сталиным?..

На допросе первой женщины-академику и мировой знаменитости припомнили все: не только ее письмо «вождю народов», но и каждое неосторожное высказывание за все годы в «стране чудес». «...Я признаю себя виновной в том, что, практикуя широкое общение с иностранцами, я была с ними откровенна и свободно рассказывала им о достижениях советской науки, совершенно не учитывая того, что этим самым наносила вред Советскому Союзу», — записано в протоколе допроса Штерн от 28 марта 1949 года.

Воистину — Королевство кривых зеркал!

31 марта 1952 года заместитель министра госбезопасности Рюмин утвердил обвинительное заключение, в котором деятельность 15 арестованных по делу Еврейского антифашистского комитета квалифицировалась как измена родине. В сопроводительном письме министра госбезопасности Игнатъева на имя Сталина, Маленкова и Берии предлагалось «осудить Лозовского, Фефера и всех их сообщников, за исключением Штерн, к расстрелу. Штерн сослать в отдаленный район страны сроком на 10 лет».

Приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР был исполнен, как следует из надписи на машинописном протоколе, 12 августа 1952 года.

И все же академику Штерн вместо 10 лет дали 3 года и 6 месяцев с последующей высылкой на 5 лет в город Джамбул в Казахстане. Кремлевский тиран, очевидно, приберег человека, владеющего, как он полагал, сокровенными тайнами продления жизни.

Сразу после смерти вождя Штерн вернули в Москву. Надломленная, полуслепая, она все же возобновила прерванные исследования центральной нерв-

ной системы. Монография, вобравшая бесценный многолетний опыт, вышла в свет в 1968 году, уже после смерти Лины Соломоновны.

Из допроса:

«Если бы я не была доверчивой, я не сидела бы здесь, но я не жалею, что была доверчивой. Сегодня я стою перед судом и понимаю, что каждое мое неправильное или неосторожное слово может оказаться для меня вредным, но мне очень приятно думать, что ничего плохого мне от моей откровенности не будет. Я очень доверчивый человек и не жалею об этом. Я имела счастье знать очень хороших людей, я имела счастье и возможность видеть самых лучших людей нашей страны. За границей, в Женеве, например, у меня также знакомыми были самые лучшие люди. В этом отношении я достаточно счастливый человек. Эти люди впоследствии сыграли большую роль для нашей страны. Я хочу сказать, если бы среди моих знакомых не было таких людей, я бы по-другому смотрела на жизнь. Вы совершенно правы, что я была очень доверчива ко всем людям. И если я буду жить, то это для меня будет очень хорошим уроком в дальнейшем».

«Еврейское слово»

ЭМИЛИЯ ТЕУМИН

Теумин Эмилия Исааковна (1905, Берн, Швейцария — 1952, Москва), журналист. В 1905 г. семья приехала в Россию. В 1941-45 гг. — в международном отд. Совинформбюро, одновременно — в 1941-49 гг. работала в редакции Дипломатического словаря. Арестована в 1949 г. по обвинению в передаче секретной информации на Запад. В 1952 г. осуждена по «делу ЕАК». Расстреляна.

Какие же преступления привели на эшафот сломленную Эмилию Теумин? За что ответила она, посторонний комитету человек, повинная разве что в том, что родилась еврейкой в далеком городе Берне, куда ее родители бежали от преследований жандармов; что стала образованным редактором, свободно владеющим европейскими языками?

Виной всему Гольдберг, вернее, навязанная ему следствием роль американского шпиона. Готовясь к поездке по Прибалтике, Гольдберг попросил Лозовского снабдить его справочными материалами по трем республикам. Теумин, занимавшаяся в Совинформбюро Прибалтикой, было поручено подготовить такую справку для гостя, справку, которая, к слову сказать, и помогла ему написать дельные, убедительные для иностранного читателя очерки о трех советских республиках. Спустя три года после ареста, в преддверии судебного разбирательства Эмилия Теумин вновь показала: «Я составила для Гольдберга обзорную справку об Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, где охарактеризовала главные города этих рес-

Э. Теумин

публик, промышленность, с указанием количества разрушенных в период немецкой оккупации предприятий и восстановленных к концу 1945 года. Привела я также данные о населении Прибалтийских республик, об ущербе, нанесенном народному хозяйству, о ходе его восстановления, осветила вопросы культурного строительства в Эстонии, Латвии и Литве...»

По книге А. Борщаговского «Обвиняется кровь»

ЛЕОН ТАЛЬМИ

Л. Тальми

Тальми Леон Яковлевич (наст. имя и фам. Лейзер Тальминовицкий) (1893, Ляховичи Слуцкого у. Минской губ. — 1952, Москва), журналист, публицист, переводчик. Получил традиционное еврейское религиозное образование. Участвовал в левом сионистском движении. В 1913-17 гг. — в США. После Февр. рев-ции 1917 г. вернулся в Россию... По заданию еврейского отд. Наркомнаца собрал материал и написал меморандум о еврейских погромах на Украине и в Белоруссии. Работал в отд. печати ИККИ. В 1921-32 гг. — в США. В 1922-23 гг. — ред. Журнала «Ойфбой». С 1924 г. — чл. Компартии США. В 1925 г. встречался с В.В.Маяковским, перевел несколько его стихотворений на английский язык, а стих. «Атлантический океан» — на иврит. С 1932 г. работал в СССР зам. редактора Издательства иностранной литературы, переводил на английский язык соч. К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. В 1941-48 гг. — в Совинформбюро. С 1942 г. — чл. ЕАК. В 1949 г. арестован по «делу ЕАК». Расстрелян.

...С первого дня ареста Тальми отрицал какую бы то ни было вражескую работу в комитете, к которому, к слову сказать, он и не имел прямого отношения. «Мои статьи, направляемые в Америку, шпионских данных не содержали», — настаивал он, зная, что это правда, что самое придирчивое чтение не обнаружит в них ничего дурного. Ему не верят. У следователя Кузьмишина своя, отнюдь не патриотическая логика: зачем же ты за здорово живешь, без задней мысли и тайной цели вернулся из Америки в СССР? На Тальми не действуют ни окрики, ни грязная юдофобская ругань, равно отвратительная в устах часто сменявшихся следователей: Кузьмишина, майора Бурдина, «вежливого» Цветаева, прямолинейного подполковника Артемова и других.

«Ни в чем не виноват!» — твердит он в июле 1949 года, упорствует и в августе: «Повторяю, что шпионажем я не занимался»; и в ноябре показывает майору Бурдину одну правду. Хорошо помнит факты, события, даты, не видит за собой и тени преступления, не говорит ни о ком ни слова неправды, никого не оговаривает, как ни подталкивали его к этому. С мая 1950 года Тальми передают грозе следственной бригады — Артемову, но и после нечеловеческой обработки он, как и прежде, утверждает: «Я не имею никакого отношения к вражеским делам против Советского Союза. Я думаю, не является ли мой арест какой-либо ошибкой; меня, видимо, ошибочно арестовали».

Поразительная, характерная для Тальми интонация — не протеста, а скрытой, мягкой укоризны: не ошибка ли? — всякое ведь случается, все мы люди, а если ошибка, то ее можно исправить! Раздумье, готовность простить опрометчивых тюремщиков, подсказать им выход из неловкого положения. И это после года тюрьмы и садистских насилий, после года худшей из всех возможных для мечтательного Тальми тюрьмы, года катастрофически перенаселенных Бутырок! Но спустя два месяца, после непрерывных ночных допросов, все та же твердая позиция: «Я уже не раз заявлял, что ничего не скрываю от следствия. Дополнить это заявление мне нечем и теперь...»

...Я был благодарен Тальми за 15 месяцев его непреклонности — кто мог бы с уверенностью сказать о самом себе, что сумеет так долго «держаться» сокрушительные побои? — и был поражен и подавлен его внезапным сломом. Разгадка наступила только при чтении не следственных, а судебных протоколов. Артемов призвал себе в помощники... Ленина! Все совпало вплоть до мелочей, до даты случившегося превращения. «В конце июля 1950 года, — показал Тальми на суде, — после 14 месяцев ночных допросов и болезней (Тальми верен себе и находит даже для суда удобное, вежливое, никого из палачей не задевающее слово: «болезней». — А.Б.), подполковник Артемов, который занимался моим делом, дал мне прочитать высказывания Ленина и Сталина по национальному вопросу и в части его применения к еврейскому вопросу. И хотя многие из этих высказываний мне были раньше знакомы, в частности, по ассимиляции евреев, они в моих глазах стали выглядеть иначе. Раньше я этого не понимал, так как я был оторван от еврейского вопроса. Прочтя то, что дал мне подполковник Артемов, я попросил его не вызывать меня некоторое время, дать мне возможность подумать. Я чувствовал, что у меня спала с глаз пелена, мне стало ясно, что вся эта работа в Советском Союзе в области еврейской культуры, которая проводилась под знаменем Советской власти и как будто с согласия ЦК партии, на самом деле была неправильной и, очевидно, какая-то группа еврейских националистов, пробравшаяся на руководящие посты, вводила в заблуждение Советское правительство и партийные органы. Мне стало ясно, что вся политика строительства еврейских школ, музеев и техникумов была в корне порочной и неправильной. Всем, кто имел хоть какое-нибудь отношение к еврейской культуре, ясно, что нельзя акцентировать все на еврейском языке. Для того, чтобы еврейский народ развивал свою культуру, нет необходимости, чтобы все было на еврейском языке...»

...Что читал и над чем раздумывал Тальми? Надо думать, Артемов дал ему одно из многочисленных изданий сборника «Ленин и Сталин о национальном вопросе». Вероятно, Тальми распропагандировали статьи Ленина 1913 года, его выступления против бундовского лозунга «национально-культурной автономии» и работу Сталина того же времени «Марксизм и национальный вопрос». «Лозунг национальной культуры неверен, — писал Ленин, — и выражает лишь буржуазную ограниченность понимания национального вопроса...»

...Тальми, абсолютизируя сомнительные, конъюнктурные положения Ленина, относящиеся к конкретной исторической ситуации, договорился до такого абсурда, как возможность развития национальной культуры при отсутствии — изгнании, истреблении — национального языка. Заняв такую позицию, уже нетрудно сделать и другой шаг: посчитать греховными, а то и злоумышленными, любые усилия в области литературы, театра, школы, непременно сопряженные с языком народа.

Но и «прозрев» теоретически, подтвердив вслед за Артемовым, что ОЗЕТ разоблачено органами советской власти как вражеская организация и ликвидировано в 1937 году, в главном Тальми стоит на своем: «Шпионажем против СССР я не занимался». А подполковнику Артемову нужны признания в шпионаже: с кого их и получать, если не с человека, долгими годами связанного с Америкой.

По книге А. Борщаговского «Обвиняется кровь»

ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЛОМ ЕАК

П. Жемчужина

Жемчужина (наст. фам. Карповская) Полина (Перл) Семеновна (1897, Пологи Александровского уезда Екатеринославской губ. — 1970, Москва), гос. деятель.

Чл. Коммунистич. партии с 1918 г. Зав. жен.отделом Запорожского губкома партии. Осенью 1919 г. с аппаратом губкома переехала в Киев, направлена политработником в армию, затем в Харьков на подпольную работу... В 1921 г. приехала в Москву на Международное женское совещание, вышла замуж за В.М.Молотова. В 1930-х гг. — нач. Главпарфюмерпрома (ТЭЖЭ), зам. наркома пищевой промышленности, нарком рыбной промышленности СССР. На 18-м съезде ВКП(б) (1939 г.) избрана канд. в чл. ЦК, в 1940 г. исключена из его состава. В февр. 1949 г. арестована по обвинению в измене родине и связях с сионизмом, приговорена к 5 годам ссылки, отправлена в Урицкий р-н Кустанайской обл. Освобождена в марте 1953 года.

Рой МЕДВЕДЕВ

Российский историк и писатель

Из книги «СОРАТНИКИ»

Отрывок из главы «МОЛОТОВ»

В первые годы после войны проведение внешней политики СССР оставалось главной заботой Молотова, хотя по своим личным качествам он мало подходил для работы на дипломатическом поприще. Молотову приходилось не раз выезжать в Нью-Йорк для участия в работе ООН. Его речи на Генеральных Ассамблеях были обычными для него — обстоятельными, сухими и скучными. В тот период у союзников и сторонников США в ООН было большинство голосов, и в Совете Безопасности Молотову очень часто приходилось прибегать к праву «вето». В кругах ООН Молотова прозвали в связи с этим «Господин НЕТ», слово «нет» Молотов произносил много раз. В обязанности Молотова входило и поддержание связей с НКВД (МГБ) по вопросам разведки.

Георг Бартоли писал в одной из своих книг: «Молотов носил пенсне бюрократа и имел внешность усердного ученика. Черчилль видел в нем «совершенного современного робота...» Но Джилас, который с ним близко встречался, объяснял, что роль Молотова не следует недооценивать; Сталин и Молотов дополняли друг друга».

Разумеется, как член Политбюро Молотов несет ответственность и за все репрессии послевоенных лет: за «ленинградское дело», за арест почти всех членов Еврейского антифашистского комитета, а еще ранее — за выселение многих народностей СССР с их национальной территории. Жертвой одной из этих репрессивных кампаний стала жена самого Молотова — Полина Семеновна Жемчужина.

Еще юной девушкой Полина Жемчужина вступила в партию в 1918 году. Через несколько лет она уже возглавляла женский отдел одного из обкомов партии на Украине. В начале 20-х годов в Москве проходил съезд женотделов, на который приехала и Жемчужина. Но здесь она тяжело заболела и попала в больницу. Молотов, который отвечал за проведение съезда, решил навестить заболевшую делегатку. Потом он приходил к ней еще несколько раз, а после выздоровления Жемчужина уже не вернулась на Украину, а осталась в Москве и стала хозяйкой в доме секретаря ЦК Молотова. Вскоре у них родилась дочь Светлана.

В Кремле Полина Жемчужина очень подружилась с женой Сталина Надеждой Аллилуевой. Молодые женщины часто встречались друг с другом, были откровенны, и для Жемчужиной не было секретом, что отношения между Сталиным и его женой становились все более тяжелыми. В роковой день, 15 ноября 1932 года, когда на ужине у Ворошилова Сталин грубо обошелся с Надеждой Аллилуевой, она покинула квартиру Ворошилова вместе с Полиной Жемчужиной, которая долго пыталась успокоить оскорбленную Надежду. Когда утром следующего дня жену Сталина нашли в своей спальне с пистолетом в руке и с простреленной головой, первыми были вызваны сюда Орджоникидзе с женой Зинаидой и Молотов с Полиной. Только после этого разбудили Сталина и сообщили ему о самоубийстве жены.

Для мстительного и подозрительного Сталина Полина Жемчужина уже тогда стала персоной «non grata». Но Сталин умел ждать и тщательно скрывать свои чувства. Чистки 30-х годов обошли Полину Жемчужину. Более того, она стала занимать во второй половине 30-х годов ответственные посты в аппарате Совета Народных Комиссаров. Жемчужина некоторое время была заместителем наркома пищевой промышленности, наркомом рыбной промышленности, затем управляла косметической промышленностью, или Главпарфюмерпромом. На XVIII съезде ВКП(б) Жемчужина была избрана кандидатом в члены ЦК.

Через несколько лет после окончания войны на Ближнем Востоке появилось еврейское государство Израиль, созданное по решению ООН при активном содействии СССР. Вскоре в Москве появился посол Израиля Голда Меир. Естественно, что на различного рода приемах, которые устраивало в Москве израильское посольство, присутствовали и члены ЕАК. Голда Меир и Полина Жемчужина не раз беседовали друг с другом.

К этому надо добавить, что у Полины Жемчужиной была родная сестра, которая еще в годы гражданской войны уехала из России. Полина переписывалась с ней до 1939 года. Если Молотову приходилось заполнять анкету и, в частности, отвечать в ней о «родственниках за границей», то он должен был писать здесь о сестре жены и о племянниках жены, которые теперь жили в Израиле. Хорошие отношения между Израилем и Советским Союзом длились, од-

нако, недолго. В 1948-49 гг. стала набирать силу пресловутая кампания против «безродных космополитов». Начались массовые репрессии против еврейской интеллигенции и ликвидация почти всех еврейских общественных и национальных организаций. В это время для Сталина и наступил удобный момент расправиться с Полиной Жемчужиной, когда-то ближайшей подругой его жены. По мнению Сталина, она знала слишком много. Конечно, на первый план выдвигались другие обвинения.

Жемчужина была обвинена в «измене Родине», в связях с международным сионизмом и т.п. Вопрос о ее аресте обсуждался на Политбюро. После того как Берия изложил данные своего ведомства, все члены Политбюро проголосовали за арест Жемчужиной. Молотов воздержался.

Вернувшись домой, Молотов должен был первым сообщить жене и о решении Политбюро, и о ее близком аресте.

— И ты поверил во всю эту клевету! — кричала в отчаянии его жена.

— Но там были представлены такие убедительные документы, — отвечал растерянный и подавленный Молотов.

На следующий день Жемчужину арестовали. Бывший генеральный секретарь Компартии Израиля С.Микунис рассказал в своих воспоминаниях об одной из встреч с Молотовым:

«...В 1955 году у меня произошла довольно любопытная встреча с Молотовым... в Кремлевской больнице в Кунцево, куда меня положили после того, как я немного прихворнул... Здесь совершенно случайно в одном из больничных коридоров я и встретил Молотова. До этого я его видел только один раз в Париже, когда он выступал на съезде сторонников мира... Теперь, в Кунцево, Молотов был, как и я, в больничной пижаме, но, несмотря на это, он выглядел, как всегда, надменным, выражение лица холодное, жесткое. Увидев его, я подошел к нему и спросил: «Почему вы как член Политбюро позволили арестовать свою жену?» Он окинул меня холодным взглядом и спросил, а кто я, собственно, такой. Я ответил: «Я генеральный секретарь Коммунистической партии Израиля и поэтому я вас спрашиваю, и не только вас, я спрошу об этом ЦК... Почему вы дали арестовать свою жену Полину Жемчужину?» Он с тем же стальным лицом, на котором не дрогнул ни один мускул, ответил: «Потому что я член Политбюро и я должен был подчиниться партийной дисциплине... Я подчинился Политбюро, которое решило, что мою жену надо устранить...» Вот какая любопытная была сценка».

«Еврейские националисты от литературы» были «обезврежены» «органами» не только в Москве — И.М. Добрушин, И.М. Нусинов, Дер Нистер, С.В. Гордон, Н.Г. Лурье, М.М. Грубиан, А.Ю. Гоптарь и др., но и повсеместно, в том числе на Украине — А.Я. Каган, Г.И. Полянкер, М.А. Талалаевский, И.Н. Кипнис, ответственный секретарь альманаха «Дер штерн» З.М. Аксельрод, директор кабинета еврейской культуры при АН УССР Э.Г. Спивак и др., в Белоруссии — А.Х. Платнер и др., в Молдавии — Я.М. Штернберг и др.

С. Михозл, В. Зускин, И. Добрушин (справа)

Судьбы арестованных еврейских литераторов не были одинаковыми. Наиболее трагический конец был уготован писателю **С. Персову**, сотрудничавшему с ЕАК с первых лет его существования. В 1943 году через комитет он получил от еврейской прессы США предложение собрать материалы о Светлане Сталиной. Американцев интересовали примечательные факты биографии дочери советского вождя, чем она занимается в свободное время, ее культурные привязанности и увлечения, отношение к Западу. Пока шла война, Персов много путешествовал по стране и собрал, помимо прочего, богатый материал о евреях-героях, начиная с рядовых бойцов, сражавшихся в партизанских отрядах, и кончая крупными военачальниками и руководителями оборонной промышленности.

С. Персов

После войны писатель принимал участие в создании книги на русском языке «Партизанская слава», которая должна была выйти в свет в издательстве «Дер эмес»...

...Самуила Персова расстреляли за полные оптимизма и гордости статьи и очерки о делах Московского автозавода им. И.В.Сталина. Его публикации объявили шпионскими, хитро, через печать открывавшими важные государственные секреты. Персов был расстрелян 23 ноября 1953 года.

В тот же день военная коллегия приговорила к расстрелу русскоязычную журналистку **М.С. Айзенштадт**, печатавшую свои статьи под псевдонимом «Железнова», которую в свое время благословил на работу на этом поприще Эренбург. 4 апреля 1950 г. ее арестовали, инкриминируя ей, в том числе, и подготовку совместно с Персовым так и не вышедшей книги очерков о выдающихся представителях еврейской технической интеллигенции. Кроме того, ее обвинили в том, что она состояла в «шпионской» сети ЕАК и собирала вместе с Персовым в Москве и Московской области «разведывательную информацию».

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА

1948 — ПРОДОЛЖЕНИЕ ХОЛОКОСТА?

Маму арестовали 4 апреля 1950 года, в шесть вечера. За несколько дней до этого ей позвонил какой-то добрый знакомый (и одновременно — влиятельное лицо) из редакции «Литературной газеты» и предложил работу в отделе искусства, о деталях которой и решено было поговорить в тот вечер, когда стихнет редакционная суета: «Эдак в половине седьмого, идет?»

Это была великая удача — получить место в штате «Литературки» — после полутора лет бездействия или случайных публикаций с той поры, как в конце ноября 1948 года люди в серых шинелях и в штатском ворвались в здание Еврейского антифашистского комитета на Кропоткинской, 10 и, разгромив редакционные комнаты, растоптав сотни страниц рукописей, перевернув письменные столы, как и полагается при погроме, прекратили деятельность ЕАК.

*Март 1950. За несколько дней до ареста.
Мирра Железнова с дочерью Надеждой*

Господи, как же оно быстро раскручивалось, это новое «красное колесо», уже чавкающее в кровавых ручьях: сердца тысяч и тысяч людей еще не смирились с трагедией январской ночи на окраине Минска, когда на заметной снегом улице были обнаружены тела Соломона Михозлса и походя уничтоженного театрального критика Владимира Голубова, сопровождавшего Соломона Михайловича (возможно, по приказу ГБ) в той последней поездке...

Ошеломленная театральная, литературная, цивилизованная Москва, уже не верящая в «автомобильную аварию», еще не ведала, что гроб с изуродованным телом великого актера, мастерски загримированным для его последней роли академиком Збарским, — это сталинская виза на начало невиданной антисемитской кампании, конечная цель которой — массовое истребление целого народа. Сегодня опубликовано такое количество документов, подтверждающих правоту этих слов, что 15 января 1948 года — день похорон Соломона Михозлса — справедливо считать днем старта нового Холокоста в послевоенной империи Сталина.

Моя мама первой опубликовала в европейской и американской прессе (лучшие из материалов газеты «Эйникайт» по каналам Совинформбюро сразу же передавались на Запад) списки Героев Советского Союза — евреев, а к концу войны этого звания удостоились 135 моих соплеменников, презиравших смерть от немецкой пули или снаряда еще и потому, что дома их ждали только пески Бабьего Яра и безымянные могилы родных.

Сто тридцать пять Героев Советского Союза — евреи! Мало того, что это был невероятно высокий процент для полумиллиона солдат и офицеров — евреев, сражавшихся на фронтах Великой войны, но это в корне меняло иерархию межнациональных отношений: выходило, что вслед за русским народом-победителем, ноздря в ноздю, как говорится, шел маленький, на треть истребленный, но не сломленный еврейский народ-Герой. Вот этого Мирре Железновой и не простили, затаившись до поры: на единственном допросе 20 мая 1950 года (в мамин деле есть только одна страница того допроса и приговор «к высшей мере») публикация цифры 135 стала одним из главных предъявленных ей обвинений.

Вновь и вновь терзаю себя вопросами без ответа: какая государственная тайна могла быть в перечнях ненавистных Сталину фамилий, если каждый список был тщательно заверен в отделе кадров ГЛАВПУРа? Все данные (конечно, не без протекции моего отца, остававшегося до пятидесятого года главным редактором нескольких военных изданий) мама получила в Седьмом наградном отделе ГЛАВПУРа — по официальному запросу, подписанному Соломоном Михозлсом, с одной стороны, и разрешению Александра Щербакова, если не ошибаюсь, с другой. Во всяком случае: когда летом пятидесятого года моего отца, уже уволенного со всех постов, будут исключать из партии за «потерю партийной бдительности», он сумеет настоять на экспертизе и доказать, что все списки Героев Советского Союза были получены Миррой Железновой вполне официально.

Только и это не могло спасти ни маму, ни военного чиновника, выдавшего ей «государственную тайну»; Геннадий Костырченко заканчивает свою книгу

кратким постскриптумом: полковник наградного отдела ГЛАВПУРа, предоставивший списки людей, героически сражавшихся за Родину, был осужден на 25 лет лагерей строгого режима.

Но разве только о героях фронта писала мама? В ЕАК в начале 1942 года ее привел сам Илья Эренбург — как талантливую и уже известную, несмотря на молодость, журналистку: до войны она много писала о театре, кино, ее хорошо знали в писательской среде.

Работа в ЕАК и в «Эйникайт» была ее, Мирры Железновой, личной войной с нацизмом, ее сражением с опасностью нового Холокоста. И вполне понятно, что, кроме очерка с эффектным названием о женщине-снайпере Людмиле Павличенко «Глаза женщины, сразившей 185 мужчин», она писала в основном о горьких жертвах Холокоста, о злодеяниях фашистов на Украине и в Белоруссии, о евреях — героях партизанской войны, о людях фантастических судеб, которым помогали избежать смерти крестьяне Польши, жители оккупированной немцами Голландии, организовывавшие побеги евреев из гетто, из лагерей смерти.

Наш дом в Нижнем Кисельном переулке постоянно заполняли самые невероятные люди, чьи рассказы я впитывала в себя. Помню ошеломивший меня рассказ горькой жертвы фашистского ада Сонечки Гурвич, исповедь ее истерзанной души (этот материал, спасибо за то Илье Альтману, отыскавшему мамины рукописи в государственном архиве РФ, опубликован в «Неизвестной Черной книге», вышедшей несколько лет назад), помню красавицу-девушку в гимнастерке с пустым рукавом и... звездой Героя. Она вырвалась из лагеря где-то в Белоруссии, ее ранили при побеге, она прошла путь в лесах, подобный маршруту Мересьева, потом ее подобрали крестьяне, не выдали, выходили, связали с партизанским отрядом, где она и воевала, — и вот теперь она возвращалась туда, получив награду в Москве... Это — счастливая история, по крайней мере, такой на конец 1943 года она осталась в моей памяти, — но сколько жестоких трагедий я узнала, а мама записала тогда.

Не случайно при обыске у нас забрали лишь 133 машинописных листка (Мирра Железнова готовила свою книгу документальной прозы обо всех и обо всем, что увидела и услышала на дорогах войны), да еще фотографию мамы в почетном карауле возле гроба Михоэлса и... золотые побрякушки, вызвавшие самый горячий интерес у представителей советской Фемиды.

За месяц до этого в Лефортовской тюрьме умер от побоев профессор Исаак Нусинов, которому тоже надлежало проходить по главному делу ЕАК.

Лариса БЕЛАЯ
Журналистка

**ИСААК НУСИНОВ:
ПРОФЕССОР Я ДВАДЦАТЬ ЛЕТ,
А ЕВРЕЙ — ВСЮ ЖИЗНЬ**

Полвека назад в Лефортовской тюрьме скончался критик, литературовед — профессор Исаак Маркович Нусинов.

«Умер из-за голодовки, как стало известно его родным от освободившегося сокамерника. При нем жестоко унижали женщину — он стал защищать ее. Ему

И. Нусинов с сыном

приказали не вмешиваться — он из протеста отказался принимать пищу. Легенда или нет такая версия его ухода? Этого мы уже никогда не узнаем. Но это похоже на Исаака Марковича. Он был благородным человеком, но слабым физически, больным. Своей вины не признал. Посмертно реабилитирован». Это из рассказа внучки ученого Натальи Ильиничны Нусиновой. Свой жизненный путь длиной в шестьдесят лет Нусинов прошел ярко,

талантливо, успев много сделать, пережив немало остродраматического.

Драмой было уже рождение в черте оседлости, в местечке Черняхов Волынской губернии. В биографии были прикованность к постели в ранние годы из-за болезни позвоночника, смертный приговор в послереволюционную пору во время правительства Директории в Киеве — спас побег из тюрьмы.

Он исследовал общественно-историческую роль литературы. Писал о еврейской, русской, зарубежной литературе. Его перу принадлежат статьи о Шолом-Алейхеме, И.Л.Переце, Менделе Мойхер-Сфориме, Переце Маркише. Круг его исследовательских интересов был чрезвычайно богатым. «Мировая художественная литература была как бы частью личной жизни, самосознания нашего с сестрой Татьяной дела Исаака Марковича. А ее герои осмысливались им как реальные и лично знакомые. Его лекции любили студенты, заполняли его аудитории до отказа».

До революции Нусинов изучал в Италии и Швейцарии литературу, искусство и философию, получив на родине традиционное еврейское образование и окончив затем экстерном гимназию в Варшаве. Он знал и штудировал множество языков. Редкостная трудоспособность в освоении знаний, тем не менее, не отгораживала от насущной жизненной практики. Так, в 1912 году, в пору российской хозяйственно-промышленной активизации — чему немало способствовали и евреи, расплачивающиеся за это ростом антисемитизма и ассимиляторских тенденций — он, 23-летний, организует еврейскую школу на родной Волыни — в Коростене. И это активное участие в текущей общественной жизни оставалось характерной его чертой до смертного часа.

Читать лекции по проблемам художественной литературы он начал, еще учась в 1914-17 гг. за рубежом. В Лозаннском русском клубе слушали его выступления, связанные с творчеством Гете, Шелли. Живший одновременно с ним в Лозанне Луначарский заинтересовался молодым темпераментным литератором — они знакомятся, Нусинов сопровождает Луначарского в его поездке в Вену, где жил тогда Ромен Роллан.

«Учебке деда за рубежом — из-за российской процентной нормы для евреев — сумел посодействовать его отец. Он служил управляющим на мелком провинциальном заводе. Возвращение состоялось в 1917-м. В Париже, на Елисейских полях временный эмигрант прочел в газете о победе февральской революции в России — и вернулся в нее, даже не зайдя домой за чемоданом. Не знаю, семейная ли это легенда, нет ли — насчет чемодана.

Но в революцию он поверил абсолютно, в режим, который нес справедливость... на уровне идеологических догматов. Поверил! Как и другой, русский

наш с Таней дед, историк, ставший большевиком — Петр Иванович Милюков. Не спутайте его с известным однофамильцем. Его жена, наша бабушка Елизавета Петровна, была родом из-под Тулы, училась в яснополянской школе. Говорила, что Лев Толстой любил ее и выделял среди детей. Мы с сестрой свято чтим память о своих и русских, и еврейских дедах и бабушках. Хоть еврейских знали лишь заочно — ни Исаака Марковича, ни Ханну Исаевну в живых не застали, когда родились...»

1924-м в Москве Нусинов защищает диссертацию «Проблема исторического романа. А.Франс и В.Гюго». У него курс лекций по западноевропейской литературе в 1-м МГУ, а на еврейском лингвистическом отделении 2-го МГУ он читает лекции по истории еврейской литературы, ведет теоретические исследования, редактирует академические и вузовские издания... А написанная им в 1941 г. статья «Проспер Мериме» впервые увидела свет лишь спустя десятилетие после его гибели.

Анализируя шекспировского «Венецианского купца», Нусинов совершил глубокий экскурс в исток необычайного сюжета. И это воспринимается по-особому остро сегодня, когда актуализированного волной межнациональных движений «Купца» снова играют во всем мире. Известно, пишет Нусинов, что уже в раннем Средневековье существовала легенда о займодавце, который оговорил себе право вырезать у своего должника кусок мяса, если тот не вернет ссуды. Героями этой легенды были рыцарь и вассал. Последний счел возможной свою жестокость, — по праву, тем более, что рыцарь отрубил ему ногу. Позднее, в XIV веке, безногий вассал заменен евреем в новелле Джiovанни Фиорентино на этот же сюжет. И новелла стала сугубо антиеврейской. Это сопрягалось с травлей евреев католической церковью того времени. Шекспир использовал в «Венецианском купце» эту новеллу Фиорентино. Но превратил мотив о жестоком займодавце-еврее Шейлоке в обвинительный акт против того мира и тех условий, которые порождают как скупость Шейлока, так и формы его самозащиты и мести. Гуманизм и реализм Шекспира диктовали ему завершить сюжет поражением Шейлока, «поскольку, — пишет Нусинов, — его скупость и мстительность подлежат осуждению гуманиста и поскольку в спорах и конфликтах с христианским миром еврейский народ в дошекспировское и шекспировское время неизменно терпел поражение...»

...На Нусинова рука партии и глава литцеха Фадеев повел наступление за книгу «Пушкин и мировая литература», изданную в 1941 году. В вину вменялось, что книга якобы основывается на мысли, что свет идет с Запада, и западным европейцем выведен Пушкин, «безнационально-всемирным», «всечеловеческим». Нусинов отрицал свое «непартийное поведение», как и «искажение светлого облика великого русского поэта», поэтому травля продолжалась...

...У деда тогда была привычка: в кабинете своей институтской кафедры он вдруг мог обратиться к своему коллеге или брату по телефону — на идише. Ему делали замечание: вы все-таки русский профессор. Он отвечал: «Профессор я двадцать лет, а еврей всю жизнь». Но в пору оголтелой псевдопатриотической кампании конца сороковых — начала пятидесятых годов подобный подход к литературе в советской России был расценен как криминал. Кампания расправ с «безродными космополитами» началась спустя год после зверского убийства Михоэлса — в январе 1948-го.

В конце жизни, в пору войны с фашизмом, он — активист Еврейского антифашистского комитета. Как и других членов ЕАК — Бергельсона, Квитко, Маркиша, Фефера, — его арестовали в 1949-м...

...В 60-х ярко взошла звезда его сына — Ильи Нусинова. В кино. Для миллионов становились моментами истины такие фильмы, как «Мичман Панин», «Тучи над Борском», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», позже — «Внимание, черепаха!», «Телеграмма», «Агония», снятые по сценариям Ильи Нусинова и Семена Лунгина. Они всю жизнь писали вместе для театра и кино, до смерти Ильи Исааковича Нусинова в 1970 году в возрасте 50 лет во время дальнего похода на военном корабле, куда соавторы были приглашены для работы над морской тематикой.

Керлер Иосиф (1918-2000), еврейский поэт. В 1937-41 гг. Керлер учился в еврейской театральной студии при ГОСЕТе, по окончании которой ушел добровольцем на фронт. В 1944 г., после третьего тяжелого ранения, был демобилизован.

Поэт сотрудничал в газете Еврейского антифашистского комитета «Эйникайт» («Единство») и альманахе «Геймланд» («Родина»), учился на филологическом факультете МГУ. В 1947 г. переехал в Биробиджан. Сданная в печать вторая книга стихотворений Керлера так и не увидела свет: в апреле 1950 г. он был арестован, приговорен к 10 годам лагерей строгого режима «за буржуазно-националистическую деятельность» и сослан в Воркуту.

И. Керлер

В 1955 г. Керлер был реабилитирован и вернулся в Москву, где в 1957 г. вышел в переводе на русский язык сборник его стихотворений «Виноградник моего отца», а в 1965 г. — «Хочу быть добрым». Отсутствие периодической печати на идише (журнал «Советиш геймланд» появился лишь в 1961 г.) вынуждало Керлера писать для эстрады скетчи, миниатюры, тексты песен для композиторов З.Компанейца, М.Табачникова, В.Шаинского и других.

Их исполнение Нехамой Лифшиц, Анной Гузик, М.Александровичем, М.Эпельбаумом, З.Шульманом распространялось в грамзаписях...

В 60-х гг. поэт начал борьбу за выезд в Израиль, публиковал за своей подписью стихи в американской газете «Форвертс», израильском журнале «Ди голдэнэ кейт» («Золотая цепь»), в еврейском самиздате. Его стихотворение о начале Шестидневной войны на следующий день после написания появилось в израильской прессе. В 1970 г. Керлер зачитал группе иностранных журналистов свое открытое письмо советскому правительству с требованием предоставить евреям СССР свободу репатриации.

В марте 1971 г. И.Керлер с семьей приехал в Израиль, где вскоре вышла пересланная им из СССР книга стихов «Гезанг цвишн цейн» («Песнь сквозь зубы» с предисловием Д.Садана; удостоена премии имени И.Мангера).

...Творчество И.Керлера отличают близкая к народной песне яркая искренность чувства, ясность поэтического образа и эмоциональная насыщенность. Его стихи переведены на иврит, русский, немецкий, английский, испанский, украинский, нидерландский, польский и другие языки.

Керлер-младший тоже стал идишским поэтом, его литературный псевдоним — Борис Карлов.

Источник: www.sedmoikanal.com

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ

Российская писательница

НАРОД, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ДОБРО, — ВЕЛИКИЙ НАРОД

Есть в Иерусалиме скромный памятник — каменный обелиск в тенистом скверике, а на камне имена. Каждый раз, когда я приезжаю в Израиль, я прихожу сюда, кладу цветы к подножью обелиска и подолгу сижу возле него не скамейке. Над Иерусалимом синее-синее небо, в сквере играют дети, молодые мамы заботливо склоняются над колясками. Какие красивые, какие нарядные дети в Израиле, какие приветливые! Глядя на них, трудно поверить, что может быть зло на земле. А ведь именно о зле, жестокости и вопиющей несправедливости безмолвно свидетельствуют имена, начертанные на камне. Имена деятелей культуры, литературы, науки, безжалостно уничтоженных в сталинских застенках.

Я перебираю мысленно эти имена, и память возвращает меня в далекие годы моей юности. Как благодарна я судьбе за то, что мне пришлось многих из этих людей видеть и слышать! Разве забудется то волнение, с которым торопились мы по вечерам на Бронную в Еврейский театр, чтобы насладиться игрой великих артистов **Михоэлса** и **Зускина**? И пусть мы не знали языка, на котором шли спектакли, но артисты своей неповторимой игрой ломали языковые преграды, разноязыкий зал замирал в едином порыве благодарности и восхищения и, казалось, ничто не может нарушить этого единства — ведь каждый спектакль был событием не только в еврейской культуре, но и событием культуры русской. Впрочем, тогда мы не думали об этом, просто наслаждались высоким искусством. Кто мог тогда себе представить, что не пройдет и десяти лет, как мы снова придем в этот зал, ныне уже скорбный и траурный, чтобы проводить в последний путь великого **Михоэлса**. А ведь еще совсем недавно на этой сцене шел прекрасный спектакль «Фрейлехс», и в финале его звучали музыка и пение, кружились в танце артисты, и зал стоял пел вместе с ними. Этот спектакль, поставленный после войны, утверждал победу добра над злом, злом германского фашизма. А теперь не пение, нет, сдержанные рыдания и стенания наполняли зал. Тьма снова заволакивала землю, теперь уже нашу землю, но мы тогда еще не подозревали о масштабах трагедии, надвигавшейся на всех нас...

А сколько незабываемых часов было проведено над книгами **Давида Бергельсона**! В 1941 году был впервые переведен на русский язык его роман «После всего», написанный еще в 1913 году и рассказывающий о трагедии интеллигенции, ищущей выхода, понимающей, что в современных условиях она обречена на угасание. Это философский роман, и мы, тогда очень молодые и не знавшие даже имен **Бердяева**, **Федорова**, **Розанова** и других философов двадцатого века, находили в нем то, что так необходимо молодости: серьезный и глубокий анализ исторических событий, размышления о чести и достоинстве человека. Впоследствии, читая роман **Бориса Пастернака** «Доктор Живаго», я порой ловила себя на том, что многое в нем мне словно бы знакомо, и понимала, что его волнуют те же проблемы, стоявшие перед интеллигенцией в переломные моменты истории, которые в свое время волновали **Давида Бергельсона**. Да и роман **Бергельсона** «На Днепре», рассказывающий о событиях начала

века, вызывал большой интерес сочетанием бытовых точных деталей с глубоким психологизмом характеров и неповторимым мягким юмором. Все это создавало живую и достоверную картину общественной жизни еврейского общества предреволюционных лет.

Тогда я еще не была знакома с Давидом Рафаиловичем и даже никогда не видела его. Но вот в годы войны моя близкая подруга еще со школьных лет Ная Островер вышла замуж за сына Бергельсона, и мне довелось побывать у них в доме. Помню, с каким волнением нажимала я кнопку звонка, понимая, что сейчас смогу, наконец, увидеть писателя, книги которого знала и любила, о которых мы так много разговаривали, о которых спорили в нашей молодой компании. Он представлялся мне высоким, красивым, барственным. Каково же было мое удивление, когда Давид Рафаилович сам открыл мне дверь, — невысокого роста, лысоватый, в какой-то домашней курточке и мягких туфлях. От волнения я что-то пробормотала о том, как благодарна ему за его книги, он ласково улыбнулся, пожал мне руку и проводил в комнату, где жила семья его сына. Потом я видела его не раз, мы разговаривали и, казалось бы, что ему было до суждений молоденькой женщины, еще почти девчонки, но он слушал меня внимательно и так же внимательно отвечал или возражал.

И вдруг страшная весть: арестованы еврейские писатели и среди них Давид Бергельсон. Чудовищно! Эту весть привез нам Арон Кушников.

Мне вспоминается мглистое зимнее утро. Телефонный звонок. Мой муж, писатель Юрий Либединский, снимает трубку и говорит мне:

— Сегодня вечером к нам придет Ароша Кушников.

Невысокий, быстрый в движениях, с небольшими, очень черными глазами, Арон Кушников перевел на идиш почти всю советскую литературу и в том числе первую повесть Юрия Либединского «Неделя». Он изучил старославянский язык и с подлинника перевел «Слово о полку Игореве». Участник первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер (!), Арон Кушников участвовал в знаменитых штыковых атаках, которыми сибирские полки наводили ужас на немцев. За храбрость он был произведен в ефрейторы. Это еврей в царской-то армии!

Летом 1941 года он был командиром третьего взвода в ополченской Краснопресненской дивизии, где Либединский служил рядовым.

В тот вечер Кушников был невесел. Чтобы развлечь его, Юрий Николаевич стал вспоминать как, приняв отделение, Арон Яковлевич занимался с бойцами строем и материальной частью винтовки, а молоденькие лейтенанты иногдаправляли его.

— В старой армии нас так учили, — смущенно оправдывался Арон Яковлевич. — А с тобой тоже хлопот много было. Не успеешь оглянуться, а ты уже лопату перевернул и пишешь, положив на нее лист бумаги. Что ты писал тогда?

— «Ополченцы в походе». И о тебе там написал...

Но, отшучиваясь и поддерживая разговор, Арон Яковлевич явно думает о другом.

— Юрий, — говорит он, воспользовавшись кратким молчанием, воцарившимся за столом, — неужели предательство? Не может быть! Я знаю их всех. Они называли Россию матерью. Они отдавали ей все — любовь, детей, творчество. (У Арона Кушникова погибли на фронте два сына!) — За что? Кому это нужно? Галкин, Маркиш, Квитко, Бергельсон... Мы с Давидом живем в одном доме. Каждое утро я иду к нему на квартиру, сажусь на стул возле двери его опечатанного кабинета и сижу так несколько часов. И плачу... И все надеюсь:

сейчас подниму глаза — и нет на двери этих проклятых сургучных печатей, и она открыта, а там, возле окна за столом Давид...

— Такой писатель... Кому это нужно? — растерянно повторяет он. Молчание. Опять эти вопросы, что и в тридцать седьмом году. Только что окончилась война. Люди доказали свою преданность стране. За что это недоверие?

Опустив глаза и перебирая бахрому на скатерти, Юрий Николаевич говорит медленно, с трудом произнося слова:

— Что делать, Ароша, не знаю, есть ли правда выше, но на земле она существует. Только жить надо долго, чтобы увидеть ее торжество. Постараемся дожить...

Арон Яковлевич смотрит на него увлажненными глазами: — Дай Бог, дай Бог... — говорит он очень по-крестьянски и поднимается.

— Погоди, — говорит Юрий Николаевич, — у меня книга вышла, вот...

Арон Яковлевич бережно вертит в руках книгу.

— Дай, я надпишу тебе... — Во взгляде Кушнирова грустное удивление:

— Ты хочешь подарить ее мне?

— Ну конечно.

— А если... — Юрий Николаевич не дает ему договорить:

— В сорок первом под Смоленском не боялись.

Они обнимаются крепко, быстро, по-мужски.

Имени Арона Кушнирова нет на памятнике в Иерусалиме. Он не был арестован и умер в своей постели. Не успели — жестокий рак сглодал этого мужественного человека. Но я всегда вспоминаю его, сидя в тенистом сквере...

В 1950 году мы переехали в дом на Лаврушинском, и получилось так, что моя дочка Тата и внучка Бергельсона Мариша оказались в одном классе и очень сдружились. После занятий они вместе гуляли, играли, готовили уроки. Как-то зимой 1952 года я заметила, что Мариши уже несколько дней как не видно у нас, и спросила об этом дочку.

— У Мариши дифтерит, — ответила она. — Ей еще долго нельзя будет ходить в школу, карантин.

Но вот в одно далеко не прекрасное утро по дому поползли слухи, что ночью была арестована вся семья Бергельсона — его жена, сын, невестка и девятилетняя внучка. Я кинулась к Островерам, родителям Наи, которые жили отдельно, вдвоем, после гибели на фронте единственного сына.

Рита Яковлевна Островер рассказала мне, что она присутствовала при аресте, в эти дни она ночевала у Бергельсонов, ухаживая за больной внучкой. Она в буквальном смысле слова валялась в ногах у гебешников, умоляя, чтобы ей оставили больную девочку, но изверги были непреклонны.

Маришу увезли и поместили в пересыльную тюремную больницу и, дождавшись, пока ей стало немного лучше, вместе с родителями отправили на этап на Север.

— Но я добьюсь, — рыдая, говорила Рита Яковлевна, — они отдадут мне Маришу...

И она добилась. Съездила в ссылку к детям и привезла внучку в Москву. И теперь, разглядывая детские фотографии, я всегда радуюсь, когда вижу на не-

А. Кушниров

которых из них рядом с моими детьми улыбающееся Маришино личико, она снова стала часто бывать у нас.

С того страшного дня прошло сорок лет. Мариша с семьей живет в Америке, нет на свете стариков Островеров и Бергельсонов. Пая и Лева Бергельсоны с младшей дочерью, родившейся в ссылке, переехали в Израиль. Дорогие мои, я люблю вас и живых и мертвых, и да будет ниспослано счастье живым и вечная память мертвым...

...Солнце в сквере припекало все сильнее, я пересела на другую скамейку и вдруг поймала себя на том, что это ощущение солнечного тепла на лице и руках напоминает мне о чем-то давнем и светлом. И тотчас из глубины памяти возникло еще одно воспоминание — видно, душа была настроена на воспоминательный лад...

Летом 1937 года мама отправила меня в пионерский лагерь для писательских детей в Крым, в Коктебель. Впервые увидела я морскую синюю ширь, серые скалы, белый волошинский дом на пустынном берегу. Впервые вдохнула настоящий на чабреце и мяте коктебельский воздух, собирала пестрые камешки, сидела вечерами на мокром песке, слушая дыхание прибоя. И все-таки я скучала по Москве — ведь я первый раз в жизни уехала одна из дома. Потому, признаюсь честно, я очень позавидовала Миле Галкиной, когда она радостно сообщила мне, что завтра приезжают ее родители.

Вскоре я увидела на пляже красивого, стройного человека с густой шевелюрой темных волос и большими синими (так мне показалось) глазами, отражавшими сразу и море и небо. Он неторопливо шел по берегу в легком светлом костюме, чуть приподняв голову, глядя куда-то вдаль. Было в его облике что-то неуловимо изящное, благородное и чуть отрешенное, и я невольно подумала: «Настоящий поэт!» И тут Милка, которая рядом со мной блаженно валялась на песке, подставляя спину жаркому солнцу, с веселым возгласом «А вот мой папа!» легко вскочила и подбежала к нему. Увидев дочку, Галкин (а это был он) улыбнулся, обнял ее и, подойдя к нашей компании, опустился рядом на песок. О чем он говорил с дочкой — не помню, помню только, что, уже поднявшись и собираясь уходить, он сказал нам:

— Завтра вечером в мастерской Волошина будем читать стихи. Приходите, ребята!

На следующий день после ужина мы робко направились к Волошинскому дому. Вечер был тихий, лунный, серебрилось и дышало море.

— Даже жаль заходить в дом, — сказал Галкин, и тут же откликнулась Мария Степановна Волошина, встречавшая гостей:

— А зачем в дом, возьмите стулья и рассаживайтесь на палубе. («Палубой» называется небольшая открытая терраса на втором этаже.)

Галкин в этот вечер был прекрасен, как, впрочем, и всегда. Он читал только стихи о любви — располагала ли к этому прекрасная южная ночь, или такова была душевная потребность поэта, не знаю. Знаю только, что чтение своих стихов Самуилом Галкиным запомнилось мне навсегда. Читал он их на идише и тут же сам переводил на русский язык. Переводил, конечно, прозой, но, так как Галкин свободно владел русским, ему удавалось донести до русского слушателя не только смысл стихотворения, но и его внутренний настрой, взволнованность, короче, подлинность чувства. Позже мне пришлось читать эти стихи в переводах русских поэтов, они, несомненно, были хороши, но все же, все же...

И еще одна встреча вспоминается мне. Произошла она почти через двадцать лет — в 1955 году. Николай Заболоцкий, перенесший тяжелый инфаркт миокарда, был направлен в сердечный санаторий «Болшево». Мы с Юрием Николаевичем Либединским приехали его навестить.

Николай Алексеевич был еще слаб, однако встретил нас в парке, мы прошли по дорожке к санаторному корпусу и, когда расположились в холле, в мягких удобных креслах, Николай Алексеевич сказал:

— Здесь лечится замечательный еврейский поэт **Самуил Галкин**. Мы с ним подружились, и я даже хочу перевести несколько его стихотворений... Только он очень слаб, у него то и дело повторяются сердечные приступы, и он почти не выходит из комнаты... Он ведь чудом уцелел... — Заболоцкий помрачнел, замолчал, а потом коротко добавил: — Да вы все знаете... — явно не желая касаться этой больной для него темы. Сам он о своих лагерных годах никогда ничего не говорил.

Мы зашли в комнату Галкина. Он лежал в постели, увидев нас, улыбнулся, пожал нам руки. Но разговора не получилось, ему просто физически было трудно разговаривать. Нет нужды говорить, как он изменился, и все равно — лицо его было прекрасно!

Больше я его живым не видела...

Заболоцкий перевел его стихи. Одно из них — «Осенний клен» — он даже включил в сборник собственных стихов с пометой (из С. Галкина). Единственное стихотворение, из неисчислимого количества стихов разных поэтов, переведенных им. Как же оно было ему близко по духу. И это не случайно, потому что есть в этом стихотворении такие строки:

Когда ж гроза над миром разразится

И ураган, они заставят до земли склониться

Твой тонкий стан. Но даже впад в смертельную истому

От этих мук, подобно древу осени простому,

Смолчи, мой друг. Не забывай, что выпрямится снова,

Не искривлен, но умудрен от разума земного

Осенний клен.

Таких людей, как Галкин и Заболоцкий, муки земные искривить не могут, они их умудряют.

Дочь Самуила Галкина — талантливый скульптор — создала замечательный скульптурный портрет отца — он установлен на могиле поэта в Москве на Новодевичьем кладбище. Вдохновенное лицо горделиво чуть откинута назад, распахнут ворот рубашки, глаза бесстрашно устремлены вдаль, совсем как в те далекие годы, когда я впервые увидела его в Коктебеле...

И еще об одном человеке я не могу не вспомнить. Его любили все — и взрослые, и дети. Не любить его было нельзя, он сам был как большой ребенок, **Лев Квитко**. Но не о своих встречах с ним я хочу рассказать, хотя их было несколько и каждую он превращал в праздник своим умом, остроумием, добротой, талантом общения. Мне хочется напомнить об одном его поступке, который мы не вправе забывать.

1941 год, август. В Чистополь из Елабуги приехала Марина Цветаева, приехала, чтобы просить о прописке и месте посудомойки в детском интернате. Измученная, затравленная жизнью. Известно, что встретили ее по-разному. Находились и такие, что заученно твердили: эмигрантка, жена и мать арестованных, нет ей места среди советских писателей. И тогда на ее защиту высту-

пил Лев Квитко. Всегда мягкий, уступчивый, на этот раз он был непреклонен. И добился своего — Марине Цветаевой было разрешено поселиться в Чистополе. И не его вина, что она иначе распорядилась своей жизнью.

Да, многострадальный еврейский народ воспринимает чужую боль, как свою, и умеет приходить на помощь. В этом году в Иерусалиме, в Русском центре, состоялся благотворительный вечер в пользу родственников Владимира Галлактионовича Короленко. Живут они в Полтаве, в жестокой нужде. Устроители волновались: в тот день в Иерусалиме стояла сорокаградусная жара, к тому же театр «Гешер» отмечал свои юбилей, на который специально приехали из Москвы известные артисты. Но, едва подъехав к Центру, поняли, что опасения их были напрасны. Улица была запружена людьми, сравнительно небольшой зал не мог вместить всех желающих. И когда начался вечер, на сцену полетели конверты с деньгами от тех, кто не смог купить билеты. Люди помнили, как мужественно вел себя Короленко во время процесса Бейлиса, как страстно выступал с осуждением еврейских погромов. Народ, который помнит добро, — великий народ. Так пусть же он будет счастливым на своей вновь обретенной, трудной и благодатной израильской земле!

Источник: www.jew.kiev.ua

Хаим ГРАДЕ

Еврейский поэт и прозаик

ЭЛЕГИЯ

Я ОПЛАКИВАЮ ВАС ВСЕМИ БУКВАМИ АЛФАВИТА

Я оплакиваю вас всеми буквами алфавита,
 Которыми вы пользовались, когда пели бодрые песни.
 Я знаю о вашей внушенной надежде — и знаю
 О ваших сердцах, измятых, как старый молитвенник.
 Я у вас дома ночевал в пору своих скитаний
 И во время сна в вашем доме я слышал шорох
 Оживших теней времен крестовых гонений на евреев —
 Я это помню, так же как и ваши великодушие и гостеприимство;
 Как помню я и русского, который преподнес мне хлеб на пороге,
 Как помню я его родину (*Россию*), истекавшую собственной кровью,
 С широтой ее степей, с узостью тюремной камеры,
 С песнями на Волге и согбенностью пред кнутами.
 Поэтому я всегда искал вам оправдание,
 Не только из-за вашей смерти я воздаю вам должное;
 Еще при вашей жизни в просторной стране *<под названием>* Русь
 Я знал, что в глубине души (*досл.: сердца*) вы — невольники.
 Я видел, как вы беззвучно ужасались и изумлялись,
 Еврейские поэты Минска, Москвы и Киева,
 Когда спасенные (ваши коллеги), которых судьба пощадила,
 Вам предрекали муки (*досл.: злые несчастья*) Иова.
 Я видел, как вы дрожали в гневе и скорби,

Когда ваша вера «Я верю всей душой (досл.: полной верой)
в дружбу народов!» — лежала мертвая в Бабьем Яру
Вместе с убитыми киевлянами в ямах безвестных (досл.: тайных, скрытых)*

Ночью Давид Бергельсон подошел ко мне: «Вы спите?
Мне не спится. Полная кровать гвоздей, Хаим.
Мы надеялись на нового просвещенного человека,
И вот дожил я на старости лет до нового человека!»
Я еще вижу, как свисает свинцово-тяжело его губа,
Я еще вижу его карие глаза умного тигра
И как он закусывает кривыми зубами узел своих мыслей
(О том), что никто не (может быть) умнее своего собственного характера.

Сражался Арон Кушниров в гражданской войне,
Сражался также коммунист внутри него с его же разочарованием <в коммунизме>.
Вильнюсская синагога, разрушенная после Великой Победы,
Отрезвила его, седого капитана.
Его сын пал в бою. Он (А.Кушниров) передо мною плакал:
«Мой сын был твоим ровесником. Пусть для тебя не будет неожиданностью,
Что я обращаюсь к тебе на «ты», браток. Не это я подразумеваю!
Поучи же вместе со мной Хумаш и растолкуй мне его на идише».**

Играл Давид Гофштейн на еврейской скрипке.
Также и Давид Бергельсон. Играли они часто оба.
Оба Давида ввергли меня в траур,
Потому что не скрипичные звуки провожали их на заклание.
Наблюдал Гофштейн, как строился Тель-Авив,***
Его домой, к русским полям, обратно тянуло.
А когда родной дом приговорил его к смерти как изменника,
Он при виде смерти рассмеялся двумя сумасшедшими глазами.

На пружинах сидел я на старом стуле,
И, на свою палку опершись, стоял Добрушин
С седыми волосами взъерошенными, в холодной комнате, полной
Паутины, пыли от книг и потрепанного плюша,
Стоял посреди комнаты, как он встал бы
Пророчески между обеими горами: Эйваль и Гризим:
«Мир — проклят. Сплошной Гитлер.
Благословенна наша Страна Советов! Мы строим социализм».

Дер Нистер только нас предупреждал: «Детки, убегайте!»
Только он один, старенький, едва добежал до смерти.****

* Стихотворение Х. Граде писалось до того, как трагедия Бабьего Яра стала достоянием широкой общественности.

** Видимо, Кушниров просит Граде объяснить, как Бог допустил такую трагедию, произошедшую с говорившими на идише евреями.

*** В 1925-26 гг. он жил в Эрец Исраэль.

**** Арестованный в 1948 г., писатель Дер Нистер (настоящее имя — Пинхас Каганович) вскоре скончался в тюремной больнице; Х. Граде имеет в виду, что Дер Нистер умер своей смертью, не дожив до расстрела.

Лейб Квитко весь вечер пил со мной шнапс —
Это была последняя ночь, которую я должен был провести в Москве.
Пах он деревней, молоком, хлебом и степью:
«Не оговаривайте Россию!» — и расцеловался со мной навеселе.
«Не оговаривайте Россию!» — бежал он за мной по ступенькам.
Убитый поэт! Что бы ты кричал мне вслед теперь?

Жертвы моего еврейского языка, мир вашему праху!
Отцу Народов... изрытому оспой убийце,
На десятках языков воспетому хвалой,
Злодею, оставшемуся от потопа в дни Ноаха, —
Ему вы должны были петь вашу еврейскую песню?
Был я в этом аду и знаю причину!
Обрадовало вас то, что петь в общем хоре получил право и еврей,
И потому еще, что из неуютного страха может родиться любовь.
Вы слышали: на Западе бушует ненависть к евреям,
И у вас был лишь один выход: умереть или петь.
Вы пели: «Будет и на нашей улице праздник!»
А по ночам дрожали — как бы в дверь не позвонили (*чтобы вас забрать*).
Я не сужу вашего соседа, измученного славянина.
Но те, кто велели мне замалчивать ваши муки,
Когда я попал в (*свободный*) мир, — красный сброд* —
Отпадет с нашего дерева, как прогнившие ветви.
Как грустно мне, что тени признают мою правоту
Своей блуждающей, немой и стыдливой улыбкой.
От ваших мечтаний и лихорадок, длившихся ночи напролет,
Осталась красота разрушенного Храма.

Вашей поэзией вы были подобны реке,
Которая отражает действительность наоборот (*зеркально*).
Осталось молодое поколение, которое не интересуется ни вами,
Ни мною, ни нашей вековой скорбью.
За вашу плоть и жизнь, уничтоженную во тьме,
Получили ваши вдовы деньги, выкуп.
Но ваш язык, который палачи заставили умолкнуть,
Все так же нем в стране, где поэты поют не переставая.
Мне достался ваш язык! Как остается одежда
От утопленника, оставшегося лежать в реке.
О, мне досталась не сбереженная вами радость,
А одна лишь горечь вашего еврейского напева.

Перевел с иврита Ш. Громан

Составители раздела: Ш. Громан, А. Юдина, В. Варжапетян

* Граде имеет в виду евреев, оставшихся верных коммунизму.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Борис КУШНИР

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Борис Кушнир — известный математик, поэт, переводчик и публицист. С 1989 г. живет в США. Автор нескольких книг стихов, а также большого эссе «В защиту Антонио Сальери», переводов сонетов Шекспира и др. произведений, часто публикующихся в разных изданиях русского зарубежья. Стихи Бориса Кушнера, широко издающиеся на западе, пока мало известны в России.

AVE MARIA

Эстер Триус

Ave Maria,
Дева Святая!
Пепел летит
чёрным снегом,
Не тая.
Польской равниной
и Виннипегом
Траурным снегом,
траурным снегом.
Чаши Отцовской
он будто б и не пил,
Сын Твой настойчивый,
жестоковыйный.
Плоть Его ныне —
пепел и пепел,
Кровь Его стала
пеною мыльной.
Дева Мария,
Мать Богородиц!
Вот он летит,

Твой забытый народец.
 Дети всё смотрят,
 не уставая,
 Искорки глаз,
 как звёзды в колодец...
 Ave Maria,
 Дева Святая...
 Чёрные птицы,
 чёрная стая...
 Эхо ответом
 жиреющим птицам.
 Ave Maria
 над Аушвицем!
 Дева Мария
 с ласковым сердцем.
 Тронут Освенцим.
 Тенор выводит
 сладкие трели.
 Дети сгорели.
 Пепел пророс
 в сувениры,
 открытки.
 Ave Maria! —
 поют кармелитки.
 Пепел пророс
 травой и листвою.
 И Пендерецким.

Сиреньему вою
 Трубы оркестра,
 упав из мажора,
 Вдруг подражают.
 Но звать Дирижёра
 Тщетно и глупо.
 Туристская группа
 Волком голодным
 рвётся в бараки.
 Волны бемолей.
 Не подражают
 Снова рожают
 Б-жьею волей
 Еврейские жёны.
 В боли и мраке.
 Больше и больше.
 Небо над Польшей —
 Пепельной пылью.
 Небо пустило
 слезу крокодилю.
 Счастье раскаянья.
 Слёз эйфория.
 Ave Maria!
 Ave Maria...

29 января 1995 г., Pittsburgh

**ПАМЯТИ ЗАМУЧЕННЫХ
БОЛЬШЕВИСТСКИМ РЕЖИМОМ**

*Как одиноко сидит город,
некогда многолюдный...*

Плач Иеремии, 1:1.

Вот и конец.
И напрасны оттенки.
Даже в решётке
звезды не увидишь.
И бесполезен в лубянском
застенке
Вечно в слезах улыбавшийся
идиш...

Поезд Истории.
Лезвия-рельсы.
Красным вращеньем
жестоки колёса.
Иеремия!
О Михоэлсе
Плач Твой сегодня.
Горькие слёзы.

Город — пустыня,
хоть многолюден.
Каждый спешит
по делам и заботам.
Жизнь продолжается
маревом буден,
И палачи на местах
по субботам.

Дряхлый тиран —
сердцевина нарыва,
Пухнет,
гноится подлостью беса.
Без перерыва,
без перерыва —

Красная месса,
красная месса!

Ленин в чернильницу
комкает мякиш —
Дети в слезах —
удивительно мило!
Звонкий Квитко,
основательный Маркиш...
Кто-то вам даст
молоко на чернила?..

Где-то мужают
отцы перестройки,
Вверх пробиваются —
злы и речисты.
Чёрные вороны.
Красные тройки...
Вам на Голгофу,
антифашисты!

Гаснет надежда,
даже не тлея...
Строки вразброд —
и дрожу и немею...
Рухнет звездой
Мать наша Лея,
Ада круги задымят
перед нею...

Иеремия!
Плачь же...
О, Б-же...
Слёз не найти
на рыдание это...
Сердца разрывом —
за что же,
за что же?..
Небо молчит.
Не дожждаться ответа...

13 августа 1995 г., Johnstown

ПАМЯТИ МИХОЭЛСА

Мы жнём порой не то, что сеем.
О, смолкший горестный актёр!
Тебе бы рядом с Моисеем
Раскинуть на камнях шатёр.

И в море, что не знает брода,
Открыть нездешней мощью брод.
Свобода, Г-ди, Свобода!
Из плена вывести Народ.

Ты — Дух Отцов, живой как Евер,
Бездонье сердца и ума.
Но жребий Твой — колючий Север
И век, жестокий, как чума.

Гремят оркестры и оковы,
Безделица — Неронов Рим.
А Ты — молочник местечковый,
Что робок, но непокорим.

Тогда — в ночном, промёрзшем Минске
Что Ты прочёл в зрачках горилл?
Могучий Лир, Король Английский
На Идише заговорил.
И новый век, и небо чисто,
И утро наполняет грудь.
Тиран, страшившийся Артиста,
Да будь ты проклят, проклят будь!

*12 января 2000 г.,
Johnstown*

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

ПОХОРОНЫ БАБУШКИ ЗИМОЙ 1953 ГОДА

Бабушка умерла в психиатрической больнице. Больница находилась за городом — сорок минут на электричке. В вагоне, кроме меня, было всего два-три человека: январь, пятница — будний день, рабочее время. Матери по графику как раз выпало дежурить в клинике. Новая заведующая, назначенная вместо арестованного профессора Когана, сказала матери, что заменить ее некем. Мать заплакала. Заведующая не сдерживала раздражения: «У вас в отделении пятьдесят туберкулезных больных. Вы о них подумали? Врач называется!» И предложила: если не согласна на дежурство, подать заявление об уходе. После того, как забрали отца, она всячески старалась выставить мать из клиники.

Бабушка свихнулась из-за смерти деда. Они прожили вместе сорок девять лет — дед всего год не дотянул до золотой свадьбы. Дед работал корректором в типографии, сколько я помню, всё в одной и той же, № 16, кажется (или, может быть, № 18), Полиграфпрома. Когда я был маленький еще до войны, он иногда брал меня к себе на работу. Его стол, покрытый пятнами черной типографской краски, помещался в отделенном фанерной перегородкой закутке у входа в наборный цех. На столе в раз и навсегда заведенном порядке был расположен дедов рабочий инструмент: аккуратно отточенные красный, синий, простой карандаши и несколько ручек с вставным пером в высокой жестяной коробке из-под ячменного ко-

фе, фаянсовая чернильница-непроливайка и тяжелая металлическая линейка — по одному краю деления, соответствующие сантиметрам и миллиметрам, по другому — типографским пунктам, обозначавшим размеры шрифтов. Над столом висела яркая лампа под жестяным абажуром-рефлектором, черным снаружи и белым изнутри; с помощью шнура, двигавшегося на двух фарфоровых роликах, лампу можно было поднимать высоко под потолок или опускать к самой столешнице. В типографии дед надевал серый халат, свободно висевший на его тощей сутуловатой фигуре, а поверх натягивал еще и черные нарукавники, отчего-то сразу придававшие ему значимости. Он водружал очки на свой горбатый с багровой переносицей нос и усаживался за работу. Из цеха доносился металлический стрекот линотипов, в комнату к деду входили люди, клали на стол влажные, высохшие на глазах гранки пробных оттисков, сильно пахнувшие краской, — дед, не разгибаясь, читал и читал их, одну за другой. Он обмакивал перо в непроливайку и ставил особенные значки в набранном тексте и на полях, иногда обводя их красным или синим кружком или сопровождая какой-то надписью. В типографии в ту пору было еще много ручного набора, и, когда я бывал там, дед отводил меня к своему давнему приятелю Михеичу. Михеич давал мне маленькую верстатку: высунув от старательности язык, я выискивал в ящичках наборной кассы нужные литеры самого крупного кегля и выкладывал в верстатке свое имя, наоборот, справа налево, чтобы на оттиске получилось как нужно. В октябре 1941 года, когда немцы подошли к Москве, дед, только что перешагнувший за шестьдесят, записался в ополчение. Командир отряда, посланного рыть окопы, приглядевшись к деду, отправил его домой, но тот вместо этого отправился в военкомат и по соб-

ственному его выражению, «крупно» там поговорил. Он произнес свою любимую фразу: «Печатники — передовой отряд рабочего класса» — и был назначен в военную газету, где служил наборщиком и одновременно корректором до самой победы. С войны, кроме дежурных медалей «за взятие» и «за участие», он привез орден Красной звезды, которым очень гордился. Он любил рассказывать, как сотрудников газеты — редактора, очеркистов и поэта — после какой-то важной операции представили к наградам, но главный генерал, чуть ли даже не маршал, пробежав список, сердито заметил: «А что, рабочие в выпуске газеты не участвуют?» — в результате дед и печатник получили ордена, а поэт — медаль, чего не мог простить деду. Отвоевав, дед вернулся в родную типографию, влез в свой халат и нарукавники и несколько лет привычно вычитывал гранки, пока не случилась беда. В типографии с давних времен заваялся комплект еврейского шрифта, в связи с чем сделалось возможным принять от Еврейского антифашистского комитета заказ на издание какой-то брошюры. Стали искать наборщика и корректора, и тут дед, который знал идиш, предложил, что в сверхурочное время сам наберет и вычитает книжку. Была уже готова верстка, но Еврейский комитет разогнали, начались аресты, брошюра, которую набирал дед, оказалась враждебной, ему приказали собрать оригинал и все корректуры до единого листка и сдать. Директор типографии уважал деда, но у него в кабинете сидели сотрудник из райкома партии и еще один сотрудник, не снявший габардинового плаща и смотревший в сторону. Лицо у директора было совсем потерянное, сильно повысив голос, он начал выговаривать деду за то, что тот оказался политически близоруким, потерял бдительность: пять раз, наверно, читал слово за словом текст и не понял, что брошюра

враждебная, не доложил куда следует. Деду было жалко директора, но он его перебил: «Что вы на меня кричите! Я воевал за родину, имею боевые награды. И за всю жизнь не пропустил ни одной ошибки». Директор сказал: «Вы уволены. Я уже подписал приказ. Подите получите расчет». И прибавил утешающе: «Вы еще хорошо отделались». Сотрудник в габардиновом плаще кашлянул, ни на кого не глядя. Дед за расчетом не пошел, — поднялся в свой закуток, сложил в старенький портфель халат, нарукавники, карандаши, ручки, чернильницу-непроливайку — это было его личное имущество — и впервые за долго до конца смены покинул типографию. Дома он пошумел, убеждал бабушку, что уж он-то не пропадет, напомнил ей, что печатники — передовой отряд рабочего класса, и вдруг сказал: «Что-то мне от всей этой чепухи захотелось выпить пива». «Если захотелось, так выпей», — бабушка всегда соглашалась с дедом. Он спустился в гастроном, который располагался на первом этаже нашего дома, взять бутылочку, а через пять минут прибежала оказавшаяся в эту пору в магазине соседка и закричала, что деду плохо. Бабушка нашла его уже мертвым. Он лежал, облепленный опилками, которыми был посыпан пол в винном отделе. Его хоронили официально, — наверно, так, как ему хотелось, чтобы его хоронили. Гроб установили в клубе типографии, в ногах, на красных подушечках, орден Красной звезды и медали, директор даже сказал в речи, что дед умер на боевом посту. После похорон бабушка сразу поникла, перестала хлопотать по хозяйству и больше молчала. Она целый день сидела у окна и смотрела на двухэтажное здание соседнего детского сада и дворик перед ним. Утром родители приводили в сад своих малышей, вечером забирали обратно, днем дети играли во дворе в снежки и лепили снежную бабу. Однажды бабушка кив-

нула на соседнее здание и сказала маме: «Я сегодня ходила к Яше, он как раз приехал из Харбина». Яков был бабушкин старший брат, умерший от тифа еще во время гражданской войны. Мама спросила осторожно: «А зачем он ездил в Харбин?» — «По торговому делу», — ответила бабушка...

Дневная электричка ехала не разгоняясь, со всеми остановками. За мутным, заляпанным брызгами грязи вагонным окном тянулись однообразные белые поля, навстречу поезду неспешно бежали телеграфные столбы, протянутый между ними провод то поднимался к верхнему краю окна, то, будто падая, опускался вниз. Иногда среди поля серело длинное, приземистое барачное строение или вырастали вдаль унылые деревья перелеска, сквозь их голые рыжеватые ветви просвечивало ровное серое небо. Я держал на коленях мягкий и теплый сверток, даже сквозь вязаные перчатки я чувствовал его мягкость и теплоту. Это была большая кашемировая шаль, украшенная по краю золотисто-черным узором, — покойная бабушка называла ее «индийской» и долгие годы берегла для своих похорон вместо савана.

О смерти бабушки позвонили из больницы накануне, рано утром, и я тотчас отправился туда. От станции короче всего было идти лесной дорогой, четверть часа, — шагая, я глубоко проминал подсыпавший за ночь снег и оставлял за собой цепочку темных следов. Мерзлые веточки, шишки, сосновая хвоя, запорошенные снегом, хрустели у меня под ногами. В последнее предвоенное лето мы снимали в этих местах дачу — две комнатки с террасой. Мать с отцом всю неделю пропадали на работе и показывались только по выходным, дед, хоть и приезжал каждый вечер, на рассвете снова спешил в город, в свою типографию, — я проводил время вдвоем с бабушкой. То лето, как и полагалось предвоенному, выдалось

грибным, бабушка была мастерица собирать грибы, мы приносили из лесу полные корзины. Дома, раскладывая их, мы особо отделяли круглые, покрытые липкой слизью валуи, — многие считают этот гриб несъедобным, но бабушка именовала их «груздями», солила каким-то известным ей способом и пекла с ними вкусные пироги.

Старшего санитаря в отделении, где последние полтора года обитала бабушка, звали Сергеем. Огромного роста атлет, с крупными чертами красивого мужественного лица и стриженной наголо, под машинку, головой, он был человек добрый и покладистый. Сергей отвел меня в «патанатомию», небольшое кирпичное здание на краю больничного двора. Мы миновали служебный коридор, где на полках в стеклянных сосудах плавали в спирту серые препараты, секционную с тусклым цинковым столом и спустились в пропахший формалином подвал. В подвале на каменном возвышении, похожем на скамью в банном зале, выложенном тем же серым кафелем, что и пол, лежала бабушка. Она была совершенно обнажена, и меня сразу удивило несоответствие ее сморщенного, потемневшего, как у мумии, лица и белого с молодой гладкой кожей маленького тела. Я обычно навещал бабушку раза два в месяц, привозил ей фрукты и глазированные медовые пряники, до которых она была охотница, и уже привык к этому ее собравшемуся в морщинистый комочек лицу, к ее сторбившейся, сократившейся чуть не вдвое фигурке, но едва я расставался с нею, она виделась мне такой, какой я помнил ее в былые годы, — полная, с благородной осанкой, мягкими приятными чертами лица и лучистыми зеленовато-серыми глазами. «Вскрывать не будут, — сказал Сергей, из уважения к моменту стоявший несколько минут молча за моей спиной. — Дело ясное. Воспаление легких. У них каждый второй —

воспаление легких. Потому как сознания нет. Не замечают сквозняка». Мы снова помолчали. «Хоронить когда будете? — спросил Сергей. — У вашей нации положено быстро хоронить». — «А когда можно?» — «Да хоть завтра. У меня тут брат-близнец рабочим на кладбище, все за вечер и устроим. И похоронная мастерская там же — на предмет гроба». — «Да, хорошо бы побыстрее», — сказал я, представив себе, как бабушка лежит одна, обнаженная, в темноте, на холодном кафеле.

Кладбище оказалось больше, чем я ожидал. Оно занимало значительное пространство поля и даже кусок леса, отделявшего поселок, на краю которого стояла больница, от железной дороги. Сергей объяснил, что хоронят здесь не только поселковых, но и деревенских из окрестных деревень, везут даже из Красноармейска, промышленного города километрах в пятнадцати отсюда, там имеется силикатный завод.

Брат Сергея, точь-в-точь на него похожий, — только заметный белый шрам на лбу разделял надвое бровь, — с двумя другими рабочими играл в кладбищенской конторе в домино. Братья поговорили коротко, и Алексей, так звали второго, пообещал к завтраму все устроить. «Часа в два, в три дня и похороним, раньше не получится: пока гроб, пока то да се, и земля мерзлая, копать тяжело. Ну, пошли, что ли, место выберем». Он бросил короткую лопату на плечо, и мы вышли из конторы. Мы долго плутали между крестами, бедными цементными плитами, пирамидками со звездочкой на вершине и без нее, мои полуботинки были набиты снегом, и мокрым ногам от ходьбы сделалось горячо. Алексей оказался таким же услужливым, как брат, старался выбрать место получше.

«А вы что же, по обряду не хотите хоронить? Или опасаетесь?» — вдруг спросил он. — «А разве здесь можно

по обряду?» — «Как раз здесь и можно. Вон, на дальнем конце, ближе к лесу, еврейский участок. Вы не знали разве? Сюда даже из Москвы приезжают. Дешевле и шуму меньше. Там и сторожка своя, сделают, что положено. И старичок хороший, Исаак, дадите ему пятерочку, он помолится».

Бабушка происходила из сибирских евреев, сильно обрусевших. Еврейское имя ее было Нехама, но все звали ее Надеждой, так и в паспорте значилось. Молитв она не знала, разве что несколько ходовых речений, которые произносила вздыхая, когда ей грустилось или не спалось ночью. Я никогда не слышал, чтобы она напевала еврейскую песню, и сказки мне, маленькому, рассказывала русские. Но раз в год, в Йом-Кипур, она непременно посещала синагогу, и на Пасху у нее неведомо откуда столь же непременно появлялся прямоугольный, из серой оберточной бумаги пакет с мацой, — доставать ее было не просто, а подчас и опасно. Я вспомнил кашемировую «индийскую» шаль, которую видел с детства упрятанную в черный бархатный мешочек, бабушка постоянно напоминала домашним, чтобы ее похоронили в этой шали. «Хорошо, — сказал я, — давайте по обряду». Мы выбрались на широкую утоптанную аллею и пошли в сторону леса на еврейский участок.

— А я думал, остерегайтесь, — сказал Алексей. — Сейчас у вашей нации время такое, многие боятся по обряду хоронить. Чтоб молитву петить или там кричать что положено.

— У нас в больнице консультант был, Шапиро, профессор, — сказал Сергей. — Душевный человек. Всех расспросит, со всеми за руку. Посадили. Говорят: вредитель.

— Они наговорят, их только слушай, — отозвался Алексей и перекинул лопату на другое плечо. — Говорить они мастера!

Братья, оба огромные, выше меня на голову, продолжали негромко беседовать, я, сутулясь, молча брел между ними, слушал их крамольные речи и тосковал от страха.

Старичок был маленький, в серой заношенной солдатской шапке с наушниками, завязанными тесемками под седой всклокоченной бородой, в длинном старомодном пальто с ветхим меховым воротником и в валенках. Он утирал ладонью в шерстяной рукавице покрасневший, влажный носик, его выцветшие глаза беззащитно круглились в красном, без ресниц ободке воспаленных век. Старичка звали Исаак Самойлович.

— По обряду? — нервно вскрикнул Исаак Самойлович. — Вы мне можете собрать миньян? Тогда зачем вы говорите: по обряду? Вы что, не знаете, что кадиш ятом читают только в миньяне?

Я молчал: никогда прежде я не слышал ни про миньян, который должен собрать, ни про кадиш ятом.

— Слушайте меня, — делая вид, что успокаивается, объяснил Исаак Самойлович. — Чтобы прочитать кадиш ятом, молитву сироты, надо иметь десять мужчин. Если вы не имеете десять мужчин, значит, вы не имеете миньян. Вы меня поняли? А если вы не имеете миньян, о каком «по обряду» может идти речь!

— Я не имею десять мужчин, — сказал я. — И не смогу собрать... Как это называется?

— Это называется — миньян! — с укором выкрикнул Исаак Самойлович и, страдая за меня, по-библейски возложил руки себе на голову.

— Нас четверо, еще помощник мой будет, — уже пять... — прикинул Алексей; он стоял, пригнувшись, опираясь обеими руками на короткий черенок лопаты.

Старик замахал руками:

— Алексей! При чем здесь вы или Сережа? Я к вам очень хорошо отношусь. Но мне надо десять евреев.

— С тобой, Исаак, не заскучаешь, — весело покачал головой Алексей. — Пять... Десять... А если он один хоронить желает? Уважил бы хорошего человека.

— Что значит уважил! — почти прорыдал Исаак Самойлович. — Что значит хороший! Плохой! Пусть он будет сам царь Давид! Миньян или есть или его нет.

— Может, попробовать больных привести: в мужском отделении вашей нации имеются, — всерьез предложил Сергей. — Там только заведующий вредный. Раньше хороший был. Перевели рядовым в приемный покой.

— Раньше! Раньше здесь было погребальное братство, — горячо заговорил Исаак Самойлович. — Благочестивые евреи приезжали хоронить своих покойников. Даже тех, кого они живыми в глаза не видели. Но вдруг выяснилось, что теперь в пасхальный сейдер запрещено говорить: «В будущем году в Иерусалиме». Две тысячи лет это можно было говорить, а теперь нельзя. И троих арестовали. И евреи, конечно, стали побаиваться приезжать. Ведь где-нибудь вас могут спросить: кто это вам был, кого вы хороните? Сват? Брат? Нет? Так зачем вам его хоронить? А с тех пор, как объявили про врачей-убийц, уже никто не приезжает. Но неужели у вас, — он повернулся ко мне, — нет родных и близких покойной?

— У покойной есть родные и близкие, — сказал я. — Но мой отец как раз из этих самых врачей-убийц, про которых объявили. И я стараюсь не общаться с родными и близкими, чтобы не доставить им неприятностей. К тому же завтра пятница, надо отпрашиваться с работы. А родные и близкие очень боятся ее потерять. Поэтому давайте похороним бабушку не по обряду.

— Что значит не по обряду! — застонал Исаак Самойлович. — Мы сделаем все, что нужно. Только я должен вас предупредить, что вы не будете чи-

тать кадиш ятом. Ваша мама, конечно, придет на похороны?

— Если начальница отпустит.

— Боже мой! Найдите хотя бы женщину-еврейку, которая в больнице оденет покойную. У нас теперь этого не делают, — он показал на небольшой домик в отдалении; обитая изорванным черным дерматином дверь была на треть завалена снегом. — Здесь больше никого нет. Я один.

— Женщину я приведу, — сказал Сергей. — В нашем отделении есть одна. В самый раз.

Маму, как я уже упомянул, на похороны не отпустили. Я ехал один в почти пустом вагоне, в руках у меня был теплый бабушкин саван, а в кармане большая, ноль семьдесят пять, бутылка азербайджанского вина «Кюрдамир» — Алексей накануне попросил привезти «красненького», чтобы тут же, на кладбище и помянуть. Сергей, принаряженный по случаю события (вместо обычного халата и ватника — черный флотский бушлат с золотыми пуговицами, в вырезе на груди переливалась полосками тельняшка), ждал меня у крыльца «патанатомии». Рядом с ним стояла молодая женщина в накинутом на плечи шерстяном платке, очень красивая, с желтовато-смуглым лицом, длинными черными волосами, собранными на затылке в большой небрежный пучок, и сияющими черными глазами. Казалось, она забрела сюда откуда-то из другого полушария. Едва я приблизился, женщина, протягивая ко мне руки, быстро двинулась навстречу: «Не отчаивайтесь. Ваша бабушка была святая. Она уже одарила нас. Теперь она нужна в ином месте». Она говорила горячо, задыхаясь.

— Ладно, Вика, кончай самодеятельность, — оборвал ее речь Сергей. — Пойдем бабушку обряжать.

— Терпеть не могу отчаяния, — вдруг сердито посмотрела на меня Вика и, потеряв ко мне всякий интерес, резко повернулась и отступила назад к Сергею. Я

протянул ей сверток с бабушкиной шалью, они скрылись в дверях «патанатомии», я остался ждать на улице.

Через четверть часа Сергей позвал меня в небольшой зал для прощания. Одна стена зала, что напротив двери, была завешана куском пропыленной красной материи с поперечной черной полосой. Торцом к ней возвышался постамент для гроба, обтянутый черным истершимся бархатом. Но бабушкин гроб стоял на полу — самый простой, некрашенный, про такие говорят: «пять досок сбито». «У ваших ведь на пол ставят», — то ли спросил меня Сергей, то ли подтвердил нечто, ему известное. Я пожал плечами: может быть, и на пол.

Бабушка лежала, завернутая в белую кашемировую шаль, между складок которой темнело ее маленькое лицо, прекрасное своим запечатленным покоем. Вика шагнула к изголовью, вскинула голову и, полуприкрыв жарко сияющие глаза, прочитала:

*Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает
И разом стени надо мной
Все обаянье воскрешает...*

— Ах, артистка ты моя! — Сергей подошел к ней сзади, заботливо расправил платок на ее узких плечах. — Смотри, на полдник не опоздай.

Она обернулась и одарила его такой улыбкой, что у меня, несмотря на неподобающие обстоятельства, сердце сжалось, — что не отдашь за такую улыбку!..

Мы с Сергеем вынесли нетяжелый гроб на улицу, накрыли его крышкой, поставили на двухколесную тележку и двинулись в сторону кладбища. Сергей толкал перед собой тележку, я шел сзади, рукой придерживая гроб. За нами увязался какой-то больной, невесть от куда взявшийся, с толстым животом и одутловатым лицом; его большая лысая голова была прикрыта военной фуражкой с красной звездочкой. Сергей добродушно махнул рукой: «Пусть его!

Он тут у нас каждой бочке затычка. Ассистент!» Погрозил больному пальцем: «Смотри у меня, Колобок, чтоб ниже воды, тише травы!» Колобок почтительно приложил ладонь к лакированному козырьку фуражки.

На кладбище все уже было готово. Куча вынутой земли ярко желтела на снегу. Алексей и его помощник стояли, опираясь на лопаты; через плечо у Алексея висела сложенная в несколько раз веревка. Исаак Самойлович стоял в сторонке и, сняв с одной руки варежку, перелистывал маленькую растрепанную книгу в черном кожаном переплете. Алексей и его помощник сняли крышку со стоявшего на тележке гроба. То ли мне почудилось, то ли в самом деле, от мороза, но лицо бабушки как будто разгладилось. Я вдруг увидел, как мама похожа на нее. Я нагнулся было поцеловать бабушку, но старик удержал меня: «Нет, нет, к ней уже нельзя прикасаться!» Он встал возле меня, открыл книгу и начал, раскачиваясь, быстро читать на непонятном языке. Я не знал, что он читает, как не знали этого ни Сергей, ни Алексей, ни его помощник, чернявый парень в брезентовой робе, несмотря на мороз все время утиравший пот со лба, ни сумасшедший Колобок, на отечном лице которого, казалось, проклюнулось выражение интереса к происходящему. Исаак Самойлович то возвышал голос, даже выкрикивал какие-то слова, то бормотал что-то совсем тихо, то разгонялся так, что невозможно было уже почувствовать просвета между словами и даже между фразами, то вдруг делал неожиданную паузу, и все мы вместе с ним переводили

ли дыхание. Потом он сунул книжку в карман пальто, минуту помолчал, собираясь с силами, — и вдруг запел.

Его высокий голос, неожиданно сильный для его возраста и маленького тела, страстно вибрируя, взметнулся над кладбищем, и столько было печали, тоски, тревожного томления в пении всклокоченного старичка с мокрым красным носиком и беззащитными птичьими глазами, что в какой-то миг, на немыслимо высокой ноте я почувствовал: если звук этот сейчас не оборвется, не растворится в небе, я сам умру от нехватки воздуха. Колобок вдруг, не отворачиваясь, начал шумно мочиться; горячая жидкость буравила в снегу глу-

бокое едко-золотистое по краю отверстие. «Катись отсюда, сука! — прошипел Алексей. — Вот двину лопатой по заднице!» — «Да что ты, Алеша, — остановил его Сергей. — Он же дитя малое, у него же сознания никакого нет...»

Исаак Самойлович между тем допел молитву, снова помолчал, слегка повернулся к бабушке и, обращаясь к ней, заговорил — с проникновенными интонациями, но уже не раскачиваясь. По звучанию речи я сообразил, что он перешел на идиш. Он говорил недолго, закончив, тотчас повторил сказанное по-русски: «Дорогая бабушка, вот здесь твой внук от твоей любимой дочери, и от твоего любимого зятя, и от себя лично провожает тебя в лучший мир. И они все, и твоя дочь, и твой зять, и твой внук, пусть им будет долгая и хорошая жизнь, всегда будут тебя любить и помнить. И мы все знаем, что тебе будет там хорошо. И мы тебя просим, чтоб ты была наша заступница перед Богом, и чтобы не было войны, и чтобы не было больше фашизма, и чтобы твоя любимая дочь, и твой любимый зять, и твой любимый внук, и все твои родные были живы и здоровы и делали друг другу радость. Амен».

Алексей с помощником начали заколачивать гроб. Удары молотка короткими выстрелами раздавались в пустом, тихом воздухе. Колобок стоял «смирно», приложив руку к козырьку. «Какая ваша бабушка красивая, — сказал мне Исаак Самойлович. — А какая счастливая! Сегодня пятница, и с первой звездой она уже будет там». Алексей с помощником переставили гроб на землю и подвели под него веревку. Сергей откатил тележку в сторону. Могила была вырыта искусно, стенки ровные, будто тесаные, с обрубленными заподлицо корнями сосен, крутизна, как по отвесу; на дно ямы Алексей настелил еловых веток. Мы бросили на крышку гроба по горстке земли. Исаак Самойлович тотчас заторопился: «Мне пора. Сегодня,

знаете, такой вечер, пятница, — упаси Бог, боюсь въехать в субботу».

— Это как же? — спросил Сергей.

— В субботу еврей должен ходить пешком. И надо так, чтобы звезда не застала меня в электричке.

— Ну, придумали! — Алексей быстро забрасывал яму землей. — Ты бы нам хоть растолковал, Исаак, в чем тут смысл, чтобы по субботам на электричке не ездить.

— Что значит, в чем смысл! — вскинулся старик. — Вы же умный человек, Алексей! Бог, который создал небо и землю, создал нас, создал все, попросил, чтобы на седьмой день, когда Он закончил труд свой, мы не ездили, а ходили пешком. Так что? По-вашему: я должен его спрашивать, в чем смысл? Может быть, мне спросить у Него, в чем смысл создания неба и земли? Что мы знаем, чтобы спрашивать Его: в чем смысл!

— А надо бы! — Алексей с размаху вонзил лопату в землю. — Вашу нацию немцы почти начисто истребили, а теперь, кто в живых остался, тем здесь покоя не дают. А ты боишься спросить: в чем смысл.

— В Библии, Алексей, написано про одного человека, его звали Йов. Благочестивый человек, угодный Богу. И Бог дал ему всё: и детей, и богатство, и скот, и дела у него шло хорошо. Но однажды Бог всё у него отнял. Он сидел, изъеденный проказой, за оградой селения, черепком сдирав с себя струпья — и думал. И когда он понял, что нельзя спрашивать Бога о том, чего нам не дано разуместь, Бог снова вернул ему и здоровье, и детей, и богатство — и всего вдвое больше, чем он имел прежде.

— Ну, это басни. А вот я тебе расскажу, что я своими глазами в Польше видел.

— Да отпусти ты его, Алеша! Что ты к нему пристал, — сказал Сергей. — Он и правда на свою электричку опоздает.

Я собрался было ехать вместе со стариком, но Алексей остановил меня:

— Как же так? Мы ведь помянуть хотели. Выпьем тут по стаканчику, а потом и в поселок можно. Там чайная. А то нехорошо получается: твою бабушку похоронили, а поминать без тебя?

— И правда, — поддержал брата Сергей. — Посидим по-хорошему. Если вы про деньги, вы не тревожьтесь. Сосчитаемся как-нибудь.

Денег у меня и правда было в обрез: только расплатиться со всеми; одну пятерку я оставлял себе на всякий случай. Я дал Исааку Самойловичу пять рублей, как договорились. Он аккуратно сложил бумажку и спрятал в рукавицу.

— Не сердись, Исаак, — сказал Алексей. — Хорошо бы, все по-твоему вышло: Бог взял, Бог дал. Да только хрен дождешься. В понедельник-то приедешь?

— Кто знает, что будет в понедельник! — и старик засеменил к лесу. Алексей откупорил «Кюрдамир», чернявый помощник достал из холщовой торбы, повешенной на соседней оградке, три граненых стакана.

— Сергей у нас непьющий, — засмеялся Алексей. — Красна девица.

— А мне с вами и без вина хорошо.

— Ну, ладно, по коням. — Алексей поднял стакан. — Давайте, значит, за помин души... Как твою бабушку-то звали?

— Нехама.

— А по-нашему?

— Надежда.

— ...За помин души рабы Божией Надежды. Слышал, Исаак сказал: ба-

бушка твоя особенная. Только зарыли — и сегодня уже в раю. Он налил в свой стакан еще немного, протянул Колобку.

— Не надо бы ему, — попросил Сергей.

— Ничего. Хоть и псих, а тоже живой человек.

Колобок быстро опрокинул в рот вино и взял под козырек.

— Погодите, ребята. Я сейчас вернусь.

Старик оказался легче на ногу, чем я ожидал. Я догнал его уже на середине пути к станции.

— Исаак Самойлович. Вот. У меня остались.

Я протянул ему замеченную на всякий случай пятерку. Он поблагодарил, слегка наклонив голову, свернул бумажку маленьким аккуратным квадратиком и снова затолкал в рукавицу.

— Спасибо, Исаак Самойлович, — мне стало ужасно жалко расставаться со стариком.

— Ну, что вы. Какое спасибо. Вы даже не прочитали кадиш ятом. Но без миньяна никак нельзя. Вы уж меня извините, у меня электричка.

— Прощайте, Исаак Самойлович.

Он взял мою руку в свою маленькую, холодную, как снег, ладонь.

— Прощайте. И главное — не отчаивайтесь. Все будет хорошо. И скажите это вашей маме. Что все будет хорошо. У меня, знаете, дочь и две внучки погибли в Минском гетто. И вот видите — живу.

Владимир Порудоминский — писатель и историк, автор многих книг по истории русской культуры, главным образом, биографических. В последние годы выступает в Российской и зарубежной периодике с рассказами и повестями. Восемь лет занимался подготовкой к изданию чудом уцелевших записок узника Виленского гетто Григория Шура, убитого нацистами в 1944 году. Эта книга уже вышла в свет на голландском, немецком, русском, литовском и итальянском языках.

Цви ПРЕЙГЕРЗОН ИВРИТ

Прошло много дней, но моей вой- не со следователем не было видно конца. Впрочем, какая между нами могла быть война! Воевать со мной следователю было легко и просто — ему же государство помогало, система! Вот он и свирепствовал, как хотел. А что мог я? Замученный и беззащит- ный, брюки висят — вот-вот упадут, если их не держать... Кругом железо, решетки... И пудовая дверь, за кото- рой круглые сутки бдит мой «страж». День и ночь он ходит по коридору, и шаг его тверд, как поступь державы! Постоянно, в одно и то же время, кла- цает железный волчок — мое окно в мир, — я и поныне вздрагиваю, вспо- миная его скрипучий, резкий звук.

Мой следователь — коренастый, при- земистый мужик. Желтоватое лицо его — ни то ни се, так себе, никакое. Смотрит, будто хочет пронзить тебя взглядом. С ним-то мы и «коротаем» все эти долгие ночи, полные жуткой яви...

Теперь, когда все уже позади, ка- жется, что совсем недавно это было, — погибли миллионы евреев, и в ми- ре перестала существовать треть ев- рейского народа! А вскоре после этого родилось государство Израиль. Заси- явшие глаза евреев тотчас же устреми- лись в сторону молодой страны. С на- деждой поглядывали туда и советские евреи, но в глазах советских властей было совсем другое — вражда, затаен- ная ненависть. Стояло время, когда все мы кланялись одной иконе, когда тюремно-лагерная сеть покрывала просторы огромной страны, и самый большой в мире аппарат исполнителей отстреливал население своего государ- ства. Война уже закончилась, но от- ныне в воспаленном мозгу «хозяина» неотвязно стучала мысль: с евреями пора кончать!

Сказано — сделано! Еврейская культура была уничтожена, начались повальные аресты. Но главное и, как оказалось, самое страшное, нас ожи- дало впереди, да только — не успел, родимый! Неудивительно, что на всем этом зарешеченном пространстве рас- терзанной страны осталось немного смельчаков — любителей иврита. А среди них и мы — я, мой давний друг Шмуэль и прилепившийся к нам не- кий Шрага Вайсфиш, «в миру» Сере- жа. Так вот, этот самый Сережа совал свой нос везде и всюду, где только пахло еврейским духом. А этим «пах- ло» сильно, поэтому он бегал к нам и к таким, как мы. И поскольку я был занят своей основной, инженерной работой, то мне было просто некогда копаться в душевных качествах на- шего молодого знакомца. Но зная, что Шмуэль был к нему расположен, я не стал противиться завязавшейся с ним дружбе.

Вскоре он попросил меня обучить его ивриту и, таким образом, застрял в моем доме в качестве постоянного гостя и ученика. И пусть его знания были неглубоки, но, каюсь, мне было лестно сознавать, что я его чему-то выучил.

Однажды Сережа взял у меня один из моих рассказов. Он знал, что я дав- но пишу на иврите и что в этом я ви- дел смысл моей жизни. Кстати, случи- лось это как раз в то время, когда на Израиль напали соседние государства, и было неясно, что об этом думает наш могучий СССР. Хотя вроде бы Громыко уже произнес свою речь в ООН, где голосовал за Израиль, и на- ши страны успели обменяться посоль- ствами. Однако мы, советские евреи, далеко зашли тогда в наших мечтани- ях. Поэтому, да и не только поэтому, когда в июне сорок восьмого в боль- шой московской синагоге состоялось собрание, сюда набежало столько на- роду, что яблоку негде было упасть, и большая толпа не попавших вовнутрь

осталась стоять на улице. Синагога была украшена зелеными ветками, а вдоль ее фасада тянулся транспарант: «НАРОД ИЗРАИЛЯ ЖИВ!»

Руководители еврейской религиозной общины, воодушевленные невиданным зрелищем, решили послать приветственные телеграммы Сталину, Бен-Гуриону и главному раввину Израиля. Кантор и хор спели подходящие случаю молитвы, а также исполнили «Изкор», поминальную, — по уничтоженным нацистами миллионам.

А когда по субботам и праздникам в синагоге появлялась Голда Меир, то сейчас трудно даже представить себе, какое возбуждение царило среди евреев и как они толпами устремлялись туда. Дошло до того, что многие из молодых порывались немедленно, сей же час, отправиться в Израиль, чтобы помочь своему народу выстоять в неравной борьбе... Тут пошли повальные аресты, и я, как и многие другие, попал вначале на Лубянку, а после в другую тюрьму. Так начались «ночные посиделки» с моим майором.

На первом же допросе он меня озадачил:

— За что тебя арестовали?

Я удивился и сказал:

— Вам лучше знать, вы же меня арестовали!

— Ах ты!.. — заорал он, употребив известные примеры матерного фольклора. И припугнул, что я напрасно пытаюсь скрыть свои преступления, ибо у них уже имеются все обвинительные материалы. Я растерялся. Мне стало ясно, что отныне мне придется провести в камере долгое время... За дверью по коридору вышагивал охранник, его гулкие шаги и монотонный лязг «глазка», казалось, били по мозгам. Эти звуки кого угодно могли свести с ума. Что, между прочим, не так уж редко и случалось...

И снова ночь, и снова допрос. В который раз я сажусь за столик, — его холодная, шершавая поверхность покрыта чернильными пятнами. Но я-то знаю, что на самом деле это не пятна, а застывшие крики измученных душ моих предшественников...

Когда меня привели в очередной раз на допрос, следователь ударил меня сапогом и деловито перешел к допросу «с пристрастием». В комнату вошел полковник, крепкий сорокалетний мужчина с глазами навывкате.

— Ну, как? — спросил он следователя, ткнув пальцем в мою сторону.

— Молчит, б!..

Остановив на мне каменный взгляд, полковник усмехнулся и сказал, что я, должно быть, не понимаю, где нахожусь. А для того, чтобы у меня не оставалось никаких сомнений на этот счет, он так врезал мне кулаком между глаз, что я отлетел к стене... Я всегда, когда вспоминаю об этом, воздаю ему должное, — удар был мастерский, он отлично знал свое дело! Потом он, как ни в чем не бывало, сказал следователю:

— Пошли обедать!

Голова гудела и раскалывалась от боли, но я, неожиданно для самого себя, глотнув воздуха, громко произнес:

— Разрешите обратиться, гражданин полковник!

Насмешливо посмотрев на меня, он кивнул головой.

— Вчера меня избил гражданин следователь, сегодня вы... но ведь такие методы запрещены в нашей стране! Я требую встречи с прокурором!

Не успел я договорить, как полковник, злобно выругавшись, ударил меня в ухо. По щеке у меня поползла струйка крови, и я на мгновение ослеп. Делая усилие, чтобы не упасть, я закричал:

— Вы не разрешаете мне встретиться с прокурором, оскверняете русский язык, вы применяете недозволенные

меры, так знайте, что отныне я буду говорить с вами на моем родном языке, на иврите!

— В карцер его! — взревел полковник.

Хорошо сказать — «в карцер»! Это был темный шкаф в полуподвале, с цементным полом. В углу торчал треугольный выступ, так называемый стул, сидеть на котором было сущей пыткой. Прежде чем втолкнуть меня в этот стоячий гроб, с меня содрали одежду, оставив только рубашку. Утром и вечером я получал кусок хлеба и кружку воды. В этом полуподвале было много таких душегубок, и до меня доносились стоны и крики моих товарищей по несчастью. Дрожа от боли, холода, бессильного отчаяния, я упрямо приказывал себе: «Ты поклялся говорить на иврите, только на иврите!..» Сжавшись в комок, я провел там три дня, твердя как заклинание: «Иврит! Иврит! Только иврит!»

Наконец щелкнул замок, и меня вывели. Резкий переход из темноты в освещенную комнату, из холода в тепло подействовал на меня одуряюще. Меня била дрожь, и я с трудом смог сесть за арестантский столик.

— Ну? — начал следователь. — Будешь говорить?

— Я уже сказал: говорить буду только на иврите!..

— Ты у меня заговоришь! — заорал он, выплюнув очередной мат. Он нажал на кнопку, и в комнату вошли люди. Это мне сразу же не понравилось. Но я, как это и следовало арестованному, когда кто-то входит, встал. И понял, что дело плохо, очень плохо. Полковник, вращая рачьими глазами, медленно проговорил:

— Будешь говорить?

— Иврит! Рак иврит!

Он наотмашь ударил меня в лицо и разбил его в кровь. Вошедшие тесно обступили меня и замкнули круг. Избиение началось. Не знаю, сколько времени это длилось, но одно могу

сказать определенно: бить они умели. Я перестал чувствовать боль, и только какая-то безумно-веселая ненависть душила меня. Вдруг я боковым зрением заметил тень, скользнувшую за дверью, и кто-то тихо произнес:

— Достаточно!

В тот же миг круг разомкнулся, и все вышли. Остался только следователь. Он, как бы желая показать, что — ах, как же трудно ему прийти в себя после такого моего упрямства, картинно откинулся на спинку кресла и знаком велел мне сесть.

Я протянул ему на ладони свой сломанный зуб и громко сказал на иврите:

— Сволочь! Твои бандиты сломали мне челюсть!

— А ты не будь б..., тогда и бить не будут! — неожиданно примирительно ответил он. Зажег спичку и закурил папиросу. А я вдруг почувствовал свое превосходство над ним. Ведь я его понимал, а он меня — нисколько, ни полслова! А про зуб он понял, потому что я ему показал!

«Вот тебе, Амалек! — злорадствовал я. — За моей спиной сотни поколений, и всю свою жизнь им приходилось сражаться с подобными тебе тварями! Ты считаешь меня преступником, потому что я еврей, сын еврейского народа! Тебе велели стать моим мучителем и медленно меня убивать! А ты решил, что я сразу же в штаны наложу со страха, сдамся тебе, сволочь? За червя меня держишь? Думаешь, сломали мне челюсть, и я кинусь тебе ноги лизать? Как же, выкуси!.. Плевал я на тебя и на всю вашу свору! Могу тебе сообщить, что уже выросло то дерево, на котором тебя повесят! Тебя и тебе подобных!..»

Передо мной сидел обычный человек небольшого роста, в форме советского майора и в надраенных до тошноты сапогах. Он молча и тупо смотрел на меня. Потом вызвал солдата и велел отвести меня в камеру. За те три дня, что я просидел в карцере, я осно-

вательно запаршивел. Возблагодарив Бога за несомненное превосходство моего теперешнего положения, я помылся, как смог, и лег спать.

В шесть, как всегда, лязгнуло железо, и дежурный крикнул в глазок «подъем». Потом железо лязгнуло вновь, и мне выставили утреннее «угощение» — хлеб, кусочек сахара и кипяток. Я с жадностью проглотил все и почувствовал себя настоящим победителем над силами зла.

Прошел день, кончился вечер и в двадцать два тридцать меня снова повели на допрос. Следователь сразу сухо заявил, что если я буду по-прежнему упорствовать, то он, не откладывая, арестует мою жену и двенадцатилетнюю дочь. «Потому что, — сказал он мне, — все в твоей семье предатели и националисты!..»

Что я помню о тех ночах? Нестерпимую боль от побоев, когда я, с трудом ворочая языком, в беспамятстве упрямо повторял: «Иврит! Иврит! Только Иврит!»

И вдруг наступило затишье. Какое-то время про меня словно позабыли. Потому что прошла ночь — одна, другая и следующая, а меня все не зовут! Но зато я получил возможность отоспаться. Через несколько дней, однако, меня снова увели. Готовый ко всему, я сел на свое обычное место. Дверь отворилась, и в комнату вошел... Вайсфиш! Сережа, мой бывший ученик и гость! Но, похоже, он не был заключенным. Он вошел в комнату как свободный человек, как входил в нее сам следователь! И я должен был немедленно подняться, что и сделал. Он же, бросив на меня быстрый взгляд, спокойно сел рядом со следователем.

— Ты знаешь его? — спросил меня следователь. Напрягшись внутренне, я что-то промямлил, — мне надо было понять роль Вайсфиша.

— Он будет твоим переводчиком! — сказал следователь. Я удивился: подумать только, на всем пространстве могучей организации не нашлось никого, кроме этого подонка, которо-

го я, зря не послушавшись своего внутреннего голоса, в свое время не прогнал взащей.

— Очень, очень приятно, — произнес я на иврите, — приятно поговорить с человеком на языке, которому я же его и научил! Впрочем, — добавил я едко, — не уверен, что ты справишься со своими обязанностями, ты не был успевающим учеником!

Вайсфишу пришлось проглотить эту пиллюлю и в точности перевести следователю мои слова. Допрос начался.

— Сколько у тебя было учеников?

— Сергей Владимирович хорошо знает, что он был моим единственным учеником.

Потом следователь спросил, слушал ли я «голоса», какие, с кем и когда...

— Да, — отвечал я, — слушал часто по просьбе Сергея Владимировича и в его присутствии.

Вайсфиш при переводе последние слова опустил.

— Переведите полностью, Сережа! — потребовал я. Отведя глаза, он быстро проговорил:

— Последняя фраза непонятна...

— Тогда не играйте в переводчика! Мне кажется, я ясно выразился: вы сами хотели слушать «голоса»!

Вайсфиш перевел мои слова следователю, но добавил:

— Врет он все!

— Видишь, друга оговаривает! — укоряюще заметил следователь. «Друга» — это уже было чересчур! Это уже было похуже мата! Оно меня сильно обожгло, это слово, но я был вынужден сдержаться. И вдруг подумал: а что, если они потешаются надо мной — вот, мол, дурак, выучил нашего человека ивritу!..

Между тем следователь не сходил с этих «голосов». Я настаивал на том, что только слушал, а Вайсфиш обстоятельно комментировал их. Следователь сатанел, и допрос кончился побоями. Мой переводчик сидел, закинув ногу на ногу, и равнодушно глядел на происходящее.

Ай-я-й! Надо ж было такому случиться! Человек целых два года два раза в неделю аккуратно являлся ко мне в дом и, оказывается, после каждого своего посещения передавал в органы очередное донесение. Вот она, разбухшая папка его доносов, на столе... Да, пожалуй, допрос с этим «другом» сделался для меня горше всех карцеров и побоев!...

В тот день, когда меня уже перед самым рассветом вернули в камеру, я долго обдумывал свое положение. Со времени своего ареста я успел переви-дывать сотни заключенных, многие из которых, не выдержав, согнулись под тяжелой рукой своих следователей. А их семьи, раздавленные и оплеванные, с застывшим в глазах страхом!.. А крики из карцера!.. И еще этот негодяй — вон он! — сидит себе рядом со следо-вателем, как ни в чем не бывало, и спокойно курит!.. И ведь я сам вырастил им помощничка! Выходит, что он, «работая» теперь со мной, еще и у-пражняется в языке! Потому что там, на свободе, я занимался с ним два раза в неделю, теперь же я еженошно рабо-таю на них, улучшая его язык!.. Ярость душила меня, и тогда я твердо решил отомстить этому слизняку.

Но как? Запустить в него стулом? Смешно и наивно...

Оружие? Где ж его возьмешь? Каж-дая мелочь, все, что режет и колет, бы-ло у меня отобрано, даже пуговицы — и те были срезаны. Нет, так не годит-ся! Нужно немного поостыть и взять себя в руки. Да и вообще надо быть с ними начеку, как бы чего не заподоз-рили!.. И я долго и мучительно пытал-ся вспомнить, где же это я читал, что какая-то женщина ногтями вырвала глаз у своего обидчика! А, Гамсун! Ну конечно, он! Нет, не годится этот при-мер из литературы!.. И вдруг мне в го-лову пришла простая мысль: а что, ес-ли мне удастся ударить его ногой в пах и сделать навсегда инвалидом!

Итак, у меня родилась идея, и от-ныне я начал жить ею. На дворе все еще стояли холода — Вайсфиш прихо-дил в теплом пальто, и оно, это паль-то, мешало мне. «А вот в мае... — меч-тательно думал я, — когда он снимет это толстое пальто... Ну, а пока, брат, тренируй ногу!»

И я, с отвращением смотревший на тюремное пойло, отныне решил не

брезговать, есть все подряд, набираться сил, укреплять мускулы. И повнимательнее присмотреться к переводчику, чтобы правильно рассчитать удар. Словом, перспектива покалечить его подняла мое настроение, смягчив отчаяние, в котором я пребывал... А пока что «контора» наша работала, следовательно спрашивал, я отвечал на иврите, а Вайсфиш переводил.

Однажды следователь спросил меня:

— Почему ты не печатал свои рассказы здесь?

— В нашей стране иврит запрещен.

— Ты на вопрос отвечай!

— Чего он хочет, этот гой? — сказал я Вайсфишу, намеренно решив внести нотку близости в наши с ним отношения. Но мой бывший ученик на это не купился. Более того, он в точности перевел мои слова следователю, подчеркнув, что я ухожу от ответа.

— Вы неверно поняли меня, — попытался я спасти положение. — Я не печатался здесь, потому что не знал адреса издательства.

— Ах, адреса не знал! — процедил следователь.

Наступило время, когда они обычно уходили на обед, — что они и сделали, оставив со мной солдата. Мы с ним посидели молча с полчаса, но молчание это не было мне в тягость. Солдаты нас не били — это было привилегией начальства. Вскоре они вернулись с полными желудками и выражением удовлетворения на лице. Движения их сделались замедленными. Я не спускал глаз с Вайсфиша, и когда он на миг задержался у дверей, чтобы закурить, еле сдержал себя, чтобы не броситься на него. Я еще не был к этому готов, а он, как назло, словно подначивая меня, стоял так, что мне трудно было удержаться от искушения, тем более, что руки его были заняты...

— Сядь! — бросил мне следователь, когда я поднялся. Следователь ковырял

в зубах спичкой, Вайсфиш докуривал свой «Казбек». Внутри у меня все колотало, но внешне я оставался спокоен. В ту и в последующие ночи следователь интересовался только моими рассказами. Но это была наша так называемая ночная жизнь. В дневное же время я упражнял ногу, ухитряясь делать это так, чтобы не заметил надзиратель. Благо, мне теперь было чем заполнить тянувшееся, как резина, тюремное время. Предо мной стояла определенная задача, теперь все мои помыслы занимал Вайсфиш да моя правая нога. Вот поднялся «глазок» — это надзиратель интересуется, не заснул ли я, чего доброго! Но я тут как тут, мои глаза послушно устремлены в его сторону. «Глазок» упал, тюремщик ушел, а я продолжил упражнения. Так, день за днем, неделя за неделей, я тренировал ногу и наконец пришел день, когда я решил, что можно действовать. Нога, подчинившись моей воле, научилась проделывать самое невероятное. Я смог зарядить ее своей яростью, и она мгновенно, по первому же моему знаку, выбрасывалась вперед... Той ночью все произошло быстрее, чем я мог себе представить. Когда этот подонок вошел, я встал. Я понял, что вся моя жизнь сконцентрировалась в моей правой ноге.

— Здравствуй, Сережа! — и в тот же миг я молниеносно ударил его в пах. Он тотчас же согнулся, и я успел заметить, как он неестественно побледнел, открыв рот. Следователь, опешив, вскочил с места. Вбежал солдат и поволок меня в карцер. И только по тому, как долго болели после пальцы у меня на ногах, я понял, с какой силой ударил его!

Через пять дней меня выволокли из карцера и повели на допрос. Следователь, как всегда, сидел, погрузившись с головой в кипу бумаг.

— Ну? Будешь говорить по-русски или снова позвать твоего Вайсфиша?

— Вайсфиша!

— Сволочь! Ты за это заплатишься! Вайсфиш в больнице!

Меня удивило, что следователь произнес это без особой злобы, не меняясь в лице и не брызгая слюной. И даже не делая страшных глаз.

— А! — обрадовался я. — В больнице? Давайте протокол! Теперь можно и по-русски поговорить!..

Прошли годы, с тех пор утекло много воды, пришли новые люди, исчезли старые, и у каждого оказался свой собственный путь, уготованный ему одному.

Ушли в прошлое долгие годы лагерей, где выжужные ночи сменялись яркими сполохами на северном небе. Много было в моей жизни — набитые людьми бараки, каторжная работа, отчаяние и надежды, но в то же время было и много душевного тепла от друзей по несчастью... Слава Богу, мы дождались своего часа, настали новые времена...

Однажды, прогуливаясь как-то вечерком по улице, я увидел его. Но нет, не тот уже гусь был Сергей Владимирович, изменили переводчика новые времена! Я даже с трудом узнал его! Согбенный и потухший, он шел неспеша, опираясь на палку.

— Шалом, Сергей! — крикнул я. Его мышинные глаза на миг остановились на мне, и вдруг он резво повернулся и побежал, припадая на ногу и стуча палкой по асфальту. На меня напал приступ смеха, я прямо-таки зашелся, а он все бежал... Мимо проходила старушка, она остановилась, поглядела на меня и, перекрестившись, поспешила прочь.

Ивритский писатель Цви Прейгерзон (1900-1969 гг.) известен в России как крупный специалист по обогащению угля, большую часть жизни проработавший в Московском горном институте.

Любовь к ивриту писатель пронес через всю свою жизнь, тайно занимаясь литературным творчеством на родном языке, - ведь иврит в Советском Союзе был язык запрещенный. В 1949 году он был арестован и много лет провел в сталинских лагерях.

Основной темой его произведений была жизнь евреев в Советской России. Книжки Цви Прейгерзона смогли увидеть свет только в Израиле, спустя 30-40 лет после их создания. Они заняли достойное место в ивритской литературе.

Анатолий АЛЕКСИН

ВИССАРИОН

*Фамилия директора школы,
где в тридцатые годы учились
дети членов политбюро, была Гроза.
(Из газетных строк)*

А хочет ли он в свои девяносто три года, чтобы мы спасали его? Это нас не касается: хочет, не хочет... Наша цель — вытаскивать любой ценой. Осознал? «Любая цена никогда не годится...» — пытался возразить я. Но рот мой разевался по-рыбьи беспомощно и беззвучно.

— И учти, — поучал старший сквозь марлевою хирургическую повязку, что ощущалось на слух. — Когда наркоз уже отступает, больной может тебя услышать. Осознал? Зеленый ты еще... Так что не рассуждай, а помогай мне его вытаскивать. Наркоза, кстати, надо добавить!

Я жаждал, чтобы прерванный наркозный сон продолжался... И он вернулся ко мне...

Тоннеля не было. Но свет в конце был... Где-то в самом-самом конце, за которым нет уже ничего. Свет неземной и неузнаваемый, потому что нельзя узнать то, чего никогда прежде не видел.

И в том загадочном озарении возникли дети мои, все трое... Давно уж взрослые, но для меня все равно дети. Они встречали... И не выглядели гонимыми мучениками, коими оказались в свои последние годы. Напротив, они-то и источали тот нетерпеливый свет ожидания. Хотелось крикнуть, предупредить, что я совсем близко, чтобы они, не дай Бог, не исчезли!.. Но голос, и ноги, и все мое тело были обесточены, скованы, как часто случается и не в наркозных, а самых обыкновенных снах.

«Не возвращайте меня... Не разлучайте с ними, которые так заждались!» Это был безголосый вопль души. Да если б те, что вытаскивали меня, и услышали, они бы не подчинились моей мольбе.

А потом вдруг привиделось и вовсе невероятное: что судьба детей моих схожа с судьбой детей Сталина. Его сыновей, его дочери... Я не желал этого сходства, но оно на себе издевательски властно настаивало. А мой протест не в силах был меня разбудить.

— Фамилия директора школы — устрашающая... И, тем не менее, это женщина. Я в какой-то книге читал, что хорошая женщина лучше хорошего мужчины, но плохая — хуже плохого мужчины. Однако поверь: директриса — вроде «грозы в начале мая». Помнишь: «когда весенний первый гром, как бы резвяся и играя?...» Она тоже может, «резвяся», отчитать — и сама же принесет извинения. Мне о ней шепотом, но подробно рассказывали. Гроза — это только фамилия, а не характер.

Так уговаривал я своего друга преподавать вместо меня в той школе, куда меня настойчиво зазывали.

— А что же сам не идешь?

— Для одинокого отца троих детей это сложно. Ты, правда, тоже вдовец. Странное совпадение: два друга — и два вдовца, — я привык это подчеркивать. — Но у тебя на руках все же только один ребенок.

— Этот ребенок уже сам может поднять меня на руки!

— Тем более... Домашних забот, беспокойства родительского в три раза меньше!

— Ты сравниваешь мирную домашнюю ответственность с той смертельно опасной, которая падет на меня, если я соглашусь. Разве это сопоставимо?

Я механически включил радио. Мой друг, прирожденный учитель, задавал вопросы так, будто я стоял у школьной доски — и он, привыкший

к сфере точных наук, ждал моего безошибочного ответа. В той сфере все однозначно, определено — и он пытался извлечь из нашей беседы решение однозначное.

— Ты прав, — ответил я, — школа, конечно, единственная в своем роде. Там учатся дети товарища Сталина. И сын его будет как раз в твоём классе. Коли ты согласишься... Но мне сказали, что Иосиф Виссарионович требует, в данном случае, видеть в нём не великого вождя, а рядового родителя. К сыну же требует относиться с неукоснительной объективностью. И если тот, допустим, заслужит тройку, то четверку ему ставить нельзя. Ни в каком случае!

— А если заслужит двойку?
— Тогда тройку не вздумай поставить... — я взбадривал своего друга, а сам усилил радиозвук, желая наш разговор засекретить.

— Как отец, товарищ Сталин сам просматривает дневник и в нём регулярно расписывается.

— Вероятно, много желающих приобщиться к таким автографам? Зачем же перебегать им дорогу? — Я запустил радио на полную громкость. Предосторожности мои были для той поры не трусостью, а разумной обычностью. Ирония же моего друга выглядела рискованной неосмотрительностью.

Откровенность его я заглушал, а с другой стороны, обманчиво убеждался: именно такой порядочный и прямой человек заслуживает работать в особой школе!

— Просили порекомендовать человека, за которого я могу поручиться, как за себя.

— Ну, как за себя можно поручиться лишь за себя. И то не всегда! Ладно... Посоветуюсь с Виссарионом: он мудрее меня.

Виссарионом звали его сына. Узнав об этом, к моему другу в особой школе заочно прониклись особым доверием.

Сын, который был мудрее отца, сказал:

— Что тут раздумывать? Дело не в том, что эта школа престижна: тебе не нужен почет. И не в том дело, что там учиться чей-то «ближайший родственник». А в том, что ты не можешь отказать Катиному отцу. Раз он тебя просит... Ведь он твой друг, а во-вторых (или, скорее, во-первых!), ты знаешь, что для меня значит Катя.

Моя дочь значила для Виссариона, по ее уверениям, столько же, сколько и он для нее. «Это единственный человек, ни в одном слове которого я ни

разу не усомнилась!» — словно заклиная себя, говорила Катя.

Было, однако, одно слово, регулярно произносимое Виссарионом, в котором следовало усомниться. Когда его с патриотическим возбуждением спрашивали: «Тебе дали имя в честь отца товарища Сталина?», Виссарион коротко и неискренне отвечал: «Да».

На самом же деле покойная мама его, заядлая исследовательница литературы, назвала сына в честь Виссариона Белинского. Моя дочь об этом не ведала. И я скрывал от Кати ту вынужденную неискренность Виссариона. Потому что не смел покуситься на ее первое и слепо безумное женское чувство.

Иосифов вокруг было хоть пруд пруди... К тому же, имя это могло принадлежать не только русскому или грузину, но и представителю иной национальности, заискивать перед которой вовсе не требовалось. Виссарионами же звали лишь двух знаменитостей: критика, нареченного современниками «неистовым Виссарионом», и пьяницу из городка Гори, который, хоть и был всего-навсего сапожником, но зато отцом «отца всех народов». Любые претензии к обладателю столь уникального имени могли казаться политически преднамеренными. И то имя с детства стало для Катиного кумира «охранной грамотой». На фоне всеобщей зажатости это его расковывало... Но расковывался он продуманно и эффектно, что тоже сделало его не только душой общества, но и «душой» моей дочери.

Между своими детьми и всем остальным миром я, ни на миг не притормаживаясь раздумиями, выбирал детей своих. И в этом, наверное, я не был оригинален. А они? Ждать полной взаимности от взрослых детей нелепо и несправедливо. Они вживаются в тот спектакль, в котором родители не должны претендовать на главные

роли. Постановщиками, режиссерами матери и отцы иногда еще могут быть, но главными действующими лицами — вряд ли. Нарушать законы, установленные людьми, удается часто, но установленные природою — редко.

Поэтому я без досады осознавал, что старший сын всем существом принадлежал своей невесте и небу, так как был военным пилотом. Дочь тоже находилась на небе... Но на седьмом. А младший сын отдан был Богу. Можно сказать, что и Небу. Но в смысле надзвездном. «Тебя я, вольный сын эфира, возьму в надзвездные края...» Не только же лермонтовский Демон в силах был кого-то «взять» туда, но и святая Вера.

Против увлечений моего первенцалетчика и моей дочери государство не возражало. Но признание сына младшего осуждалось официально, непрекаемо. Бог, Вера... Кажется, нету понятий выше?

— Принизить высокое и возвысить низкое — не в том ли цель и триумф абсурда? — как-то сказал младший сын.

Я промолчал, лишь так, затаенно выразил свою тревогу. Бесцельную, потому что никто на свете не сумел бы оградить сына от его убежденности, не допуская сомнений.

Его прозвали Блаженным. У него ни от кого не было секретов и уж тем более — тайн. Просто он не совершал ничего такого, что было стыдно и что бы хотелось скрывать. «Человек, который клянется, что говорит только правду, уже лжет», — писал наимудрейший Монтень. Но и он не вполне прав... Не вполне, потому что случаются исключения. Как раз за такую исключительность моего сына исключили из школы. Желательно было отъединять разум от языка, а мой Гриша синхронно произносил то, что думал. Сперва это удивляло, потом стало изумлять и настораживать. Еще

позже Гришу заподозрили в «психическом отклонении». Отклонялся он лишь в сторону правдолюбия, что считалось опасным заболеванием.

— Библию открыто читает!

Заболеванием, похоже, выглядело не то, что читает, а то, что открыто. Выдавать патологию за нормальность и наоборот, наказывать за достоинства — это тоже было свойством режима. Гриша же из одних достоинств и состоял. Главными среди них были совесть и честь. Поскольку на пост чести и совести назначили партию коммунистов, Гриша, вроде, вполне мог стать ее членом. Но предпочел монастырь.

Жена моя умерла при его родах. По его вине, как убедил себя Гриша, навечно расстались с ней и я, и он сам, и брат, и сестра. Люди чаще всего стремятся взвалить собственные грехи на чужие плечи и души. А младший сын взваливал на себя и прегрешения несуществующие, ничьи. Дома Гриша был по-монастырски немногословен, непрерывно пекся о нас — и тем искупал мнимое свое преступление. Но если при нем нападали на человека, он внезапно обнажал решительный голос:

— Обижать человека греховно! А его, бедного, до того заобижали, что он и обиду-то ощущать перестал.

Гришин сосед по парте путал Муму с Каштанкой, а наизусть запоминал исключительно частушки из подворотни. Всю злость и всю досаду он излил за это на учительницу литературы, среди приятелей называя ее «жидовочкой». Дора Мироновна сочетала еврейское происхождение с «одной, но пламенной страстью» к русской словесности. Когда заглазное прозвище до нее все же дошло, учительница предположила:

— Он, я думаю, где-то вычитал, но не понял...

И принялась объяснять, что слово «жид» во многих литературных произведениях вовсе не звучит оскорбительно.

Вообразить, что ничего не читавший мог что-то «вычитать», способно было лишь всепрощенчество Доры Мироновны.

Но Гриша потребовал суда чести.

— А может, потребуешь гильотину? Или на дыбу виновника? Или на плаху? Или на лобное место? — поинтересовалась классная руководительница, которая преподавала историю. На памяти у нее были все виды судилищ, все изощрения наказаний разных стран и режимов. Кроме суда чести... И еще она умолчала об «особых совещаниях», «показательных процессах» и «тройках». Хотя к современности они прилегали гораздо плотнее.

В прозвище Блаженный Гриша насмешки не ощущал. Вступаясь за униженных и оскорбленных, сын все, что касалось лично его, принимал со смирением.

— Блаженный-то он блаженный... А вишь ты, суда возжелал! — докладывала на педагогическом совете учительница истории. — Это Боженька ему посоветовал? — Поизмываться над Верой считалось признаком хорошего тона. — Зачем-то оповещает, что мать его, которую он ни разу даже не видел, была еврейкой. А о том, что отец, который его растит, человек русский, почему-то умалчивает. — Завуалированно она упрекала мою жену не только в ее национальности, но и в том, что жена позволила себе умереть. — Блаженный хочет внушить, что здесь у нас шовинизм?! Сама Дора Мироновна категорически отрицает... А помните, он, Блаженный, затеял создать комитет помощи детям «врагов народа». Скандал разгорелся чуть ли не на весь город. Еле отмылись... Предложил бы комитет помощи детям «друзей народа»! Но этого Боженька ему не подсказал...

Общечеловеческая забота о справедливости и конкретная, отцовская забота о сыне боролись во мне. Отец

побеждал... Рискую лишиться уважения сына, я твердил обычно одно и то же:

— Тебе никого не удастся перевоспитать, переделать. Люди какими родились, такими и останутся. Поверь, Гриша! — Мне он в те минуты не верил: он верил Богу. — И всем подсобить ты не сумеешь!

— Хоть бы кому-нибудь...

Он не переставал любить меня. А уважать? Не знаю. Но ни единого раза не упрекнул, не обиделся. Однажды, вернувшись из школы, он разрыдался и простер ко мне руки: стало быть, сыновьего доверия я не утратил:

— Отец, помоги мне понять! А то я сойду с ума... Чего, может, и добиваются. Прости, Господь, если я заблуждаюсь!

— Что ты пытаешься понять, Гришенька? Но сперва успокойся. Прошу от себя и за маму... Она завещала тебя беречь. Постараюсь объяснить. Но что?

— Дора Мироновна тоже со мной не согласна, и дети «врагов народа» не хотели, чтобы я их защищал. И в комитет помощи никто, кроме меня самого, не вступил. Ни один... Почему, отец?

— Не обижайся на них, не сетуй: они боятся. Им страшно.

Поразительно, но сын удивился, будто жил в другом государстве. Но и успокоился:

— Тогда я их всех жалею. И буду за них молиться.

— Я давно уж предупреждала: попику в советской школе не место! — настаивала классная руководительница-историчка.

Место для Гриши отыскалось в полузаброшенном монастыре. О, если бы предвидели это те, что зазывали меня в особую школу!..

Виссарион вместе с нами печалился о Гришиной судьбе. Но по-своему:

— Дело не в том, что Гриша бросает вызов на спор, на дискуссию и, я бы даже сказал, на «дуэль без выстрелов»

всех обидчиков совести. Перед этим снимаю шляпу. — Шляпы у него на голове не было. И он погладил, будто поласкал, свою челку. — Но, с другой стороны, Вера — это такое интимное, такое святое, что не обязательно ее обнаруживать. С ней лучше всего общаться наедине. Не смею же я о своем безумстве, о своей любви признаваться Кате в чьем-либо присутствии. — Пресность иных своих выводов и обобщений Виссарион разбавлял то лирикой, то вторжением шуток в нештучные истории. На этот раз пригодилась лирика. — Перед Гришиными стремлениями и целями я стою на коленях, но средства могли быть не столь очевидными. Результатов оказалось бы больше, а бед в нашей семье куда меньше.

Словесно он уже включал себя в нашу семью как безальтернативный кандидат в женихи моей дочери.

Старший сын Боря и дочь Екатерина по характеру тоже были защитниками. Все трое уродились мамиными детьми. Гриша выражал свои протесты с миротворческой мягкостью, но покушаясь, как говорили тогда, «на основы»; Боря отстаивал справедливость с офицерской твердостью, но в ситуациях личных, на «основы» не покушаясь, поскольку давал присягу; а Катя — с бурным темпераментом, на который дает право очарование.

Мать их и меня неустанно от чего-то уберегала. В летние воскресные дни на даче — от перегрева, накрывая голову самодельным газетным пирожком, а вечерами обороняла веером от въедливой мошкары. В будние дни она пыталась спасти меня от завистников, что было сложнее и безнадежнее, чем от назойливых комаров. Завидовать же в те годы было чему: жена, которую называли «видной женщиной», чтоб не назвать красавицей; сын и дочь, которых именовали рослыми, милыми, избегая назвать одаренными маминым обаянием и мамин-

ной внешностью. А как жена охраняла меня от недугов! Хотя здоровье мое — понимаю это ныне, в беспробудном своем сиротстве — было несокрушимым. Господь, пошли, наконец, недуг, который бы меня сокрушил!

Катю и Виссариона сближала, кроме страсти обыкновенной, страсть к рисованию, к живописи. Мастерство они приобретали в Высшем художественном училище. На бумаге и на холсте воссоздавали друг друга. Катя дарила Виссариону его поясные портреты, сосредоточиваясь на лице. А он изображал мою дочь в полный рост, акцентируясь не столько на привлекательности ее лица, сколько на привлекательности фигуры. Во мне это вызывало затаенный отцовский протест.

Казавшаяся не способной сгибаться, гордая шея Виссариона, его ухарски развернутые, словно готовые принять на себя чей-то прыжок, плечи выглядели по-мужски безупречными, соответствовали самым придирчивым нормам. Но лицо нормам не соответствовало — в нем наблюдались противоречия: строгая правильность черт и внезапное простодушие озорства. Озорство, однако, лишь выдавало себя за наивную бесшабашность — на самом деле, оно призвано было что-то в характере и поступках заgrimировать. Многослойные стекла очков прятали его взгляд, а челка прикрывала, казалось, его мысли. Лоб, впрочем, как и разворот плеч, был такой раздольный, что челке не удавалось приуменьшить его значительность. Рассуждая, Виссарион приглаживал, точно холил, ласкал свою челку. Одним словом, разного рода раздельности было в его облике предостаточно. Как и маневренности, разгадать которую любовь Кате мешала. Все принималось ею за дальновидность и мудрость.

Катина кисть извлекала из-под многослойных стекол не многослой-

ный характер Виссариона, а тот, какой подсовывала ей необъективность влюбленности.

«А если я придираюсь к нему? — возникал виноватый вопрос. — Если просто ревную к нему свою Катю?..»

Виссарион раздраживал педантов историями, кои по-актерски искусно рассказывал, и песнями собственного изготовления. Он не намеревался бросать вызов правилам общества, как мой младший сын, но и необычность считалась вызовом. «Художественная натура!» — говорили о нем. А еще Виссарион забавлялся дружескими шаржами, дружественности которых иногда было не разглядеть. И именно в таких случаях он дарил шаржи тем, кто являл собой скорее мишень, чем натуру. Сперва, я заметил, это были те мишени, попадания в которые ничем не грозили. Но с некоторых пор шаржи Виссариона, как и его поступки, стали более дерзкими. Он не афишировал место работы своего отца, но почти все каким-то образом узнали, что мой друг обучает сына товарища Сталина. Поведение возлюбленного моей дочери как бы без весомых причин, а само собой обрело новое качество.

Ну, а мои дети с младенческих лет вообще не ведали страха. И это меня страшило.

Война началась двадцать второго июня. И старший сын Боря отправился защищать Отечество не двадцать третьего и не двадцать пятого, а немедленно — в первый же день.

Проводы продолжались всего часа полтора. Прощались мы не надолго: «Через полмесяца или месяц будем в Берлине!» Приятели сына — все с петлицами небесного цвета — поскрипывали портупеями, что всегда производило на меня, штатского, впечатление. «Я — военный человек», — часто напоминал Боря. И сдержанный скрип портупеи подтверждал это.

Боря был патриотом ортодоксальным. Не только страны, но и системы. Ему не присвоили в срок очередное воинское звание, да и вообще служебное продвижение его застопорилось. «У вас семейные неполадки!» — аргументировал начальник управления кадров. Неполадками были Гриша, его уход в религию, а заодно — и уход из школы.

— Ничего особенного: мой долг — не продвижение по земле, а парение в воздухе. Прости за пышную фразу, — сказал Боря. — А Грише о моих земных сложностях — ни единого слова!..

Он даже намеком не высказал брату неудовольствия, не попытался его переубедить, обратиться в свою веру. Но и к происходящему в стране патриотизм его не имел ни малейших претензий. Нечто дьявольское придумал режим: что бы ни вытворял он с людьми, патриотизма у большинства граждан не убавлялось.

«Гремя огнем, сверкая блеском стали...» — пел, сверкая блеском молодости и бесстрашия, Боря со своими друзьями.

Пилоты и штурманы всех нас, остающихся, безапелляционно заверили: «Любимый город может спать спокойно...» Ровно через месяц на Москву полетели фугаски.

В разгар прощания Виссарион снял со стены гитару. Он позволил себе не подключаться к общему боевому настрою, а по-актерски исполнил любимый Гришин романс «Уж не жду от жизни ничего я...» Мало что изведав, кроме предательства и разочарований, младший мой сын воспринимал свою жизнь как минувшую.

На проводы Гриша не смог бы успеть. И находчивый Виссарион романсом обозначил его присутствие.

Борины приятели не любили Виссариона: они все поголовно были влюблены в мою дочь. Мне чудилось, что вначале они покорялись Кате, а потом уж — чтобы ее лицезреть — притирались к моему старшему сыну.

Борины приятели молча задавали Кате вопрос: «Если тут мы, рыцари в португезах, то зачем тебе эта «художественная натура» в очках?»

Отправляясь на фронт, каждый испытывал жажду, порой неосознанную, оставить в тылу кого-то, с чьим образом невозможно расстаться и ради встречи с которым победу следует торопить. Такими образами редко были мамы и папы. И не стоило обижаться... Для Бориных же друзей, пришедших тогда в наш дом, таким человеком была моя дочь. Отцовское чутье не могло ошибиться. Те, у кого были другие лирические привязанности, прощались в других квартирах...

По-родственному на той встрече Катю обожали только мы с Борей.

Дочь все делала основательно и не бралась за то, чего не умела. «Если при твоём глазе художницы еще были бы голос и слух певицы, это выглядело бы излишеством, — сказал, помню, Виссарион. — Другое дело, мое дилетантство...» Он, вроде, себя не щадил. Или украшал скромностью. «А может, я продолжаю к нему придираться?» — одернул меня тот же соvestливый вопрос.

Судьбу портретистки Кате сулили триумфальную. «Она все про нас знает!» — глядя на портреты ее кисти, восхищался Виссарион. Точно сам не стремился в художники.

В первый же день войны Виссарион сочинил просьбу зачислить его в добровольцы. Катя плакала:

— Куда тебе... с твоим зрением? И твоим несовершеннолетием? Едва семнадцать исполнилось... Не пушу!

Она бы просила о том же и если б взор его оказался снайперским, а возраст — вполне призывным.

Виссарион был, однако, неукротим. Утром он показал свое заявление Кате и мне. А позже продемонстрировал Боре и его боевым товарищам.

— Вот провожу вас — и сразу в военкомат! Может быть, скоро встретимся...

— Ты разве тоже летчик? — провалось у кого-то.

В военкомате ему отказали. Что он, полагаю, предвидел.

«Если бы Борис обождал, если б не напросился на самый опасный аэродром возле границы!» — фанатично повторяла его невеста, так невестою и оставшаяся. На проводы она, как и Гриша, не успела примчаться... из какой-то срочной и уже никому не нужной командировки. «Если бы он обождал!» Та фраза сделалась первым знаком ее сумасшествия: «Если бы он обождал...»

«Если бы не аэродром возле границы, — думаю вот уж полвека и я, — он не попал бы в котел, в окружение... в плен!» Но война окружила его и загнала в лагерь. Мог ли сын мой представить себе, что не успеет подняться в небо? Что самолет его разбомбят на земле? Что истребители наши станут истреблять своих же пилотов, ибо запоздало окажется, что они непрочны, будто фанерные, и азартно воспламеняются? Мог ли ортодоксальный мой Боря вообразить, что верховный главнокомандующий скомандует числить его предателем? Как и остальных пленников. Защитники-изменники, изменники-герои...

«Комендантский час» продолжался много часов. Москва в один миг исчезала, словно глобально действующий рубильник вырубал, стирал из нашего поля зрения многомиллионный город. Наваливалась глухая, абсолютная тьма, дабы ни один огонек не мог стать невольным предателем, маяком для немецких бомбардировщиков. Столь многочасовой «час» завершился в шесть утра.

А в шесть пятнадцать дверь нашу просверлили звонки. Мы с Катей уже поднялись: в своем Художественном училище дочь обучалась, а в моей

школе сама обучала рисованию дочерей и сыновей из начальных классов. Война разрешила подобные совмещения и такую семейственность: мужчины ушли воевать, а женщины, согласно лозунгу «В тылу как на фронте!», вкалывали за себя и за них. Меня не призвали из-за двух обширных инфарктов по трагично «обширным» причинам: первый нагрел после того, как рассталась с жизнью жена, а второй — когда расстался с нами мой младший сын, заточив себя в монастырь. Как говорили, два смертельных удара по сердцу, а вот бьется зачем-то до сих пор...

Звонки в неурочный час давно уже приучили разных людей к одной оглушающей мысли. Вполне мирное слово «пришли» сделалось словом-выстрелом. Спрашивать «Кто там?» было не принято: боялись ожидаемого ответа. Дверь отворяли поспешно: чтобы не обнаружить страха, который сам по себе мог превратиться в пункт обвинения. А еще не терпелось поскорей убедиться, что тревога напрасна...

Не ласково, как привык, а панически теребя сразу обеими ладонями свою челку, в коридор вошел Виссарион.

— Что случилось? — в один голос произнесли мы с Катей тот единственный вопрос, который мог прозвучать.

— Отца за что-то... арестовали...

«За что-то» поразило меня не меньше, чем «арестовали».

— Как «за что-то»? Ты допускаешь, что есть причина? — Я не медля встал на защиту друга.

— Конечно, не допускаю! Но неужели и сейчас, во время войны, тоже... Что делать?!

— Причин нет, — отрешенно проговорил я, — а повод, значит, нашли. И это моя вина.

— Папа, остановись! Ты соображаешь, что говоришь?! — вскричала Катя.

Я, к несчастью, соображал отчетливо. Ведь это я, а никто другой, порекомендовал друга своего на Голгофу. Он поверил, что обязан, учитывая скромность вождя, быть к его сыну «повышенно требовательным». Сын вождя учителю, кстати, нравился. Не присутствием математических способностей, коих не наблюдалось, а отсутствием претензий на привилегии. Чего не было, того не было... Друга моего поощряли за безупречную принципиальность. Однажды на полях ученического дневника учитель в смысле переносном и обобщающем поблагодарил учителя по профессии за его «строгость». Но в годы войны, далеким задним числом, обнаружилось, что мой друг «сознательно наносил моральный урон вождю и его семье по заданию немецкой разведки». В то утро я еще не ведал о таком обвинении, но догадывался о нем. В стране по-прежнему неостановимо что-нибудь «выяснялось» и «обнаруживалось».

— Это я уговорил его пойти в ту особую школу. На совершенно особый риск...

Мне было выгодно напомнить, что окончательное — и, как стало ясно, роковое — решение мой друг принял, все же посоветовавшись с Виссарионом. Но я промолчал, устыдившись даже попытки самооправдания.

Виссарион, потрясенный и смятенный, вероятно, покаяния моего не услышал — и потому, в отличие от Кати, против него возражать не стал. Как не вспомнил и о той своей давней мудрости.

Дочь моя, похоже, сострадала Виссариону безудержней, чем его отцу.

— Теперь ты будешь жить в нашем доме!

— Как мой сын, — сгоряча согласился я. — Пока не вернется родной отец... — Я торопливо добавил это, хоть понимал, что отец его может и

вообще не вернуться. Чувство тягчайшей вины подсказало мне то согласие.

— Нет, он станет членом нашей семьи... в качестве моего мужа, — возразила Катя.

Я согласился и с этим.

Виссарион снял очки, чтобы мы увидели... убедились, что он плачет.

— Я давно ощущал в вас второго отца. А теперь жизнь сделала вас первым. — Как-то он слишком быстро поменял нумерацию. — И для тебя, Катюша, не нахожу слов, которые способны выразить... Ты сама сделала мне предложение, о котором я не смел и погрезить.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло...» Так гласит поговорка. Но несчастье оказалось слишком чудовищным, чтобы его можно было скрасить поговоркой или пословицей.

Виссарион как бы опомнился:

— Хотя о каких грезах, о каких мечтах можно говорить, пока отец не вернется.

«Он может и не вернуться», — за чем-то упорствовала моя скорбная и виноватая мысль.

Переселяться в наш дом Виссарион, поразмыслив, не торопился.

— Дело не в том, что я не хочу быть с вами под одной крышей. Такое даже предположить невозможно! — Я-то по разным неожиданным подозрениям предположил именно это. — Но поймите: там, в нашей квартире, для меня, как прежде, присутствуют бедные, дорогие мои родители. Там их голоса, их вещи, их книги...

— Временно перевезем все это сюда! — предлагала Катя. — А голоса их звучали и здесь, у нас... Когда же нашу с тобой любовь узаконим, я перееду к тебе.

Но он, плохо видевший, в те минуты и плохо слышал.

С дочерью своими догадками я не делился. Потому что единственным, от чего Виссариона никакие сообра-

жения и опасения оторвать не могли, была, как верила Катя, любовь. И только она для Кати имела значение. Разве можно спорить с любовью?

В течение трех или четырех недель Виссарион постепенно пришел в себя. И моя Катя, порывистая в намерениях и поступках, ему заявила:

— До моего совершеннолетия осталось совсем чуть-чуть! Я уже дни считаю... Мы тут же все узаконим!

Виссариону восемнадцать уже исполнилось. И он незамедлительно принес очередное заявление в военкомат. Зная, что ему в очередной раз откажут.

— Давай дождемся не только твоего совершеннолетия, но и великой Победы, до которой осталось тоже недолго, — ответил Виссарион, хотя до мая сорок пятого оставалось еще несколько лет. — Объединим эти два события... Два главных в моей жизни праздника: военную победу и победу любви!

— Зачем ждать?! — Свои решения Катя не привыкла отменять или откладывать.

— Дело не в том, что я готов ждать, а в том, что не готов омрачать чем-либо наше с тобой торжество. Еще гибнут люди. И в такой атмосфере... — Он поперхнулся волнением. А заодно вспомнил и о другом аргументе: — Отца, я надеюсь... нет, я верю, в связи с Победой освободят.

«Один Катин брат «пленник-предатель», другой — в монастыре. Да и я, порекомендовав своего друга директору по фамилии Гроза, изначально повинен в грозе, которая, уже не «резвясь и играя», а шаровой молнией могла ворваться и в наш с Катей дом. Зачем же ему, сыну «врага», добавлять и эти факты к своей биографии? К чему спешить? Один ночной визит он уже пережил...» — Такая меня обжигала догадка. Я попытался ее прогнать, но она упрямылась, сопротивлялась и поки-

дать меня не желала. «Или я опять цепляюсь, придираюсь к Виссариону?» — силилась противостоять другая догадка.

Победа, освобождение... Слова эти представлялись неразлучными близнецами. И вот свершилось! Из лагерей Гитлера невесть как выживших пленных освободили, чтобы переправить в лагерь Сталина. И моего старшего сына на тоже... Тогда младший сын объявил голодовку. Покорный мой Гриша более всего покорен был праведности.

Некто, срочно и всполошенно примчавшийся, объяснил Грише:

— Брату вы не поможете.

— Почему?

— Потому что его уже нет. Внезапно заболел и скончался. Инфекцию занесли из немецкого лагеря. Случилась диверсия! Даже смертельно раненные, умирающие хищники огрызаются...

Зверь возмущался зверством... Я узнал о том разговоре из дневника неизвестного мне монаха. Дневника, кем-то сбереженного и присланного в конверте без обратного адреса... Письма без обратных адресов тоже стали приметой времени.

Гриша не сдался:

— Я буду голодать, пока не выпустят остальных. В память о брате.

Это нарушало законы монастыря, куда, как известно, со своим уставом входить возбраняется. Настоятель тоже принялся наставлять согласно своему положению:

— Лишать себя жизни грешно.

— А чтоб спасти многие жизни?

— Так не спасешь. Я принял тебя в монастырь и постриг не ради греха.

Тогда Гриша... умер.

Жена моего лучшего, но и погубленного мною друга — исследовательница литературы, обожавшая Александра Блока, — рассказывала, что официальный диагноз причины его смерти аналогов не имел: «Умер от тоски». А Гриша скончался не от голода,

не от физического бессилия, а от бессилия, от невозможности что-нибудь изменить. Другого диагноза не было.

Грише солгали: брат его был расстрелян. За то, что в сорок первом не успел взлететь. «Выяснилось», что он не поднялся в воздух сознательно: чтобы сразу же слаться врагу. В стране все время что-то «выяснялось» и «обнаруживалось».

Спустя годы я читал Борино «дело». Он умер со словами: «Да здравствует Сталин!»

Когда провозгласили Победу, Катя трудилась в колхозе. Вместе с другими студентками Высшего художественного училища... И, разумеется, вместе с Виссарионом, так и не призванным в армию «по близорукости». Будущих живописцев отправили «на картошку».

А они решили отметить победное торжество пиром. Скинулись всей своей художественно-сельскохозяйственной бригадой. Собрали привезенные из дому банки с тушенкой — главным деликатесом военного времени.

Виссарион же готовил концерт, который был бы достоин победы над Гитлером. Он собирался продемонстрировать шаржи, кои вовсе уж не выглядели дружескими, поскольку Виссарион изобразил припадочного, маниакального фюрера, рыхлого, жирного Геринга и, конечно, хромого Геббельса. Он собирался ухарски рассказывать про них анекдоты, пригвозждать их пародиями, которые сам же и сочинил. А потом ему предстояло исполнять под гитару самые что ни на есть фронтовые песни. Он знал их в таком количестве, будто все четыре года не расставался с окопами и атаками.

Катя восхищалась многообразием Виссарионовых дарований.

— Что я по сравнению с ним! — во весь голос объявляла она.

— Но и что он по сравнению с тобой? — вполголоса возражал я. — К чему такие сопоставления?

Музыкального слуха у Кати не было, но она отчетливо слышала, как визгливо упивались Виссарионом и все остальные студентки. А кем еще они могли упиваться: сильный пол представлен был одним мужчиной. Но зато каким! Война непрестанно приносила разлуки — временные и вечные, а Виссариону — преклонение всего факультета. Даже деревенская девушка Фрося, измотанная, изможденная, для того, чтобы заморозиться, силы в себе нашла.

Но Катя была спокойна: речь шла о целом обожающем коллективе, а это всегда безопасней, чем влюбленность одной души. Однако каждая из студенток себя убеждала, что если б не Катя, Виссарион достался бы ей. Открыто же своих поражений и государство не признает... В чувствах Виссариона и его верности Катя не сомневалась. Она одержимо ждала победы не только от ненависти к фашизму, но и от любви к своему жениху. Время от времени он показывал ей все новые и новые заявления с просьбой призвать его на передовую... И свидетельства медицинских комиссий, которые выполнить воинский долг Виссариону мешали. «Было бы так и впредь, до Победы!» — мечтала она. И дождалась: торжество наступило... Инициативы в тот день распирала Виссариона:

— Пусть кто-нибудь из нас наведается на вечернее колхозное поле! Не только же заокеанской тушенкой отмечать историческое событие...

Катя мгновенно вызвалась осуществить его план.

— Возьми с собой Фросю: она и в темноте сумеет разглядеть, и профессионально выкопать, — посоветовал Виссарион. — Дело не в том, что я не хочу с тобою идти во тьму, — ты знаешь, как я люблю оставаться с тобой в темноте. Даже при своей близорукости! Но я отвечаю за художественность нашего пира.

Обычно он, и правда, пользовался любым случаем, чтобы оказаться с Катей вдвоем... А в тот раз? Может быть, побоялся?..

Фрося, в отличие от Катиных неприятельниц, считавшихся приятельницами, перед дочерью моей благоговела: красота в атмосфере кошмара производит особое впечатление. Она отправилась с Катей во тьму с такой желанной готовностью, с какой раньше отправлялся Катин жених.

На другой день «о краже с колхозного поля» донесли куда надо. Это сделала, выяснилось на следствии, одна из отвергнутых Виссарионом поклонниц. Любовь же, если она мстительна, в средствах себя не стесняет. Дочь моя о том разъяренном соперничестве не ведала.

— А о том, что нельзя воровать, ты ведала? — спросил следователь. — Да еще и доверчивую колхозную девушку вовлекла. Совратила!

Доверчивость, впрочем, не была оправданием. Фросю тоже арестовали. Хотя «копала она под нажимом и руководством». Это считалось отягчающим для моей дочери обстоятельством, а для Фроси — смягчающим. Интеллигенты всегда виноватее. К тому же: «сестра двух опорочивших себя братьев...»

Фросю преследовал лишь закон. А Катю — еще и мужчины, закону служившие. На нее явно или намеками претендовали и следователь, и прокурор, и даже тюремщик. Но так как притязания остались безответными, Кате, согласно сталинскому указу, полагались восемь лет лагерей: примерно по году за каждые четыре картофелины и два кочана.

Виссарион написал заявления, что готов отбыть лагерный срок вместо моей дочери, не упомянув, что она осуществляла его замысел. Катя тоже не обмолвилась об этом ни словом.

Виссарион разослал свои заявления во все «соответствующие инстанции»...

Но он знал, что эти просьбы будут отвергнуты, как и просьбы отправить его на фронт. Он не уставал обивать пороги казенных учреждений, умолять, заклинять... Виссарион виртуозно владел умением выигрышно выглядеть даже в абсолютно проигрышных ситуациях. «Или снова к нему придираюсь?» — привычно одергивал я себя.

У дочери же моей выхода не было. Кроме раскрытого, незарешеченного окна следовательской комнаты на седьмом этаже.

Как в финале шекспировских творений, жизнь покинул, словно сгорел, почти весь наш дом. К несчастью, почти... «Нет повести печальнее на свете...» — так завершил свою трагедию классик. Но были повести печальнее. Гораздо печальнее... Были!..

Сон при добавочной порции наркоза продолжил сравнения, которые были мне тягостны. Он зачем-то опять напомнил, что у Сталина тоже были два сына и дочь. И что внешне, на поверхностный взгляд, история их в чем-то схожа с судьбой моих детей. Тот больной сон настаивал на совпадениях, фактах, которые ужасали меня. Хотя как-то, задолго до больничного сновидения, я сквозь беспредельную муку свою произнес: «Испытал бы он на себе!» Размышляя тогда поперек воли о детях «вождя и учителя», я вновь приносил покаяния другому учителю — ни в чем не повинному, которого я... А сам-то дожил чуть ли не до ста!

Старший сын Сталина тоже стал пленником, как и мой старший сын. Первое совпадение... И тоже расстрелян был в лагере. Но в немецком. Все-таки расстреляли враги. А того сына, младшего, в дневнике которого расписывался повелитель, сослали за кражу. Но не картофелин и капусты для «пира Победы», а каких-то государственных сумм для пиршества собственных удовольствий. Если и это не было наговором... Он спился,

сгинул. Погибла и моя дочь.
«Она-то за что? За что-о?»

«За что?» — самый безответный вопрос. Но отделаться от него я не могу. Как и от сравнений, навязанных мне сновидениями.

Дочь тирана заброшенно доживает свой век то в одном монастыре, то в другом, то где-то еще в зарубежье, куда отец ее только птицам не сумел перекрыть дорогу. Разве она похожа на моего Гришу с его пострижением и монастырем?

Катастрофы детей злого гения можно было бы считать карой ему. Можно было бы считать... если б он любил их, загубленных сыновей и дочь, закинутую в одиночество. Но он не любил никого и ничего, кроме своей сатанинской власти. Быть может, один такой на века! На тысячелетия... А достался моим детям. И мне...

Бывает, что, расставшись с человеком и разъехавшись с ним в разные концы света, неожиданно сталкиваешься где-то нос к носу. А можно жить на соседней улице и никогда не увидеть друг друга...

За полвека я не пересекся с Виссарионом ни разу. И воспринимал это как милосердную естественность.

Но вдруг повстречались. В храме... За пятьдесят лет он мало в чем изменился: тот же разворот плеч, та же уверенная, не сомневающаяся ни в одном своем шаге походка. Сохранилась и челка, которая хоть и побелела, но с возрастом почему-то не контрастировала. По-прежнему казалось, что она не столько прикрывала лоб, будто уменьшая его, сколько скрывала какие-то мысли Виссариона. Ту же роль, что и раньше, исполняли многослойные очки. Свитер уступил место малиновому пиджаку, который тоже, как ни странно, возрасту не противоречил.

Свечи за ним нес верзила, присутствие коего в храме выглядело вызывающе неуместным. «Охранник, — сообразил я. — Когда-то охранники сопровождали его отца как заключенного, а ныне охраняют сына как «нового русского».

Вначале даже раздольных плеч Виссариона было не разглядеть за необъятной спиной верзилы, заслонявшей «нового русского» от опасностей нового времени.

Я направлялся в противоположную сторону, но что-то неотвратимо изменило мой путь, и я стал неспеша, как и положено в храме, приближаться к Виссариону. Он, скрываемый охранником, остановился возле иконы.

— Вы куда? — Охранник еще плотней заслонил его.

— К иконе, конечно. Куда же еще?

Я вымолвил это негромко, тоже как водится в церкви. Но Виссарион мой голос уловил и узнал.

— Пропусти, — распорядился он, точно мне предстояло миновать проходную будку или военный пост.

Охранник с отработанной, но непредсказуемой для его вида стремительностью беспрекословного послушания перестал нас разделять.

— Добрый день, — обернувшись, сказал Виссарион. Как, если бы мы расстались вчера вечером. — Вот пришел, как всегда, помянуть Катеньку. Свечу поставить за упокой.

Но стоял он вовсе не там, где произносят моления за упокой.

«За здоровье, небось, пришел помолиться. Выпрашивать здоровье себе и своему бизнесу! Нет, не зря я к нему цеплялся... Не зря!» Все это явилось мне в голову. Но я не одернул себя, как бывало, а спросил:

— Ну, и как ты, Виссарион?

— Извините, но я поменял имя. По-

сле того сталинского ада следовало бы все поменять. Чтоб не рехнуться! Тем более отречься от имени, о которое все ушибались. И я стал Борисом. Это имя мне подсказала русская история. Русская культура...

— В честь царя переименовался? Но какого из двух? Годунов тебе вряд ли нужен. А вот царь-президент...

Одергивать себя я больше не собирался.

Он пожал малиновыми плечами.

— У вас ведь тоже был сын Борис.

— Ну, его-то мы назвали в память об отце моей жены — Борисе Израилевиче. Душевный был человек... А почему не приходишь?

— И вновь вы меня не поймете. Дело не в том, что я не хочу вас видеть или мне за что-нибудь стыдно...

Если его фразы начинались со слов «дело не в том», это означало, что дело как раз в том. В том самом... Я не дослушал — и направился к иконе, что была в другой стороне.

Вечером меня увезли в больницу.

2000 г.

Имя писателя Анатолия Алексина широко известно. Согласно данным международной прессы, его произведения переведены на сорок восемь языков, включая иврит. Анатолий Алексин удостоен международных премий СССР и России. Он включен в Международный почетный список имени Х.-К. Андерсена. В Израиле он стал лауреатом премии Федерации Союзов писателей государства Израиль и премии «Сострадание». Публикуемый рассказ — из книги, созданной на Обетованной земле.

**5 ЛЕТ
ИСТОРИИ ФЕСТИВАЛЯ
ИМЕНИ
СОЛОМОНА
МИХОЭЛСА**

ПРОГРАММА*

IV МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ИСКУССТВ ИМЕНИ СОЛОМОНА МИХОЭЛСА

30 СЕНТЯБРЯ - 9 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

30 сентября Открытие новой мемориальной доски — барельефа на бывшем здании Еврейского антифашистского комитета по адресу: ул. Пречистенка, 10.

ОТКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ

МХАТ ИМ. А.П. ЧЕХОВА

30 сентября Открытие Фестиваля. «Тевье — Тевель». Спектакль Государственного Академического Украинского Драматического театра им. И. Франко.

МУЗЫКА

МХАТ ИМ. А.П. ЧЕХОВА

2 октября Премьера музыкальной мистерии «Дорога домой» с участием Якова Явно (США), музыкальной группы «Транс-Атлантик» (Россия), госпелс-группы «Worship and Praise», танцевальной группы «Реситаль» (Израиль) и др.

МАЛЫЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ

1 октября Выступление трио «Shir-Am 3» (Италия)
2 октября Концерт оркестра «Musica Viva», п/р А. Рудина
Дирижер Миша Кац (Франция)

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ИМ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

7 октября «Москва — Нью-Йорк — Иерусалим». Светлана Портнянская (США) и Джаз-оркестра п/р Игоря Бутмана (Россия — США). Премьера. Приглашенные звезды: Maynard Ferguson, Randy Brecker, Billy Cobham (USA)

МОСКОВСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ОБЩИННЫЙ ЦЕНТР В МАРЬИНОЙ РОЩЕ

- 6 октября* Концерт ансамбля Еврейской фольклорной музыки «Лама Ло!» (Израиль)
- 7 октября* Концерт Государственного квартета им. Глинки
- 8 октября* Концерт Еврейской музыки композитора Салима Крымского. В программе: главы из «Экклезиаста» — Кантата № 2 для голоса и оркестра и др. произведения.

БАЛЕТ

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ИМ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

- 8 октября* Концерт вокально-хореографического ансамбля «Hora Jerusalem» (Израиль)

ТЕАТР

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР «СОДРУЖЕСТВО АКТЕРОВ ТАГАНКИ»

- 1 октября* «Блуждающие звезды». Спектакль театра «Шалом»

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР «ЭРМИТАЖ»

- 4 октября* «Уроки русского». Спектакль по мотивам произведений М. Жванецкого

МОСКОВСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР «ШАЛОМ»

- 6 октября* «Кровавая шутка». Спектакль Костромского Камерного драматического театра по мотивам произведений Шолом-Алейхема. Премьера
- 7 октября* «Последняя роль Соломона Михоэлса». Спектакль Харьковского камерного еврейского театра

КИНО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ АКТЕРА

- 1 октября* Открытие Недели еврейского кино — премьера фильма Александра Зельдовича «Процесс»
- 2-3 октября* Репертуарный показ Недели Еврейского кино

МУЗЕЙ КИНО

- 5-6 октября* Репертуарный показ Недели Еврейского кино.

МОСКОВСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ОБЩИННЫЙ ЦЕНТР В МАРЬИНОЙ РОЩЕ

6 октября Премьера художественного фильма «Мы едем в Америку»
(Россия — США)

ЛИТЕРАТУРА

КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ ОТЕЛЯ HOLIDAY INN

30 сентября Презентация книги Ильи Альтмана «Первые жертвы.
Евреи СССР в годы Холокоста (1939-1945 гг.)»

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

5 октября Презентация альманаха «Новый век». Гл. редактор И. Бегун.
6 октября Презентация книги Аллы Зускиной (Израиль)
«Путешествие Вениамина»

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ ОТЕЛЯ HOLIDAY INN

30 сентября — IV Международная научная конференция
2 октября «Уроки Холокоста и Современная Россия»

ВЫСТАВКИ

«Культура без границ». Выставка Международного
Культурного Центра имени Соломона Михоэlsa

«Кровавая рука террора». Выставка израильской
политической фотографии

«Еврейские художники в России». Выставка
из частной коллекции Л. Горелика (Саратов)

ЗАКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ «РОССИЯ»

9 октября «Последний Расстрел». Премьера спектакля-концерта,
посвященного 50-летию расстрела Еврейского
антифашистского комитета

СВЕТ БЛУЖДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЫ

К открытию IV Московского
Международного Фестиваля искусств
имени Соломона Михоэлса

*Художественный руководитель, главный режиссер Московского Международного
Фестиваля искусств имени Соломона Михоэлса,
Заместитель Генерального директора Международного Культурного Центра
имени Соломона Михоэлса
Заслуженный деятель искусств России, Кандидат искусствоведения*
Ирина Горюнова

Имя гениального актера, режиссера, общественного деятеля Соломона Михоэлса стоит в одном ряду со Станиславским, Немировичем-Данченко, Мейерхольдом, Вахтанговым, Таировым. С момента убийства художественного руководителя первого в стране Государственного еврейского театра, народного артиста СССР, одного из крупнейших антифашистов мира минуло 53 года. А 12 августа нынешнего года отмечено еще одной трагической датой, связанной с именем Соломона Михоэлса, — 50-летием расстрела Еврейского антифашистского комитета, который Михоэлс возглавлял с момента его создания.

Уничтожив великого Художника, затем его уникальное детище — Государственный еврейский театр и, наконец, зверски расправившись с Еврейским антифашистским комитетом, вобравшим в свои ряды цвет еврейской интеллигенции, — тоталитарная Власть

на долгие десятилетия наложила табу на право упоминания вслух как имени Михоэлса, так и имен его сподвижников, коллег и товарищей по Еврейскому Антифашистскому комитету.

Михоэлс пал жертвой сталинской тирании. Он был один среди многих. И все-таки он был один.

Он гениально ставил и играл Шекспира и Шолом-Алейхема. Его король Лир и Тевье-молочник вненациональны, а потому вечны. Современники много писали о Михоэлсе. Его любили люди самые разные — Маршак и Эренбург, Козловский и Москвин, Шагал и Гилельс, Уланова и Образцов... Иван Семенович Козловский, вспоминая Михоэлса, будто бы оставил завешание тем, кто продолжает развивать многонациональную культуру России: «Трагичным он был в искусстве, трагедию всколыхнул и своей смертью. Но духовное его значение и величие живут. И

Генеральный директор фестиваля, Президент Федерации Еврейских общин России, Народный артист России, композитор Михаил Глуз

жизнь его в искусстве является примером для грядущих поколений».

Но каждое завещание имеет свой срок исполнения. Только через полвека было исполнено это завещание великого русского Артиста о духовной памяти великого еврейского Актера и Режиссера.

Всякое дело, как известно, начинается с замысла. С идеи, которая пронзает тебя ниспосланным свыше озарением... Или же становится логическим результатом сделанного тобой ранее, результатом ежедневной душевной работы, сердечной привязанности, призывания. Думаю, так и случилось с народным артистом России Михаилом Глузом, который задумал «возвращение Михоэлса», его имени и духа его в нашу сегодняшнюю культуру. Задумал давно, еще в 1989 году, когда вопреки расставленным повсюду шорам, открыл в СССР Культурный Центр имени Соломона Михоэлса, что явилось огромным событием как в нашей стране, так и в еврейском зарубежье. Это был Поступок. Поступок Художника, за которым стояло создание Камерного Еврейского музыкального театра, поступок Гражданина, первым осмелившегося после десятилетий вынужденной немо-

ты поставить имя Соломона Михоэлса и сделанное им во главу русско-еврейской театральной культуры. И конечно же, это был поступок Еврея, рожденного в России, генетически впитавшего ту же уникальную культуру, которая сформировала Михоэлса.

90-е годы прошедшего века, ставшие для российской интеллигенции вторыми 60-ми, к счастью, не только явились для страны временем рождения отечественной олигархии, но (как это уже было в нашей истории) сподвигли лучшие умы и таланты на создание новых ярких произведений. Тут уж, как говорится, Богу — богово, а Кесарю — ...

Подготовка к I Фестивалю, который состоялся в год 50-летия убийства Михоэлса, шла, естественно, трудно. Одно давало силы и вселяло надежду: люди разных профессий и национальностей стремились сделать все от них зависящее, чтобы событие состоялось.

Теперь, когда Фестиваль стал частью отечественной и мировой культуры, значимым штрихом к портрету новой России, завоевал огромный международный авторитет, с еще большим трепетом читаются строки первого письма к Первому Президенту России с просьбой поддержать идею проведения Фестиваля имени Соломона Михоэлса в Москве и взять его под свой патронаж:

**Президенту Российской Федерации
Борису Николаевичу Ельцину**

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

13 января 1993 года исполняется 50 лет со дня трагической гибели великого артиста, режиссера и общественного деятеля, Народного артиста СССР Соломона Михайловича МИХОЭЛСА.

Судьба Михоэлса давно уже стала легендарной. Выдающийся актер и режиссер, один из создателей ГОСЕТа (Государственного еврейского театра), он вошел в историю нашей страны как ее неотъемлемая часть. И неудивительно, что

его искусство очень высоко ценили такие корифеи, как В.И. Немирович-Данченко и В.Н. Качалов, В.Э. Мейерхольд и А.Я. Таиров, И.М. Москвин и И.С. Козловский.

Только сегодня в нашей новой демократической России настало время, чтобы воздать дань великому Михоэлсу и по-настоящему оценить его вклад в развитие многонациональной культуры России. Культурный центр имени Соломона Михоэлса при поддержке Министерства культуры Российской Федерации проводит Международный Фестиваль имени Михоэлса.

Свое согласие участвовать в этом фестивале, который пройдет в Москве с 4 по 13 января 1998 года в Государственном центральном концертном зале «Россия», в театре на Малой Бронной, Концертном зале имени П.И. Чайковского и др. местах, дали лучшие исполнители и театральные коллективы всего мира. В Москву съедутся знаменитые политические и общественные деятели, звезды культуры и науки из США, Канады, Англии, Франции, Австралии, Израиля и других стран.

Учитывая значимость этого фестиваля и его огромный международный резонанс, обращаемся к Вам, глубокоуважаемый Борис Николаевич, с убедительной просьбой присутствовать на открытии фестиваля и взять его проведение под свой патронаж.

С уважением,

Юрий Башмет,

Народный артист СССР

Владимир Васильев,

Народный артист СССР

Виталий Гинзбург,

Академик РАН

Михаил Глуз,

Народный артист России

Армен Джигарханян,

Народный артист СССР

Евгений Евтушенко,

Лауреат Государственных премий СССР

Марк Захаров,

Народный артист СССР

Вахтанг Кикабидзе,

Народный артист СССР

Людмила Касаткина,

Народная артистка СССР

Иосиф Кобзон,

Народный артист СССР

Сергей Колосов,

Народный артист СССР

Игорь Моисеев,

Народный артист СССР

Николай Сличенко,

Народный артист СССР

Геннадий Хазанов,

Народный артист России

Тихон Хренников,

Народный артист СССР

Михаил Ульянов,

Народный артист СССР

Мстислав Ростропович,

Народный артист СССР

За каждым из этих имен — целый пласт отечественной культуры. Что заставило их обратиться к Президенту? Что стояло для любого из них за мистическим именем — Соломон Михоэлс? Нечто общее сквозило в глазах, в словах, в стремлении быть причастным к этому событию. Покаяние. Исключением не была даже Галина Уланова. Незабываема одна из наших последних встреч с ней, близко знавшей Михоэлса. В глазах этой всегда сдержанной, но глубоко эмоциональной женщины, казалось, навсегда запрятана тайна прошлого. Того самого, что холодным страхом сковало горящие души самых талантливых людей XX века...

По соседству с гримерной великой балерины, где мы встречались, располагался кабинет художественного руководителя — директора театра, может быть, не менее великого, — Владимира Васильева, который сразу же взял открытие I Фестиваля под свой патронаж. Глядя на нас с Глузом лукавым взглядом, он пошутил (хотя мы сразу оценили всю долю правды этой шутки), что обязательно найдутся те, кто спросит с Руководителя,

почему I Фестиваль еврейского искусства открывается именно на сцене Главного театра Страны? Почему Васильев с такой же охотой не предоставляет сцену татарскому или удмурдскому фестивалям? «Но я найду, что ответить», — тут же успокоил себя и нас Владимир Викторович.

Есть что-то мистическое в том, что Васильева попросили освободить кресло художественного руководителя Большого прямо накануне открытия там III Фестиваля Михоэлса. Я узнала об этом по дороге на встречу с ним. Впрочем, это уже другой сюжет...

Тогда же, в новогодние дни 1998 г., случилось небывалое... 5 января 1998 г. в Москве под патронажем Президента России Бориса Николаевича Ельцина на сцене Государственного Академического Большого театра России открывался I Московский Международный Фестиваль искусств имени Соломона Михоэлса. Пресса шквалом обрушилась на нас. Интерес к личности Михоэлса, к событиям Фестиваля, к его участникам был ошеломляющим. Одной из центральных газет Евгений Евтушенко был охарактеризован как «главный еврей России». Тень тоталитарного прошлого скользнула по опальному некогда поэту лишь за то, что он прочитал со сцены Большого свой «Бабий Яр» и новое блистательное стихотворение «Шекспир о Михоэле». Евгений Александрович, надо сказать, по опыту своему будучи реалистом, изначально не особо верил в успех затеянного. После триумфального открытия «Мировых премьер» в Большом он подарил свой новый сборник стихов Генеральному директору Фестиваля с многозначительным автографом: «Михайлу Глузу — единственному в СССР, которому удалось сказку сделать былью». О «сказке» говорили тогда многие: и приехавший в Россию Эдуард Тополь, чья литературная жизнь сложилась в США, и, конечно,

Государственный Академический ансамбль народного танца п/р народного артиста СССР И. Мусеева на открытии I Фестиваля им. С. Михоэлса (ГАБТ России)

дочери Михоэлса — Наталья Соломоновна и Нина Соломоновна, которые стали свидетелями подлинного «Возвращения Соломона Михоэлса». Именно так был назван фильм, снятый на стыке исторических событий жизни Михоэлса, документов эпохи и I Фестиваля имени великого художника.

Множество премьер I Фестиваля были закономерностью. Все лучшее в еврейской культуре, накопленное за десятилетия работы, увидели московские зрители.

Было бы нелепо предположить, что некто открыл рог изобилия, осыпая организаторов и артистов «золотым дождем». Государственное финансирование тогда еще было предельно минимальным, но участие и поддержка Министерства культуры в лице М.Е.Швыдкого (тогда зам. Министра, а ныне — Министра), — безусловно, значимая часть жизни Фестиваля. Закрытие I Фестиваля в ГЦКЗ «Россия» — в день 50-летия гибели С.М. Михоэлса — привело всех участников и организаторов Форума к одной-единственной мысли: Фестиваль должен стать ежегодным.

Конечно же, без всесторонней помощи (финансовой, технической, транспортной, связи и др.) мы бы не выжили. Рядом с нами с первых дней были и остаются люди разных поколений и национальностей: Н.С. Мардер, А.Л. Хазин, Д.Б. Зимин, И.В. Макаров, В.И. Ресин, И.Ф. Рудинский, Л.М. Дайчик, А.А. Иванов, О.И. Фаерберг, В.П. Карпов, Г.М. Исахаров, И.З. Нафталиев, Л.И. Вильдавский, Н.Люстигер, А. Ровт, С.А. Бидаш, Н.А. Цветков. Те, кто, не обращая внимания на низкопробные комментарии журналистов, в простонародье именуемые «заказухой», продолжали делать вместе с нами одно общее дело...

...Апрель 99-го. Страна с удивлением взирала на открытую антисемитскую кампанию, возглавляемую генералом Макашовым.

В СК «Олимпийский» открывается II Московский Международный Фестиваль им. Михоэлса. На антифашистский шоу-марафон «В Россию — с любовью» приехали всемирно известные артисты и музыканты разных национальностей из США, Израиля, Великобритании, Кореи, стран СНГ. 16 тысяч зрителей сказали «нет» экстремизму и фашизму. И голос Михоэлса-антифашиста был вместе с ними. Во второй раз Главный символ Фестиваля — бронзовая скульптурная статуэтка «Соломон Михоэлс» (авторская работа Марка Шуба) — выросла до размеров Олимпийского дворца, став основной частью сценографии Открытия. А затем — премьеры, новые книги, написанные к Фестивалю, и впервые проведенный в Москве I конкурс исполнителей клезмерской музыки, в жюри которого вошли замечательные музыканты: Оскар Фельцман, Анатолий Кролл, Леонид Сонц...

Интерес к имени и деятельности С. Михоэлса нарастал. В ноябре того же 99-го подоспела дата, мимо которой также нельзя было пройти — полвека со дня уничтожения ГОСЕТа. Трагическая страница в истории Со-

ветского искусства. Тогда, в далеком 49-м, газеты пестрели статьями о «безродных космополитах», над которыми нависла угроза расправы. Страх охватил многих. Люди перестали посещать свой родной театр, в который еще недавно попасть было непросто. Расчет власть предержащих был сделан правильно — отсутствие зрителей в театре, нерентабельность стали официальным поводом для закрытия театра, созданного Михоэлсом.

В историческом здании театра на Малой Бронной артисты отдавали дань памяти великим Подмоосткам, духу времени и тем, кто созидал театральные традиции еврейского театра. Среди выступавших был некогда любимый в СССР Эмиль Горовец. Как обычно бывает, никто не предполагал, что этот приезд его на Родину станет последним...

Фестивали имени Михоэлса, их беспрецедентный размах и интернациональный состав участников привели нас к идее проведения нескольких масштабных общественно-культурных мероприятий. Среди них — I Международная встреча ветеранов ВОВ в Москве, посвященная 55-летию Победы, Марафон деятелей культуры России «Мы снова вместе!» к еврейскому празднику Пурим в «Линкольн Центре» в Нью-Йорке и Дворце Конгрессов в Иерусалиме, ставший первым объединительным мостом соотечественников в постсоветский период.

В течение всего этого времени нам постоянно приходилось отвечать на один и тот же вопрос: «Когда же следующий Фестиваль?»

Харьков, Кострома, Кишинев, Хайфа, Тель-Авив, Лос-Анджелес... Все готовили нечто новое для очередного Форума искусств в Москве.

Накануне очередного Фестиваля решили, что его уровень и статус должны быть не только сохранены, но и подняты на качественно новую вы-

Вручение символа Фестиваля — бронзовой статуэтки «Михоэлс» Президенту РФ В.В. Путину

соту. Проведение III Фестиваля им. Михоэлса взял под свой патронаж Владимир Владимирович Путин.

Более 25 мероприятий прошли на лучших театральном-концертных площадках Москвы — таких, как Государственный Академический Большой Театр России, ГЦКЗ «Россия», Концертный зал им. Чайковского, Московский Драматический театр на Малой Бронной, Московская Государственная Консерватория, Детский музыкальный театр им. Натальи Сац и др.

В III Фестивале приняли участие более 500 коллективов и исполнителей. Среди участников Фестиваля — известные балетные коллективы США и Израиля, дирижер Миша Кац (Франция), Дора Шварцберг (Австрия), Светлана Портнянская и Яков Явно (США), н.а. СССР Богдан Ступка (Украина), Дуду Фишер (Израиль), Александр Князев (Россия), Джулия Зильберквит (США), дирижер Роберт Каннети (Израиль), джаз-оркестр п/р Игоря Бутмана (Россия — США), солисты оперы и хор Большого Театра России, Государственный Академический Симфонический оркестр Россий-

ской Федерации под руководством Василия Синайского и многие другие.

Впервые в рамках Фестиваля прошла «Неделя еврейского кино», в программе которой были представлены документальные и художественные фильмы, в том числе премьеры, предоставленные посольством Государства Израиль.

Мероприятия Фестивальной программы посетило более 15000 человек. А телеверсию Открытия и Закрытия Фестиваля имела возможность дважды увидеть многомиллионная аудитория телеканала РТР в России и за рубежом.

Сегодняшний день отмечен для нас неустанной тревогой и беспомощностью людей перед исламским терроризмом. Евреи продолжают оставаться «безродными космополитами» мирового сообщества, сродни тем, которые с молчаливого согласия окружающих уничтожались тоталитарной сталинской мясорубкой. Мы не можем присоединиться к тем, для кого историческая память и трагические события мировой истории — лишь обрывки календарной бумаги...

И потому — мы вновь начинаем все сначала. Мы открываем IV Международный Фестиваль имени Соломона Михоэлса. Нас немного. Международный Культурный Центр имени Соломона Михоэлса — это совсем небольшая группа сподвижников — профессионалов, за плечами которых уже

«Еврейское местечко». Театр танца народов мира п/р народного артиста России Б. Санкина

большой творческий путь. Но мы устремлены в будущее, мы стоим плечом к плечу с теми, кто единым фронтом искусства вновь напомнит миру и о Великом Соломоне, и о его «13 апостолах» — членах Еврейского антифа-

шистского комитета, зверски растерзанного 50 лет назад. Мы помним, что они были уничтожены только за то, что были евреями, за то, что ненавидели фашизм и еще за то, что любили и прославили свою страну.

Соломон Лозовский
Вениамин Зускин
Перец Маркиш
Исаак Фефер
Леон Тальми
Давид Бергельсон
Лев Квитко
Илья Ватенберг
Чайка Ватенберг
Эмилия Теумин
Иосиф Юзефович
Борис Шимелиович
Давид Гофштейн

Вам мы посвящаем
IV Московский Международный Фестиваль искусств
имени Соломона Михоэлса

УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ИСКУССТВ

имени **Соломона Михоэлса**

Соломон Михоэлс вошел в историю нашей страны как выдающийся деятель культуры и замечательный гражданин. Его творчество — гордость отечественной культуры. В годы Великой Отечественной войны С. Михоэлс возглавлял Еврейский антифашистский комитет.

Яркое, неповторимое искусство С. Михоэлса знали и любили в нашей стране и за рубежом. Его мастерством восхищались В. Немирович-Данченко и М. Шагал, А. Эйнштейн и Чарли Чаплин. Творческая палитра выдающегося актера и режиссера простиралась от Шекспира до Шолом-Алейхема. Созданные его талантом образы Короля Лира и Тевье-Молочника вошли в сокровищницу мирового театра.

Судьба С. Михоэлса, как и многих других больших художников, живших в эпоху тоталитаризма, трагична...

Сегодня мы отдаем дань уважения и признательности великому мастеру. Убедительным подтверждением этого является фестиваль его имени с участием знаменитых музыкантов, актеров, художников, других деятелей отечественной и зарубежной культуры...

декабрь 1997 года

...Ваш Фестиваль становится традиционным...

Он собирает «под свои знамена» звезд отечественного и зарубежного искусства, известных политических и общественных деятелей. Громкие имена участников, их высокое исполнительское мастерство делают Фестиваль событием поистине мирового масштаба...

март 1999 года

**Президент Российской Федерации
Борис Ельцин**

...С радостью узнал и поддержал инициативу известных деятелей культуры о проведении в Москве Международного Фестиваля искусств имени С. Михоэлса.

Знаменательно, что этот Фестиваль проходит в Москве, которая является одной из самых многонациональных столиц мира.

Вся жизнь и творчество Михоэлса связаны с нашим городом. Здесь в течение 30 лет с огромным успехом работал руководимый им Государственный Еврейский театр, на сцене которого Михоэлсом были созданы блистательные образы.

Ровно 50 лет назад вся Москва провожала великого Артиста и истинного патриота своей страны и своего города в последний путь. Как и в те трагические дни, сегодня имя Михоэлса вновь объединило выдающихся музыкантов, артистов, писателей, режиссеров и художников, общественных деятелей.

Пусть же Фестиваль, носящий имя великого Артиста, ежегодно собирает в Москве самых ярких деятелей мировой культуры!...

январь 1998 года

... Сегодняшний день особенно ярко высвечивает судьбу и творчество Соломона Михоэлса, его беспрецедентную антифашистскую деятельность.

Я с радостью узнал, что «В Россию с Любовью» приехали выдающиеся артисты Америки и Израиля. Сила людей искусства часто превосходит силу политиков, особенно военную. Ваш Фестиваль — яркое тому подтверждение...

апрель 1999 года

... Искренне рад, что этот ставший ежегодным Фестиваль завоевал столь широкое международное признание и география его участников ширится год от года.

Российско-еврейская культура занимает особое место в мировом культурном пространстве. Ваш Фестиваль демонстрирует не только историческую Память России, но и является ярким доказательством того, что национальные корни нашей страны глубоки и разносторонни. В этом ее сила и залог будущего процветания...

...Уверен, что Фестиваль, носящий имя великого Актера, всемирно известного Антифашиста, отдавшего жизнь своей стране и своему народу, станет мощным созидательным примером подлинного интернационального духа России.

сентябрь 2000 года

*Мэр Москвы
Юрий Лужков*

... Имя Михоэлса, этого великого сына нашего народа, известно и уважаемо во всем мире. Вклад его не только в искусство, но и в победу над фашизмом, останутся в памяти людей навсегда. Я знаю, что на предыдущих фестивалях Михоэлса выступали лучшие актеры из России и со всего мира. На этих фестивалях побывали десятки тысяч зрителей. Это Михоэлс объединил их вокруг себя и собрал вместе под шатер еврейского неба, которое едино для евреев, где бы они ни жили...

сентябрь 2000 года

*Главный раввин России
Берл Лазар*

...Имя Соломона Михайловича Михоэлса, одного из создателей Государственного еврейского театра, крупнейшего антифашиста мира стоит в одном ряду с выдающимися корифеями отечественной культуры...

...С.М. Михоэлс гениально ставил и играл Шекспира и Шолом-Алейхема. Его король Лир и Тевье-Молочник внациональны, а потому вечны.

Насыщенная программа, многоликий, многочисленный и многонациональный состав участников Фестиваля еще раз доказывают, что культурное пространство неделимо...

январь 1998 года

*Председатель Правительства Российской Федерации
Виктор Черномырдин*

...Великий мастер театра, выдающийся деятель еврейской культуры Соломон Михоэлс жил и работал в России. Его творчество явилось превосходным примером взаимодействия еврейской и русских культур, их способности существовать, взаимовлиять и обогащать друг друга. В числе многих выдающихся мастеров культуры Михоэлс олицетворяет все лучшее в нашем общем прошлом, предрекает пути к нашему общему будущему.

Большой заслугой Московского Международного Фестиваля искусств имени Соломона Михоэлса является то, что этот праздник как бы воедино собирает и представляет общественности России и Израиля многое из того, что рождается в живом и повседневном контакте наших искусств, стихийно тянущихся друг к другу.

Хотелось бы особенно отметить значение проводимой в рамках фестиваля Недели еврейского кино. Как ничто другое, фильмы, созданные в наших странах, могут способствовать взаимопониманию народов России и Израиля, помочь в преодолении существующих предубеждений, в обретении зрителями чувства общности наших судеб, общности всего того, что происходит на земле.

Русский зритель будет рад познакомиться с достижениями деятелей культуры Израиля. И это приобщение к достижениям его искусства, конечно же, поможет понять жизнь страны, ее духовный менталитет, ее проблемы, ее надежды.

Глубоко символично при этом, что никто не удивится, узрев, к примеру, в фильмах, созданных израильскими кинематографистами, отзвуки проблем, волновавших и волнующих мастеров российского кино, в судьбе которого неocenимую роль сыграли М.И. Ромм, Ю.Я. Райзман, И.Е. Хейфиц, С.И. Юткевич, Г.М. Козинцев...

сентябрь 2000 года

*Министр культуры Российской Федерации
Михаил Швыдкой*

...Всегда приятно видеть, как тот или иной народ чтит свои таланты. А еще приятнее видеть, что это делается открыто, без всевозможных умолчаний, без попыток что бы то ни было кому бы то ни было навязать. Ибо вместо жалких слов о «всемирном значении», которые всегда неясны (если всемирное значение есть, то об этом говорят иные народы, а если нет — и чествовать некого), говорится о смелом и сильном национальном таланте, воплощавшем свое, национальное. А мне уже приходилось говорить, что такое признание избавляет от массы недоразумений. Часто тот или иной критик накидывается на конкретную личность, не понимая, что это не личностные, а национальные черты, и если он их не воспринимает — значит, он просто чужд данной культуре — и пусть лучше к ней не подходит. Ясность — всегда замечательна!

Хорошо и то, что появилась книга, повествующая о трагической гибели этого талантливоего человека. В таких великих и страшных деяниях лучше открывается дух эпохи — и всегда есть чему поучиться. Революция, к сожалению, не всех еще научила, что за ней непременно, как ни старайся, появляется живодер...

Будем же хорошими учениками!!!

6 декабря 1998 года

*Председатель фракции ЛДПР в Государственной думе РФ
Владимир Жириновский*

...Демократизация общественной жизни, происходящая в последнее десятилетие в России, открывает широкую возможность для возвращения к народу все новых и новых имен выдающихся мастеров культуры, жертв тоталитарной эпохи. С. Михоэлс был и навсегда останется в памяти народа как талантливый актер, режиссер, активный борец против фашизма, невинно пострадавший в годы репрессий. Уверен, что Фестиваль его имени явится большим праздником искусства и послужит дальнейшему укреплению традиционной дружбы между народами Российской Федерации...

апрель 1999 года

*Президент Республики Татарстан
Ментимер Шаймиев*

...Участие в таком значительном и важном мероприятии — большая честь для каждого интеллигентного и просвещенного человека, искренне и от души ценящего богатое творческое наследие великого сына России — Соломона Михоэлса.

Гуманистические и интернациональные идеалы великого маэстро Михоэлса актуальны и непреходящи для нынешнего и будущих поколений человечества, свет его деяний будет долго освещать нелегкий путь мирового культурного сообщества к согласию и всеобщему просвещению.

Имея ввиду тот немаловажный факт, что жизнь многих людей, принявших участие в фестивале, связана с нашей солнечной страной — Молдовой и ее столицей — городом Кишинев, хотелось бы надеяться на то, что нити времен, связующие наши народы, не прервутся никогда, а будут только крепнуть.

Воистину, творчество великого маэстро Соломона Михоэлса не может принадлежать какой-то одной национальной культуре — оно универсально по своей сути.

Я искренне надеюсь, что Московский Международный Фестиваль имени Соломона Михоэлса послужит отправной точкой центростремительного процесса в культуре наших стран и народов, — и великие сыны России и Молдовы смогут передавать свой дар, почерпнутый из кладезя уникального творческого наследия замечательного артиста Соломона Михоэлса, нашим сыновьям и внукам.

январь 1998 года.

*Президент Республики Молдова
Петру Лучински*

...Во время вашего праздника интернационализма я прошу вас помнить, что любой путь к миру и процветанию может основываться только на уроках истории. Когда же мы размышляем о тех ужасах, которые вынесло европейское еврейство полвека назад, каждый из нас должен оглянуться назад, чтобы удостовериться, что история Холокоста известна и полностью понимаема в каждом уголке земного шара. Наследие павших должно быть возвращено будущим поколениям посредством таких событий, как Международный Фестиваль искусств имени Соломона Михоэлса...

апрель 1999 года

*Вице-президент США
Альберт Гор*

...Фестиваль, задуманный и названный в честь маэстро Михоэлса, внесшего неоценимый вклад в мировую и российскую культуру, собирает в столице самых ярких мастеров мировой сцены, чтобы снова воздать дань уважения и признания этому замечательному человеку, чья жизнь в искусстве стала примером для многих поколений, а его гуманистические идеалы оказались непреходящи и внеациональны.

Участие в таком значительном и важном мероприятии — большая честь для Международной группы компаний «ИТЕРА». Своей скромной лептой мы хотели бы содействовать сближению и просвещению народов разных стран.

«ИТЕРА», из года в год расширяющая масштабы своего бизнеса, в первую очередь, на рынке природного газа, в настоящее время работает в 24 странах мира. Мы активно поддерживаем проекты в области культуры, искусства, спорта, в том числе международного масштаба, и стремимся способствовать культурному и духовному объединению людей, живущих под разными национальными флагами, углублению чувства взаимной симпатии, согласия и уважения друг к другу. Надеюсь, что предстоящий Московский Фестиваль не только привлечет внимание деятелей культуры и искусства, но и доставит истинное наслаждение всем, кто окажется в эти дни в театрах и концертных залах столицы и прикоснется к наследию одного из самых оригинальных театральных мыслителей XX века.

Хотелось бы выразить свою самую искреннюю признательность и благодарность Генеральному директору Международного Фестиваля искусств имени Соломона Михоэлса народному артисту России Михаилу Семеновичу Глузу за приглашение войти в Попечительский совет Фестиваля...

сентябрь 2000 года

Генеральный спонсор

Московского Международного Фестиваля искусств имени С. Михоэлса

Президент Международной Группы компаний «ИТЕРА»

Игорь Макаров

...Этот ежегодный праздник искусств уверенно завоевывает широкое международное признание, собирая талантливых исполнителей из России и многих других стран.

Национальные корни России глубоки и многообразны, каждый культурный пласт — огромная ценность. Бережное отношение к традициям и творческому наследию народов нашей страны — необходимое условие стабильности и процветания в новом веке. Не сомневаюсь, что ваш Фестиваль, носящий имя замечательного актера и антифашиста, станет не только заметным событием, но и реальным вкладом в благородное дело укрепления межнационального мира...

сентябрь 2000 года

Президент Российской Федерации

Владимир Путин

Авраам Бург

Председатель Кнессета
Государства Израиль

Имя Соломона
Михоэлса, к сожалению,
не так уж много говорит
сегодняшним израильтянам.

Тораздо больше знакомы им те подвиги российско-еврейской культуры, которые, волей судьбы и смелых людских решений, оказались пересаженными на израильскую почву. Так, например, счастливее оказалась судьба еврейского театра «Габима», уехавшего из России в 1926 году и по сей день продолжающего жить и творить в Израиле. И тем не менее, невозможно недооценить особую роль и значение Михоэлса не только для российского еврейства и еврейства всего бывшего СССР, но и для нас, израильтян, и для всего еврейского народа.

Михоэлс, великий еврейский актер, один из виднейших еврейских деятелей, посвятил свою жизнь еврейской культуре, делу помощи еврейскому народу, призыву к борьбе с его злейшим врагом — фашизмом, а после Катастрофы он отдал все свои силы спасению, возрождению, реставрации того, что возможно было спасти из идишской культуры, непоправимо пострадавшей в годы Катастрофы.

Его талант, его самоотверженность и даже трагическая смерть, превратившая Михоэлса в символ страшной судьбы еврея, живущего в условиях тоталитаризма, способствовали утверждению самосознания советского еврейства — дискриминированного, порой гонимого, но имевшего то, без че-

го нет народа, — свою культуру и своих героев... В Советском Союзе Соломон Михоэлс, Вениамин Зускин, Давид Бергельсон, Перец Маркиш и многие, многие другие не смогли остаться только носителями культуры, — они превратились в мучеников, погибших за то, что были евреями, гордостью своего народа... И тем самым их значение в нашей истории несказанно выросло, и то, что сказал нам Михоэлс своей жизнью, ясно всем нам и всем последующим поколениям евреев несмотря на то, что от его творчества не осталось ни толстых томов печатных трудов, ни документальных фильмов, ни художественной школы... Осталась заповедь — жить и творить во имя своего — еврейского — народа. Он ценен для всего мирового еврейства, ибо и он внес свою лепту в то, что евреи СССР, важная составляющая мирового еврейства, смогли пережить 70 лет советской власти и не поддались последовательному искоренению своего национального существования.

А шейнес данк ойх, Михоэлс, и низкий тебе поклон от потомка немецких евреев, искреннего почитателя идишской культуры, который никогда не видел тебя ни в одной роли, но преклоняется перед самой важной, самой трагической твоей ролью — ролью в нашей истории.

Владимир Андреев

Народный артист СССР, профессор

«ЛЮБЛЮ СЕРДЦЕМ...»

Часто в памяти возникают школьные годы. Михоэлс играет сцену из «Короля Лира» в сборном концерте, в актовом зале еще старого помещения школы, где я учился на Домняковской улице. Объявляют Аллу Тарасову и Ивана Москвина со сценой из «Последней жертвы», а потом объявляют Михоэлса и Зускина...

Было удивительное время. Страшное, но вместе с тем удивительное. И нас, детей разных социальных положений, приобщали к искусству театра. Это было сразу после войны. Видимо, как и сейчас, даже великим Актерам нужно было подрабатывать. Родители с охотой несли деньги на эти концерты.

Помню темные стены в театре на Малой Бронной. Темные, мрачные стены, все вело только к сцене, все внимание было сосредоточено на сцене. Вспоминаю день похорон Михоэлса и море людей. Мы, молодые, как-то по-своему воспринимали весь трагизм этого события. Что-то не понимали, как, впрочем, и взрослые. Но чувство скорби в нас клокотало, несмотря на годы, несмотря на отсутствие подлинной информации.

Сегодня меня посещает мысль, что при всей совершенно очевидной политике запретов, уничтожения людей ненужных, опасных для официальной политики, все-таки мы — юные школьники, а потом — студенты, никогда не делили искусство на «наше» и «не наше». Я задаю себе вопрос — а почему Перец Маркиш, когда мне было 16 лет, вдруг стал моим любимым поэтом? Как это возникло? Меня никто к этому не приобщал. Я был обыкновенный, не особо ярко выраженной индивидуальности парень. Помню, шел однажды по Мясницкой и в газетном киоске вдруг увидел книжечку Пастернака, которая называлась «Рассвет». Взял ее, полистал и понес с собой. Стихотворение «Рассвет» я пронес через всю жизнь. Почему это возникало? Почему возникала какая-то особая влюбленность в Зускина? Еще только приобщаясь к театральному искусству в студии Дома Пионеров, думал — почему меня тянет к этому артисту, к его манере существования, к его индивидуальности? Почему вдруг рождалась какая-то особенная привязанность к живописи, графике, к сценографии Тышлера? Я

имел честь быть лично с ним знакомым. И сегодня часто смотрю на его маленькое полотно девушки с подносом. Эта девочка в пестром странном одеянии... какой-то только Тышлеру угодный фон, на котором вырисовывалась та или иная фигура. Чем эти предметы эстетики определенных индивидуальностей вдруг заставляли тебя становиться, банально выражаясь, культурнее, выражаясь точнее — становиться человеком, способным тонко чувствовать?

Для меня никогда не было необходимостью утверждать себя и говорить громче, чем надо, по поводу того, что я люблю этот вид искусства, что мне очень дороги представители еврейской культуры, без которых нет нашей общей мировой культуры. Можно вспоминать не только Пастернака-поэта, но и его отца — совершенно удивительного художника, мягкого, тонкого, пастельного, или — любоваться неповторимыми пейзажами России, созданными Исааком Левитаном, удивляясь, почему именно Левитану лиризм и печаль русская удавались значительно, талантливее, чем другим очень русским художникам, которые ярко выписывали красоты России. Мне это нужно не для того, чтобы утверждать — какой я хороший и как я люблю все, связанное с еврейской культурой. Но, по правде сказать, люблю, — причем не стараюсь вслух теоретически это обосновывать. Люблю сердцем. Говорю об этом, а вспоминаю двор на Большой Спасской, дом 15/17 — двор моего детства, вспоминаю разных детей — из малокультурных и культурных семей и эти общие квартиры. Не было странного ощущения оттого, что кто-то говорит на языке «идиш», а потом переходит на русский, а кто-то говорит на татарском. Была какая-то чистота отношений. И либо эта чистота остава-

лась в человеке, либо никогда не была ему сродни.

Затем были вечера в моем театре, на которых великий Михаил Аркадьевич Светлов читал свои новые стихи. Их не торопились публиковать, но в них ощущалось столько лиризма, столько любви. Помню его интонации, когда он читал, как «мальчики, мечта о победах, умчались в неизвестные края. Два ангела на двух велосипедах — любовь моя и молодость моя». Даже сейчас, будучи уже совсем пожилым человеком, когда я вспоминаю эти строки, — они пронзают душу, и я понимаю и чувствую, сколь талантлива была угасающая жизнь Светлова, рождавшая эти печальные и красивые стихи.

Я искренне благодарен этим представителям, подлинным представителям нашей российской культуры, людям еврейской национальности, которые вложили в эту культуру и в ее развитие столько, что если даже захочешь выбивать годами — не выбьешь. А какой русский язык, какой литературный русский язык, какое умение построить фразу и образы, какое умение страдать и чувствовать:

Я не держу. Иди, благотвори.

Ступай к другим.

Уже написан Вертер,

А в наши дни

и воздух пахнет смертью:

Открыть окно, что жилы отворить.

Давайте еще вспомним хотя бы поэму «Лейтенант Шмидт». Кто такой этот лейтенант Шмидт — полусумасшедший герой? Про другое писал Пастернак, — он писал о любви:

...Все отшумело. Вставши поодаль,

Чувствую всю силой чутья:

Жребий завиден. Я жил и отдал

Душу свою за други своя...

О ком он писал — о Христе или о себе, или это было просто завешание людям — вот как надо существовать? Какой слог, какое тонкое проявление

чувства и боли и, вместе с тем, веры и надежды! Это все вошло в меня так давно и не исчезает.

Именно поэтому я с особым трепетом и ответственностью отношусь к участию в Международном фестивале искусств им. С. Михоэлса. Я ощущаю, сколь необходим он в нашей культурной жизни не только для того, чтобы вспомнить того или иного великого деятеля культуры еврейской национальности, но и для того, чтобы напомнить людям, пока не поздно — вот что является культурой подлинной. Мы все иногда умеем и любим пошутить, услышать смешной анекдот или легкомысленную песенку о любви. Но ведь нельзя существовать только так. Ведь не только на «плюшевой юбочке» вырастает, создается человеческий тип. А те люди, о которых я говорил, — их список можно продолжить, — они относились к категории, которая была способна логически мыслить и страдать за других. Кстати говоря, эта фраза тоже принадлежит Пастернаку — «способность логически мыслить и страдать за других». А как грустно, наверное, предчувствуя финал, озорник, острый человек и громадный лирик Давид Самойлов писал:

*...И начинает уставать вода,
И это означает близость снега...*

И он же, говоря об усталости воды, которая также напоминает жизнь человеческую, писал:

*... О как я поздно понял,
зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
по жилам кровь живую
И что, порой, напрасно
давал страстям улечься,
И что нельзя беречься,
и что нельзя беречься...*

Видите, какой заряд оптимизма у этого человека, который мальчиком — солдатом, с плохим зрением пошел с верою защищать землю, на которой рожден? Защищал землю и правду. Он верил в правду Земли, Людей, — а не толпы. А рядом со всем этим — погибающий Мандельштам. Какая широкая амплитуда восприятия жизни и явлений. И как мы можем, мы — нормальные люди, мы — люди, которые берут на себя право называться людьми культурными (что следует делать всегда осторожно), — как мы можем вычеркивать все это из своей памяти, своих чувств, из запасов своих знаний и ощущений? И захочешь — не получится.

Аркадий Вайнер

Писатель

Михоэлс был огромен как Человек, и отсюда вытекают все остальные его таланты — актерский, режиссерский, общественно-политический.

Мне посчастливилось знать Соломона Михайловича, видеть его спектакли, многие я знал наизусть, благо я свободно владею идишем. Я видел гениального «Короля Лира». К сожалению, я не видел «Гамлета», — но использовал режиссерские разработки Михоэлса, когда писал книгу «Петля и камень в зеленой траве». Размышления Михоэлса о судьбе Гамлета позволяли объяснить взгляд великого режиссера на мир, на людей и на конфликты между ними.

В последние дни работы ГОСЕТа я любил гулять на втором этаже театра, любоваться замечательной выставкой и перечитывать список героев Советского Союза — евреев, отдавших свои жизни во время Великой Отечественной. Я слышал разговоры зрителей о том, что сюда становится опасно хо-

дить и что нужно поддержать артистов, покупать абонементы, чтобы помочь актерскому коллективу, получавшему мизерную зарплату. Очень скоро все кончилось, зверски расправились с Михоэлсом, убив его в Минске, во время посещения им, членом комитета по Сталинским премиям, театра. Был арестован и варварски замучен друг Михоэлса — великий артист Зускин. Театр был уничтожен.

Величайшая гражданственность Соломона Михоэлса, его интернационализм были главными проявлениями его натуры. Он доказывал это всем своим творчеством и работой в Еврейском антифашистском комитете, который возглавлял. Уничтожив его, — обезглавили Комитет, а затем не менее жестоко расправились с остальными его членами.

Лир — С.М. Михоэлс.
Набросок А.Г. Тышлера. 1942

Иосиф Кобзон

Народный артист СССР, профессор

Трагическая судьба
Михоэlsa — зеркало
эпохи, в которой он жил,
часть нашей эпохи
и каждого из нас.

Сегодня, спустя более полувека, я хочу поблагодарить Соломона Михоэlsa за то, что он остался жив в нашей памяти, в памяти тех, кто придумал и организовал фестиваль его имени. Не каждому Художнику выпадает исторический шанс остаться в памяти поколений и стать источником вдохновения для новых творческих свершений. Лучшие театры и концертные залы страны предоставили свои сцены для всего самого прекрасного, что создано Мастерами еврейской культуры всего мира.

В первом приветствии I Фестивалю им. Михоэlsa Первого Президента

России Бориса Ельцина была фраза: «Надеюсь, фестиваль станет традиционным». Она стала пророческой. Фестиваль стал традиционным. Он вошел в современную культурную жизнь России и прочно занял свое место.

Московский Международный Фестиваль искусств имени Михоэlsa положил начало новому витку развития еврейской культуры. В наше нелегкое время, когда духовность общества достигла, на мой взгляд, низшей критической точки, этот Фестиваль делает небывалое для объединения людей всего мира, возвращения их исторической памяти, развития культуры.

С. Михоэls. Киев, 1926
(рисунок Натана Альтмана)

Владимир Васильев

Народный артист СССР, профессор

Фестиваль имени
Соломона Михоэлса —
это наше покаяние.

Важно, что оно впервые прозвучало на сцене Большого театра. Лучшие артисты современности, которые очень много сами сделали в искусстве, отдают дань памяти великому Художнику XX века. Историческая правда и культура не имеют националь-

ности. Михоэлс был великий Гражданин. Мастера культуры разных национальностей за весь русский народ принесли покаяние великому Михоэлсу.

Я надеюсь, что планка, поднятая на открытии I Фестиваля им. Михоэлса в Большом театре, не опустится никогда.

Юрий Башмет

Народный артист СССР

Имя Михоэлса
я впервые услышал
от своей мамы.

Это было в далеком детстве, во Львове, говорилось все шепотом, с надеждой на мою сообразительность. Тогда мне было ясно одно: это имя связано с политикой и с нашей национальностью. Позже, когда я попал в Москву, я стал интересоваться подробнее творчеством этого покрытого тайной человека. Большею частью я, конечно, узнавал о Михоэл-

се по рассказам тех, кто бывал в его театре и видел его на сцене. Но для меня рассказы о Михоэлсе таких Художников, как Нина Дорлиак, Дора Борисовская, значили очень много. Всегда была некая недосказанность, когда речь заходила о Михоэлсе. Имя продолжало оставаться под запретом долгие годы. И то, что Московский Международный Фестиваль имени

Михоэлса не просто вернул этому имени его историческое место, но и стал знаковым событием в еврейской мировой культуре, — очевидно.

У каждого из нас в крови есть, мне кажется, гены этого великого Художника. И не только потому, что он был евреем. Ведь Чайковский нам дорог не потому, что он был великим русским композитором. Он велик тем, что сумел сконцентрировать, превратить в формулу главные человеческие чувства. И здесь становится неважным, какой национальности Гений. Не стоит говорить, что Михоэлс — великий еврей! Так же, как Чайковский создал общечеловеческую музыку, — Михоэлс создал общечеловеческие образы!

Почему Михоэлса уничтожили? Потому, что он был той мощной силой, которой боялась система, опиравшаяся на серость. Он был ракетоноси-

телем, тем реактивным топливом, которое взрывоопасно. Думаю, что этот человек, приняв смерть, принял, если хотите, грехи и вину многих людей. По русским, церковным обычаям он достоин канонизации. Но вместо этого мы храним его в своем сердце, его творчество вдохновляет нас, и мы посвящаем ему новые произведения.

Самое ужасное для меня, когда великий человек становится объектом спекуляции. И мы много раз были тому свидетелями. Я счастлив, что этого не происходит с именем Михоэлса, что фестиваль его имени продолжает демонстрировать высокий уровень мастерства исполнителей и открывает новые страницы их творчества. Пусть и дальше Великий Соломон Михоэлс остается для нас той «духовной бациллой», без которой мы не сможем жить и творить.

Борис Эйфман

*Народный артист России,
художественный руководитель
С.-Петербургского Театра балета*

Для меня творчество и жизнь Михоэлса — это миф, который живет в каждом из нас и дает нам возможность создавать свои произведения и образы.

Творчество подобных гениев не то чтобы непосредственно влияет на последующие поколения, — оно словно витает в ауре, в космосе, который нас окружает. Мы питаемся этими духовными прорывами. Если бы не было этой Личности в нашем творческом пространстве, в нашей истории, мне кажется, и моя творческая судьба сложилась бы иначе. Может быть, я не создал бы «Мой Иерусалим».

Я очень рано начал сочинять хореографию и почувствовал свое предназначение. Я провожу большую часть своей жизни в балетном зале. И для меня крайне важны такие мощные импульсы, как Международный Фестиваль искусств имени Михоэлса. Он поднимает особые пласты культуры и затрагивает особые грани наших душ.

Евгений Евтушенко

Поэт,
лауреат государственных
премий СССР

Есть что-то
закономерное в том,
что Международный
Фестиваль имени Соло-
мона Михоэлса был задуман
и начал свою жизнь
в конце века.

*Первое исполнение стихотворения
на открытии I Фестиваля
им. С. Михоэлса в ГАБТе*

Видимо, нельзя было не покаяться
перед всеми теми, чьи судь-
бы решались, в том числе, в ло-
жах Большого театра, который через
полвека стал алтарем этого покаяния.
Благодаря этим фестивалям мы всту-
пили в XXI век очистившимися перед
памятью великого Михоэлса и всех
тех, кто был уничтожен после него.

ШЕКСПИР О МИХОЭЛСЕ

Какая разница вам,
Кем был я,
Шекспир, -
мужчина,
женщина,
актеришка,
вельможа.

Не королевская,
не сталинская ложа —
галерка равных для меня весь мир.
Я — англичанин?

Что-то непохоже.
Истлела моя аглицкая кожа.
Я всеми стал.
Я стал древней,
моложе.

Я — каждое лицо,
личина,
рожа.

Я — русский Гамлет.
Я — еврейский Лир.
Меня играли разные актеры
и допускали фальшь или повторы,

скользя, как по паркету полотеры,
по тексту окровавленному пьес.
Но были и актеры,
кто матеры.

Кровь убиенных шла у них
сквозь поры
так, что рыдали даже билетеры,
и был актер особенный,
который

Шекспира не играл —
им жил, как Торой,
жил по Шекспиру волею небес.
Шишкаст был его лоб,

почти мозолист.
Гамлето-Лир по имени Михоэлс,
он Гамлета, к несчастью, не сыграл.
Но лишь глаза мои
в него всмотрелись,
я вздрогнул от предчувствий —
даже «Фрейлехс»
вокруг него перерастал в хорал.

Он лысенкий был,
с реденьким начесом,
с приплюснутым,
почти боксерским носом,
но красотой гения красив.
Край сцены стал
смертельнейшим откосом,
и с гамлетовским
внутренним вопросом
он сам шагнул навстречу
тем колесам...

Эпоха грязным, грузным труповозом
его не пожалела,
раздавлив.

Любой палач
с душой, как преисподня,
есть извращенье замысла Господня.
В России,
где тиран сменял тирана,
огромной сценой стала вся земля
шекспировско-российского театра —
но Пушкин —
вот ее Шекспир —
не я.
В России все актеры —
крепостные,
да и сама она —
Шекспироссия —
актриса крепостная в железах.
Она — то в роли матери,
то мачехи.
В глазах скорбящих у нее не мальчики,
а гении кровавые в глазах.
Зачем я стал Шекспир?
Зачем все в мире видно
мне сквозь гробы и лбы,
сквозь рябь газет?
У власти кто?

Те, за кого нам стыдно.
Тех, перед кем нам стыдно,
с нами нет.
Себе быть на уме —
Трусливая тюрьма.
Дай бог нам смелости,
Чтобы сойти с ума!
Прости, Михозлс...
От чужого пира
осталось лишь похмелье...
Пусто, сиро...
Я ухожу...
Михозлс, там, вне мира,
найди мне чистый угол помощи.
Я слишком стар.
Я сломан, как рапира.
Но в новом веке
нового Шекспира
Я слышу командорские шаги!
4-5 января 1997 г.

Это стихотворение впервые было прочитано 5 января 1998 года в Большом театре в день открытия Фестиваля им. Михозлса.

Роман Карцев

Народный артист России

Фестиваль —
событие и радостное,
и горестное.

Не так давно мы посвящали его 50-летию гибели Соломона Михозлса, сегодня — 50-летию расстрела Еврейского антифашистского комитета, которым он руководил.

Я учился у дочери Михозлса — Нины Соломоновны. Она — блестящий режиссер и педагог — преподавала в ГИТИСе. Я много читал об этом уни-

кальном человеке, блестящем Актере и всячески, как мог, интересовался его творчеством. Многие мне рассказывала мама. Михозлс приезжал в Одессу с «Королем Лиром», и зал в потрясении замирал, когда он выносил свою мертвую дочь Корделию на вытянутых руках. Этот маленького роста человек обладал огромной физической и духовной силой.

Наталья Гундарева

Народная артистка России

Меня всегда завораживала
Личность Михоэлса, и я
задавалась вопросом,
как ему удалось оставить о
себе такую память
не только среди еврейской
интеллигенции.

Ведь он играл все свои роли и ставил спектакли на идише. И мне казалось, эта специфика могла ограничивать понимание его творчества. Но когда я читала воспоминания о Михоэлсе таких великих Мастеров русского театра, как Уланова, Завадский, Козловский, Качалов, Москвин, и многих других, я понимала, что было в нем нечто такое, что

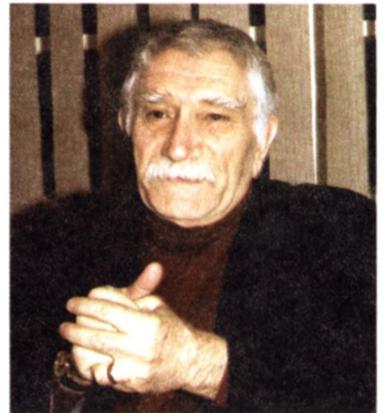
позволяло этому Гению быть доступным и равновеликим для всех.

Моя мечта о том, чтобы фестиваль, носящий имя Михоэлса, стал периодичным, — сбылась. Ведь я все время думаю — мы так мало знаем друг друга, а этот фестиваль вовсе не ограничивает круг общения одной национальностью. В искусстве, в творчестве это так важно.

Армен Джигарханян

Народный артист СССР

Михоэлс — Явление.
Не актер, не общественный
деятель, — а явление,
которое Бог периодически
дарит миру.

Иэто не дежурные слова. Человечество нуждается в таких личностях. Они приходят и уходят, а мы еще долго продолжаем жить в ауре, в славе, в легендах, которые нам эти личности оставили.

К сожалению, кроме картины «Цирк», я ничего сыгранного Михоэлсом не видел. Но меня потрясают истории, которые я часто привожу в пример, в том числе, своим ученикам. Это примеры, характеризующие под-

линного Художника. «На одном крупном совещании по театральному искусству МХАТ, как главный лидер, задавал тон. Выступал Владимир Иванович Немирович-Данченко, говорил о значении МХАТа, его роли в театральном процессе и чуть пожурил другие театры за то, что они не учатся у главного театра страны. Тогда выступавший следом Соломон Михайлович, обратившись к Немировичу-Данченко, спросил: «А у кого учится МХАТ?» «У жизни», — ответил классик русского театра. Тогда Михоэлс, улынувшись, вновь задал вопрос: «Почему же Вы запрещаете нам пользоваться первоисточником?»

Другая история о том, как Михоэлс и Раневская шли по улице, а по про-

тивоположной стороне, навстречу им, шел какой-то человек, которого Фаина Георгиевна не любила. Она начала высказывать что-то по этому поводу Михоэлсу: «Вот вы же, — обратилась она к Соломону Михайловичу, — совершенно другое дело! В Вас же Бог живет!» Тогда Михоэлс ответил, что «если Бог и живет во мне, то его в меня сослали»...

Есть Пушкин, есть Моцарт. Это не просто поэт и композитор. Это Явления высочайшего порядка. К этой категории относится и Михоэлс. А истории с уникальным юмором — штрихи к его портрету. Но, конечно, самый большой памятник ему — это Фестиваль искусств его имени.

Клара Новикова

Народная артистка России

Для меня Фестиваль имени Михоэлса — возвращение к корням. К тем самым, которых нас десятилетия пытались лишить.

Это возвращение памяти нашему народу, возвращение истоков нашей культуры, которую от нас тщательно скрывали.

Сама фигура Михоэлса часто возникает в памяти образом трогательного мужчины с удивительно лучистым лицом из кинофильма «Цирк» с маленьким ребеночком на руках. Михоэлс — это вырезанные кадры из того же фильма, это шепот наших родителей о том, что случилось с этим человеком, с его театром, с Еврейским антифашистским комитетом.

Времена, когда невозможно было без страха назвать свою истинную фамилию, кажется, навсегда канули. Даже наоборот — сегодня становится модно быть евреем. Слава Богу, что мы всенародно отмечаем Хануку и Пурим, а мэры Москвы самолично зажигают ханукальную свечу. Но фестиваль — событие не политическое, а культурное, и организаторы его — не политики, а деятели культуры. Конечно, хотелось бы пораньше стать свидетелем этого торжества еврейской музыки, театра, танца,

всего того, что демонстрирует Фестиваль. Но лучше поздно, чем никогда!

События Фестиваля возвращают меня в детство, когда мама отвозила меня на каникулы не в пионерский лагерь, а в еврейское местечко, где проходила когда-то черта оседлости. Я вспоминаю идиш, на котором прекрасно говорили мои родители, на котором играл Великий Михоэлс. Я вспоминаю, как впервые я увидела Торру, которую читала, заправив косыночку за уши, баба Мотя. Я застала удивительных еврейских стариков. Это были хранители культуры, хранители интонаций. Это были абсолютно шолом-алеихемские образы, те самые, наверное, которые создавал актерский и режиссерский гений Михоэлса.

Фестиваль — это наша живая память. Пока жива она, жива наша Культура, жива страна, в которой мы родились и в которой состоялось наше творчество.

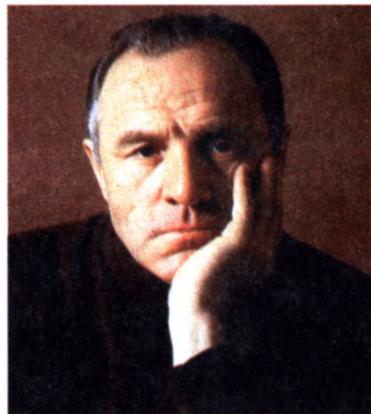
Фестиваль — это наше будущее, потому что без прошлого нет будущего. Я счастлива, что наши дети становятся свидетелями таких событий, таких праздников искусства. И в том числе моя дочь, которая, кстати, удивительным образом узнала о своей национальности. На одном из концертов, пока я выступала, она решила изучить содержимое моего паспорта. Не успела я сойти со сцены, как она подскочила ко мне с широко открытыми глазами и с ужасом спросила: «Мама, ты еврейка?». Я никогда не скрывала этого, конечно, но не принято было так уж широко распространяться о своем народе, о его культуре, об обрядах.

Фестиваль имени Соломона Михоэлса предоставляет возможность как артистам, так и зрителям сохранять и развивать то лучшее, что создано на протяжении веков нашими предками.

Михаил Ульянов

Народный артист СССР

Михоэлс для меня, конечно, прежде всего, гениальный исполнитель роли Тевье-Молочника — роли, которая мне также была дарована судьбой.

Эта особая роль по той простой причине, что подобных ролей мне никогда не приходилось играть, я играл русских героев, вождей, полководцев, политиков. И вдруг — простого еврейского крестьянина Тевье. Я влюбился в этот характер, я в нем выразил любовь к таким философам, «человекам» простым, обычным

и, в то же время, не обычным, потому что жизнь не простая, а трудная, а он ее принимает как благо, не сгибаясь, продолжая выискивать все прекрасное, все лучшее, все праздничное, все веселое, что есть в окружающей его жизни. Это, как мне кажется, черта еврейского народа — сопротивляться всегда и везде, и всему, начиная от не-

посильного быта — и кончая муками геноцида.

Роль Тевье мне еще дорога тем, что в ней есть отзвуки работы великого Соломона Михайловича. Не скрою, я получал письма, где мою работу сравнивали — иногда в мою пользу, иногда не в мою — с работой Михоэлса. Я не смею сравнивать себя с великим Актером, но не скрою, что для меня было высшей наградой, если говорили: «Вы на уровне Соломона Михоэлса играли Тевье-Молочника». Насчет уровня не знаю, но то, что эта роль готовилась мной как бы с оглядкой на великое исполнение Тевье Михоэлсом, — абсолютно точно.

Фестиваль Соломона Михайловича Михоэлса — это, как мне кажется, справедливая поздняя дань уважения, преклонения перед великим Артистом человечества. Это некая преемственность поколений, школы, если хотите, течения того духовного потока, о котором писал друг Михоэлса — великий поэт Перец Маркиш — после его смерти. Писал, не предполагая, что через несколько лет его, соратника и друга Михоэлса по Антифашистскому комитету, настигнет та же рука самого страшного идола XX века. Но по сей день звучат посвященные Михоэлсу строки:

...Течет людской поток —
и счета нет друзьям,
Скорбящим о тебе
на траурных поминах.
Тебя почтить встают
из рвов и смрадных ям
Шесть миллионов жертв,
запытанных, невинных.

Ты тоже их почтил, как жертва пав за них
На камни минские, на минские сугробы,
Один, среди руин
кварталов ледяных,
Среди студеной тьмы
и дикой вьюжной злобы.

Шесть миллионов жертв...
Но ты и мертвый смог
Стать искуплением
их чести, их страданий.
Ты всей земле швырнул
кровавый свой упрек,
Погибнув на снегу,
меж обгорелых зданий.

Рекой течет печаль.
Она скорбит без слов.
К тебе идет народ
с последним целованьем.
Шесть миллионов жертв
из ям и смрадных рвов
С живыми заодно
тебя почтят вставаньем...

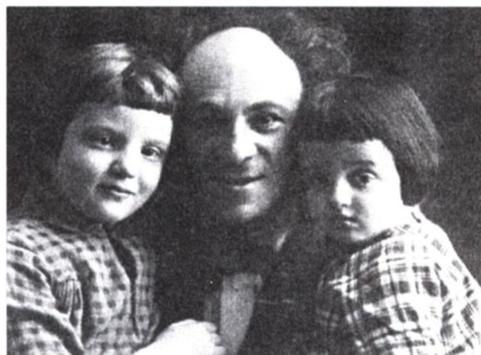

*Тевье-молочник — С. Михоэлс,
Голда — Л. Ром.*

Нина Михоэлс

Режиссер, профессор театральной школы «Бейт-Цви» (Израиль)

Когда мы узнали, что в Москве будет проводиться фестиваль имени нашего отца, мы как-то внутренне содрогнулись: папа избегал дней рождения, юбилеев.

С. Михоэлс с дочерьми Ниной и Талой

Говорить о скромности человека, может быть, нескромно, но он себя исключал из всяких «тусовок», если говорить сегодняшним языком. Мы ошущали невероятное напряжение за отца и колоссальное чувство ответственности. Как можно рассказать об актёре через 50 лет после того, как он сошёл со сцены? Это не писатель, не художник, не композитор. Актёр уходит в тот момент, когда он покидает сцену. Но к нашему великому счастью наши опасения не оправдались. Произошло чудо.

Наверное, это было заложено в отце. Он всегда отказывал нам, но никогда не отказывал во внимании бесконечному количеству людей, которые обращались к нему без всякой связи с театром. Однажды я записалась к нему на приём, подошла моя очередь, он увидел меня и сказал: «А, это ты... Увидимся в два часа ночи». И действительно, мы встретились в два часа ночи, но он так был выжат к этому времени, что мы с сестрой старались молчать и не тревожить его покой.

Я не могу сказать, что папа нас воспитывал, мы просто жили его жизнью. Когда мне было шесть лет, у нас умерла мать. Отец стал нашей мамой, а времени для этого у него не было, поэтому воспитание шло по телефону. Но мы пропитаны его критериями. Мы жили на Тверском бульваре, в доме 12, на первом этаже, в общей квартире. Это была папина квартира. Я думаю, он был единственным народным артистом СССР, который жил в общей квартире. И не по безумной скромности, а по принципу: до тех пор, пока его актёры не получают возможности жить в нормальных условиях, он категорически отказывался по-

лучать квартиру. Единственное, о чем он попросил, когда мы переезжали в 1935 году с улицы Станкевича на Тверской бульвар, — это чтобы квартира была рядом с театром. У него никогда не было машины, а пройти с Тверского бульвара на Малую Бронную в театр можно было пешком. Это было единственное благо и удобство.

Двери нашего дома были открыты почти круглосуточно. Встречи с уникальными людьми того времени были неотъемлемой частью папиной жизни. Расскажу об одном случае общения. Как-то к папе пришли в гости Роберт Фальк и Юрий Завадский, это был конец 1946 года. Моя функция состояла в том, чтобы подавать кофе. Они просидели часа два. Потом Фальк встал и сказал: «Огромное спасибо тебе, Соломон. Мы так хорошо поговорили!» Они практически не сказали за эти два часа ни единого слова... Это была форма мышления и существования в тех условиях. Папа невероятно страдал от бесконечных общественных поручений, интервью — всего того, что не касалось его театральной жизни. Он говорил, что ему надоело быть свадебным генералом. Его постоянно приглашали на встречи со знаменитостями того времени. Он никогда не готовился к выступлению, контакт начинался в момент встречи с аудиторией.

Я не могу отделить отца от русской культуры. Он — неотъемлемая часть и плод её. Он был воспитан и состоялся благодаря богатейшей разносторонней русской театральной школе. Папа всегда говорил нам, что одна культура не в состоянии быть богатой без обогащения другими культурами. И я всегда помню об этом.

Международный еврейский журнал

НОВЫЙ ВЕК

№ 2,

сентябрь 2002

העמותה לקליטת עליה בחיפה

רח' י. ל. פרץ 20 חיפה 33041

ספריה

17

מס'

Они поведали журналистам, многие из которых, похоже, впервые в жизни услышали эту странную аббревиатуру «ЕАК», о трагической странице отечественной истории и ее последствиях. А.Н. Яковлев, которому наша новейшая история столь многим обязана, искренне недоумевал по поводу безразличия российских властей к явно возрождающемуся неонацизму. Его голос перекликался с израильянином К. Унгером, который также, проводя исторические параллели, говорил о политической изоляции евреев в борьбе против исламского терроризма.

Участники конференции на Донском кладбище у мемориала жертвам сталинского террора

Памятный день продолжился на Донском кладбище у общей могилы расстрелянных членов ЕАК с безликим советским названием «Захоронение №3». Здесь и было зачитано письмо мэру столицы с просьбой содействовать в установлении на общей могиле стелы с именами жертв сталинского террора. Собрались бывшие узники гетто, члены общества «Мемориал», представители правозащитных и еврейских организаций и российской общественности, родственники расстрелянных. Вновь заговорили о вспышках антисемитских настроений и пассивности общественности. «Страшно жить, — прозвучало из уст родственницы погибшей Ч. Ватенберг, — на днях в метро националист ударил меня и сына по голове и кричал нам в лицо о своей ненависти».

Эхо истории донеслось до наших дней, когда было объявлено об объединении ряда правозащитных организаций в единый Антифашистский комитет. Не хочется верить, что история вновь накажет нас за нерадивость. Не лучше ли, пока не поздно, заглянуть в ее Учебник?..

Слева направо: участники конференции А. Яковлев, В. Оскоцкий, И. Бегун

Ирина Горюнова

Не королевская,
Не сталинская ложа -
Галерка равных для меня весь мир.

...

Я - русский Гамлет.
Я - еврейский Лир

Евгений Евтушенко "Шекспир о Михаэксе"

